Российская академия наук Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 4 2022 Апрель

Основан в феврале 1927 г. Выходит 12 раз в год ISSN (Print) 1026-9452 ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927—1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930—1931 гг.)
«Советское государство» (1932—1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. — первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. — по н/в)

Журнал издается под руководством Отделения общественных наук РАН

Главный редактор М.И. Клеандров, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (председатель);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения); Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.; А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия); Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (главный редактор); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (заместитель главного редактора); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан); Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия); Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10 тел.: +7 (495) 691-87-34 e-mail: gospravo@igpran.ru; http://gospravo-journal.ru/

Москва

Russian Academy of Sciences Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 4 2022 April

Published since February 1927 Monthly Publication (12 Times a Year) ISSN (Print) 1026-9452 ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi, on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia); Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law; M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law; E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan); V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus); Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (Editor-in-Chief); N.V. Krotkova, PhD in Law (Vice-Editor-in-Chief); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law; E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law; I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law; Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law; A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation tel.: +7 (495) 691-87-34 e-mail: gospravo@igpran.ru http://gospravo-journal.ru/

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2022	
Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности	
Е.В. Виноградова	7
ФИЛОСОФИЯ ПРАВА	
Нравственное государство: реальность и перспективы	
А.И. Левченков, В.А. Глазков	13
АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА	
К.Г. Юнг: коллективное бессознательное и германский национал-социализм	
В. Н. Жуков	21
дискуссии и обсуждения	
Фундаментальное исследование Нюрнбергского процесса Заметки на полях (статья-рецензия на монографию А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект, 2021. — 760 с.»)	
В. В. Гаврилов, А. И. Коробеев	35
Нюрнбергский процесс и современное уголовное право (по мотивам книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»)	
Ю.В. Грачёва, Г.А. Есаков	42
ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Территориальная избирательная комиссия федеральной территории «Сириус» как публичный орган с особым статусом	
Н.Ю. Турищева	47
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО	
Мораторий в российском гражданском праве: природа, особенности применения и перспективы развития регулирования	
А.В. Габов	56
УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	
Антимонопольный комплаенс как средство предупреждения нарушений в сфере ограничения конкуренции	
А.В. Овчаров	79
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС	
Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность	
М.Н. Кобзарь-Фролова	90
Административно-правовое обеспечение «зеленой» экономики в России Л.Н. Сморчкова	103

ПРАВО И ЭКОНОМИКА	
Междисциплинарный подход в исследованиях социально-правовой ответственности бизнеса методологические проблемы	:
Р.И. Газизуллин	111
ПРАВО И МЕДИЦИНА	
Биоэтический комитет как институт социального контроля за технологическими инновациями в медицине: правовой анализ	
В. В. Лапаева	121
ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
Справедливость правосудия: опыт Международного уголовного суда и его значение для развития национальных систем уголовной юстиции	
С.Ю. Кораблева	135
В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОГ	O3A
Судебная политика России и Казахстана: экологические споры и нормативноправоприменительные механизмы их разрешения	
Е.А. Инамова, С.А. Семикина, А.Н. Юсупова	143
ЗА РУБЕЖОМ	
Институт сертификата акции по праву Нидерландов	
А.С. Автономов	154
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
Новые формы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве $\emph{O.A.}$ Галустьян, $\emph{A.Г.}$ Соломатина	166
Основы международно-правовой ответственности за ущерб, причиненный военными преступлениями	
М.Ю. Эйюбова	171
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Погружение в глубины правосудия М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость	
С.М. Амосов	176
Правосудие и справедливость М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость	
A . Π . Φ оков	179
Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для бакалавриата / отв. ред. В.В. Невинский	
А.Д. Керимов	183

CONTENTS

Number 4, 2022	
Modern Russian statehood. The counterforce of international sanctions and constitutional identity E.V. Vinogradova	7
PHILOSOPHY OF LAW	
The moral state: reality and prospects A.I. Levchenkov, V.A. Glazkov	13
ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY OF LAW	
K.G. Jung: collective unconscious and German national socialism V.N. Zhukov	21
DISCUSSIONS AND DEBATES	
Foundational research on Nuremberg trial Notes at the margins (article-review of A.N. Savenkov's monograph "Nuremberg: A Verdict for name of Peace. Moscow: Prospekt, 2021. – 760 pp.") V.V. Gavrilov, A.I. Korobeev	35
Nuremberg trial and contemporary Criminal Law (based on A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for name of Peace") Yu.V. Gracheva, G.A. Esakov	42
SELECTIVE LAW	
Territorial Election Commission of the federal territory «SIrius» as a public body with a special status N. Yu. Turishcheva	47
CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW	
Moratorium in Russian Civil Law: nature, application features and prospects of development regulation <i>A.V. Gabov</i>	56
STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY	
Antimonopoly compliance as a means of preventing violations in the field of competition restriction <i>A.V. Ovcharov</i>	79
ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS	
Administrative legal relationship: evolution of views on the concept and essence <i>M.N. Kobzar-Frolova</i>	90
Administrative-legal support of the "green" economy in Russia L.N. Smorchkova	103
LAW AND ECONOMY	
Interdisciplinary approach in researching social and legal business responsibility: methodological problems R.I. Gazizullin	111

LAW AND MEDICINE	
The bioethical committee as an institute for social control of technological innovations in medicine: law analysis	
V.V. Lapaeva	121
LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS	
Justice: experience of the International Criminal Court and its importance for the development of national criminal justice systems	
S. Yu. Korableva	135
IN THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION	
Judicial policy of Russia and Kazakhstan: environmental disputes and regulatory and law enforcement mechanisms for their resolution	
E.A. Inamova, S.A. Semikina, A.N. Yusupova	143
ABROAD	
Stock (share) certificate legal institution in the law of the Netherlands	
A.S. Avtonomov	154
SCIENTIFIC REPORTS	
New forms of using information technologies in criminal proceedings	
O.A. Galustyan, A.G. Solomatina	166
Fundamentals of international legal liability for damage caused by war crimes	
M. Yu. Eyyubova	171
CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY	
Diving into the depths of justice M.I. Kleandrov. Justice and justice	
S.M. Amosov	176
Justice and justice M.I. Kleandrov. Justice and justice	
A.P. Fokov	179
Constitutional (State) Law of foreign countries: textbook for undergraduate studies / res. ed. V.V. Nevinsky	
A.D. Kerimov	183

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ. КОНТРФОРС МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ И КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2022 г. Е. В. Виноградова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: evigpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 10.03.2022 г.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция российской конституционной идентичности в условиях международных санкций. Развиваясь в системе общепризнанных принципов правовой государственности, Россия, подвергаясь жесткому санкционному давлению, демонстрирует приверженность конституционно значимым ценностям, сохраняя суверенитет во внешней и внутренней политике. Разнонаправленность интегрирующих Россию в мировое сообщество и предполагающих необходимость сохранения государственной независимости сил актуализирует важность исследования конституционной идентичности. Нахождение теоретической модели баланса между двумя противостоящими силами — весьма непростая задача, и здесь противодействующая сила — контрфорс создает фундамент для устойчивости взаимодействия, поддерживая и укрепляя сложную многоуровневую систему, устойчивость элементов которой предопределяет эффективность современной российской государственности.

Ключевые слова: государственный суверенитет, международные санкции, конституционная идентичность, контрфорс.

Цитирование: Виноградова Е.В. Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности // Государство и право. 2022. № 4. С. 7–12.

DOI: 10.31857/S102694520019615-7

MODERN RUSSIAN STATEHOOD. THE COUNTERFORCE OF INTERNATIONAL SANCTIONS AND CONSTITUTIONAL IDENTITY

© 2022 E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: evigpran@igpran.ru

Received 10.03.2022

Abstract. Developing in the system of universally recognized principles of legal statehood, Russia, being subjected to severe sanctions pressure, demonstrates commitment to constitutionally significant values while maintaining sovereignty in foreign and domestic policy. The divergence of forces integrating Russia into the world community and assuming the need to preserve state independence actualizes the importance of studying constitutional identity. Finding a theoretical model of balance between two opposing forces is a very difficult task, and here, the opposing force — the counterforce, creates the foundation for the stability of interaction, supporting and strengthening a complex multi-level system, the stability of the elements of which determines the effectiveness of modern Russian statehood.

Key words: state sovereignty, international sanctions, constitutional identity.

For citation: Vinogradova, E.V. (2022). Modern Russian statehood. The counterforce of international sanctions and constitutional identity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 7–12.

Среди базовых конституционных институтов. формирующих современную государственность, важное место принадлежит суверенитету, который, раскрываясь через концепции идентичности в каждом государстве, создает уникальные модели. Интегративная связь суверенитета с необходимостью поддерживать должный уровень международных отношений образует систему, элементы которой подвержены разновекторному влиянию. Российская модель государственного суверенитета, трансформируясь под влиянием как внутренних преобразований, происходящих в последние годы, так и в жестком противостоянии международным санкциям, балансирует между двумя противостоящими силами. Это достаточно сложная задача, которая обусловливает поиск новых форм взаимодействия. Здесь, как и в архитектуре контрфорс (от франц. contreforce – противодействующая сила), противодействующие силы поддерживают и укрепляют основную несущую конструкцию – эффективную современную российскую государственность. Актуальность исследования элементов этой контрфорсной системы – государственного суверенитета и агрессивного наднационального влияния очевидна в период кризиса системы международных отношений.

Исследование правовой природы суверенитета предопределяет его концепцию как элемента, атрибутирующего независимость государства. В рамках этого подхода хотелось бы сформулировать положение о том, что не все существующие в науке конституционного права виды суверенитета - государственный, народный, национальный и суверенитет личности всегда реализуются в направлении, поддерживающем существующую политико-правовую реальность в том или ином государстве. Государственный суверенитет, проявляющийся в независимой внутренней и внешнеполитической деятельности, и народный суверенитет как парадигма власти народа, реально участвующего в управлении делами общества и государства, направлены на укрепление суверенной государственности. Рассуждая о национальном суверенитете как идее полновластия нации, её политической свободы, можно предположить, что в нем видится потенциал размывания государственности. Концепция же суверенитета личности, получившая нормативное закрепление, в своем экстремуме абсолютизирует идею автономной личности, интересы которой зачастую презюмируются выше государственных.

Развивая в XVI в. идею государственного суверенитета, Ж. Боден, аргументируя признание автономности, обосновал возможность власти, предоставленной монарху как носителю суверенитета, дарованной Богом. Противопоставляя власти монарха как носителя самодержавной власти власть народа, Ж.-Ж. Руссо в XVIII в. предложил

концепцию народного суверенитета в качестве части доктрины общественного договора. В современном понимании это положение закрепляется в основных законах государств в модели «народ единственный законный носитель верховной власти». Народный и государственный суверенитет не предполагают противопоставления в рамках идеи независимой государственности. Выдающийся российский ученый А.С. Алексеев писал, что «государство есть оседлый народ, организованный в самостоятельное целое под единой верховной властью» ¹. В отличие от национального суверенитета, основанного на идее права нации на самоопределение, правовое содержание которой определяется тезисом о политической свободе нации, ее праве выбирать принципы взаимодействия с другими нациями и даже организационно-правовую модель государственности. Исследователи отмечают², что изначально не присущие любой нации гарантии суверенитета могут обеспечиваться государством, на определенном историческом этапе они становятся правом нашии и частью государственного суверенитета³. Однако в последние годы происходит изменение правового содержания понятия «национальный суверенитет», которое все чаще рассматривается лишь как право свободного выхода из состава другого государства или союза государств⁴. Вероятно, здесь нелишним будет обратить внимание на то, что используемое в государственно-правовом пространстве США понятие «национальный суверенитет» не имеет подтекста, определяемого сквозь призму права нации на самоопределение. Поэтому автоматическое использование в качестве тождественных понятий «государственный суверенитет» и «национальный суверенитет», вполне допустимое в правовой традиции США, вряд ли корректно для применения в России и других многонациональных государствах⁵. Национальный суверенитет во многом зависит от интересов, осознаваемых нацией как жизненно важных для ее существования, и может реализовываться не только в рамках автономии в существующей, но и в превенции создания собственной независимой государственности.

 $^{^1}$ Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 5–7.

² См., напр.: *Шевцов В.С.* Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М., 1978. С. 3, 4, 18, 19.

³ См.: *Ушаков Н.А.* Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 35–37.

⁴ См.: *Морозова А.С.* Конституционно-правовой анализ реализации принципов суверенитета в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 4. С. 44—49.

 $^{^{5}}$ Подобные рассуждения, кстати, вполне приемлемы и при определении правовой природы государственной и национальной безопасности.

В современной интерпретации концепта суверенитета личности распространение идеи защиты прав и свобод в наднациональных системах все больше выходит за рамки внутригосударственных вопросов, становясь предметом международной защиты. Общепризнанным становится принцип «нарушения прав человека не являются внутренним делом страны», что способствует возникновению тенденции сокращения суверенных полномочий государства. Предоставление любому человеку возможности самостоятельно распоряжаться своими правами, без всякого сомнения, заслуживает поддержки на самом высоком конституционном уровне государства. Конституция РФ содержит положения о признании и гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ст. 17) и о том, что именно они определяют деятельность органов власти и смысл законов (ст. 18).

Вместе с тем суверенитет личности – фикция без связи с государством, которое реализует ее права. Здесь важно отметить, что каждое государство имеет особенные моральные и нравственные основы, которые формируют его идентичность. Это обусловлено ярко выраженным характером связанных с историей, языковыми и культурными традициями страны ценностями. Охранять права и свободы человека, его сознание, мотивы поведения в обществе, идеи, ценности невозможно вне его корневой системы, связывающей его со страной, где на основе языковых, культурных, исторических, философских традиций происходило его формирование как личности. Защита прав и свобод личности вне этой системы искажает реальность, как в известном с древних времен устройстве — камере-обскура (лат. camera obscūra — «темная комната»), в котором изображение предмета проецируется на поверхность в темной комнате в перевернутом и искаженном виде.

Очевидно, что для современной государственности сохранение традиционных для любой страны ценностей нацелено на сохранение нравственных начал в социальной жизни⁶. Для России, например, некоторые западноевропейские традиции подчас противоречат внутренним «корневым» устоям. Основанные на православии философия, культура, право отражают слияние религиозных, нравственных и юридических начал, которые, воспитывая душу, определяли жизнь русского человека от рождения до смерти. Заповедные тексты Ярославовой и Русской Правды, Великокняжеского и Царского судебников создавали основы мировоззрения, в которых, по мнению акад. А.А. Королькова, «право становилось синонимом

правоты, правды и даже праведности»⁷, в то время как в западном сознании законность отождествлялась с формальной упорядоченностью.

Вместе с тем на фоне глобализации тшательно насаждается идея об отказе от самоидентификации в национальной, культурной, религиозной сферах, которая необходима любому человеку для осознания себя частью «своего» мира — маленького или большого, но своего, ограниченного своей историей, культурой, правом. Как утверждает А.Н. Савенков, «на наших глазах цивилизация погружается в поиск новых путей развития, что является следствием кризиса мирового порядка»⁸. И здесь проходит граница, разделяющая человеческий социум на суммарные интересы личностей, образовавших его и интересы государства, превалирующие над интересами каждой конкретной личности. Эта идея со всей очевидностью должна восприниматься как аксиома в рассуждениях о государственном суверенитете как системе, включающей в себя суверенитет личности в качестве одного из элементов. Рассуждая о противоречии между суверенитетом государства и суверенитетом личности, выдающийся русский ученый Н.М. Коркунов отмечал специфику верховной власти, которой обладает лишь государство «как общественный союз, представляющий собою самостоятельное признанное принудительное властвование над свободными людьми»⁹.

Посредством глобальных инструментов в последние годы сформирована защищаемая международными договорами совокупность прав и свобод человека, которую, вероятно, и следует считать основой концепции личного суверенитета. Возрастание роли наднациональных органов, обусловленное усилением взаимозависимости между государствами, видимо, приведет к делегированию суверенными государствами своих прав, как это происходит в странах Европейского Союза.

Анализ природы национального суверенитета и суверенитета личности обусловливает вывод об их эволюции в сторону, противоположную сохранения целостности, связности и единства духовно-культурного пространства и преемственности исторического развития, на разрушение государственного суверенитета. Конечно, государственный суверенитет не является абсолютным, но он обеспечивает высшую степень ответственности перед своим народом и, как полагает А.А. Моисеев, символизирует не только его политико-правовую

 $^{^6}$ См.: Виноградова Е.В., Захарцев С.И. Суверенитет: государство — личность — государство // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 158.

⁷ Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права. СПб., 1998. С. 634.

 $^{^8}$ Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 6.

 $^{^9}$ *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 295.

самостоятельность, но и ценность как первичного субъекта международного права ^{10} .

Происходящий в последние годы процесс усиления граничащего с ужесточением влияния международных соглашений, направленных на защиту интересов национальных групп внутри той или иной страны, обусловил возможность применения межлунаролных санкций в отношении суверенных государств. Появление этой тенденции контекстно связано с процессами глобализации и, очевидно, может привести к утрате государствами независимости. Одним из первых шагов в этом направлении можно считать «расщепление» государственного (народного) суверенитета на «нестабильные» его составляющие – национальный суверенитет и суверенитет личности. Это происходит в формате формирования некоей системы ценностей, элементы которой не всегда соответствуют интересам стран, объединённых для решения определенной тактической или стратегической задачи. Возникающие при этом проблемы не могут не влиять на международные отношения. Глобальная экономика, глобальная политика создают систему ценностей, определяемых как общечеловеческие. Вместе с тем аксиология этого единства подчас противоречит суверенным ценностям того или иного государства. Агрессивному навязыванию примата «единых» для всех ценностей может противостоять только признание того, что каждая страна имеет особенные, традиционные только для нее моральные и нравственные скрепы, которые формируют ее идентичность.

Анализ деформации системы суверенных ценностей позволяет говорить о быстро происходящем отказе от базовых установок на сохранение государственной независимости. После кризиса 2008 г. на фоне успеха китайской экономической модели, событий «арабской весны» 11 стремление некоторых государств к доминированию, установлению нового миропорядка становится очевидным. Стало естественным позиционировать в процессе формирования стратегии межгосударственных отношений преобладание интересов страны, провозглашающей свои государственно-правовые модели безупречными. Глобализация приводит к смешению и ассимиляции культур, и если в рамках одного государства эти процессы могут оцениваться как позитивные, то стирание различий между государствами влечет утрату внешнего суверенитета в выборе политического курса. Глобализация имеет своих бенефициаров – она проходит

в международном сообществе, созданном правилами, установленными ведущими факторами международных процессов. Стремлению к поиску новых подходов в выстраивании международных отношений, основанных на базовых для страны ценностях, противостоит гегемония государств, насаждающих принципы либеральной демократии и либеральной экономики в качестве предпочитаемых политических и экономических идеологий ¹². Институционализация такого типа отношений между государствами стала возможна благодаря созданию моделей санкционного давления.

Применение международных санкций – процесс не новый. Их использование предполагает наложение запрета на сотрудничество. Примеры антироссийских санкций, как правило, исторически связывают с периодом правления Ивана Грозного, который, вступив в Ливонскую войну, столкнулся с отказом поставок из европейских государств меди и бронзы, что привело к активному собственному поиску месторождений и производству черных и цветных металлов. Санкции периода Смуты привели к созданию политически сильного, обладающего огромным влиянием Российского государства. События Крымской войны запустили, кроме санкций, информационную войну против России, продолжавшуюся на протяжении нескольких столетий. В XX в. санкции в отношении СССР создавали экономические и политические сложности для страны, но это сделало необходимым формирование собственной материально-технической базы. Кроме того, при политическом влиянии СССР получили нормативное закрепление сформулированные после Первой мировой войны в Уставе Лиги Наций положения о международных санкциях, установленные в разд. 7 Устава ООН. В соответствии с этими положениями в разное время санкциям подвергались Ангола, Афганистан, Ирак, Кувейт, Югославия и другие государства.

Санкции этого периода не затрагивали космос, культуру, спорт. Была неприкосновенна собственность за рубежом и валютные резервы. Экономические санкции были точечными. Например, в марте 1948 Соединенные Штаты Америки объявили об ограничениях на экспорт из СССР материалов, механизмов, а также отдельных видов вооружений в социалистические страны. Впоследствии эти санкционные механизмы были реализованы в международных договорах об ограничении вооружений. С развитием азиатского региона, и в первую очередь КНР, механизм санкций стал менее действенным. Санкционные последствия были предсказуемы, вводились определенные ограничения,

¹⁰ См.: *Моисеев А.А.* Суверенитет государства в междуна-родном праве. М., 2009. С. 68.

 $^{^{11}}$ *Караганов С.А.* Новая идеологическая борьба? // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3: Международные конфликты: Quo Vadis? С. 405—411.

 $^{^{12}}$ См.: *Смирнова Е.В.* Идеология как основание типологии обществ? // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 2.

обесценивалась национальная валюта, но мировые биржи никак на это не реагировали.

Антироссийские санкции, которые стали вводиться коллективным Западом в последнее десятилетие, стали жесткими и агрессивными. Россия была исключена из всех спортивных международных организаций, в сфере культуры отменялись гастроли, выступления российских дирижеров, музыкантов, артистов.

В 2022 г. санкции приобрели тотальный характер, породили коллапсы сначала на энергетическом, затем на сырьевом и продовольственном рынках. Десятикратный рост мировых цен на газ, трехкратный – на нефть, очевидно, не был целью западных санкций. Но ситуация, вызванная, по сути, только политическими заявлениями, выводит последствия санкций на плохо прогнозируемую траекторию. Теперь, чтобы как-то компенсировать экономический и политический вред, нанесенный санкциями Европе и США, необходимо создавать новые отношения с независимой Россией, а также новые правила, в которых следует сформировать уважительное отношение к ценностям, лежащим в основе российской идентичности. При этом, рассуждая о потерях экономики России в результате введенных в отношении нее в феврале - марте 2022 г. санкций, в интервью ТАСС Президент РФ В.В. Путин заявил, что, по разным оценкам, мы потеряли около 50 млрд, но мы и заработали столько же ¹³. Становится токсичной валюта стран-санкционеров. При этом нельзя забывать, что по одну сторону «санкционного забора» — Запад, миллиард населения и половина глобального ВВП, по другую – шесть миллиардов населения и вторая половина ВВП. Россия в этом противостоянии не одинока, ее поддерживает большинство населения планеты Земля.

Последствиями санкций февраля 2022 г. станет изменение мировых экономических и политических альянсов. Из этого кризиса, без сомнения, родится новая политическая и экономическая реальность, в которой отношения России с государствами Европы и США будут развиваться по новым правилам.

* * *

Для современной России подход к восстановлению и укреплению суверенитета связан с изменением не только политико-правовой реальности, но и общего тренда перехода от двухполярного и однополярного к многополярному миру. Принятым в 2020 г. Законе $P\Phi$ о поправке в Конституцию

Российской Федерации¹⁴ закреплено сохранение российской конституционной идентичности и установление пределов вмешательства международных структур в государственную политику. Говоря о суверенитете, необходимо еще раз вернуться к исследованию А.С. Алексеева, отмечавшего, что признаком любого государства как политико-правовой организации является верховная власть, которая юридически не ограничена, не признает над собой никакой высшей власти, регулирует и защищает не тот или другой разряд интересов, внутренний или международный, а всю совокупность интересов народа 15. Не случайно в преамбуле Конституции РФ закреплено, что, принимая ее, многонациональный народ «возрождает суверенную государственность России». Все ранее обозначенные суждения направлены на институционализацию специфической концепции государственного суверенитета, основанной на российской идентичности – культурной, философской, правовой. Опыт традиционного нравственно-правового уклада России, позволившего ей сохранить в течение столетий державность в сочетании с осознанием себя частью мирового сообщества вопреки антитезе и противостоянию, только усиливает фундамент, создающий архитектуру современной российской правовой государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Алексеев А.С.* Русское государственное право. Конспект лекций. 4-е изд. М., 1897. С. 5—7.
- 2. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И.* Суверенитет: государство личность государство // Правовая политика и правовая жизнь, 2021. № 1. С. 158.
- 3. *Караганов С.А.* Новая идеологическая борьба? // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3: Международные конфликты: Quo Vadis? C. 405–411.
- 4. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 295.
- 5. *Корольков А.А.* Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права. СПб., 1998. С. 634.
- 6. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М., 2009. С. 68.
- Морозова А. С. Конституционно-правовой анализ реализации принципов суверенитета в Российской Федерации // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 4. С. 44–49.

¹³ См.: Интервью TACC «О санкциях как стимуле для развития экономики». URL: www.kremlin.ru/events/president/news/62991

¹⁴ См.: Закон Российской Федерации о поправке в Конституцию Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

¹⁵ См.: Алексеев А. С. Указ. соч. С. 7.

- 8. *Савенков А. Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 6.
- Смирнова Е.В. Идеология как основание типологии обществ? // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 2.
- 10. *Ушаков Н.А*. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 35–37.
- 11. *Шевцов В.С.* Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М., 1978. С. 3, 4, 18, 19.

REFERENCES

- Alekseev A. S. Russian State law. Lecture notes. 4th ed. M., 1897. P. 5–7 (in Russ.).
- Vinogradova E.V., Zakhartsev S.I. Sovereignty: state personality state // Legal policy and legal life. 2021. No. 1. P. 158 (in Russ.).
- Karaganov S.A. New ideological struggle? // Herald of RUDN University. Series: International Relations. 2016. Vol. 16. No. 3: International conflicts: Quo Vadis? P. 405–411 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна –

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

- Korkunov N.M. Lectures on the theory of law. SPb., 2003.
   P. 295 (in Russ.).
- 5. *Korolkov A.A.* Philosophy of Law: Western European and Russian Traditions // History of Philosophy of Law. SPb., 1998. P. 634 (in Russ.).
- 6. *Moiseev A.A.* State sovereignty in International Law. M., 2009. P. 68 (in Russ.).
- 7. *Morozova A.S.* Constitutional and legal analysis of the implementation of the principles of sovereignty in the Russian Federation // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 4. P. 44–49 (in Russ.).
- Savenkov A. N. State and law during the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 6 (in Russ.).
- 9. *Smirnova E.V.* Ideology as the basis of the typology of societies? // Herald of the Moscow University. Series 7. Philosophy. 2018. No. 2 (in Russ.).
- 10. *Ushakov N.A.* Sovereignty in modern International Law. M., 1963. P. 35–37 (in Russ.).
- 11. *Shevtsov V.S.* National sovereignty (problems of theory and methodology). M., 1978. P. 3, 4, 18, 19 (in Russ.).

Authors' information

VINOGRADOVA Elena V. –

Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

— ФИЛОСОФИЯ ПРАВА —

НРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2022 г. А. И. Левченков, В. А. Глазков

Луганская академия внутренних дел им. Э.А. Дидоренко, Луганская Народная Республика

E-mail: lugavd@mail.ru

Поступила в редакцию 30.09.2021 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения и решения проблемы нравственного государства, возможности его построения или хотя бы основных его элементов в современных государствах, в том числе и переходного типа.

Целью данного исследования является выяснение возможности построения нравственного государства вообще, и особенно в государствах нестабильных, с высокой степенью социальной дифференциации и морально-культурной деградации значительной части населения, и непосредственно его элит. Авторы задаются вопросом: не является ли, во-первых, как и ранее, благородной, но одновременно и несбыточной во все времена цель построения нравственного, правового, социального государства «розовой» мечтой человечества или, и того хуже, очередным политико-правовым симулякром? На этом сложном фоне проделан анализ и рассмотрены предпосылки построения нравственного государства непосредственно в России в настоящее время. Предложено авторское видение постановки этой проблемы и путей ее решения. В итоге авторы статьи пришли к выводу, что задача переформатирования мира на основе высокой духовности и моральности является актуальной, в том числе и в плане построения нравственного государства, но ее решение будет сложным и практически невозможным, особенно в нестабильных социумах, в государствах переходного типа.

Ключевые слова: нравственное государство, духовность, моральность, патриотизм, должное, сущее, идеал, миф, национальное, имперское, симулякр.

Цитирование: Левченков А.И., Глазков В.А. Нравственное государство: реальность и перспективы // Государство и право. 2022. № 4. С. 13—20.

DOI: 10.31857/S102694520019553-9

THE MORAL STATE: REALITY AND PROSPECTS

© 2022 A. I. Levchenkov, V. A. Glazkov

Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs, Lugansk People's Republic

E-mail: lugavd@mail.ru

Received 30.09.2021

Abstract. The article attempts to consider and solve the problem of the moral state, the possibility of its construction or at least its main elements in modern states, including transitional ones.

The purpose of this study is to clarify the possibility of building a moral state in general and especially in unstable states with a high degree of social differentiation and moral and cultural degradation of a significant part of the population and its elites directly. The authors wonder whether, firstly, as before, the goal of building a moral, legal, social state is not noble, but at the same time unrealizable at all times, the "pink" dream of mankind, or even worse, another political and legal simulacrum? Against this complex background, the analysis is carried out and the prerequisites for building a moral state directly in Russia at the present time are considered. The author's vision of the formulation of this problem and ways to solve it is proposed. As a result, the authors of the article came to the conclusion that the task of reformatting the world on the basis of high spirituality and morality is relevant, including in terms of building a moral state, but its solution will be difficult and practically impossible in unstable societies, in transition states.

Key words: moral state, spirituality, morality, patriotism, due, being, ideal, myth, national, imperial, simulacrum.

For citation: Levchenkov, A.I., Glazkov, V.A. (2022). The moral state: reality and prospects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4. pp. 13–20.

О нравственном государстве писали много и давно, начиная с древних греков и заканчивая современными отечественными и зарубежными учеными¹.

Но во всех случаях речь шла о «должном»², а не «сущем» государства и права. Эта тема стала интересна и для проф. С.Н. Бабурина Он посвятил исследованию данной проблематики ряд своих работ³. Профессор И.М. Рагимов с полным на то основанием считает необходимым развивать идеи С.Н. Бабурина⁴, что полностью поддерживаем.

На наш взгляд, позиция с нравственным государством так же, как и с правовым, и социальным достаточно уязвима. Так, в свое время в этом направлении пошли достаточно далеко В.С. Нерсесянц⁵, Г.Н. Манов и др. Они попытались ввести в научный оборот такое понятие, как «цивилизм» (что-то среднее между капитализмом и социализмом). Так. Г.Н. Манов считал, что капитализм и социализм могут встретиться и примириться лишь на базе цивилизма, т.е. в условиях будущего принципиально нового «третьего» строя ^{6} . Кстати, они здесь также не были первопроходцами. Профессор Жак Маритен об этом писал еще в 50-е годы прошлого столетия. Он предложил для преодоления пороков капитализма и социализма выбрать «третий» путь развития мирового социума. О «третьем» пути в свое время мечтали и наши соотечественники – А.И. Герцен, Н.К. Михайловский. С.М. Булгаков и др.

Ныне для всех очевиден утопизм теоретических изысканий авторитетных ученых, пытавшихся объяснить для себя и других все происходящее в то время в стране и за рубежом и выработать свою или приспособить одну из чуждых нам моделей зарубежной государственности. Тем более что мысли ученых, в т.ч. и «абсурдно-гениальные», должны проверяться на практике, реализоваться научным путем и служить познанию истины⁷.

«Цивилизм» как слишком спорная концепция не выдержал проверки временем.

Гораздо интереснее то, почему эта тема вновь получила очередное «второе» дыхание. Может быть потому, что мир опять дошел до своего предела. Аморальность и бездуховность «общества потребления» зашкаливают и уже непосредственно угрожают в целом существованию человеческой цивилизации. В.С. Соловьев сто лет тому назад предвидя его пороки, подчеркивал, что чрезмерное развитие индивидуализма в современном Западе ведет прямо к своему противоположному к всеобщему обезличиванию и опошлению человечества8. Зло всецело побеждает добро и доминирует безраздельно на планете. Человек не является подобием Божиим, кстати, он никогда им и не был, а только в отдельные исторические периоды своего существования временно приближался к нему. Как ни странно, это было не в период сытости человечества, а наоборот, в годы его страданий, крови и отчаяния. Тогда в человеке временно пробуждался Человек, и он начинал чувствовать чужую боль как свою собственную. И это был путь к его спасению. Сегодня наступило такое же время. Земля требует своего очищения от скверны и нравственного возрождения человечества.

Но сразу же возникает вопрос: это произойдет в ходе Третьей мировой войны (очередного вселенского потопа) или это возможно и в условиях мирного времени эволюционным путем? Если так, то с помощью каких средств и инструментов?

Однако, как свидетельствует опыт, действия наших предшественников на уровне и гениальных личностей, и простых граждан, и «продвинутых» государств не давали положительных результатов в этом направлении. Только в условиях войны и страданий человек начинал понимать, где истинные, а где ложные ценности. Он снова больше всего начинал ценить кусок хлеба и был готов поделиться им со своим ближним, не делить детей на своих и чужих и т.п.

¹ См., напр.: Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М., 2015; *Петров А.В.* Нравственное право: традиции и современность [Электронный ресурс] / А.В. Петров, А.М. Баскакова // Приволжский научный вестник. 2015. № 11 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennoe-pravo-traditsii-i-sovremennost (дата обращения: 23.07.2021); *Хамидуалина Ф.И.* Право и нравственность в парадигме современной цивилистики // Ученые записки Казанского ун-та. 2016. Т. 158. Кн. 2. С. 458—464; Право и нравственность: научно-правовой и исторический анализ / Д.К. Нечевин, Л.М. Колодкин, Е.В. Кирдяшова; под ред. Д.К. Нечевина. М., 2019; *Слыщенков В.А.* Право и нравственность: различия понятий. М., 2020.

² При этом должное надо рассматривать как: а) имеющее шанс в близкой или отдаленной перспективе превратиться в сущее; б) традиционно должное (правовое, нравственное государство и т.п.); в) должное вообще несбыточное, выходящее за пределы здравого смысла (цивилизм, коммунизм и т.п.).

³ См.: *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценность конституционализма. М., 2020; *Его жее.* Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73–86.

⁴ См.: *Рагимов И.М.* Предисловие // *Бабурин С.Н.* Нравственное государство... С. 7.

 $^{^{5}}$ См.: *Нерсесянц В. С.* Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992.

 $^{^6}$ См.: Теория права и государства / под ред. Г.Н. Манова. М., 1995. С. 306, 314.

 $^{^7}$ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 11.

 $^{^{8}}$ См.: *Соловьев В.С.* Общеисторическое видение. О законе исторического развития // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 163.

Остановимся только на некоторых моментах концепции нравственного государства и морального общества. Она не нова, о ней мечтали практически все философы и юристы, особенно в конце XIX — начале XX в. (В.С. Соловьев, В.В. Розанов, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой и др.), но, несмотря на это, хотелось бы поделиться некоторыми мыслями по поводу нравственного государства.

Во-первых, нравственное государство может быть таковым только в короткие промежутки времени, на определенном этапе своего исторического развития, и его судьба в основном предопределена конкретными условиями существования (политическими, экономическими, культурными и т.п.).

Во-вторых, нравственным оно может быть по отношению к собственным гражданам, но одновременно совершать поступки, далекие от моральности в отношении граждан других государств и самих государств.

В-третьих, нравственное государство поступает морально ко всем своим гражданам или только к определенным категориям населения своего государства (нравственно все то, что выгодно рабочему классу, или, наоборот, все то, что было в свое время выгодно российской буржуазии и помещикам и т.п.).

B-четвертых, необходимо определиться с категорией нравственности, иметь ее одинаковое (сущностное) прочтение хотя бы для европейских народов.

В-пятых, может ли быть нравственным «бедное» государство или это удел только «богатых» государств с развитым гражданским обществом и устойчивыми моральными традициями?

В-шестых, существует ли нравственная эволюция человека и государства? И возможна ли она в принципе?

В-седьмых, может ли аморальный человек построить нравственное государство и, наоборот, безнравственное государство взрастить нравственного человека?

Говоря о нравственном государстве и праве, мы также должны задаться вопросом: а есть ли в российском обществе социальный заказ на них? Ведь в конечном счете как раз это и вызывает к жизни нравственное или иное государство и право. Но здесь опять возникает вопрос: а кто от имени общества делает такой заказ и определяет его содержание? Аморфный, не институционированный в политические институты народ в целом, его средний класс, если таковой существует, или политико-экономические «элиты», говорящие и действующие от имени населения страны.

В этом и состоит подлинная и первостепенная по важности проблема современного государства и права. К большому сожалению, без ее решения иного очеловечения права и государства пока не существует в нашей цивилизации⁹.

«Элита», если она консолидирована в рамках конкретного социума, а в государствах переходного типа этого нет, имеет свое правопонимание, его концептуальное научное оформление, которое в реальности часто является отдаленным от «живого» права и государства, существующего у большинства населения страны в его воображении и представлении.

«Деидеологизированные» правоведы и государствоведы вольны в своих фантазиях, но при этом их «свободное» творчество реально ограничено условиями их конкретного существования. Они не выходят за рамки социального заказа, высказывая свои мысли по поводу существующего государства и права и особенно по поводу того, какими они должны быть в будущем. На последнем они акцентируют свое особое внимание ввиду невозможности проверки в ближайшее время на практике истинности их «научных» изысканий.

На Украине в этом деле особенно преуспело молодое поколение ученых, в т.ч. и некоторые достаточно известные философы права. Так, С.И. Максимов уже после первого «майдана» увидел, куда ветер дует, и начал усердно писать об особом украинском менталитете и генетическом стремлении украинского народа к свободе 10.

В таких случаях их околонаучное творение подтверждается только цитатами их сотоварищей по определенной научной школе, например, сторонников неклассического понимания государства и права. В результате складывается впечатление, что «новая» научная концепция верна и может претендовать на что-то существенное в теории государства и права. В итоге, по словам А.В. Стовбы, правовая мысль вращается в замкнутом круге высказываний о праве (добавим и государстве), теряя всякую связь с непосредственным «живым» феноменом права 11.

Возвращаясь к заданной теме обсуждения, мы должны сначала убедиться в том, что нравственное государство — это не умозрительная конструкция некоей группы ученых, а под ним существует реальная почва, на которой уже появились его ростки с дальнейшей перспективой их развития, — это, во-первых.

⁹ См.: *Рабинович С. П.* Диалог о праве // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 258.

 $^{^{10}}$ См.: Философия права: конспект лекций / под ред. О.Г. Данильяна. Харьков, 2009. С. 157.

¹¹ См.: *Стовба А.В.* Диалог права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. С. 261.

Во-вторых, насколько такое государство реально вообще в наших условиях и есть ли необходимость о нем говорить сегодня (и тем более в ходе научных дискуссий) и облекать его в определенные зримые конструктивные формы?

В-третьих, является ли такая дискуссия своевременной и не отвлекает ли она интеллектуальный потенциал ученых от решения более важных и первоочередных для общества задач?

В-четвертых, есть ли у элиты и общества в целом социальный заказ на нравственное государство?

А готова ли нынешняя Россия (резко социально дифференцированная) жить и работать по правилам нравственного государства? Скорее всего, нет. Ведь в настоящее время у нее даже с социальным и правовым государством не все получается. Так, в отличие от Китая Российскому государству (заявленному как социально ориентированному) до сих пор не удалось в необходимой мере отрегулировать и постоянно поддерживать баланс между достигнутым уровнем бедного большинства страны и богатого меньшинства, не допуская появления нищеты и, как результат, протестного настроения¹². Закономерно, что в такой ситуации и с правовым государством дела обстоят не лучше. Кроме того, что право выражает и защищает в первую очередь интересы политически и экономически доминирующей части общества, а остальной части населения (большинства) — по остаточному принципу, действующее законодательство в государствах переходного типа характеризуется постоянным (историческая тенденция) освобождением его от морали ^{13} .

А ведь, по словам С.С. Алексеева, как раз моральные критерии являются основной оценкой права, именно через моральные идеалы и ценности происходит общественное признание права 14.

Сможет ли российская элита принять главный тезис Альберта Швейцера, что в начале и конце всего стоит Человек. Всегда только человек! С его мыслями и устремлениями, с его любовью и ненавистью, верой и надеждой, жизнью и смертью 15. Могут ли в России или в каком-либо другом государстве наступить времена, когда человек для человека будет Богом? 16

Все почему-то забывают, что каждая социальная группа в понятие нравственности вкладывает свой смысл и содержание ¹⁷. Закономерно, что понятие морали существенно отличается у олигарха и работника, и первый, как представитель и носитель господствующей в обществе морали, имея в своем распоряжении широкий спектр средств (финансовых, организационных, информационных и т.д.), всегда будет навязывать ее понимание населению страны. И в этом вопросе не стоит лукавить, это объективная реальность. Таким же образом нам навязали идеалы и ценности «общества потребления» в 90-е годы прошлого века.

В любом постсоветском государстве существует как минимум две морали — работодателя и работника. Для того чтобы объединить эти две морали в одну, нужны потрясения вселенского масштаба — защита Родины от внешнего врага или аналогичная акция такого же масштаба и силы ее проявления. Только тогда, когда все наши малые родины (город, село, дом, школа, детский сад и т.п.) сольются в одно понятие большой Родины, а ее защита станет первоочередной задачей и потребностью каждого гражданина страны, действия каждого будут считаться в высшей степени нравственными.

При этом необходимо постоянно помнить, что духовность, патриотизм не могут быть без справедливости. Великая Отечественная война была в высшей степени справедливой в глазах всего народа, защищавшего свое Отечество, свое существование от вселенского зла — фашистской Германии и ее союзников.

И вообще: и нравственное, и правовое, и социальное государство, которых в реальности нет и быть не может, — это идеал, к которому нужно стремиться. В этой связи небезынтересно мнение одного из выдающихся мыслителей прошлого Н.К. Михайловского, который писал, что «идеал всегда отрицательного происхождения», т.е. порожден протестом против существующей действительности, что «человек не удовлетворен, оскорблен в том или другом чувстве и делает построение, в котором неудовлетворяющие и оскорбляющие его явления отсутствуют» ¹⁸.

Одновременно с этим ученый подчеркивал, что идеал нужен и важен как маяк, как путеводная звезда, и что идеалом может быть только движение в известном направлении ¹⁹.

 $^{^{12}}$ Программа ликвидации нищеты в 1.5-миллиардной КНР выполнена досрочно в 2021 г. (по плану намечалось только в 2030 г.).

¹³ См.: *Гройс Б.Е.* Философия и время // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Л., 1991. С. 28.

¹⁴ См.: *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 690, 691.

¹⁵ См.: *Фрайер П.Г.* Альберт Швейцер. М., 1984. С. 173.

¹⁶ См.: *Сорокин Питирим*. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. СПб., 2009. С. 228.

¹⁷ Мишель Фуко считал, что нет морали, которая была бы приемлема всеми — в том смысле, что всем пришлось бы ей подчиняться, это катастрофически невозможно (см.: *Фуко М.* Возвращение морали // Интеллектуалы и власть. М., 2006. С. 285).

 $^{^{18}}$ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1896. Т. 1. С. 469.

¹⁹ См.: там же. С. 470.

Кроме этого можно согласиться с мнением М.М. Бахтина, что мир очередной раз живет в «авантюрное время», где человек является игрушкой обстоятельств, и наблюдается массовая мировоззренческая инволюция, в т.ч. и в правовой сфере. Это хорошо видно на тех процессах, которые происходят на Украине, в ходе которых сложные нормативно-ценностные структуры разрушаются, и в силу этого начинают доминировать структуры простые и примитивные, базирующиеся, в свою очередь, на разнообразных идеологемах и мифологемах.

На Украине в результате государственного переворота 2014 г. и предыдущих лет т.н. «независимости» сложилось массовое сознание, существующее в плену иллюзий, самообмана и одновременно желающее с потугами признать украинскую титульную нацию и ее представителей в качестве мировой элиты.

Мифологизированное сознание вплелось в государственную политику и деятельность государственных и общественных институтов, что в конечном счете привело в целом к деструктивному функционированию украинского государства как во внутренней, так и во внешней политике.

Идеология — это миф, который надо найти или придумать, чтобы объединить разобщенную массу в единый организм, способный действовать. По мнению Д. Донцова (основоположника украниского интегрального национализма), национализм всегда имел мифологическую природу, ибо представлял собой иррациональную волю к самоутверждению, адекватным выражением и языком которой мог быть только миф. По сути, в 2014 г. на Украине произошла мифологизированная легитимизация власти крайне радикальными националистическими течениями.

Миф был положен в политическое становление украинской титульной нации, структурирование общества. Миф стал главной формой легитимизации национального государства, политических партий и движений. В мифологизированной легитимизации нации существует вполне определенная логика: чем глубже корни, тем они ценнее и истиннее. Поэтому их ищут в глубине веков — в Трипольской культуре или арийском мире²⁰.

Покушение на украинские мифы рассматривается киевской властью как покушение на сакральное и жестоко преследуется, вплоть до уголовного наказания.

Исходя из вышеизложенного, россиянам (ультрапатриотам из рядов творческой и научной интеллигенции) не стоит уподобляться своим украинским собратьям, упрощать и сводить

исторический процесс человечества к исключительности российского народа, обладающего с «пеленок» врожденной высокой духовностью и таким же патриотизмом.

Советский патриотизм растили десятилетиями, и его, кстати, как и духовность, и нравственность, почти уничтожило за последние 30 лет «общество потребления». Их необходимо заново создавать и растить, возведя в ранг первоочередной политической задачи, в случае положительного решения которой (не за один год) можно рассчитывать на необходимую консолидацию социально дифференцированного российского социума.

В России, по словам К.Г. Шахназарова, русское национальное борется с русским имперским. Последнее, с одной стороны, навязывается нам извне коллективным Западом с целью заставить нас использовать совсем ограниченные средства и силы на решение глобальных внешнеполитических задач. С другой стороны, у России остались воспоминания о великом и могучем, с которым весь мир считался, боялся и уважал. То есть имперское мы ныне можем себе позволить в очень ограниченном виде: там, где получается, и не надрываясь при этом. В свое время таким образом «надорвался» СССР, пытаясь кормить и финансировать многие государства, а сейчас мы видим, как «надрываются» США, пытаясь любыми путями сохранить свое влияние на все государства и процессы, происходящие в различных частях нашей планеты. Уход США из Афганистана — это только начало падения Вавилонской башни, но ее разрушение потрясет до основания весь мир, приведет к последствиям, сравнимым с Третьей мировой войной, затронув буквально все страны. Хотя подобные прогнозы в свое время давались и в отношении падения советской империи и последствий такого глобального явления, но они, к счастью, на данный момент оправдались только частично.

Значительная часть российских ученых пытается взять за основу формирования современной российской государственности духовность, патриотизм и нравственность и таким образом объединить все слои российского общества для реализации той цели, которая якобы стоит перед государством — возродиться, подняться с колен и спасти человечество от самоуничтожения очередной раз, даже в ущерб своим сугубо национальным интересам, жертвуя вновь жизнями своих граждан, их благополучием, материальным достатком и т.п.

Практически также мыслил в свое время и Е.Н. Трубецкой, говоря, что Россия никогда не вдохновлялась служением голому национальному интересу. Особенность русского патриотизма, по его мнению, заключалась в том, что он никогда не воодушевлялся идеей Родины как таковой, служением

 $^{^{20}}$ См.: *Амельченко Н*. Постмодерн и кризис рациональной легитимизации власти // Sententiae. Універсум. 2000. № 2. С. 111-113.

русскому как таковому. Е.Н. Трубецкой считал, чтобы отдаться чувству любви к Родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело делает? Кроме того, нужно верить в святость этого дела, осознавать его правоту. Нужна цель, которая поднимала бы народное дело над национальным эгоизмом²¹.

Исходя из этой матрицы, можем ли мы утверждать, что большинство населения Российской Федерации осознает эту цель, согласны с ней и уверены в ее правоте и готовы многим жертвовать для ее реализации? Это первое.

Второе. Является ли в Российском государстве человек его центром, где все создается ради него, все приводится к нему? ^{22}

Е. Н. Трубецкой с горечью писал, что война 1914—1918 гг. способствовала подъему патриотизма в государствах, участвующих в ней, но одновременно, по его словам, там же таился и зародыш последующего кризиса²³.

Он объяснял это утратой духовных ценностей, экономизмом, для которого рай чувственный, материалистический есть высшее безусловное, что подтачивало патриотизм и национальное чувство²⁴. Е.Н. Трубецкой противопоставлял экономизму высокую духовность человека. Он писал, что имущие и неимущие, хозяева и работники, землевладельцы и земледельцы могут составлять единую нацию, поскольку они связаны между собой некоторым духовным единством, которое возвышается над противоположными экономическими интересами, некоторой общей национальной святыней, во имя которой и класс, и личность должны поступаться своими выгодами²⁵.

Есть ли в России такая святыня, ради которой будут совместно взаимодействовать и работники, и работодатели и достигать взаимовыгодного компромисса, идя к заветной цели?

Е.Н. Трубецкой прямо подчеркивал, что быстрый рост материального благополучия всюду оказывал на человеческую душу одно и то же отрицательное влияние. Он усыплял духовную жизнь. Исходя даже из этого, можно сделать вывод, что высокая духовность невозможна в «обществе потребления».

Патриотизм в таком случае будет достаточно своеобразным, поверхностным и конъюнктурным, считал ученый.

По словам Е.Н. Трубецкого, патриотизм в России, как правило, связан с разнообразными выгодами — с привилегиями по службе, со всякого рода

экономическими преимуществами, на нем делали карьеру, им же пользовались, чтобы нажиться за счет других. Он полагал, что основная причина кризиса патриотизма одна и та же для большинства стран. Когда любовь к Родине отравляется корыстью, когда отечество становится аферою, оно ничего не говорит ни сердцу, ни чувству долга; раз оно перестало быть святыней, его совершенно дозволительно променять на другую аферу, более выгодную²⁶.

Это как раз и произошло в 1991 г. Родина предала свой народ, и народ ответил ей тем же. «Деньги не пахнут, успех любой ценой» — вот те новые ценности, на которые стали ориентироваться граждане бывшего СССР, а многие, потеряв Отечество, бежали за его пределы в поисках лучшей жизни.

Е.Н. Трубецкой более ста лет тому назад предупреждал, что нельзя составить государство из людей, для которых встретиться — значит пожирать друг друга. Для государственности нужно очеловечение общества — нужна сила, которая подняла бы людей над материальными интересами. И государственное, и общественное строительство, по его мнению, возможны лишь при одном условии: должны быть восстановлены духовные основы разрушенного общежития. Пока этого нет, бессильны и политика, и оружие, всякое общественное строение обречено на разрушение, кто бы его не строил — Учредительное собрание, директория или единоличная власть диктатора 27.

Восстановление духовного единства нации осуществляется не законодательными и административными мерами, а внутренним жизненным процессом, который совершается в душе народной, справедливо писал ученый, оценивая и анализируя ситуацию, сложившуюся в России в 1914—1918 гг.

Нравственными люди не становятся так же, как и патриотами своей Родины, ни по указам главы государства, ни по призыву какой-либо политической силы, а тем более по пятилетнему плану или еще в более краткие сроки. Для этого необходимо длительное время и соответствующие условия, главное из которых — ликвидация идеологических установок «общества потребления» и всего того, что с ним связано. Без этого мы обречены, следуя западной «моде», получить очередной симулякр в виде нравственного, правового и социального государств.

* * *

Главный вопрос остается открытым: когда-то нас убеждали, что красота спасет мир, а спасет ли его духовность?

²¹ См.: *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 352.

²² См.: там же. С. 357.

²³ См.: там же. С. 401.

²⁴ См.: там же.

²⁵ См.: там же. С. 402.

²⁶ См.: там же.

²⁷ См.: там же. С. 409.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 690, 691.
- 2. *Амельченко Н*. Постмодерн и кризис рациональной легитимизации власти // Sententiae. Універсум. 2000. № 2. С. 111—113.
- 3. *Бабурин С. Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценность конституционализма. М., 2020.
- 4. *Бабурин С.Н.* Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 73—86.
- Гройс Б. Е. Философия и время // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Л., 1991. С. 28.
- 6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015. С. 11.
- 7. *Михайловский Н.К.* Полн. собр. соч. СПб., 1896. Т. 1. С. 469, 470.
- Нерсесянц В. С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992.
- 9. Нравственное государство. От теории к проекту / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М., 2015.
- Петров А. В. Нравственное право: традиции и современность [Электронный ресурс] / А.В. Петров, А. М. Баскакова // Приволжский научный вестник. 2015. № 11 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennoe-pravo-traditsii-i-sovremennost (дата обращения: 23.07.2021).
- Право и нравственность: научно-правовой и исторический анализ / Д.К. Нечевин, Л.М. Колодкин, Е.В. Кирдяшова; под ред. Д.К. Нечевина. М., 2019.
- Рабинович С. П. Диалог о праве // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С 258
- Рагимов И.М. Предисловие // Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценность конституционализма. М., 2020. С. 7.
- Слыщенков В.А. Право и нравственность: различия понятий. М., 2020.
- Соловьев В. С. Общеисторическое видение. О законе исторического развития // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 163.
- Сорокин Питирим. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. СПб., 2009. С. 228.
- Стовба А.В. Диалог права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. С. 261.
- Теория права и государства / под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 306, 314.
- Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 352, 357, 401, 402, 409.
- 20. Философия права: конспект лекций / под ред. О.Г. Данильяна. Харьков, 2009. С. 157.
- 21. Фрайер П.Г. Альберт Швейцер. М., 1984. С. 173.

- Фуко М. Возвращение морали // Интеллектуалы и власть. М., 2006. С. 285.
- Хамидуллина Ф. И. Право и нравственность в парадигме современной цивилистики // Ученые записки Казанского ун-та. 2016. Т. 158. Кн. 2. С. 458–464.

REFERENCES

- Alekseev S.S. Ascent to the law. Searches and solutions. M., 2001. P. 690, 691 (in Russ.).
- Amelchenko N. Postmodernism and the crisis of rational legitimization of power // Sententiae. Universum. 2000. No. 2. P. 111–113 (in Russ.).
- 3. *Baburin S.N.* The Moral State. The Russian view on the value of constitutionalism. M., 2020 (in Russ.).
- 4. *Baburin S. N.* Prevent the euthanasia of mankind: morality and integrative constitutionalism as the basis for the transformation of modern law // State and Law. 2021. No. 6. P. 73–86 (in Russ.).
- Groys B.E. Philosophy and time // Logos. Leningrad International Readings on the Philosophy of Culture. L., 1991.
   P. 28 (in Russ.).
- 6. Zakhartsev S. I., Salnikov V.P. Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. M., 2015. P. 11 (in Russ.).
- 7. *Mikhailovsky N. K.* The complete works. SPb., 1896. Vol. 1. P. 469, 470 (in Russ.).
- Nersesyants V.S. Our way to law. From socialism to civilization. M., 1992 (in Russ.).
- 9. The moral state. From theory to project / under the general editorship of S.S. Sulakshin. M., 2015 (in Russ.).
- 10. *Petrov A.V.* Moral law: traditions and modernity [Electronic resource] / A.V. Petrov, A.M. Baskakova // Volga Scientific Herald. 2015. No. 11 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennoe-pravo-traditsii-i-sovremennost (accessed: 23.07.2021) (in Russ.).
- Law and morality: scientific, legal and historical analysis / D.K. Nechevin, L.M. Kolodkin, E.V. Kirdyashova; ed. by D.K. Nechevin. M., 2019 (in Russ.).
- Rabinovich S.P. Dialogue about law // Non-classical Philosophy of Law: questions and answers. Kharkov, 2013.
   P. 258 (in Russ.).
- 13. Ragimov I. M. Preface // Baburin S. N. The Moral State. Russian view on the value of constitutionalism. M., 2020. P. 7 (in Russ.).
- 14. *Slyshchenkov V.A.* Law and morality: differences of concepts. M., 2020 (in Russ.).
- Solovyov V.S. General historical vision. On the law of historical development // Solovyov V.S. Essays: in 2 vols. M., 1990. Vol. 2. P. 163 (in Russ.).
- Sorokin Pitirim. Elementary textbook of the General theory of law in connection with the theory of the state. SPb., 2009.
   P. 228 (in Russ.).
- Stovba A. V. Dialog of Law // Non-classical Philosophy of Law: questions and answers. Kharkov, 2013. P. 261 (in Russ.).
- Theory of law and the state / ed. by G.N. Manov. M., 1995.
   P. 306, 314 (in Russ.).

- 19. *Trubetskoy E.N.* The meaning of life. M., 1994. P. 352, 357, 401, 402, 409 (in Russ.).
- 20. Philosophy of Law: Lecture notes / ed. by O.G. Danilyan. Kharkov, 2009. P. 157 (in Russ.).
- 21. Fryer P.G. Albert Schweitzer. M., 1984. P. 173 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЛЕВЧЕНКОВ Александр Иванович —

доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко; 91000 Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Пушкина, д. 1

ГЛАЗКОВ Виктор Анатольевич —

кандидат юридических наук, доцент, ректор Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко; 91000 Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Пушкина, д. 1

- 22. *Fuko M*. The Return of Morality // Intellectuals and power. M., 2006. P. 285 (in Russ.).
- 23. *Khamidullina F.I.* Law and morality in the paradigm of modern civil studies // Scientific notes of the Kazan University. 2016. Vol. 158. Book 2. P. 458–464 (in Russ.).

Authors' information

LEVCHENKOV Alexander I. -

Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Research and International Relations of Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs; 1 Pushkin str., 91000 Lugansk, Lugansk People's Republic

GLAZKOV Viktor A. –

PhD in Law, associate Professor, Rector of Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs; 1 Pushkin str., 91000 Lugansk, Lugansk People's Republic

—— АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА —

К.Г. ЮНГ: КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ И ГЕРМАНСКИЙ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

© 2022 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Институт государства и права Российской академии наук. г. Москва

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 30.12.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды швейцарского психолога К.Г. Юнга на германский национал-социализм с позиции его теории коллективного бессознательного. Согласно Юнгу, понимание истинных причин появления нацизма в Германии возможно только на пути изучения коллективного бессознательного немцев. В статье раскрывается механизм воздействия архетипов на формирование идеологии и практики национал-социализма. Дается характеристика нации, масс как биологического явления, подчиненного не столько разуму, сколько эмоциям и инстинктам. Излагаются взгляды Юнга на диктаторские режимы и диктаторов 20—40-х годов XX в.

Ключевые слова: аналитическая психология, коллективное бессознательное, архетипы, Юнг, фашизм, национал-социализм, диктатура, тоталитаризм.

Цитирование: Жуков В.Н. К.Г. Юнг: коллективное бессознательное и германский национал-социализм // Государство и право. 2022. № 4. С. 21—34.

DOI: 10.31857/S102694520019614-6

K.G. JUNG: THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS AND GERMAN NATIONAL SOCIALISM

© 2022 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow State University; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 30.12.2021

Abstract. The article examines the views of Swiss psychologist K.G. Jung on German National Socialism from the perspective of his theory of the collective unconscious. According to Jung, understanding the true causes of the emergence of nazism in Germany is possible only by studying the collective unconscious of Germans. The article reveals the mechanism of influence of archetypes on the formation of the ideology and practice of National Socialism. The characterization of the nation, the masses as a biological phenomenon subordinated not so much to reason as to emotions and instincts is given. Jung's views on dictatorial regimes and dictators of the $20-40^{\rm s}$ of the XX century are presented.

Key words: analytical psychology, collective unconscious, archetypes, Jung, fascism, national socialism, dictatorship, totalitarianism.

For citation: Zhukov, V.N. (2022). K.G. Jung: collective unconscious and German national socialism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 21–34.

22 ЖУКОВ

В отличие от большинства классиков психоанализа, которые были евреями (3. Фрейд, А. Адлер, В. Райх, Э. Фромм и др.) и в той или иной мере пострадали от нацизма, К.Г. Юнг – швейцарский немец, наблюдавший практику Третьего рейха и Вторую мировую войну из благополучной нейтральной Швейцарии. Его отношение к германскому национал-социализму было сложным и эволюционировало от терпимости и симпатии к полному отрицанию. После 1945 г. Юнга обвиняли в сотрудничестве с нацистами, он вынужден был публично оправдываться. По предложению нацистов он возглавлял с 1933 по 1939 г. Международное медицинское общество психотерапии со штаб-квартирой в Цюрихе, совместно с М.Г. Герингом (двоюродный брат рейхсмаршала Г.В. Геринга) редактировал журнал "Zentralblatt fur Psychotherapie", инициировал обсуждение вопросов о различиях в расовой психологии. Юнг оправдывал свою терпимость к нацистам тактикой врача-психиатра: «Как психиатр, привыкший иметь дело с пациентами, которым угрожает опасность гибели под натиском содержимого бессознательных слоев психики, я знал, что с терапевтической точки зрения чрезвычайно важно по возможности укрепить их сознание и способность к пониманию – так, чтобы было чему "перехватить" и интегрировать содержимое, прорывающееся в сферу сознания. Это содержимое само по себе необязательно имеет разрушительную природу, но оно неоднозначно, и лишь от склада "перехватывающего" его сознания зависит, будет ли его воздействие проклятием или благословением... Движущие силы психологического массового движения по сути своей архетипичны. В каждом архетипе содержится низшее и высшее, злое и доброе; поэтому он способен приводить к диаметрально противоположным результатам. С самого начала невозможно разобраться, будет ли он положительным или отрицательным. Относясь к подобным вещам как врач, я привык выжидать, поскольку врачу не позволено высказывать поспешные суждения; он не всегда может знать с самого начала, что лучше, а что хуже, и должен судить о вещах со всей беспристрастностью» 1. Врач пытается блокировать злое начало архетипа и реализовать его положительную сторону. Иными словами, Юнг предпочитал видеть в нацизме некую амбивалентность, одновременное наличие добра и зла, рассчитывая на победу созидательного начала в психике немцев.

Кроме того, продолжает он оправдываться, «не следовало забывать, что вплоть до эпохи национал-социализма Германия была одной из самых многосложных, высокоорганизованных

и культурных стран мира, а для нас, швейцарцев. к тому же и духовной первоосновой, с которой нас связывали узы крови, языка и дружбы. Я хотел сделать все, что в моих силах, чтобы предотвратить разрыв этих связей, поскольку культура является нашим единственным оружием против ужасающей угрозы массового мышления»². К этому Юнг добавлял, что на ранних стадиях национал-социалистическое движение еще трудно было распознать: «Когда Гитлер пришел к власти, для меня стало ясно, что в Германии разразился массовый психоз. Но я невольно успокаивал себя мыслью о том, что немцы - это прежде всего цивилизованная европейская нация с высокими понятиями о нравственности и дисциплине. Поэтому окончательный исход этого, несомненно, массового движения в течение некоторого времени казался мне неопределенным, а сама личность фюрера поначалу произвела на меня сильное впечатление главным образом своей противоречивостью. Правда, посетив Берлин с циклом лекций в июле 1933 года. я был крайне неприятно поражен как поведением нацистской партии, так и личностью Геббельса. Но мне не очень-то хотелось с самого начала придавать этим симптомам решающее значение, поскольку целый ряд известных мне лиц, в чьем идеализме я не имел никаких оснований сомневаться, пытался доказать мне, что все это – не более, чем перекосы и злоупотребления, неизбежные при любой великой революции. Иностранцу в то время, действительно, нелегко было составить себе достаточно ясное мнение. Подобно многим моим современникам, я был подвержен сомнениям»³. Объяснения, очевидно, выглядят слабыми, поскольку стержнем агитационной кампании нацистов еще с 20-х годов было воссоздание Германской империи, средствами достижения которой объявлялись война, ксенофобия и антисемитизм.

Исследователи, правда, отмечают и заслуги Юнга в сопротивлении нацизму: «Но нельзя забывать и о других, более отрадных фактах в деятельности Юнга, касающихся его взаимоотношений с нацистами, – и прежде всего, о фактах, имеющих отношение к еврейскому вопросу. Когда Юнг занимал должность президента Международного Общества психотерапии, оно беспрепятственно принимало в свои ряды ученых немецко-еврейского происхождения, исключенных из находящейся под контролем нацистов Немецкой секции. Благодаря твердой позиции Юнга, Общество сохраняло "нейтралитет во всем, что касалось политики и мировоззрения", а издававшийся Обществом журнал продолжал публиковать лишенные какой-либо предвзятости рецензии на книги еврейских авторов. В 1934 году

¹ Юнг К.Г. Очерки о современных событиях. Психология нацизма // Одайник В. Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 330.

² Там же. С. 330, 331.

³ Там же. С. 229, 330.

Юнг включил в свою книгу "Действительность души"... статью автора-еврея, Хьюго Розенталя, и в том же самом году написал предисловие к книге "Открытие души".., написанной его учеником Герхардом Адлером, евреем по национальности. Таким образом, нет очевидных доказательств того, что сам Юнг являлся антисемитом. Уже в 1936 году, в очерке "Вотан", он вынужден был прийти к заключению, по существу – отрицательному, об "одержимости" современных немцев, подданных Третьего Рейха. А в 1939 году, когда возглавляемое им Международное Общество расширяет свой этнический состав благодаря вступлению в него большого числа итальянцев, венгров и даже японцев, Юнг подает в отставку с поста президента, потому что не чувствует более уверенности в том, что Общество сможет оставаться свободным в своей работе от "арийских предписаний сверху"»⁴.

Первая мировая война прочертила четкую линию, отделившую традиционную либерально-демократическую Европу, какой ее хотели видеть классики либерализма, от Европы 20-30-х годов, когда авторитарные и диктаторские режимы росли, как грибы после дождя. По верному замечанию Н.А. Бердяева, мировая война, резко понизив ценность человеческой жизни, создала благоприятные условия для появления диктатур. Психология масс начинает активно разрабатываться с последней трети XIX в. (Г. Лебон, Г. Тард, В. Вундт), но диктаторские режимы первой половины ХХ в., взращенные на массовых политических движениях, давали новый материал для психологических исследований. Аналитическая психология Юнга с ее теорией коллективного бессознательного, конечно же, не могла пройти мимо данного политического феномена. Следует вспомнить, что коллективное бессознательное — это совокупность архетипов, т.е. духовно-природных кристаллов, сформированных в древнейшие времена и ставших основой больших и малых этносов. Архетипы, однажды сформировавшись, в дальнейшем остаются практически неизменными, но имеют свойство активизироваться при определенных условиях. Базовое положение Юнга сводится к тому, что коллективное бессознательное задает границы целеполагающей деятельности этносов, за которые они выйти не в состоянии. Прогресс социальных форм, науки и техники есть только верхняя часть айсберга, фундаментом культуры продолжают оставаться архетипы коллективного бессознательного, сформировавшиеся во времена появления этноса. Современные западные общества, забыв свою праисторию и оторвавшись от своих архетипов, на самом деле оказались от них в полной зависимости. Игнорирование архетипов ведет к тому, что они становятся неуправляемыми,

их энергия разрушительна. Появление тоталитарных режимов, по Юнгу, — прямое тому подтверждение. Современные политические движения, делает он вывод, — это массовые психозы.

Западноевропейские просветители XVII—XVIII вв. (Т. Гоббс, Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Т. Джефферсон), создавая модель новой буржуазной государственности, апеллировали к разуму как необходимому условию возникновения и функционирования государства и права. Считалось, что «естественный» человек, наделенный разумом и представлениями о морали, порывает с хаосом «войны всех против всех» с целью создания разумного политического порядка. Концепция общественного договора указывала на народ как на источник государственной власти, а сам народ изображался как механически сложенная совокупность разумных индивидов, как субъект политики, движимый императивами разума и врожденной высокой морали. Данные политико-идеологические клише были воплощены в юридических конструкциях и процедурах публичного права Запада XIX-XX вв. Вместе с тем появившаяся в последней трети XIX — начале XX в. полноценная социальная наука (социология, антропология, политология, социальная психология) предложила посмотреть на народ не как на этикоюридический и разумно организованный феномен, а как на биологический организм, биологическую массу, подчиненную законам природы (методы естествознания, распространенные на социальную науку, в значительной мере предполагали именно такое понимание проблемы). Этот методологический подход довольно быстро находит свое применение в политической практике. Лидеры массовых политических партий вводят в широкий публицистический, идеологический и агитационный оборот термин «массы», имея в виду под ним человеческие коллективы, живущие по преимуществу не разумом, а инстинктами и эмоциями. Такой подход ломал классические либеральные политико-юридические конструкции и почти идеально подходил массовым политическим движениям вождистского типа. В известном смысле ситуация первой трети XX в. повторила эпоху буржуазных революций, когда возникла потребность в концепциях общественного договора и естественного права, выполненных в духе рационализма. Конечно, социальная наука не может нести ответственность за возникновение тоталитарных режимов, речь идет лишь о тесной связи между обществоведением и политикой.

Юнг в полном соответствии с духом времени также порывает с рационализмом и гуманизмом эпохи Просвещения, давая свою трактовку таким категориям, как народ, нация, массы и их взаимоотношениям с индивидом и государством. Гигантские социальные катастрофы, рассуждает он, являются проявлениями психики. Войны и революции

⁴ Одайник В. Указ. соч. С. 119, 120.

24 ЖУКОВ

есть психические эпидемии, одновременно захватывающие миллионы людей. Эпоха Просвещения, подорвав веру в Бога, устранила чувство страха перед ним, а это было средством сдерживания разрушительных сил бессознательного. Разум, вставший на место Бога, оказался не в состоянии противостоять коллективному бессознательному, он подчинился эмоциям тех групп людей, которые связывали свою судьбу с развязыванием войн, революций и других социальных катастроф. В индивиде, который становится частью массы, вырываются наружу «демоны» коллективного бессознательного. Человек бессознательно опускается на более низкий интеллектуальный и моральный уровень, ранее сдержанный и рассудительный, он превращается в маньяка или дикаря. Между безумцем и толпой стирается разница, потому что обоими движут безликие непреодолимые силы. В условиях массовых движений человек коллектива становится преобладающим и удушает человека-личность. Идеи, захватывая массы, порождают фанатичную одержимость, бросающую вызов разуму. Несогласные с этими идеями физически уничтожаются. Коллективное бессознательное, рождающее психическую эпидемию, вызывает в массах двойственные чувства. С одной стороны, они одержимы разрушительными эмоциями, влекущими за собой социальную катастрофу, с другой – ощущают страх перед ней, что рождает в ней потребность в герое. способном защитить массы от грядущей катастрофы. Поскольку масса безымянна и безответственна, ей требуется вождь. Люди склонны винить в социальных катастрофах внешние обстоятельства, но взрыв разрушительных сил возможен потому, что эти силы уже жили в людях. В этом смысле люди постоянно находятся на вулкане, от которого нет никакой возможности защититься. Единственная возможность противостоять массовым движениям – перехватить негативное влияние архетипа, блокировать его «весомым большинством отдельных личностей», в которых еще жив дух индивидуализма⁵.

Нравственность общества, по Юнгу, находится в обратной зависимости от его численности: чем выше концентрация людей, тем в большей мере нивелируется личность, а вместе с ней — и нравственность, т.к. последняя всецело зависит от индивида и условий его свободного развития. Отсюда делается вывод, что человек, связанный узами общества, перестает чувствовать свою ответственность, и в этом смысле всегда уступает человеку, ощущающему себя свободным и потому возлагающему ответственность на себя. «Любая большая компания, пусть даже состоящая из самых симпатичных людей, по своему нравственному

и умственному уровню напоминает неуклюжее. тупое и злобное животное. Чем многочисленнее организация, тем труднее избежать в ней аморальности и слепой тупости. Автоматически подчеркивая в каждом из своих членов качества коллективного порядка, общество вознаграждает прежде всего посредственность и поощряет любого, кто согласен вести беспроблемное, безответственное, растительное существование. Сильная индивидуальность неизбежно загоняется в угол»⁶. Большие человеческие коллективы (нации, государства) строятся на выпячивании самых примитивных черт человека и уничтожении личности в интересах этих организаций. Человек, более или менее соответствующий коллективу, «превратил свое сердце в притон убийц», что доказывает его бессознательное. «Поскольку он приспособлен к своей среде, его не смутит никакая подлость со стороны его группы – тем более, что большинство его сотоварищей твердо верит в высочайшую нравственность своей социальной организации» ¹. Государства и нации управляются не разумом, а безликой и страшной силой, сдержать которую невозможно. Эта дьявольская сила обычно объясняется как страх перед соседней нацией, которая будто бы одержима бесами. На самом деле нации и государства проецируют свое бессознательное на соседей, которые, в свою очередь, подчинены тем же психическим механизмам. «Хорошо известно, что среди пациентов психиатрических больниц наиболее опасны не те, кем движет ярость или ненависть, а те, кто страдает от страха» ⁸.

У нации, по Юнгу, есть собственная психология и соответственно своя психопатология, состоящая из большого количества признаков, среди которых выделяется повышенная внушаемость. Когда Юнга спросили, смогут ли Англия и Франция избежать войны с Гитлером, если понадобится на деле гарантировать новые границы Чехословакии после ее раздела 1938 г., захотят ли они выполнить свои обязательства, он дал развернутую характеристику нации. Нация, рассуждает он, - «большой бессмысленный червяк», имеющий свою судьбу. У нации не может быть чести, она не может держать слова. По этой причине в старые времена старались иметь короля, обладающего личной честью и словом. «Не всякий обладает достоинствами, но всякий является носителем низших животных инстинктов, обладает внушаемостью пещерного человека, подозрительностью и злобностью дикаря. Вследствие этого многомиллионная нация являет собой нечто даже нечеловеческое. Это ящерица, или крокодил, или волк. Нравственность ее государственных

⁵ См.: *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 321–323, 325, 328, 329.

⁶ Там же. С. 320.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 324.

деятелей не превышает уровня животноподобной нравственности масс, хотя отдельные деятели демократического государства в состоянии несколько приподняться над общим уровнем» Нация—это монстр, несущий угрозы человечеству. «Малые нации предполагают малые катастрофы. Большие нации предполагают большие катастрофы» 10. Поэтому Юнг—за малые нации.

Если снять метафоры, употребляемые Юнгом, то следует признать полную правоту его позиции, отражаемую, например, в международном праве. Один из принципов международных отношений, выросших из многовековой практики, формулируется примерно так: государство руководствуется в своей деятельности на международной арене не правом, а своими интересами; вступив в какой-либо договор, оно может из него выйти, как только сочтет это для себя выгодным. Данный принцип взят не из головы юристов эпохи Просвещения, он рожден грубым эгоизмом нации, главная задача которой — обеспечение благоприятных условий для своего физического выживания. Юнг выказывает свое негативное отношение к нации, отталкиваясь от практики национал-социализма, поскольку она наиболее ярко демонстрирует разрушительные возможности нации. Итальянские фашисты и немецкие нацисты закрепили в своих программных документах положение о нации как высшей ценности, ради которой требуется приносить любые жертвы. Вместе с тем следует вспомнить, что апелляцию к народу, нации можно найти у всех революционных вождей Нового и Новейшего времени, конституционные акты — тому свидетельство. Развивая идею о животном эгоизме нации, Юнг ставит вопрос об ответственности нации в целом. К такому выводу его подводит теория коллективного бессознательного: архетипы создаются этносом, именно этнос несет ответственность за отрыв от своих архетипов, за отсутствие контроля над ними, а значит, и за их разрушительную активизацию. Немцы. утверждает Юнг, породив национал-социализм, показали неспособность держать в узде свое бессознательное, а потому правомерно ставить вопрос об их коллективной ответственности. В данном случае Юнг порывает с западноевропейским индивидуализмом и гуманизмом, т.к. перекладывает ответственность на весь народ, хотя известно, что среди немцев было немало антифашистов и что сами немцы пострадали от режима. Здесь опять-таки надо заметить, что Юнг, говоря об ответственности нации, народа, не очень далек от практики международных отношений, где в той или иной форме коллективная ответственность признается. Когда на государство

в результате, например, проигранной войны накладываются репарации и репрессалии, тяготы по исполнению этих санкций несет вся нация. На примере Германии это наглядно видно: после капитуляции Третий рейх прекращает свое существование, но репарации тем не менее накладываются уже на вновь возникшее немецкое государство, по сути, на всех немцев.

Итак, возникновение тоталитарных режимов в первой трети XX в., по Юнгу, есть следствие сил коллективного бессознательного. Спавшие до поры архетипы активизируются как результат проявления компенсации за какие-то поражения в жизни, за неудовлетворенность действительностью. Массовый психоз, представленный в форме политических движений, появляется вследствие неспособности сознания адаптировать и взять под контроль прорвавшееся в него бессознательное. Бессознательное не встречает со стороны сознания критической рациональной оценки, что свидетельствует о поврежденности сознания. После Первой мировой войны в коллективном бессознательном возник своеобразный прилив. Обе мировые войны одновременно стали результатом накапливания сил зла и сами развязали эти силы зла. Архетипы объединили вокруг себя толпу, которая выдвигает лидера, отличающегося наименьшей сопротивляемостью архетипам, наименьшим чувством ответственности и в силу низменных качеств наибольшей волей к власти. В коллективном бессознательном существуют архетипы порядка и уравновешивающие их архетипы беспорядка. Архетипы порядка, не адаптированные сознанием, реализуются в резком снижении ценности личности, подавлении свободомыслия и установлении тоталитаризма. Тоталитарное государство есть следствие взорвавшихся сил коллективного бессознательного, нацеленных на создание системы государственного рабства, государственной тюрьмы. Приняв на себя претензии теократии, оно уничтожает людей во имя утопии земного рая. Данный процесс оказывается неизбежным, но благодаря ему личность начинает понимать, что только она хозяин своей судьбы, а государство - лишь инструмент. При таком положении дел большую роль играют высокоморальные индивиды, способные противостоять действию разрушительных архетипов бессознательного. Таких индивидов немного, но именно от них зависит поддержание жизни и дальнейшее развитие цивилизации. Сознание масс прогрессирует крайне слабо. Дух нации, делает вывод Юнг, могут изменить только личности, трансформация их мировоззрения¹¹.

Юнг усматривает причины установления тоталитарных режимов в активизации архетипов отца

 $^{^9}$ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // *Одайник В.* Указ. соч. С. 361.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 268–270, 319, 323, 324.

26 ЖУКОВ

и матери. Он предлагает вроде бы свой механизм действия отцовского комплекса, но очевидно, что это трансформация Эдипова комплекса Фрейда. Юнг связывает механизм распада родительских образов и образование интеллектуальной и социальной анархии в Европе. У взрослого человека, рассуждает он, родительский образ всегда смещается с родителей на другие объекты, в результате чего у индивидов могут формироваться психические комплексы. Так, перенос родительских образов на Римского папу означает перенос образов на Бога, поскольку папа получает свои полномочия от него. В этом случае происходит разрыв с земным человеческим бытием, человек лишается своих корней, и возможно формирование психического комплекса. Частота появления комплексов самая высокая у евреев (иудеев), на втором месте – протестанты, на третьем – католики. Когда психиатр лечит такой комплекс, зачастую родительский образ переносится на врача. В результате психотерапии католик или протестант могут еще вернуться к религии, перенеся туда отцовский образ. Но большинству пациентов не удается справиться с данным комплексом. Борьба с переносом родительского образа на ложные объекты ведет к появлению у пациента ощущения безотцовщины, сиротства, что может повлечь за собой тяжелые последствия. Родительский образ, не найдя себе адекватного носителя, активизируется в бессознательном, наполняясь энергией. В данном случае «эго» индивида, отделенное от родительского образа, растворяется в бессознательном, точно так же, как до этого было растворено в отношениях с носителями отцовского образа. Растворение «эго» в бессознательном может знаменовать распад личности, что проявляется в различных шизофренических психозах. Одновременно коллективное бессознательное может давать и лечебный эффект, а именно восстанавливать целостность личности, что Юнг называет самостью. Самость – один из важнейших архетипов, который обнаруживается, полагает он, например, в классической индийской йоге ^{12} .

Все эти общие подходы, по Юнгу, имеют значение для современности. Распад религиозных авторитетов ведет к философской и политической анархии, что противоречит ценностным установкам западного европейца, привыкшего к патриархальному порядку. Архетипы отца и самости требуют от западного европейца восстановить порядок. Если в эпоху Средневековья родительский образ переносился на церковь, то в XX в. он переносится на государство, которому индивид готов передать «абсолютные права на исключительное владение всем». Авторитарные и тоталитарные режимы Европы хорошо чувствуют такую инстинктивную

устремленность масс и пользуются ею, что вредит общекультурным началам человечества. На протяжении всей истории человечества был конфликт между стремлением человека к индивидуальной свободе и проекцией родительского образа на государство, который всегда решался в пользу последнего. Благодаря христианству индивидуалистическая тенденция (идея бессмертия человеческой души) начинает доминировать, резко уменьшив влияние родительского образа и его связь с государством. Следствием такого эффекта стал острый моральный конфликт, моральный выбор человека между собственной свободой и всевластием государства. Те, кто отдает приоритет коллективному бессознательному и архетипу отца, делают выбор в пользу государства, т.е. совокупности тех «ничтожеств», «чудовищ», которые в интеллектуальном и этическом отношении стоят на крайне низкой ступени своего развития. Христианство никогда не соглашалось с верой в государство, противопоставляя ей веру в царство Божие. Христианство, отвергая земную власть над миром, ставило целью обосновать бессмертную душу человека. Здесь Юнг выходит на тему «личность – общество», предлагая решить эту дилемму в пользу первого. Общество, рассуждает он, есть совокупность индивидов, они - носители жизни. «Общество - это величайшее искушение для бессознательного, и массы с неизбежностью проглатывают индивида, не рассчитывающего на себя, и в любом случае низводят его к состоянию беззащитной частицы» ¹³. В случае победы бессознательного «душа будет платить всю жизнь своею собственною жизнью и станет функцией, которой будут пользоваться так, как Держава сочтет нужным. <...>. Самая проницательная личность не сможет отрицать, что организация нашего общества, называющегося Державой, не только ощущает сильный зуд увеличить свою власть, но и вынуждается обстоятельствами это делать. Если это происходит при свободном согласии и вызвано тем, что граждане Державы понимают, что творят, тогда в качестве результата будет только добро. Если, наоборот, такое происходит из-за того, что люди решили для себя более удобным уклониться от трудных решений или из-за недостатка сознательности, тогда индивид подвержен верной опасности прекратить свое существование как человеческого существа. Случись такое, исчезнут отличия Державы от тюрьмы или термитника» ¹⁴. Вместе с тем окончательный вывод Юнга пессимистичен. За всю историю европейской цивилизации, утверждает он, господство родительских образов не ослабло. Психика европейца во многом патриархальна, склонна к иерархии, а потому любая

¹² См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 297-301.

¹³ Там же. С. 305.

¹⁴ Там же. С. 306.

попытка ослабления родительских образов обречена на провал. Следовательно, тоталитаризм всегда будет оставаться потенциальной угрозой 15.

В связи с национал-социализмом Юнг рассматривает вопрос о природе и качествах вождей массовых политических движений, давая яркие характеристики Сталину, Муссолини и, конечно, Гитлеру. Его исходная позиция сводится к тому. что массовые движения есть проявление психоза, результат бесконтрольной активизации архетипов коллективного бессознательного. Вот показательное высказывание Юнга из интервью 1933 г.: «Сегодня мы переживаем время варварских вторжений, но они происходят в душе человека. Это переломный момент в развитии наций. Время массового движения – всегда время вождей. Всякое движение естественно достигает высшей точки в лидере, который олицетворяет собой смысл и цель народного движения. Он является воплощением национальной души и ее выразителем. Он на острие пришедшего в движение народа. Потребность народа в единстве всегда порождает вождя, причем это не зависит от формы государственного устройства. И только во времена общественного застоя бесцельно жужжит машина парламентских обсуждений, за которой никогда не чувствуется ни жизненной глубины, ни серьезных причин; даже наиболее миролюбивое правительство в Европе, Швейцарский Бундесрат, в случае необходимости облекается чрезвычайными полномочиями, демократическими или недемократическими. Совершенно естественно, что лидер должен встать во главе элиты, которая в прежние времена формировалась из аристократии. К аристократии считают себя принадлежащими по праву природы, это аристократизм крови или аристократизм расы. Западная Европа не понимает особенного психического и критического положения молодой немецкой нации, поскольку не ощущает себя в той же самой ситуации ни в историческом, ни в психологическом отношении» ¹⁶. Из текста видно, как Юнг сам отчасти воодушевлен и захвачен силой и масштабом массовых движений. Поэтому и парламент у него приобретает образ «бесцельно жужжащей машины» на фоне энергичных, действенных и эффективных, как ему представляется, партийных вождей. В нем самом, по-видимому, активизировались архетипы (если следовать его теории), снижающие его научный критицизм и скептицизм. Вместе с тем он оговаривается, что «истинный вождь народных движений» должен иметь мужество быть самим собой, ясно осознавать свои цели, свои возможности и свою ответственность перед нацией. Именно этих качеств, по Юнгу, не

хватает современным диктаторам. Здесь психолог демонстрирует некоторое противоречие: с одной стороны, утверждается, что народный вождь есть всегда порождение массового психоза, с другой — тезис о некоем абстрактном «истинном лидере», который способен блокировать в себе действие бессознательных сил. Исходя из базовых положений теории коллективного бессознательного, такое невозможно.

В примитивных обществах, рассуждает Юнг, существовало два типа людей, обладавших властью: вождь, физически более мощный, чем его соперники, и шаман, сильный в силу власти, спроецированной на него людьми. Иными словами, это император и глава религиозной общины. Муссолини и Сталин принадлежат к категории вождей, особенно первый, поскольку это человек физической силы, у него ум вождя. Диктаторы возникают в среде гонимых, униженных и страдающих от острой нужды людей. Принято считать, что у диктаторов большую роль играет честолюбие, но это далеко не так. Менее всего подвержен честолюбию Гитлер, поскольку он отождествляет себя с Германией и не управляет ей, а только истолковывает общее направление событий. Честолюбие Муссолини превышает честолюбие обычного человека, но его сила определяется не им, а связью с бессознательным итальянского народа, орудием которого дуче является. Честолюбие – определяющая черта Сталина, который не отождествляет себя с Россией и правит ей подобно царю. По Юнгу, Сталин – это честолюбивый грузин, захотевший править русским народом. Сталин – не созидатель, в умственном отношении он не так интересен, как Муссолини. Сталин «просто захватил то, что сделал Ленин, вонзил свои зубы и пожирает. Он даже разрушает не творчески. Ленин снес целую структуру феодального и буржуазного общества в России и заменил ее своим собственным творением. Сталин разрушает его. <...>. Сталин именно животное хитрый злобный мужик, бессознательный зверь в этом смысле несомненно самый могущественный из всех диктаторов. Он напоминает сибирского саблезубого тигра этой мощной шеей, этими разглаженными усами, этой улыбкой кота, слизывающего сливки. Я могу предположить, что прежде Сталин мог быть Чингиз-ханом. Меня не удивит, если он сделает себя царем» ¹⁷. Сталин, избрав тиранию как способ правления, остался в логике борьбы с царизмом: «вы становитесь тем, с чем вы постоянно боритесь» ¹⁸. Сталин по духу является пролетарием потому, что он грубо и цинично уподобляет себя царю вопреки своим политическим убеждениям. Возможно, до большевистской революции Сталин

¹⁵ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 296, 297.

¹⁶ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 343.

¹⁷ Там же. С. 345, 346.

¹⁸ Там же. С. 357.

не думал о личной власти, но революционные события показали ему, как захватывают власть, и он решил, что сможет это повторить, но уже в личных целях. Сталин, несомненно, уничтожил бы Ленина, если бы тот остался жив. Сталин заинтересован в том, чтобы его страна процветала, т.к. чем богаче и могущественнее последняя, тем могущественнее он сам. Но процветание страны есть только способ удовлетворения его жажды личной власти. В известном смысле человечество должно быть признательно Сталину за наглядную демонстрацию всему миру той очевидной истины, что коммунизм ведет к диктатуре ¹⁹.

Дает Юнг характеристику и фашистской Италии. Итальянцы более уравновещены, чем немцы. «Их мысли не колеблются и не барахтаются, не скачут и не прерываются вследствие непомерных восторгов, которые являются каждодневным проявлением германского ума. <...>. Когда в Италии к власти пришли фашисты, Муссолини даже не сместил короля. Муссолини действует не через экстаз духа, но как бы с молотком в руке вгоняет Италию в ту форму, которую хочет, почти так же, как его отец, бывший кузнецом, изготовлял обычно подковы» ²⁰. Уравновешенность итальянских фашистов Юнг видит и в том, что они не преследовали евреев так, как это делали нацисты. Гитлер как человек едва существует, он находится под маской своей роли шамана. Муссолини, напротив, всегда шире своей роли народного вождя, он просто человек. Юнг вспоминает, как ему «посчастливилось» видеть дуче и фюрера во время официального визита Муссолини в Берлин. Он отмечает естественность реакций Муссолини и зажатость Гитлера. По Юнгу, Муссолини демонстрировал «надлежащий вкус», в частности, в том, что он ввел «немецкий гусиный шаг» в итальянской армии и выбрал титул «дуче» – «простое, но самобытное, итальянское определение вождя». «По сравнению с Муссолини Гитлер произвел на меня впечатление в некотором роде деревянного каркаса, одетого в платье, механизм, напоминающего робота или с маской робота. В продолжении всей церемонии он ни разу не улыбнулся; как будто бы он сердился, был в дурном настроении. Он не обнаружил ни одного человеческого признака. Его лицо выражало непреклонную одержимость целью, без тени юмора. Казалось, что он дублер реального человека и что Гитлер-человек прячется внутри, и прячется намеренно, для того чтобы не нарушать механизм. Какое поразительное различие между Гитлером и Муссолини! Я не мог не почувствовать расположения к Муссолини. Его жизненная энергия и пластичность были теплые, человечные, заразительные. У вас уютное

ощущение от Муссолини, как человека. Гитлер вас пугает. Вы понимаете, что никогда не будете способны разговаривать с этим человеком, потому что это никто; это не человек, а коллектив. Он не личность; он целая нация» ²¹. Муссолини, поскольку он — только человек, будет легче найти преемника, чем Гитлеру, который, полагает Юнг, незаменим.

В своих оценках Гитлера Юнг заметно эволюционировал. В интервью 1938 г. он говорит о Гитлере в диапазоне от констатации его «выдающихся качеств вождя» до восхищения им. Гитлер, по Юнгу, — это шаман, его тело не внушает представления о силе, у него полный сновидений, призрачный взгляд, его глазами смотрит ясновидящий. Гитлер — фигура мистическая. Гитлер не производит почти никакого впечатления на иностранцев, но почти каждый немец падает перед ним на колени. Это происходит потому, что для всякого немца Гитлер является зеркалом его бессознательного. «Он рупор, настолько усиливающий неясный шепот немецкой души, что его может расслышать ухо ее бессознательного» ²². Гитлер мистическим образом раскрывает немцу судьбу Германии, поэтому его власть не политическая, а магическая. У Гитлера бессознательное исключительно близко расположено к сознанию, он сознательно подчиняется бессознательному, позволяет ему направлять себя, как истинный вождь он ведом им. Гитлер – медиум, посредством которого немцы открывают свои тайные стремления. В бессознательном Гитлера немцы видят себя, что делает его таким могущественным. Решения, которые принимает Гитлер, оказываются безошибочными, потому что он опирается на бессознательное, а не пользуется, как другие, рациональными доводами. Гитлер верно оценил своих противников, оказавшихся не готовыми оказать ему сопротивление. (Юнг здесь имеет в виду раздел Чехословакии и присоединение Австрии.) Гитлер-человек иногда испытывает страх, но он всегда следует за Гитлером-пророком. Немцы убедились, что обрели в Гитлере своего мессию, которого они ожидали со времен поражения в Первой мировой войне. Гитлер и есть немецкий народ. Гитлера невозможно представить женатым, если он женится, то перестанет быть Гитлером. По-видимому, он всецело пожертвовал своей сексуальной жизнью ради Германии, которая и есть его подлинная страсть. Поскольку бессознательное в мужчине всегда представлено в образе женщины, Гитлер будет находиться под властью идеи, а она всегда женственна 23.

¹⁹ См.: Три интервью К. Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 358.

²⁰ Там же. С. 354.

²¹ Там же. С. 355.

²² Там же. С. 347.

²³ См.: там же. С. 347–350, 356.

После 1945 г. Юнг в отношении Гитлера выражений уже не выбирал, демонстрируя свое презрение к нему. Гитлер, полагает он, будучи одержим архетипом порядка, стал выражением мечты немцев о «новом порядке». «Немцы хотели порядка, но совершили фатальную ошибку, выбрав своим лидером первую жертву беспорядка и безудержной алчности». Гитлер стал персонификацией всего худшего в человеке. Это был невероятно бездарный, неприспособленный, психопатический индивид, полный бессодержательных детских фантазий, но отмеченный интуицией крысы и хулигана. Он представлял тень, наихудшую часть всякой личности в подавляющей степени, и это другая причина, почему немцы пали перед ним»²⁴. «Только в психологическом состоянии немцев веймарского периода нужно искать объяснение тому, что они последовали за явно сумасшедшим человеком. В противном случае, невозможно "понять, как его напыщенные речи, произносимые визгливым раздражающим голосом, с какими-то бабьими интонациями, могли производить такое впечатление на слушателей". Ведь у иностранцев его театральная и явно истерическая жестикуляция, как правило, вызывала смех. "Он вел себя на людях так, словно был погружен в свою отдельно существующую жизнь, и, если воспользоваться более конкретным образом, как угрюмый, демонический человек-робот – популярный персонаж массовой литературы... Он был совершенно неспособной к адаптации, безответственной, психопатической личностью, полной пустых, инфантильных фантазий, но с дьявольски острым чутьем, свойственным, например, крысам или беспризорникам". Однако для немцев он являлся нормальной, более того, вызывающей восхищение личностью, потому что он выражал их действительное состояние: их крушение и разочарование, их возмущение, их коллективную истерию. В его личности нашли воплощение все характерные черты истерика: "полное отсутствие самоанализа, аутоэротическое самолюбование и самооправдание, яростная критика и наведение страха на ближних (с каким презрением говорил иногда Гитлер о собственном народе!), проецирование тени, лживость, фальсификация реальности, готовность производить впечатление любыми средствами, запугивание и надувательство". На языке клинических терминов состояние Гитлера следовало бы определить как pseudologia phantastica, т.е. форма истерии, характеризуемая способностью больного верить в собственную ложь. <...>. Помимо истерии, Гитлер, по мнению Юнга, репрезентировал теневую сторону немецкой личности, ее вытесненную "худшую" часть. Его характер и судьба определялись мучительными переживаниями

собственной несостоятельности, ребяческими эмоциями и всепоглощающей жаждой силы и господства. Эта часть личности тоже способствовала его популярности, потому что, при определенных условиях, радостное чувство узнавания и приятного возбуждения сопровождает встречу с ранее вытесненной тенью. Определенное обаяние исходит от живущей в глубинах коллективного бессознательного фигуры трикстера, и, наблюдая за его ужимками и проделками, мы невольно сочувствуем ему. Но, выражая истерическую, низшую и теневую сторону немецкой личности, Гитлер одновременно обещал и был живым символом возвращения немцам того, в чем они остро нуждались, - силы, власти, превосходства, уважения к себе, безопасности, дисциплины и порядка. То, что ему на протяжении почти десятка лет удавалось давать все это немцам - пусть временами только в их воображении - тоже объясняет причину его магической власти над немецким народом» 25.

Рассуждая о национал-социализме и ставя перед собой цель создать психологический портрет Германии и немцев, Юнг хотя и пытается быть объективным, но черной краски для описания не жалеет. Он, по его словам, следил за «немецкой революцией», «глядя в пробирку индивидуального случая», сознавал огромную опасность, но не знал, что взрыв будет неизбежным. Еще в 1918 г. Юнг заметил нарушения в бессознательном немецких пациентов. В их бессознательном им были обнаружены архетипы, выражающие насилие и жестокость. Клиника этих пациентов корреспондировалась с умонастроениями, которые стали преобладать в Германии. Атака первобытных сил была характерной для всей Европы, но немцы оказались более восприимчивы к разрушительным архетипам. В сознании у немцев не было ценностей, которые смогли бы блокировать действие разрушительных сил бессознательного. Немцы были под влиянием материализма (имеется в виду марксизм и социал-демократия), религиозные организации ничего не смогли противопоставить бессознательному. «Немецкая катастрофа» продемонстрировала ужасы, ранее не виданные. В немцах, создавших высокую цивилизацию, есть какие-то глубины, «чудовищным образом противоречащие их прежним высоким достижениям. <...>. Подобное явление известно в психопатологии под названием диссоциации (расщепления) и служит одним из признаков психопатической предрасположенности» ²⁶. Поражение в войне и социальные бедствия усилили стадные инстинкты немцев, стало понятным, что Германия первой падет под действием сил коллективного бессознательного. Массовый психоз

²⁴ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 271, 272.

²⁵ Одайник В. Указ. соч. С. 108-110.

²⁶ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 268, 271, 331.

30 ЖУКОВ

немцев неизбежно вел их к преступлению. Психоз есть результат предрасположенности, психопатической неполноценности, формировавшейся на протяжении длительного времени. Германия, по Юнгу, всегда была страной психических катастроф: Реформация, крестьянские и религиозные войны. Природные условия требовали от немцев мирового господства, но они все время опаздывали, что сформировало у них комплекс неполноценности. «Они слишком поздно появились в Дунайской долине и положили начало своей нации много позднее Британии и Франции, уже процветавших на своем пути к национальному государству. Они слишком запоздали с захватом колоний и основанием империи. Когда они сплотились и объединились в нацию, то, оглядевшись вокруг, обнаружили Британию, Францию и другие страны во всеоружии взрослых наций, богатых колониями, и тогда сделались обиженными и завистливыми, подобно младшему брату, чьи старшие братья захватили львиную долю наследства»²⁷. На формирование комплекса неполноценности повлияли также традиции национальной культуры и капитализм: система нравственного и политического воспитания пропитала немцев «духом тупого послушания» и уверенностью в том, что благополучие придет от слепой веры в господство и чувства долга, индустриальная культура оторвала немцев от их корней, от естественных законов человеческого бытия, сделав заложниками интересов капиталистов, колебаний рынков труда и капитала. В условиях капитализма, стихии рынка у немцев было чувство собственной слабости, незащищенности, что компенсировалось стремлением к власти. «Было восстание бессилия и алчности» ²⁸. Комплекс неполноценности немцев обрел зримые очертания после поражения в Первой мировой войне.

Говоря о комплексе неполноценности немцев, Юнг разъясняет, что понятие нормы в психиатрии относительно. Только незначительная прослойка психопатов попадает в приюты, большинство из них до определенных пор считаются нормальными. Лишь очевидные симптомы могут свидетельствовать о начавшейся психической патологии. Латентные психопаты, как правило, выходят за рамки нормы, оказавшись в составе массы. Немцы часто давали повод считать их психопатами: они весьма восприимчивы, впадают в крайности и немного неуравновешенны. Немцы – космополиты, они легко теряют свою национальную идентичность, любят подражать другим нациям. «Всякий немец хотел бы одеваться подобно английскому джентльмену» 29. Гитлер всегда одевается по-своему, как

бы призывая быть настоящими немцами. «Немцы чрезвычайно восприимчивы к новым идеям, и когда знакомятся с той из них, что находит в них отклик, привлекает их, то способны принять ее на веру, без критики, и на время полностью подпасть под ее влияние; но затем, по прошествии времени, точно так же способны отбросить ее прочь и усвоить новую идею, возможно совершенно противоположную первой. Таким образом они управляют своей политической жизнью» 30.

Психическая неполноценность немцев стала следствием их неопределенного положения между Востоком и Западом. Мучимый их комплекс неполноценности они пытаются компенсировать манией величия. Немцы демонстрируют юношескую психологию, характерную «чрезвычайно распространенной гомосексуальностью», бездушием и демонизмом³¹. Неполноценность немцев проявляется в их пристрастии к изощренным интеллектуальным построениям и точной технологии. «С одной стороны, эта одержимость призвана компенсировать неразвитость и недифференцированность функции чувства, с другой – она отводит энергию и отвлекает внимание от мучительно переживаемой собственной неполноценности. При таком подходе появляется возможность с новой стороны взглянуть на антисемитизм нацистов, в котором принято видеть удовлетворение потребности в козле отпущения для немецкой нации в трудные для нее времена. При этом упускается из виду одна достаточно очевидная вещь: то, что еврейская культура в гораздо большей степени, чем германская, развила эмоционально-чувствующую сторону психического, а продолжительное сосуществование немцев лицом к лицу со своей "низшей" функцией – неважно, кто выступает в роли ее носителя: мы сами или другие – воспринимается как угроза. Отсюда нужда в компенсации, в подавлении "низкого", дабы избавиться от угрозы. <...>. Динамизм, демонстрируемый немцами в нацистский период, в значительной степени, по мнению Юнга, объясняется непрерывно возраставшим "разрывом" между интеллектом и чувством, между все более утончавшейся работой мысли и подавленными недифференцированными эмоциями. Более того, неведение о своей "другой" стороне - при смутном подозрении о ее первобытной силе – усиливает уже живущие в душе истерика ощущения неуверенности в себе и страха. В результате к первоначальному чувству неполноценности добавляется новое в том же роде, и смешанное ощущение своей неполноценности и неуверенности становится "источником специфически истерической психологии, характерные черты которой – потребность

²⁷ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 350.

²⁸ Юнг К.Г. Указ. соч. С. 271, 272, 283.

²⁹ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 353.

³⁰ Там же. С. 353, 354.

³¹ См.: там же. С. 363, 364.

в подтверждении своего престижа, стремление производить впечатление, выставлять напоказ свои достоинства и настаивать на них... Именно ощущение собственной неполноценности и неуверенности в себе являются причиной той крикливой самоуверенности, заносчивости и бестактности, благодаря которым немцы, законопослушные у себя дома до пресмыкательства, завоевали себе дурную репутацию во время посещений заграницы"» 32.

Главный архетип коллективного бессознательного немцев, виновный, по Юнгу, в развязывании их агрессии, – Вотан. Гипотеза о Вотане, с его точки зрения, объясняет национал-социализм лучше, чем экономический или политический анализ. Вотан – средневековый бог древних германцев, бог бури и неистовства, верховный маг и колдун, высвобождающий страсть к войне. Давно бездействующий, он проснулся, как потухший вулкан, и поверг цивилизованную Германию к ногам Гитлера. Вотан имеет и светлую сторону: это бог вдохновения, поэзии и мудрости, он – знаток рун и истолкователь судьбы, но в тех конкретных исторических условиях победило злое начало. Согласно Юнгу, пробуждение коллективного бессознательного в Германии предвосхитил еще Ф. Ницше, противопоставив аполлоновское начало (гармонию) дионисийскому (разрушительному) и тем самым создав традицию в философии культуры. Его Заратустра – прототип Вотана, а последний – двоюродный брат Диониса. Философы и поэты А. Шулер, С. Георге и Л. Клагес, возвеличив иррациональность и отказавшись от реальности и жизни, культивировали смерть как единственный способ преодолеть материальную оболочку жизни и прийти к подлинному существованию. Все это стало использоваться политиками в пропагандистских целях. Вотан, утверждает Юнг, – основополагающая черта немецкой души, «иррациональный, психический фактор, действующий, как циклон, на высокое давление цивилизации и сметающий ее прочь». В каждом немце выражение «Третий рейх» вызывает в его бессознательном библейские ассоциации: пророк Иисус в виде белокурого и голубоглазого героя, греческая мать Св. Павла, дьявол как международный Альберих еврейского или масонского сорта. Вотан заменил у немцев Христа, они – жертвы Вотана. В Германии симптомы Вотана очевидны: выпячивание арийской расы, акцент на связь с землей, народные обычаи, нордическая Аврора Бореалис (Северное сияние нордической (скандинаво-германской) расы) как светоч цивилизации и презрение к «низшим», средиземноморским расам. Штурмовые войска (Sturmabteilung) с их стремлением к насилию отражают существо Вотана. Свастика также отражает Вотана:

вращающийся в левую сторону крест, образующий вихрь, подразумевает в буддистской символике нечто неблагоприятное, направленное на бессознательное. Эти символы увлекают немцев все дальше к своей судьбе, которую даже их фюрер не может предсказать. Вотан стал идейным центром новой религии. Поскольку национал-социализм есть своего рода религия, нацисты воспринимают католичество и протестантизм как своих врагов, требующих уничтожения. Национал-социализм как религия выглядит реалистичной, земной, обещающей максимум вознаграждений в этой жизни и вечную жизнь в Валгалле 33. Эта религия проповедует доблесть меча, могущество арийской Германии 34.

Деструктивную роль, по Юнгу, сыграл тот факт, что немцы игнорировали свою Тень. Согласно его теории, Тень есть набор тех негативных качеств человека, которыми он обладает, но не признает своими. Имея данные качества, но не осознавая этого, индивид переносит их на других лиц, которые предстают вследствие такой трансформации во враждебном образе. Данный механизм Юнг распространяет на большие социальные общности. Немцы, полагает он, привели мир к социальной катастрофе потому, что демонизировали его, т.е. перенесли на другие нации и народы свои собственные страхи и комплексы. Они заподозрили в других народах то, что имели в своем сознании и психике. Первобытный человек поступает точно так же: демоны, наполняющие окружающий его мир, являются демонами его собственной души. Он испытывает страх перед объективной действительностью, не сознавая, что угрозы внешнего мира есть факты его психики. Немцы особенно уязвимы перед демонами вследствие своей повышенной внушаемости. «Это обнаруживается в их любви к подчинению, в их безвольной покорности приказам, которые являются только иной формой внушения» ³⁵. Механизм, заданный Тенью, ведет немцев к утрате чувства реальности и рождает потребность в компенсации своего неустойчивого душевного состояния. Этой компенсацией становится агрессия в отношении других народов. Чувство компенсации проявляется также в стремлении немцев обрести устойчивость и равновесие, а с ними – твердый порядок. Немцы, накачанные нацистской пропагандой, «превратились в сомнамбулических сверхчеловеков, первым среди которых был Гитлер, заразивший затем остальных».

³² *Одайник В.* Указ. соч. С. 104, 105.

³³ В германо-скандинавской мифологии небесное царство, куда попадают павшие в бою воины, продолжающие там наслаждаться жизнью.

³⁴ См.: *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 276—278, 281, 288, 289; Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 346, 347, 353; *Одайник В.* Указ. соч. С. 99.

³⁵ Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 364.

32

Все напистские лидеры одержимы демонизмом. а 10% немецкого населения – безнадежные психопаты. Пример немцев показывает, что нация, которая забывает свою Тень, игнорирует темную часть своей природы и верит в свою непогрешимость, становясь жертвой разрушительной одержимости. Игнорирование немцами своей Тени – один из источников их истерии. В Гитлере каждый немец узнал свою собственную Тень, но они восприняли ее некритично. Каждый народ должен сознавать свою Тень и учиться жить с нею, но немцы не поняли эту истину. Мир не сможет достигнуть состояния порядка, пока эта истина не будет принята всеми. Юнг приводит в пример Швейцарию, где граждане стараются постигнуть свою Тень, осознают ее и пытаются с нею бороться³⁶.

После окончания Второй мировой войны на Западе и в СССР, чтобы объяснить необходимость возрождения новой антимилитаристской антинацистской демократической Германии, активно распространялась концепция, согласно которой немецкий народ был «оболванен» нацистами во главе с Гитлером, поэтому нельзя возлагать ответственность на всех немцев. Считалось, что сами немцы пострадали от режима и войны, а потому им следует помочь преодолеть нацистское прошлое и построить новую Германию (либо на капиталистический, либо на социалистический лад в зависимости от зон оккупации). Предлагалось списать в архив общегерманский плебисцит 19 августа 1934 г., подтвердивший полномочия Гитлера подавляющим большинством немцев. Уже тогда всем было понятно и в Германии, и за ее пределами о завоевательных планах нацистов. Через каких-нибудь полтора года после прихода Гитлера к власти подавляющее большинство немцев (включая бывших социал-демократов и коммунистов) были готовы реализовать эти планы, поскольку рассчитывали, что это в их интересах. Как представляется, все это хорошо понимал Юнг, но обосновывал такое состоянии немцев с позиции своей теории коллективного бессознательного. Он требует, чтобы немцы несли коллективную ответственность за совершенные преступления. Война, которую они развязали, является, по его убеждению, несмываемым преступлением. «Ни одна нация не знала такого глубокого падения, как немцы; никто, кроме немцев, не запятнал себя до такой степени, понадобится труд многих поколений, чтобы смыть этот позор»³⁷. Как отмечалось выше, немецкий народ, с его точки зрения, виновен в том, что не смог вовремя распознать свои воинственные архетипы и взять их

под контроль. «Никто никогда не убедит меня, что нацизм был навязан немецкому народу масонами, евреями или подлецами-англичанами — все это звучит слишком по-детски. Подобных вещей я сверх меры наслушался в психиатрических лечебницах» 38. Юнг считает неверным делить немцев на нацистов и противников нацизма, на СС и военных, на тех, кто знал, и тех, кто не знал о преступлениях нацизма. В качестве психиатра, вспоминает он, ему приходилось заниматься двумя немцами-антинацистами, у которых он обнаружил в их бессознательном нацистскую психологию со всем ее насилием и жестокостью. Все немцы, развивает Юнг свою мысль, сознательно или бессознательно, активно или пассивно причастны к преступлениям нацистской Германии. Если политики затрудняются в вопросе о коллективной вине, то для психологов коллективная вина есть очевидный факт. Поэтому одна из наиболее важных задач лечения - заставить немцев признать свою вину ^{39} .

Психопатия немцев, полагает Юнг, видна в их реакциях на известные факты и события. Основное, чем огорчены немцы, - это проигрышем в войне, а также жестокостью оккупационных сил союзников. При этом немцы предпочитают не замечать преступления, совершенные ими на оккупированной территории стран Европы и России, концентрационные лагеря и массовое уничтожение мирного населения. Лишь крайне незначительная часть немцев готова искренне покаяться за совершенные преступления. Любую попытку немцев найти смягчающие обстоятельства своих преступлений Юнг предлагает рассматривать как неискреннее покаяние, как оправдание своей разрушительной деятельности. Бессознательное стремление немцев оправдаться доказывает их психопатическую неполноценность

«Германская катастрофа», по Юнгу, была лишь обострением общеевропейской болезни. Европа должна вместе с немцами разделить их вину, поскольку всегда пренебрегала своим коллективным бессознательным, отдавая предпочтение рационализму, науке и технике. Зло национал-социализма, утверждает Юнг, состоит также в том, что он будил в людях агрессию, стремление совершать преступления. Такой механизм был описан еще Фрейдом применительно к табу первобытных народов: нарушение табу заразительно, этот пример сразу же передается другим людям как сигнал, снимающий запреты на табу. Моральное

³⁶ См.: *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 272; Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 364, 365; *Одайник В.* Указ. соч. С. 105, 106.

³⁷ *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 335, 336.

³⁸ Там же. С. 332.

 $^{^{39}}$ См.: там же. С. 325; Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 362–364.

⁴⁰ См.: Юнг К.Г. Указ. соч. С. 333-335.

негодование, повторяет Юнг Фрейда, возникающее в результате совершения преступления, есть маска, за которой скрывается желание повторить это преступление. В этой связи Юнг опасается, что преступные желания, скрывающиеся под маской морального негодования, потребуют наказания, превышающего само преступление ⁴¹. Здесь выказывается очевидный пессимизм: союзные державы (США, Великобритания, Франция), демонстрируя свою ненависть к нацизму, сами по себе, по логике Юнга, являются источником деструктивных сил, которые в будущем могут принести новые войны.

Юнг подчеркивает, что его рассуждения о немцах — не обвинение, а диагноз, болезнь же — не позор, а беда. Поскольку немцы больны, необходимо проникнуть вглубь их болезни. Немцам, чтобы вылечиться, нужно полностью отказаться от былых иллюзий. В 1938 г. Юнг предлагал следующий способ лечения социального психоза в нацистской Германии. Всякое принуждение, рассуждает он, в отношении человека, действующего под влиянием коллективного бессознательного. опасно, т.к. он не только не послушает, но будет себя вести даже более агрессивно. Единственное, что может психиатр, — это попытаться интерпретировать пациенту его поведение, указав на опасность для него самого и общества. Единственный способ спасти западную демократию — не пытаться остановить Гитлера. «Можно попробовать отвлечь его, но остановить его невозможно без громадной катастрофы для всех. <...>. Инстинкт должен подсказать государственным деятелям Запада не трогать Германию в ее нынешнем настроении. Она также очень опасна» 42. Юнг предлагает направить агрессию Гитлера на Россию. Цинизм этого лощеного западного европейца поражает. На вопрос корреспондента: «Что произойдет, если Германия попытается свести счеты с Россией?» — Юнг отвечает: «О, это ее собственное дело. Для нас важно только, что это спасет Запад. Никто из покушавшихся на Россию не избежал неприятностей. Это не очень подходящая пища. Возможно, потребуется сотня лет, чтобы немцы переварили ее. Между тем мы будем спасены, я имею в виду всю западную цивилизацию... Рассматривая Гитлера как пациента и Европу как семью пациента и ближайших соседей, я предложил бы послать его в Россию. Там много земли – одна шестая часть всей поверхности земного шара. Не будет большим уроном для России, если кто-то захватит часть, и, как я сказал, никто никогда не преуспел в этом» 43

* * *

Следует иметь в виду, что, рассуждая о немецком народе и его ответственности, Юнг отталкивается от немцев эпохи Третьего рейха, их тогдашнего психического и интеллектуального состояния. Некоторые перехлесты в оценках вызваны как минимум двумя причинами: масштабом преступлений нацизма и стремлением оправдаться за сотрудничество с ними. Так, Юнг постоянно называет немцев той поры неполноценными, что может ассоциироваться с терминологией самих нацистов о «недочеловеках». Очевидно, что речь у него идет не о расовой неполноценности, а о состоянии психической неустойчивости, о психике, оказавшейся во власти коллективного бессознательного. Проблема, однако, как раз и заключается в том, что нацисты совершали преступления не под гипнозом, а осознанно и даже подводили под это теоретическую базу. Объявление их психически неполноценными, больными могло как-то снижать остроту ситуации и даже ставить вопрос о выведении их из-под ответственности, ведь невменяемых не судят. Особенность позиции Юнга состоит в том, что как бы коллективная невменяемость немцев, напротив, влечет за собой ответственность для всего немецкого народа. Ответственность должна наступить для того, чтобы немецкая нация в дальнейшем осознавала наличие у себя воинственных архетипов, внимательно следила за их поведением и умела блокировать их разрушительную активизацию. По мысли Юнга, немцы, как всякая другая нация, не способны выйти за пределы действия своих архетипов, они определяют их историческую судьбу. Задача, однако, состоит в том, чтобы, используя энергию архетипов, направить их действие в созидательное русло. После поражения во Второй мировой войне перед Германией. по Юнгу, стоят две главные угрозы: экономическая разруха и духовная изоляция. Поскольку Германия богато одарена, утверждает он, есть надежда на ее духовное возрождение⁴⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Одайник В*. Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 99, 104–106, 108–112, 119, 120.
- 2. Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945) // *Одайник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 343, 345—350, 353—365.
- 3. *Юнг К.Г.* Очерки о современных событиях. Психология нацизма // *Одайник В.* Психология политики. Политические и социальные взгляды К.Г. Юнга. СПб., 1996. С. 229–336.

⁴¹ См.: *Одайник В.* Указ. соч. С. 111, 112.

⁴² Три интервью К.Г. Юнга (1933, 1938, 1945). С. 359, 360.

⁴³ Там же. С. 360.

⁴⁴ См.: *Юнг К.Г.* Указ. соч. С. 334–336.

REFERENCES

 Odaynik V. Psychology of politics. Political and social views of K.G. Jung. SPb., 1996. P. 99, 104–106, 108–112, 119, 120 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич —

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

- Three interviews with K.G. Jung (1933, 1938, 1945) //
   Odaynik V. Psychology of Politics. Political and social views of
   K.G. Jung. SPb., 1996. P. 343, 345–350, 353–365 (in Russ.).
- 3. *Jung K.G.* Essays on contemporary events. Psychology of Nazism // *Odaynik V.* Psychology of politics. Political and social views of K.G. Jung. SPb., 1996. P. 229–336 (in Russ.).

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. –

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; chief researcher, Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert

—— ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ **——**

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

(Статья-рецензия на монографию А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект, 2021. — 760 с.»)

© 2022 г. В. В. Гаврилов*, А. И. Коробеев**

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

*E-mail: gavrilov.vv@dvfu.ru **E-mail: korobeev.ai@dvfu.ru

Поступила в редакцию 16.03.2022 г.

Аннотация. В статье-рецензии характеризуется работа, посвященная созданию и проведению Международного военного трибунала в отношении главных нацистских военных преступников европейских стран оси в Нюрнберге. Показан богатый фактический материал, анализируются результаты многолетних фундаментальных научных исследований структуры, содержания и правовых новелл Приговора. Делается вывод о том, что данную монографию необходимо рассматривать как первое в отечественной юридической науке комплексное исследование, в котором отражены политические, юридические, исторические, дипломатические и концептуально-правовые аспекты становления международного правосудия за преступления против человечества.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, военный трибунал, преступления против мира, агрессивная война, международная уголовная ответственность.

Цитирование: Гаврилов В.В., Коробеев А.И. Фундаментальное исследование Нюрнбергского процесса Заметки на полях (статья-рецензия на монографию А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М.: Проспект, 2021. − 760 с.») // Государство и право. 2022. № 4. С. 35−41.

DOI: 10.31857/S102694520019554-0

FOUNDATIONAL RESEARCH ON NUREMBERG TRIAL

NOTES AT THE MARGINS

(article-review of A.N. Savenkov's monograph "Nuremberg: A Verdict for name of Peace. Moscow: Prospekt, 2021. — 760 pp.")

© 2022 V. V. Gavrilov*, A. I. Korobeev**

Far Eastern Federal University, Vladivostok

*E-mail: gavrilov.vv@dvfu.ru
**E-mail: korobeev.ai@dvfu.ru

Received 16.03.2022

Abstract. The article-review describes the work devoted to the creation and conduct of an International Military Tribunal against the main Nazi war criminals of the European Axis countries in Nuremberg. The rich factual material is shown, the results of many years of fundamental scientific research on the structure, content and legal novels of the Sentence are analyzed. It is concluded that this monograph should be considered as the first comprehensive study in the domestic legal science, which reflects the political, legal, historical, diplomatic and conceptual-legal aspects of the formation of international justice for crimes against humanity.

Key words: Nuremberg trial, military tribunal, crimes against peace, aggressive war, international criminal responsibility.

For citation: Gavrilov, V.V., Korobeev, A.I. (2022). Foundational research on Nuremberg trial Notes at the margins (article-review of A.N. Savenkov's monograph "Nuremberg: A Verdict for name of Peace. Moscow: Prospekt, 2021. – 760 pp.") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 35–41.

В издательстве «Проспект» вышла в свет монография директора Института государства и права Российской академии наук, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира». В книге проводится широкий анализ результатов многолетних фундаментальных научных исследований структуры, содержания и правовых новелл Приговора над главными военными преступниками европейских стран оси, а также изучаются положенные в его основу правовые теории и концепции ведущих советских и зарубежных ученых-правоведов, нормативные правовые акты, материалы и документы более чем за 50 лет. Уникальность работе придает публикация официального текста Приговора и расширенной библиографии.

Представленный для широкого читателя фундаментальный труд был написан при активном содействии российских ученых-правоведов и государственных деятелей, среди которых следует отметить А.Я. Сухарева, А.Г. Звягинцева, А.Н. Артизова, И.И. Бутрима, В.С. Горбаня, Е.В. Виноградову, Л.В. Савенкову, В.С. Христофорова, Н.С. Лебедеву.

Формально монография состоит из *четырех раз- делов*, которые объединяют *16 тематических пара- графов*. Её общий объем составляет 760 страниц.

В первом разделе монографического исследования освещаются исторические военно-политические события между двумя мировыми войнами. При этом автор подвергает детальному анализу всемирно-историческое значение уроков Нюрнбергского процесса в части недопущения ревизионизма и реваншизма фашистской идеологии, воскрешения идей расизма и милитаризма. Исследователь справедливо отмечает, что осуждение нацистских преступников за преступления против мира и человечества стало возможным благодаря исторически сложившейся гуманистической мысли и связанной с ней идеей всеобщего мира.

Большое теоретическое и практическое значение для правильного понимания политико-правовой ситуации, сложившейся между Первой

и Второй мировыми войнами, а также адекватной оценки предпосылок последней имеет предпринятое А.Н. Савенковым в данной части монографии детальное исследование содержания таких важных международных нормативных документов, как Версальский мирный договор 1919 г., Сен-Жерменский мирный договор 1918 г., Трианонский мирный договор 1920 г., Нёйиский договор 1919 г., Севрский мирный договор 1920 г., Лозаннский мирный договор 1923 г., Пакт Бриана – Келлога 1928 г., Женевский протокол о тихоокеанском урегулировании международных споров 1924 г., резолюция восьмой Ассамблеи Лиги Наций от 1927 г., резолюция Шестой панамериканской конференции от 1928 г., а также ряда других политических деклараций и доктринальных источников. Указанные документы со всей ясностью демонстрируют, что, с одной стороны, последующие агрессивные действия фашистской Германии и её союзников во многом стали возможными из-за неспособности европейских государств договориться о совместном ответе на их захватническую политику, и что, с другой стороны, утверждения некоторых современных зарубежных исследователей и средств массовой информации о необходимости отнесения Советского Союза к числу зачинщиков Второй мировой войны не имеют под собой никаких фактических или юридических оснований. Наоборот, нашим государством в то время были предприняты все возможные усилия для того, чтобы избежать величайшей трагедии XX в., а «политическим и правовым прологом Второй мировой войны послужил Мюнхенский сговор» 1938 г.

Особое внимание А.Н. Савенковым обращено на историческое наследие Версальского мирного договора, который не только ввел международные санкции в отношении побежденной Германии (территориальные лишения, репарация, сокращение населения, политические ограничения), но и регламентировал проведение международного суда над бывшим германским императором и другими лицами, виновными в совершении действий «противных законам и обычаям войны». При этом нельзя не согласиться с автором в том, что Версальский мирный договор не способствовал установлению прочного мира в Европе. По крайней мере Советским Союзом он не был признан, а в Германии был воспринят как «величайшее национальное унижение».

А. Н. Савенков на основании широкого исследования и обобщения исторического материала, посвященного политическим и дипломатическим процессам, происходящим на международной арене и отражающим формат отношений двойных стандартов и нарастающего идеологического противостояния, также подвергает детальному анализу причины и условия развития реакционного германского фашизма и его подготовки к агрессивной войне. Систематизация, обобщение и логическое изложение автором исторических событий, предшествовавших Второй мировой войне, ясно демонстрируют факты, которые впоследствии были положены в основу обвинений, предъявленных военным преступникам на Нюрнбергском и Токийском судебных процессах. В этом плане особого внимания заслуживают приведенные в книге документы верховного командования вермахта и других официальных органов нацистской Германии о казнях без суда и следствия пленных военнослужащих и гражданских лиц на оккупированных советских территориях. Весьма интересными здесь представляются также приводимые автором факты о проведении властями Великобритании и США политики ограничения в правах и интернирования «гражданского населения вражеской национальности», проживавшего на территории этих государств в военный период.

Второй раздел монографии посвящен изучению проблемы развития и политико-правовой институциализации идеи международного уголовного правосудия. В рецензируемом издании подчеркивается, что факты привлечения к уголовной ответственности физических лиц имели место в далекой исторической ретроспективе (византийский император Алексей V Дука в 1205 г., король Иерусалима и Сицилии Конрадин в 1268 г., император Франции Наполеон Бонапарт), однако на доктринальном уровне концептуально-правовое обоснование необходимости создания международного уголовного суда возникло только во второй половине XIX в., когда с предложением о его учреждении после окончания франко-прусской войны 1870—1871 гг. впервые выступил в 1872 г. швейцарский юрист и общественный деятель, президент Международного комитета Красного Креста (МККК) Луис Габриэль Гюстав Муанье. В 1873 г. он стал основателем Института международного права (Institut de Droit International, IDI) — одной из первых международных институций, в рамках которой были предприняты попытки определения

содержания принципов международного права, проведения его кодификации, а также предложены пути решения актуальных в то время международных проблем. В 1904 г. Институт был удостоен Нобелевской премии мира.

В рецензируемой монографии можно встретить достаточно подробную характеристику этапов развития и институциализации идеи учреждения международного уголовного трибунала: Версальский мирный договор закрепил требования по отправлению правосудия над виновниками Первой мировой войны; в 1922 г. на Международном пенитенциарном конгрессе было признано, что организация международного трибунала важна в интересах правосудия; в 1924 г. на пятой Ассамблее Лиги Наций был принят Протокол о мирном урегулировании международных споров (Женевский протокол); в 1926 г. Международной ассоциацией уголовного права в Вене и Первым международным конгрессом по уголовному праву в Брюсселе снова был изучен вопрос об организации международного уголовного суда; в 1935 г. избранный Лигой Комитет для разработки интернациональной конвенции по борьбе с терроризмом выступил с конкретным проектом создания Международного уголовного суда; в 1937 г. была принята Конвенция о создании Международного уголовного суда, а в 1945 г. – Устав Международного военного трибунала.

Параллельно с этим на международном уровне шла работа над определением видов и перечня преступлений, за совершение которых должны были привлекаться к ответственности военные преступники. В их числе выделяются деяния, которые способствовали разжиганию мировой войны, а также те, которые нарушали её законы и обычаи или являлись преступлениями против человечности. Важным этапом развития правовой мысли на этом этапе стала также разработка концепции противоправности агрессивной войны и самого понятия агрессии, анализ которых также стал предметом пристального изучения в рецензируемой монографии.

В третьем разделе рассматриваются вопросы, связанные с подготовкой судебного процесса над немецкими военными преступниками. Отмечается, что созданию Международного военного трибунала способствовала длительная последовательная дипломатическая борьба Советского Союза за осуществление идеи о «Суде народов» над главными военными преступниками. Уже 22 июня 1941 г., в первый день вторжения фашистских войск на территорию Советского Союза, в выступлении по радио заместителя Председателя Совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова вся ответственность за разбойничье нападение целиком и полностью

была возложена на нацистское руководство Германии. Во время войны Советский Союз отдельно, а также совместно с союзниками выступил с рядом нот и заявлений, содержащих факты неслыханного насилия и разрушений, совершенных гитлеровцами на временно оккупированных советских территориях, и предупреждения об ответственности за эти преступления. Советским правительством были заявлены ноты от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»; от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях»; от 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»; от 11 мая 1943 г. «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан в Германию».

Затем, ближе к концу июля 1942 г., ряд нот, адресованных «большой тройке» и подчеркивающих серьезность нарушений, совершенных на оккупированной территории, был направлен правительствами стран, подписавших Сент-Джеймсскую резолюцию: британскому правительству — 21 июля представителями Греции и Норвегии в Лондоне; Советскому правительству — 23 июля представителями правительств Франции и Чехословакии в изгнании; правительству Соединенных Штатов — 30 июля представителями Нидерландов, Югославии и Люксембурга. Ответы были получены от британского правительства 6 августа 1942 г. и от президента Рузвельта 21 августа 1942 г.

В заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы» было указано, что «вся ответственность за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск возлагается на преступное гитлеровское правительство Германии». В документе также было отмечено, что органы ведут подробный учет всех этих злодейских преступлений гитлеровской армии, преступное гитлеровское правительство и его пособники будут нести заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками.

Между тем Советский Союз не ограничивался только лишь призывами к привлечению нацистских преступников к суду, а активно формировал правовую базу для сбора и закрепления доказательств преступлений фашизма, совершенствовал судебную процедуру рассмотрения таких уголовных дел. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, материалы которой были впоследствии учтены в ходе Нюрнбергского процесса в качестве доказательств совершенных гитлеровцами злодеяний на территории Советского Союза. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 16 марта 1943 г. № 299 на освобожденных от оккупантов территориях стали создаваться республиканские (их было 25), краевые (4), областные (76) комиссии. В работе по составлению актов приняли участие свыше 7 млн рабочих и колхозников, инженеров и техников, ученых и общественных леятелей.

Политические декларации, принятые правительствами зарубежных государств антигитлеровской коалиции, также демонстрируют не только готовность в борьбе с нацизмом, но и стремление в будущем к неотвратимому отправлению правосудия над главными военными преступниками Германии, что является необходимой основой для будущего мироустройства. Сделанные на международном уровне заявления и обращения предопределили создание 20 октября 1942 г. Комиссии ООН по расследованию военных преступлений (United Nations War Crimes Commission, UNWCC) в Лондоне из представителей 17 государств, которая просуществовала до 1948 г.

Всего за четыре с половиной года своего существования Комиссия составила 8178 дел, включавших имена 36 529 подозреваемых, из которых 34 270 были гражданами Германии.

К этому времени сложились следующие важные обстоятельства. Прежде всего стало необходимым создание специального международного трибунала, перед которым должны были предстать главные должностные лица Третьего рейха для привлечения их к уголовной ответственности. Далее, все союзники зафиксировали свою готовность сотрудничать в вопросах выдачи военных преступников. Наконец, было объявлено о том, что в отношении главарей нацистской пирамиды будут возбуждены уголовные дела по мере их задержания и без ожидания окончания войны, тогда как ранее обсуждалось общее послевоенное возмездие.

По мере возникновения политико-правовых и дипломатических условий для создания будущего международного суда над главными военными преступниками Третьего рейха на освобожденных

территориях проводились судебные процессы над руководителями и исполнителями стран оси, ответственными за злодеяния, совершенные в военное время. Уже в 1943 г. были проведены первые суды над захваченными военными преступниками в Краснодаре и Харькове.

Важным шагом к подготовке будущего судебного процесса над главными и другими немецкими военными преступниками стала инициированная Советским Союзом Декларация правительств СССР, США, Великобритании от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». В ней устанавливалось, что все германские офицеры и солдаты, а также члены нацистской партии, виновные в зверствах, убийствах, массовых казнях или в истреблении населения, будут переданы в страны, в которых были совершены эти их действия, для того, чтобы они могли быть преданы суду и наказаны в соответствии с законом освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Таким образом, Декларация 1943 г. утвердила не только приншип ответственности гитлеровских преступников. но и принцип их подсудности. В то же время в отношении главных нацистских преступников, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом, было принято решение об их наказании «совместным решением правительств-союзников».

Описывая указанные события и процедуры, А.Н. Савенков тем не менее на основе изучения разнообразного исторического материала делает справедливое замечание о том, что процесс отправления международного правосудия над военными преступниками сопровождался ухудшением внешнеполитических и военных отношений между союзниками вплоть до планирования агрессии США и Великобритании против СССР. При этом в основе осложнения международных отношений лежала монополия Запада на ядерное оружие, из которой он предполагал извлечь для себя политическую выгоду.

В четвертом разделе монографии исследуются организационно-правовые аспекты создания и функционирования Международного военного трибунала для главных военных преступников европейских стран оси. Его создание стало первой и успешной попыткой юристов из стран, принадлежащих к разным правовым семьям и имеющих глубокие различия в правовых системах, философских взглядах и традициях, объединить свои идеи в целях осуществления справедливого судопроизводства по отношению к лицам, совершившим одни из самых тяжелых преступлений в истории человечества.

Автор отмечает, что Устав Нюрнбергского трибунала является комплексным правовым актом, в котором содержатся как положения материального права, определяющие преступления против международного сообщества, так и нормы, которые устанавливают процедуру судебного преследования и судебного разбирательства таких преступлений в Международном Суде. Правовыми основами формирования и деятельности Международного военного трибунала явились четвертая Гаагская конвенция от 18 октября 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», Женевская конвенция от 27 июля 1929 г. «О содержании военнопленных», решения и договоры Лиги Наций — предшественника ООН, Московская декларация от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», Лондонское соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и временным правительством Французской Республики «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» и Устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г.

Международный военный трибунал был сформирован на паритетных началах из представителей четырех великих держав — США, СССР, Великобритании и Франции. В таком же порядке были назначены заместители членов Трибунала. Аналогичным образом организовывалось и обвинение в рамках созданного Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников. В Уставе Нюрнбергского трибунала были закреплены права и обязанности главных обвинителей, процессуальные гарантии для подсудимых, а также определены процессуальные особенности работы самого Трибунала.

Одновременно с Нюрнбергским процессом проходили судебные процессы над военными преступниками на национальном уровне. 23 июля 1945 г. во Франции начался суд над главой коллаборационистского правительства Ф. Петеном, а в мае того же года состоялся суд над другим активным деятелем «правительства Виши» П.Ж.М. Лавалем в Австрии. Глава норвежского правительства после оккупации Норвегии В. Квислинг 10 сентября 1945 г. был признан виновным в государственном и общеуголовных преступлениях и приговорен к смертной казни. Судебные процессы прошли также в Чехословакии, Румынии, Греции и США.

Особое внимание в своей работе А. Н. Савенков уделяет скрупулезному изучению и описанию судебных процессов над военными преступниками, проходивших в Советском Союзе, а также проведенных США в оккупированной зоне Германии

и в других странах. В Советском Союзе судебные процессы над военными преступниками были проведены в Смоленске, Брянске, Ленинграде, Николаеве, Минске, Киеве, Риге, Великолукской области. Автор также рассматривает резонансные судебные процессы, инициированные властями США против нацистских преступников (в частности, «США против Карла Брандта», «Соединенные Штаты Америки против Йозефа Альтштёттера и других», Суд над Освальдом Полем, «Соединенные Штаты Америки против Фридриха Флика и пяти других высокопоставленных руководителей группы компаний Флика», «Соединенные Штаты Америки против Карла Крауха и других». «США против Вильгельма Листа», «Соединенные Штаты Америки против Ульриха Грейфельта и других», «США против Отто Олендорфа», «Соединенные Штаты Америки против Альфреда Круппа и др.», «Соединенные Штаты Америки против Эрнста фон Вайцзеккер и др.», «Соединенные Штаты Америки против Вильгельма фон Лееба и др.».

В ходе судебных преследований после Нюрнберга, проведенных в оккупированных зонах, США привлекли к ответственности 1814 человек, из них 450 подсудимых были казнены, Великобритания — 1085 человек, из них 240 были казнены, Франция — соответственно 2107, из которых 109 были казнены. Последовавшие за этим судебные процессы в Германии и других странах осудили на основе принципов, выработанных в Нюрнберге, в общей сложности более 70 тыс. нацистов и их пособников.

В завершении четвертого раздела А.Н. Савенков рассматривает процесс создания и функционирования Международного военного трибунал для Дальнего Востока, более известного как Токийский процесс, а также судебные процессы, которые проводились в Китайской Народной Республике. Относительно Токийского процесса в работе было отмечено, что заговор между Японией и Германией против мира не был доказан. Кроме того, не была дана принципиальная оценка действиям правительства, а вопрос о роли монополий в развязывании агрессивной войны и вовсе был проигнорирован. Рассматривая работу данного трибунала на основании конкретных фактов, автор приходит к выводу об элементах политической конъюнктурности, которые стали заметны в его деятельности. Они стали результатом изменений к худшему в межгосударственных отношениях между СССР и США, которые начали проявляться к тому времени. Например, США не позволили вынести на обсуждение Токийского трибунала вопрос о подготовке Японии к бактериологической войне, в его рамках к ответственности привлечены далеко не все военные преступники, т.к.

американские политики скрывали их от правосудия и не шли на сотрудничество.

Не менее интересными представляются описанные в книге факты судебных разбирательств над японскими военными преступниками, которые проводились в КНР в период с 1946 по 1956 г. Национальный опыт Китая в преследовании японских военных преступников уникален в том плане. что, несмотря на беспрецедентные зверства, совершенные японскими милитаристами на территории КНР, китайское правосудие проявило наивысшее гуманное отношение к подсудимым. Например, генерал императорской армии Японии Ясудзи Окамура (широко известен как создатель системы «женшин для утешения»), а также 663 японских военнослужащих при содействии китайского общества Красного Креста были репатриированы в Японию в 1956 г. В юридическом плане уникальность судебных процессов после 1949 г. заключается в том, что все японские военные преступники сознались и признали себя виновными без каких-либо возражений.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что монографию А. Н. Савенкова необходимо рассматривать как первое в отечественной юридической науке комплексное и чрезвычайно значимое как с теоретической, так и с практической точек зрения исследование, в котором отражены важнейшие политические, юридические, исторические, дипломатические и концептуально-правовые аспекты становления международного правосудия в отношении привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против человечества, ставшего одним из краеугольных камней формирования современного международного правового порядка и мироустройства.

Особый интерес и в определенной степени интрига этого произведения заложены в самом названии работы — «Нюрнберг: Приговор во имя Мира», которое недвусмысленно демонстрирует гуманистический, созидательный и справедливый характер этого процесса. Нюрнбергский процесс — это не кара, не возмездие и уж тем более не политическая игра и профанация правосудия, как это иногда до сих пор пытаются представлять реакционные круги, отстаивающие идеи национал-социализма. Это политико-правовой инструмент обеспечения всеобщего мира посредством осуществления правосудия над главными военными преступниками.

Исключительно с положительной стороны следует охарактеризовать сам подход, избранный А.Н. Савенковым для раскрытия данной темы, который выражается в последовательном,

аргументированном и беспристрастном исследовании юридических документов, политических событий и процессов, что позволило ему проследить генезис и эволюцию современного международного уголовного и гуманитарного права в направлении разработки и реализации концепции запрета агрессивной войны в современных международных отношениях. С этой задачей автор справился

на самом высоком профессиональном уровне, совершив своего рода научный подвиг, выразившийся в детальной реконструкции философско-правовых и теоретико-правовых взглядов, положенных в основу Устава, процедуры организации и проведения процесса, а также выявления непреходящего исторического значения Приговора Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Сведения об авторах

Authors' information

ГАВРИЛОВ Вячеслав Вячеславович —

доктор юридических наук, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета; 690922 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корп. D

КОРОБЕЕВ Александр Иванович —

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета; 690922 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корп. D

GAVRILOV Vyacheslav V. –

Doctor in Law, Director of Law School, Head of chair of International Public and International Private Law of Far Eastern Federal University; bld. D, campus of Far Eastern Federal University, 690922 Primorsk region, Vladivostok, Russian island, Russia

KOROBEEV Alexander I. -

Doctor in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of chair of Criminal Law and Criminology of Far Eastern Federal University; bld. D, campus of Far Eastern Federal University, 690922 Primorsk region, Vladivostok, Russian island, Russia

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

(по мотивам книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»)

© 2022 г. Ю. В. Грачёва^{1, *}, Г. А. Есаков^{2, **}

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва ²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

> *E-mail: uvgracheva@mail.ru **E-mail: gesakov@gmail.com

Поступила в редакцию 16.03.2022

Аннотация. Статья основана на обзоре книги А.Н. Савенкова, посвящённой наследию Нюрнбергского процесса. Авторы статьи анализируют гл. 34 УК $P\Phi$, и в особенности ст. 354^{l} на предмет их соответствия наследию Нюрнбергского процесса. Сформулирован вывод, что уголовное законодательство может быть усовершенствовано в этом отношении.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, геноцид, преступления против человечности, российское уголовное право, реабилитация нацизма.

Цитирование: Грачёва Ю.В., Есаков Г.А. Нюрнбергский процесс и современное уголовное право (по мотивам книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира») // Государство и право. 2022. № 4. С. 42—46.

DOI: 10.31857/S102694520019555-1

NUREMBERG TRIAL AND CONTEMPORARY CRIMINAL LAW (based on A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for name of Peace")

© 2022 Yu. V. Gracheva^{1, *}, G. A. Esakov^{2, **}

¹HSE University, Moscow
²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: uvgracheva@mail.ru ** E-mail: gesakov@gmail.com

Received 16.03.2022

Abstract. The article is based on the recent book written by A.N. Savenkov and devoted to legacy of Nuremberg trial. Authors analyze chapter 34 of the Russian Criminal Code and specifically its Article 354¹ on their consistency with the Nuremberg legacy. The conclusion is formulated, that criminal legislation may be improved here.

Key words: Nuremberg trial, genocide, crimes against humanity, Russian Criminal Law, rehabilitation of Nazism.

For citation: Gracheva, Yu. V., Esakov, G. A. (2022). Nuremberg trial and contemporary Criminal Law (based on A.N. Savenkov "Nuremberg: A Verdict for name of Peace") // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 42–46.

Наверное, по прошествии многих лет (и даже столетий) события 1939—1945 гг. будут восприниматься потомками так, как мы сейчас помним о событиях Отечественной войны 1812 г., польской интервенции начала XVII в. или татаро-монгольского ига XIII—XV вв., но сейчас ещё слишком живы раны— не стёрлись на местности окопы, стоят руины концлагерей, братские могилы щедро рассыпаны по нашей стране и далеко за её пределами. И поэтому Нюрнберг— это не просто красивый город в Германии, родина Альбрехта Дюрера и место проведения красивейшего в Западной Европе Christkindlesmarkt, но имя собственное, понятное юристу без дополнительного пояснения.

Иными словами, Нюрнберг — это родина современного международного уголовного права, ассоциирующийся для юриста прежде всего с залом 600 величественного здания Дворца правосудия на Фюртерштрассе, 110.

Монография А. Н. Савенкова погружает нас в этот мир, вводит в зал 600, который на несколько лет стал безусловным центром юридического мира. Но она не ограничивается только этими несколькими годами, напротив, автор обрисовывает всю сложную предысторию Нюрнберга, сопровождавшие его закулисные истории, последовавшие события. Всё это представляется читателю на богатейшем фактическом материале, который часто впервые вводится в научный оборот. И не будет преувеличением сказать, что книга читается «на одном дыхании», несмотря на её внушительный объём (760 с.). Поэтому российское юридическое сообщество можно поздравить с выходом такого глубокого фактологического исследования Нюрнбергского процесса, являющегося, по сути, первым масштабным исследованием на эту тему за всё время, прошедшее с момента процесса, включая советскую эпоху.

Размышляя на тему правового наследия Нюрнберга, поднятую А.Н. Савенковым, хотелось бы специально остановиться на двух моментах, de lege ferenda и de lege lata.

Автор монографии даёт весьма ёмкую и точную характеристику Приговора Нюрнбергского трибунала. По его словам, он «поставил войну вне закона на все времена», став образцом абсолютно мирного законотворчества. Именно Нюрнберг лёг в основу положений действующего уголовного закона.

Как указывает А.Н. Савенков, «в конце ноября 1946 года А.Н. Трайнин, вернувшись в Институт права АН СССР, рассмотрел проект нового советского Уголовного кодекса и отметил "чрезвычайно важный" факт, что он включает специальный раздел "Международные преступления против мира и человечности". Трайнин высоко оценил эту попытку внедрить в советское законодательство "те

идеи международного уголовного правосудия, которые нашли выражение в Нюрнбергском процессе", заявив, что советский уголовный кодекс будет первым в мире, включающим эти новые "нормы международного права"».

К сожалению, эта идея была реализована только при подготовке действующего Уголовного кодекса РФ.

Как известно, ещё до Нюрнберга, во время Великой Отечественной войны, был принят законодательный акт, который в первый и единственный раз криминализировал в российском уголовном праве прообраз преступлений против человечности. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» предусмотрел уголовную ответственность в виде публичной смертной казни через повешение: «Немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличённые в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение» (ст. 10). Статья 2 Указа устанавливала, что «пособники из местного населения, уличённые в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, караются ссылкой в каторжные работы на срок от 15 до 20 лет». УК РСФСР 1960 г. расширил круг уголовно наказуемых деяний за счёт криминализации пропаганды войны (ст. 71). Это даже отдалённо не напоминает реализацию идеи А.Н. Трайнина о специальном разделе в Кодексе - «Международные преступления против мира и человечности».

В 1996 г. в Уголовном кодексе РФ появилась гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества». Однако даже она не в полной мере соответствует правовому наследию Нюрнберга.

Наиболее очевидный пробел здесь — это, конечно же, отсутствие криминализации преступлений против человечности. Наказуемость такого рода деяний образует норму обычного международного права. Как минимум, обычно-правовой характер установления уголовной ответственности за преступления против человечности можно проследить начиная с Нюрнбергских принципов 1946 г. (принцип VI); впоследствии это было подтверждено преамбулой и ст. I Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. Кроме ст. 358 УК РФ (и то очень условно) говорить о преступлениях против человечности в действующем уголовном законе

невозможно. Конечно же, можно утверждать, что преступления против человечности фактически охватываются нормами «обычного» уголовного права (о преступлениях против жизни и здоровья — гл. 16 УК РФ, против собственности — гл. 21 УК РФ; и др.). Вместе с тем меры наказания в «обычном» уголовном праве не соответствуют тяжести этого деяния; составы преступлений в «обычном» уголовном праве предположительно в значительной степени пробельны: например, не криминализированы такие разновидности преступлений против человечности, как создание условий жизни, рассчитанных на причинение смерти, обращение в сексуальное рабство, совершение действий, влекущих принудительную беременность, апартеид.

Отсутствует в нашем законодательстве и наказуемость публичных призывов к геноциду (если следовать ст. III(с) Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. в её современном понимании, то «прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида», кроме собственно подстрекательства в смысле ч. 4 ст. 33 УК РФ, включает ещё и публичные призывы в терминологии действующего уголовного закона), хотя к криминализации этих действий призывал ещё А.Н. Трайнин при подготовке Конвенции 1948 г. 1

Даже ст. 356 УК РФ, прямое наследие Нюрнберга, устанавливающая ответственность за применение запрещённых средств и методов ведения войны, менее многословна в сравнении со ст. 6(b) Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Российскому законодателю в рамках ст. 356 УК РФ удалось сделать то, что не удавалось сделать никому до того и после: «втиснуть» все должные быть уголовно наказуемыми нарушения четырёх Женевских конвенций 1949 г., Дополнительного протокола I 1977 г., других международных договоров и обычного международного права в единый состав преступления. Соответственно, перечень претензий к ст. 356 УК РФ бесконечен: смешение «гаагского» и «женевского» права, упущение из виду обычного международного права, пробелы или, наоборот, сверхохват в криминализации, неразличение международного и немеждународного вооружённого конфликта и т.д. При этом санкция ст. 356 УК РФ предусматривает наказание от двух месяцев до двадцати лет лишения свободы. В части такой свободы судейского усмотрения при назначении основного вида наказания это единственная норма в Уголовном кодексе РФ. Соответственно, даже оставляя в стороне вопросы квалификации по совокупности преступлений, хищение чужого имущества во время вооружённого конфликта, умышленные уничтожение или повреждение такого имущества (охватывающиеся одной из альтернатив в действующей редакции ст. 356 УК РФ) могут быть наказаны столь же строго, как и, например, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, биологические или иные эксперименты (также охватывающиеся одной из альтернатив в действующей редакции ст. 356 УК РФ), хотя очевидно не совпадают с указанными действиями по характеру общественной опасности и в любом случае намного строже, чем соответствующие «обычные» преступления. Между тем надлежащая дифференциация уголовной ответственности в зависимости от общественной опасности деяния и порождённых им последствий есть отражение конституционных принципов равенства и справедливости.

Таким образом, мы ещё, говоря словами А.Н. Савенкова, далеки от введения в России законодательства, вдохновлённого Нюрнбергом.

Переходя теперь к моменту de lege lata, хотелось бы обратить внимание на ст. 354 УК РФ. Эта статья, помимо прочего, предусматривает уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных Приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным Приговором. Таким образом, Приговор с точки зрения уголовного законодательства является бланкетным по своей природе признаком состава преступления. В его оригинальном виде, как пишет А.Н. Савенков, он «был воспроизведен на 283 страницах бумаги формата Legal с оглавлением, а также помещен вместе с предложениями на страницах с 16794 по 17077 ежедневного протокола судебного заседания. Первое упоминается как "Judgment", а второе – как "Record"». В России он неоднократно воспроизводился².

Соответственно, являясь основой для установления соответствующего признака состава преступления, Приговор должен быть как минимум *официально* опубликован (естественно, в русскоязычной версии), чего не сделано вплоть до сегодняшнего времени³. Не секрет, что многие

 $^{^{1}}$ См.: *Трайнин А.Н.* Борьба с геноцидом как международным преступлением // Сов. государство и право. 1948. № 5. С. 1-16.

² Текст Приговора помещён в книге А.Н. Савенкова. См. также: Нюрнбергский процесс: сб. материалов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1954. Т. II. С. 943–1108; Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. / отв. ред. Н.С. Лебедева. М., 1999. Т. 8. С. 561–740.

Однако текста Приговора нет, например, в СПС «Консультант Плюс».

³ Суды при рассмотрении уголовных дел ссылаются, например, на протокол осмотра копии Приговора МВТ от 01.10.1946 г., представленную ФКУ «Государственный архив Российской Федерации» (см.: Апелляционный приговор Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 29.09.2021 г. по делу № 55-618/2021).

подсудимые по ст. 354¹ УК РФ утверждают в своё оправдание, что они были незнакомы с теми или иными фактами из Приговора, и если в отношении каких-либо действительно общеизвестных фактов этот довод опровергнуть нетрудно ввиду абсурдности соответствующего утверждения⁴, то как быть с незначительными фактическими эпизодами, установленными Приговором Трибунала? Как минимум, официальная публикация Приговора не помешала бы простому отклонению ссылок на неумышленность действий в части неосведомлённости о фактах⁵.

Неопределённым также является статус Приговора в современной правовой системе России.

Соглашаясь с Верховным Судом РФ в части довода о том, что «осужденный не вправе ссылаться на незнание уголовно-правового запрета оспаривать выводы Международного военного трибунала», отметим, что об общеизвестности именно всех фактов из Приговора Трибунала утверждать поспешно. Это лишний раз подчёркивает, к слову, необходимость углублённого изучения Нюрнбергского процесса.

Конечно, можно утверждать, что он как отражение общепризнанных принципов и норм международного права является составной частью правовой системы России в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Однако, насколько верен такой тезис в приложении ко всему Приговору (например, к его фактологической части)? И наконец, является ли уголовно наказуемым отрицание фактов, установленных в Особом мнении члена Трибунала от СССР И.Т. Никитченко?

* *

Ответы на все эти вопросы и много других ещё необходимо дать, глубже изучая историю и значение Нюрнбергского процесса. И поэтому книга члена-корр. РАН А.Н. Савенкова, безусловно, – крупный шаг в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Нюрнбергский процесс: сб. материалов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1954. Т. II. С. 943—1108.
- 2. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. / отв. ред. Н.С. Лебедева. М., 1999. Т. 8. С. 561—740.
- 3. Пестерева Ю. С., Пошелов П. В. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 3. С. 50.
- 4. *Трайнин А. Н.* Борьба с геноцидом как международным преступлением // Сов. государство и право. 1948. № 5. С. 1—16.

REFERENCES

- Nuremberg trial: collection of materials. 2nd ed. M., 1954. Vol. II (in Russ.).
- 2. Nuremberg trial: collection of materials: in 8 vols. / res. ed. N.S. Lebedeva. M., 1999. Vol. 8 (in Russ.).
- Pestereva Yu. S., Poshelov P.V. On legal defects of Art. 354.1 of the Russian Criminal Code // Herald of Omsk Law Academy. 2017. No. 3. P. 47–51.
- 4. *Trainin A. N.* The fight with genocide as international crime // Soviet State and Law. 1948. No. 5. P. 1–16.

⁴ Например, из того же апелляционного приговора Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 29.09.2021 г. по делу № 55-618/2021: «Пояснения Б. в суде первой инстанции о размещении им фотоизображения карикатурного вида, предположительно А. Гитлера, а также о его неосведомлённости о признании приговором МВТ преступной деятельности А. Гитлера судебная коллегия признает несостоятельными, поскольку сведения об А. Гитлере, включая его внешность, деятельность и причастность к совершённым преступлениям в период Великой Отечественной войны, являются общеизвестными фактами».

 $^{^{5}}$ Верховный Суд РФ полагает, что принцип ignorantia iuris neminem excusat соблюдён в связи с приговором Трибунала: «Доводы о том, что Лузгин специально не знакомился с текстом приговора Международного военного трибунала, не содержат оснований, свидетельствующих о необоснованности приговора. В соответствии с общеправовым принципом "незнание закона не освобождает от ответственности" осужденный не вправе ссылаться на незнание уголовно-правового запрета оспаривать выводы Международного военного трибунала. Кроме того, выводы Международного военного трибунала об ответственности гитлеровской Германии за развязывание Второй мировой войны содержат общеизвестные факты, которые изучаются в учебных курсах истории в рамках среднего обязательного образования, аттестат о получении которого Лузгиным имеется в материалах дела, что суд обоснованно учел в приговоре, а кроме того, данные факты широко представлены в информационном пространстве, включая средства массовой информации, поэтому доводы о неосведомленности осужденного в указанных вопросах Судебная коллегия признает несостоятельными. Поэтому ссылка на незнание осужденным выводов Международного военного трибунала не имеет значения для наступления уголовной ответственности» (см.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.09.2016 по делу № 44-АПУ16-17).

 $^{^6}$ См.: Пестерева Ю.С., Пошелов П.В. К вопросу о юридических дефектах статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юрид. академии. 2017. № 3. С. 50.

Сведения об авторах Authors' information

ГРАЧЁВА Юлия Викторовна —

доктор юридических наук, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ЕСАКОВ Геннадий Александрович —

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

GRACHEVA Yulia V. –

Doctor in Law, Professor, Department of Courts'
Systems and Criminal Law, Law School,
HSE University; 20 Myasnitskaya str.,
101000 Moscow, Russia

ESAKOV Gennady A. -

Doctor in Law, Professor, leading researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

— ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО —

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ «СИРИУС» КАК ПУБЛИЧНЫЙ ОРГАН С ОСОБЫМ СТАТУСОМ

© 2022 г. Н. Ю. Турищева

Избирательная комиссия Краснодарского края, г. Краснодар; Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: dom0023@mail.ru

Поступила в редакцию 29.11.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрены полномочия территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус». Признаки особого конституционно-правового статуса федеральной территории «Сириус» как самостоятельного публично-правового образования наиболее ярко проявляются в объеме полномочий, закрепляемых за территориальной избирательной комиссией данной федеральной территории. Анализ указанных полномочий позволяет не только определить место комиссии в системе избирательных комиссий Российской Федерации, но также сформулировать ключевые начала, лежащие в основе политико-правового статуса федеральной территории в целом. На основе анализа действующего законодательства автор усматривает коррелирующую связь между электоральными возможностями избирателей и «представительским потенциалом» федеральной территории, приходит к выводу о наличии у комиссии особого статуса публичного органа со смешанными государственными и муниципальными полномочиями.

Ключевые слова: федеральная территория, территориальная избирательная комиссия, выборы, публичная власть, особый статус.

Цитирование: Турищева Н.Ю. Территориальная избирательная комиссия федеральной территории «Сириус» как публичный орган с особым статусом // Государство и право. 2022. № 4. С. 47—55.

DOI: 10.31857/S102694520019589-8

TERRITORIAL ELECTION COMMISSION OF THE FEDERAL TERRITORY «SIRIUS» AS A PUBLIC BODY WITH A SPECIAL STATUS

© 2022 N. Yu. Turishcheva

The Election Commission of the Krasnodar region, Krasnodar; Kuban State University, Krasnodar

E-mail: dom0023@mail.ru

Received 29.11.2021

Abstract. The article examines the powers of the territorial election commission of the federal territory "Sirius". The signs of the special constitutional and legal status of the federal territory "Sirius" as an independent public legal entity are most clearly manifested in the scope of powers assigned to the territorial election commission of this federal territory. The analysis of these powers makes it possible not only to determine the place of the commission in the system of election commissions of the Russian Federation, but also to formulate the key principles underlying the political and legal status of the federal territory as a whole. Based on the analysis of the current legislation, the author sees a correlating relationship between the electoral capabilities of voters and the "representative potential" of the federal territory, comes to the conclusion that the commission has a special status of a public body with mixed state and municipal powers.

Key words: federal territory, territorial election commission, elections, public authority, special status.

For citation: Turishcheva, N. Yu. (2022). Territorial Election Commission of the federal territory «Sirius» as a public body with a special status // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 47–55.

Образованная в декабре 2020 г. федеральная территория «Сириус» ¹, имеющая статус особой публично-территориальной единицы, не являющейся субъектом Российской Федерации, ввиду новизны данного правового явления вызывает обоснованный научный интерес ² и самим фактом своего существования создает основу для дальнейших исследований в области единства и взаимодействия системы государственного и муниципального управления ³, построения и функционирования публичной власти ⁴.

Научная дискуссия, развернувшаяся по данному вопросу среди ученых-конституционалистов, отражает различные точки зрения, связанные с двумя концептуально разными подходами к оценке правовой природы федеральной территории: с одной стороны, она понимается как самостоятельная территориальная единица, наряду с другими субъектами Российской Федерации входящая в состав государства 5, с другой — рассматривается как часть территории субъекта Российской Федерации 6.

Как отметил Конституционный Суд РФ, положение о возможности создания федеральных территорий по своему смыслу не предполагает возможности образования федеральных территорий с приданием им статуса, равного статусу субъектов Российской Федерации, и не может расцениваться

как противоречащее ст. 5 (ч. 1) Конституции РФ, исчерпывающим образом определяющей состав Российской Федерации как федеративного государства (что, однако, не аналогично определению состава его территории)⁷.

Общеизвестно, что реализация избирательных прав составляет ядро важнейших демократических начал формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления. Как представляется, в дискуссии о территориальной принадлежности федеральной территории в качестве обязательного элемента должен учитываться конституционно-правовой статус избирателей, зарегистрированных на территории Сириуса, и их право на участие в управлении делами государства на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Признаки особого конституционно-правового статуса Сириуса как самостоятельного публично-правового образования проявляются в объеме полномочий, закрепляемых за территориальной избирательной комиссией данной федеральной территории. Находясь в центре процессов формирования органов публичной власти, избираемых путем прямых выборов, территориальная комиссия Сириуса имеет собственный объем полномочий и обеспечивает реализацию избирательных прав граждан, зарегистрированных в границах Сириуса, в рамках выборов различного уровня. Анализ этих полномочий позволяет не только оценить место территориальной комиссии Сириуса в системе избирательных комиссий Российской Федерации, но и сформулировать ключевые начала, лежащие в основе политико-правового статуса федеральной территории в целом.

Территориальная комиссия федеральной территории «Сириус» первого состава сформирована постановлением Центральной избирательной комиссии РФ⁸ на пять лет в соответствии с требованиями ч. 17 ст. 47 Федерального закона № 437-Ф3.

 $^{^1}$ См.: Федеральный закон от 22.12.2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I), ст. 8583.

² См., напр.: *Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В.* Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 124—140.

³ См.: *Бухвальд Е.М.* Федеральные территории как новация политики пространственного развития в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3. С. 44.

 $^{^4}$ См.: *Некрасов С.И.* Экстерриториальная компетенция в территориальной организации публичной власти // Lex russica. 2017. № 1. С. 142.

⁵ См.: *Мусинова Н.Н.* Федеральная территория: особенности, зарубежный опыт и российский проект // Самоуправление. 2020. № 5. С. 346.

⁶ См.: *Гаврилова Ю.В.* Статус федеральной территории: дискуссионные аспекты // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всеросс. науч. конф., посвященной памяти проф. Ф.М. Рудинского / под общ. ред. В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. М., 2021. С. 240; *Майборода В.А.* Градостроительное регулирование развития федеральной территории // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 56.

⁷ См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

⁸ См.: постановление ЦИК России от 03.02.2021 г. № 282/2068-7 «О формировании территориальной избирательной комиссии федеральной территории "Сириус"». URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/48753/

Особый порядок формирования комиссии в совокупности с особым объемом полномочий объективно выделяет ее в системе действующих избирательных комиссий Российской Федерации, впервые в отечественной практике задавая специальный правовой режим деятельности избирательного органа, отличный от иных подобных органов.

Однако придание комиссии статуса именно территориальной представляется не вполне обоснованным, поскольку изначально правовая природа комиссии соотносится не только с территорией, на которой она проводит выборы, но и прежде всего с уровнем и статусом того органа публичной власти, в избрании членов которого она выступает в качестве комиссии, организующей выборы.

В отличие от традиционного механизма, предусматривающего формирование территориальной комиссии соответствующей избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, назначение членов территориальной комиссии Сириуса осуществлено Центральной избирательной комиссий РФ. Несмотря на небольшое число нижестоящих участковых избирательных комиссий – их всего шесть, и небольшое число избирателей, зарегистрированных на территории Сириуса, - их немногим более 9 тыс. 9, установленный федеральным законодателем особый порядок формирования территориальной избирательной комиссии Сириуса выделяет ее в ряду других территориальных избирательных комиссий, действующих в Российской Федерации, и в совокупности с предусматриваемой компетенцией – придает статус особого публичного органа.

Самостоятельность ЦИК России и каждой из избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, муниципальных комиссий в решении возложенных на них полномочий законодатель подчеркивает тем, что наделяет их статусом юридического лица. Вопрос о придании статуса юридического лица территориальным избирательным комиссиям отнесен к дискреционным полномочиям законодателя субъекта Российской Федерации.

В отношении же территориальной комиссии Сириуса такая возможность установлена Федеральным законом № 437-ФЗ, при этом соответствующая процедура отнесена к компетенции Совета федеральной территории «Сириус». На текущий момент комиссия не наделена статусом юридического лица, что в дальнейшем может быть восполнено решением Совета федеральной территории. Федеральный законодатель предусмотрел, что в случае придания территориальной комиссии

статуса юридического лица председатель территориальной комиссии работает в указанной комиссии на постоянной (штатной) основе и замещает государственную должность Российской Федерации, заместитель председателя и секретарь в случае, если они работают в указанной комиссии на постоянной (штатной) основе, замещают государственные должности Российской Федерации.

Вместе с тем в федеральном законе № 67-ФЗ законодатель постулирует вхождение территориальных комиссий в систему государственных органов в субъектах Российской Федерации. Наличие юридической связи между территориальной избирательной комиссией и системой государственных органов субъекта Российской Федерации определяется следующими факторами: во-первых, территориальным принципом организации публичной власти - комиссия формируется и действует на части территории субъекта Российской Федерации, обеспечивая участие зарегистрированных на данной территории избирателей в формировании органов власти различного уровня; во-вторых, принципом соподчиненности, действующим в системе избирательных комиссий и предусматривающим формирование территориальных комиссий избирательной комиссией субъекта Российской Федерации; в-третьих, принципом обеспечения организационного единства деятельности комиссий, сформированных на постоянной основе, - комиссия может включать штатные должности, относящиеся или к государственным должностям, или, по крайней мере, к должностям государственной гражданской службы данного субъекта Российской Федерации.

Однако территориальная комиссия Сириуса по своим юридическим характеристикам не соответствует данной системе государственных органов субъекта Российской Федерации. Очевидно, что комиссия, сформированная Центральной избирательной комиссией РФ, а также имеющая в своей структуре штатные должности членов, относящиеся к государственным должностям Российской Федерации, не может входить в систему государственных органов субъекта Российской Федерации. И в то же время, будучи по статусу именно территориальной, а не какой-либо иной комиссией, она объединяет полномочия этого уровня избирательных комиссий, выводя на первое место вопросы реализации избирательных прав граждан, зарегистрированных на территории Сириуса.

При формировании территориальной комиссии Сириуса соблюдены общие демократические требования об обязательном назначении кандидатур от парламентских партий. Указанный порядок закрепляет связь избирательных комиссий с политическими партиями как одним из основных

⁹ По состоянию на 1 июля 2021 г. на федеральной территории «Сириус» зарегистрировано 9496 избирателей (см.: URL: http://www.krasnodar.izbirkom.ru/chislennost-izbirateley/).

институтов гражданского общества, призванных опосредовать участие граждан в управлении делами государства, и позволяет учесть результаты участия партий в предыдущих выборах депутатов соответствующего законодательного (представительного) органа. В состав комиссии назначены члены с правом решающего голоса от всех парламентских партий, представленных в Государственной Думе на момент формирования комиссии: «Единой России», КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России». Кроме того, число государственных и муниципальных служащих среди членов комиссии не превышает половины от ее состава.

Система органов публичной власти федеральной территории «Сириус», включающая Совет федеральной территории, частично формируемый путем прямых выборов (непосредственно избирателями избираются 9 из 17 его членов), де-факто определяет полномочия территориальной избирательной комиссии Сириуса как комиссии, организующей данные выборы. Установленные ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 437-ФЗ положения о том, что местное самоуправление в федеральной территории «Сириус» осуществляется проживающими на ее территории гражданами непосредственно в формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также через органы публичной власти федеральной территории «Сириус», осуществляющие полномочия органов местного самоуправления городского округа, позволяют сделать вывод о том, что территориальная избирательная комиссия Сириуса в процессе избрания членов Совета федеральной территории реализует функции, сближающие ее с функциями избирательной комиссии муниципального образования. Юридически значимой особенностью является возложение на территориальную комиссию Сириуса полномочий по проведению выборов членов Совета федеральной территории Федеральным законом № 437-ФЗ, а не решением избирательной комиссии соответствующего субъекта Российской Федерации.

Участвуя в выборах девяти членов Совета федеральной территории «Сириус», территориальная комиссия Сириуса выступает в роли, по объему полномочий и решаемым задачам сходной с полномочиями избирательной комиссии муниципального образования. Вместе с тем статус самого Совета как органа публичной власти федеральной территории, члены которого избираются при организующей роли комиссии, непосредственно «повышает» и ее статус, который в этом смысле можно определить не как статус муниципального органа, что характерно для избирательной комиссии муниципального образования, а как публичного органа, участвующего в выборах соответствующего представительного органа публичной власти.

Согласно ч. 11 ст. 17 Федерального закона № 437-ФЗ полномочия территориальной комиссии Сириуса определяются в соответствии со ст. 25 и 26 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» с учетом положений настоящего Федерального закона, т.е. де-юре федеральный законодатель определяет полномочия территориальной комиссии Сириуса как совокупность полномочий окружных (ст. 25) и территориальной (ст. 26) избирательных комиссий. В этом видится определенное противоречие с возложением полномочий по проведению выборов членов Совета федеральной территории. Ни окружная, ни территориальная комиссия не выступают в роли комиссии, организующей выборы. Несмотря на то что прямыми выборами избираются не все члены Совета федеральной территории, неоспорима ее роль именно как комиссии, организующей выборы членов Совета. В рамках выборов членов Совета территориальная комиссия Сириуса осуществляет прием документов кандидатов для выдвижения и регистрации, регистрирует кандидатов ^{10} , обеспечивает информационное сопровождение выборов, утверждает тексты избирательных бюллетеней по многомандатным округам, определяет результаты выборов членов Совета федеральной территории «Сириус». Функции, относящиеся к организации выборов в целом, информационное, финансовое, методическое обеспечение выборов, контроль за ведением агитации, опубликование результатов выборов – все эти полномочия свидетельствуют о роли территориальной комиссии Сириуса именно как комиссии, организующей выборы членов Совета федеральной территории, что должно получить свое закрепление в Федеральном законе № 437-Ф3.

Место территориальной комиссии Сириуса в системе избирательных комиссий Российской Федерации определятся через устанавливаемый механизм обжалования ее действий. Так, согласно ст. 41 Федерального закона № 437-ФЗ решения или действия (бездействие) территориальной комиссии или ее должностного лица, нарушающие избирательные права граждан, могут быть обжалованы в Центральную избирательную комиссию РФ или в суд в порядке, установленном Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Кодексом административного судопроизводства РФ. Таким

¹⁰ См., напр.: постановление территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус» от 23.07.2021 г. «О регистрации кандидата в члены Совета федеральной территории "Сириус" по многомандатному избирательному округу № 2 Карпова О.Э.». URL: http://sirius.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/docs/Post122.docx

образом, при проведении выборов членов Совета федеральной территории «Сириус» ЦИК России является непосредственно вышестоящей избирательной комиссией по отношению к территориальной комиссии Сириуса, что также подчеркивает ее особый статус. В обычном же порядке решения и действия территориальных комиссий обжалуются в избирательную комиссию субъекта Российской Федерации.

Следует обратить внимание на то, что в отличие от других территориальных избирательных комиссий, традиционно использующих в качестве основной формы принимаемых документов форму решения по вопросам, отнесенным к их компетенции, территориальная комиссия Сириуса принимает постановления. Постановление как форма документа характерно для оформления решений Центральной избирательной комиссии РФ и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации. Таким образом, указанное регулирование также выделяет территориальную комиссию Сириуса в ряду иных территориальных избирательных комиссий.

В соответствии с ч. 4 ст. 47 Федерального закона № 437-ФЗ словосочетания «федеральная территория «Сириус» и «муниципальное образование городской округ Сириус» используются в одном значении, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом. «Двойной» статус Сириуса: объединение в содержании статуса публично-правового образования понятий «федеральная территория» и «городской округ» - предопределяет организационные и субординационные (в действующей системе подчиненности избирательных комиссий) особенности проведения выборов членов Совета. Несмотря на вхождение городского округа «Сириус» в состав Краснодарского края как субъекта Российской Федерации 11, при проведении выборов членов Совета федеральной территории «Сириус» в качестве специального регулирования применяется Федеральный закон № 437-ФЗ, не действует региональное избирательное законодательство и фактически не применяются те положения рамочного Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, которыми установлены отдельные контрольные полномочия избирательных комиссий субъектов Российской Федерации при проведении муниципальных выборов на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

Так, например, постановления территориальной комиссии Сириуса, принятые в рамках

подготовки и проведения выборов членов Совета федеральной территории «Сириус», состоявшихся 19 сентября 2021 г., основаны непосредственно на нормах Федерального закона № 67-ФЗ и Федерального закона № 437-ФЗ и имеют отсылки к указанным нормативным правовым актам ^{12} .

Территориальная комиссия Сириуса достаточно самостоятельна в связи с отсутствием нормативных требований о необходимости предоставления сведений о движении средств на специальных избирательных счетах кандидатов для размещения их на сайте вышестоящей избирательной комиссии. В этом же ряду можно назвать и отсутствие необходимости публиковать на сайте региональной комиссии информацию о выделении специально оборудованных мест в границах каждого избирательного участка для размещения печатных агитационных материалов кандидатов.

В то же время среди субъектов, наделенных правом назначить наблюдателей при проведении выборов членов Совета федеральной территории, законодатель наряду с зарегистрированными кандидатами, политическими партиями, выдвинувшими зарегистрированных кандидатов, и Общественной палатой Российской Федерации, называет также Общественную палату Краснодарского края, подчеркивая наличие юридической связи с субъектом Российской Федерации при проведении указанных выборов.

Особое внимание законодатель уделил статусу избирательного объединения на выборах членов Совета, предусмотрев выдвижение избирательными объединениями списков кандидатов по мажоритарным избирательным округам. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 23 Федерального закона № 437-ФЗ решение о выдвижении кандидата (кандидатов) по одномандатным (многомандатным) избирательным округам принимается съездом политической партии; указанное решение может быть принято также коллегиальным постоянно действующим руководящим органом политической партии. Таким образом, в качестве избирательного объединения на выборах членов Совета может выступать только политическая партия, что отражает более высокий уровень требований к избирательному объединению по сравнению с предусматриваемыми Федеральным законом № 67-ФЗ к избирательным объединениям на выборах не только местного, но и регионального уровня. Традиционно в качестве избирательного объединения

¹¹ См.: Закон Краснодарского края от 03.04.2020 г. № 4266 «Об установлении границ муниципального образования городской округ Сириус Краснодарского края и о наделении его статусом городского округа». URL: http://publication.pravo.gov.ru

¹² См., напр.: постановление территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус» от 13.08.2021 г. «Об отказе в регистрации кандидата в члены Совета федеральной территории "Сириус" по многомандатному избирательному округу № 3 Игнатова Ю.Н.». URL: http://sirius.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/docs/Post168.doc

на региональных выборах может выступать региональное отделение партии, на муниципальных — также местное отделение партии, если это предусмотрено ее уставом. Норма Федерального закона № 437-ФЗ о выдвижении кандидатов на съезде партии или коллегиальным постоянно действующим руководящим органом политической партии сопоставима с требованиями, предъявляемыми к избирательным объединениям лишь при проведении выборов депутатов законодательного органа федерального уровня.

К кандидатам также предъявляются требования, сопоставимые с федеральным уровнем выборов. В частности, при выдвижении кандидаты должны предоставлять документы в соответствии с Указом Президента РФ (о недвижимом имуществе за рубежом, о расходах по сделкам, превышающих доход за три года, предшествующих совершению сделки), а для регистрации кандидата — также уведомление об отсутствии иностранных финансовых инструментов ¹³.

В противовес высокому уровню требований, предъявляемых к избирательным объединениям и кандидатам, уровень организационного, информационного и технического обеспечения выборов членов Совета федеральной территории сопоставим с требованиями, применяемыми на муниципальных выборах. Кроме того, отсутствие целых блоков нормативного правового регулирования выборов членов Совета в Федеральном законе № 437-ФЗ приводит к неопределенности (даже посредством их замещения постановлениями территориальной комиссии Сириуса).

Так, в соответствии со ст. 32 Федерального закона № 437-ФЗ сведения о зарегистрированных кандидатах, в т.ч. об их доходах и имуществе, а также сведения о выявленных фактах недостоверности сведений, предоставленных кандидатами при выдвижении, доводятся до сведения избирателей в порядке и объемах, которые установлены самой территориальной комиссией. Таким образом, законодатель не определяет, в каких СМИ (или на иных ресурсах) публикуется эта информация, что относительно других выборов подвергается обязательному регулированию.

Кроме того, федеральный законодатель не устанавливает уровень и статус СМИ, которые обязаны участвовать в информационном обеспечении выборов членов Совета. Согласно ч. 2 ст. 34 Федерального закона № 437-ФЗ бесплатные эфирное время и печатную площадь для проведения предвыборной агитации обязаны предоставлять зарегистрированным кандидатам организации

телерадиовещания и редакции периодических печатных изданий, учредителями (соучредителями) которых являются органы публичной власти федеральной территории «Сириус» или учрежденные ими организации. Таким образом, информационное обеспечение выборов сужается до границ самого Сириуса.

Уровень требований, предъявляемых к степеням защиты бюллетеней для голосования, в Федеральном законе № 437-ФЗ не установлен, что также сужает систему устанавливаемых гарантий.

При проведении выборов членов Совета остается неурегулированным взаимодействие комиссии с иными органами и организациями регионального уровня, уполномоченными на осуществление определенных действий (например, с отделением пенсионного фонда по Краснодарскому краю — по предоставлению сведений об избирателях-инвалидах, с управлением Министерства юстиции по Краснодарскому краю — по предоставлению сведений о политических партиях и общественных объединениях и др.).

В рамках выборов федерального уровня избиратели, зарегистрированные на территории Сириуса, реализуют свое активное избирательное право, избирая депутатов Государственной Думы и Президента РФ, а территориальная комиссия Сириуса имеет полномочия обычной территориальной избирательной комиссии. Так, например, на выборах депутатов Государственной Думы восьмого созыва, состоявшихся 19 сентября 2021 г., задачами комиссии являлись: информирование избирателей Сириуса о дате и месте голосования, о зарегистрированных партийных списках и кандидатах, выдвинувшихся по Сочинскому одномандатному избирательному округу № 50, руководстве деятельностью нижестоящих участковых избирательных комиссий; обеспечение голосования избирателей и установление его итогов на территории Сириуса по одномандатному и федеральному избирательным округам. Территориальное вхождение Сириуса в Сочинский одномандатный округ, пусть и в новом качестве, обусловлено наличием активного избирательного права избирателей Сириуса в рамках формирования нижней палаты федерального парламента, а также продолжающей действовать схемой избирательных округов на выборах депутатов Государственной Думы, утвержденной в ноябре 2015 г. сроком на десять лет 14.

Аналогичные полномочия территориальная комиссия Сириуса имеет и в рамках выборов главы

 $^{^{13}}$ См.: Указ Президента РФ от 06.06.2013 г. № 546 // СЗ РФ. 2013. № 23, ст. 2892.

 $^{^{14}}$ См.: Федеральный закон от 03.11.2015 г. № 300-ФЗ «Об утверждении схемы одномандатных избирательных округов для проведения выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 45, ст. 6201.

администрации (губернатора) Краснодарского края, выборов депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края. Осуществление указанных полномочий связано, прежде всего, с необходимостью обеспечения активного избирательного права избирателей, зарегистрированных на территории Сириуса, на выборах регионального уровня. При проведении выборов высшего должностного лица Краснодарского края непосредственно вышестоящей комиссией по отношению к территориальной комиссии Сириуса будет выступать избирательная комиссия Краснодарского края, на выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края — соответствующая окружная избирательная комиссия того избирательного округа, в состав которого входит «Сириус».

Территориальный принцип организации публичной власти, лежащий в основе механизма наделения граждан активным избирательным правом в границах соответствующего избирательного округа, где они зарегистрированы по месту жительства, позволяет установить связь между электоральными возможностями избирателей и территорией их регистрации. Таким образом, «представительский потенциал» федеральной территории, оценка ее статуса в системе существующего политико-территориального устройства Российской Федерации производны от закрепляемого порядка реализации избирательных прав граждан.

Территориальный принцип организации публичной власти является определяющим в системе полномочий, закрепляемых за территориальной комиссией Сириуса. Важно подчеркнуть искусственность определения полноты электоральных возможностей избирателей Сириуса через полномочия территориальной комиссии. Однако отсутствие регулирования данного вопроса непосредственно в Федеральном законе № 437-ФЗ замещается его регламентацией постановлениями территориальной комиссии Сириуса. Так, п. 10.2—10.4 Регламента территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус» к полномочиям комиссии при проведении выборов Президента РФ, депутатов Государственной Думы, депутатов Законодательного собрания Краснодарского края, главы администрации (губернатора) Краснодарского края, членов Совета федеральной территории «Сириус» отнесено выполнение на федеральной территории «Сириус» действий, предусмотренных соответствующим законом¹⁵.

Комиссия обеспечивает конституционные права на участие в выборах зарегистрированных на территории Сириуса избирателей. Эти полномочия охватывают выборы всех уровней, проводимых на территории Сириуса, тем самым комиссия реализует и государственные, и муниципальные полномочия. Участие в организации выборов членов Совета федеральной территории и реализация задач формирования самостоятельного представительного органа публичной власти отражает статус комиссии как публичного органа. Будучи закрепленными в регламенте комиссии, данные полномочия требуют своего урегулирования в соответствующих нормативных правовых актах федерального и регионального уровня (в законодательстве Краснодарского края).

Решение вопроса о том, входит ли федеральная территория «Сириус» в состав Краснодарского края, очевидно, может являться общим для других федеральных территорий, в дальнейшем образуемых в составе субъектов Российской Федерации. Придание территории статуса федеральной определяет ее публично-правовой статус, однако не может являться основанием для ограничения конституционных прав избирателей, зарегистрированных на данной территории.

Достаточно формализованное описание системы избирательных комиссий, закрепленное в Федеральном законе № 67-ФЗ, наличие понятий «избирательная комиссия, организующая выборы» и «непосредственно вышестоящая избирательная комиссия», требуют детального урегулирования относительно территориальной комиссии Сириуса, конкретизации ее полномочий при проведении выборов регионального и федерального уровней.

Как отмечается в юридической литературе, организация публичной власти на федеральных территориях не может быть выведена за рамки федеративных отношений и отношений местного самоуправления ¹⁶. Обязательность реализации права граждан на местное самоуправление ¹⁷, равно как и права на участие в управлении делами государства, составляет важнейшие институты демократических государств федеративного типа ¹⁸.

Территориальная комиссия Сириуса призвана реализовать избирательные права зарегистрированных

¹⁵ См.: постановление территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус» от 15.03.2021 г. № 3/12-1 «О Регламенте территориальной избирательной комиссии федеральной территории «Сириус». URL: http://sirius.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii//docs/Post-12.docx

 $^{^{16}}$ См.: *Гриценко Е.В.* Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80, 81.

 $^{^{17}}$ См.: *Праскова С.В.* К вопросу об обязательности осуществления местного самоуправления в федеральных территориях России // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2020. № 4. С. 18.

 $^{^{18}}$ См.: *Кулешова Н.В., Козлова Н.В.* Перспективы развития федеральных территорий в России // Современное право. 2021. № 1. С. 19.

на ее территории избирателей, реализуя при этом следующие полномочия:

на выборах депутатов Государственной Думы и Президента РФ (государственные полномочия федерального уровня);

на выборах депутатов Законодательного собрания Краснодарского края и главы администрации (губернатора) Краснодарского края (государственные полномочия регионального уровня);

на выборах членов Совета (полномочия не имеют уровня муниципальных, соответствуют уровню федеральной территории, однако фактически вбирают в себя обеспечение права на участие в местном самоуправлении).

Исходя из определения ЦИК России как государственного органа Российской Федерации, избирательной комиссии субъекта Российской Федерации — как государственного органа субъекта Российской Федерации, избирательной комиссии муниципального образования — как муниципального образования, территориальная комиссия Сириуса может быть определена как публичный орган.

Совмещение полномочий избирательной комиссии, организующей выборы членов Совета федеральной территории «Сириус», а также исполнение полномочий территориальной избирательной комиссии при проведении выборов в органы государственной власти федерального и регионального уровней позволяют сформулировать вывод об указанном особом статусе территориальной избирательной комиссии Сириуса как публичного органа, который при этом выполняет смешанные муниципальные и государственные полномочия.

* * *

Объем реализуемой компетенции территориальной комиссии Сириуса не сводится только к полномочиям территориальной комиссии как таковой. Статус комиссии должен получить законодательное закрепление как «избирательной комиссии федеральной территории», тем самым в системе избирательных комиссий Российской Федерации должен быть определен новый вид комиссии – не территориальной, а именно избирательной комиссии федеральной территории. Это позволит подчеркнуть объем ее полномочий при проведении выборов членов органа публичной власти федеральной территории, особый порядок формирования, возможность наличия в структуре комиссии штатных государственных должностей Российской Федерации, более высокий статус по сравнению с «обычными» территориальными избирательными комиссиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Бухвальд Е.М.* Федеральные территории как новация политики пространственного развития в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2021. № 3. С. 44.
- 2. Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 124—140.
- 3. *Гаврилова Ю. В.* Статус федеральной территории: дискуссионные аспекты // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: материалы Всеросс. науч. конф., посвященной памяти проф. Ф.М. Рудинского / под общ. ред. В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. М., 2021. С. 240.
- 4. *Гриценко Е.В.* Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80, 81.
- Кулешова Н. В., Козлова Н. В. Перспективы развития федеральных территорий в России // Современное право. 2021. № 1. С. 19.
- 6. *Майборода В.А.* Градостроительное регулирование развития федеральной территории // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 56.
- 7. *Мусинова Н.Н.* Федеральная территория: особенности, зарубежный опыт и российский проект // Самоуправление. 2020. № 5. С. 346.
- 8. *Некрасов С.И*. Экстерриториальная компетенция в территориальной организации публичной власти // Lex russica. 2017. № 1. С. 142.
- 9. *Праскова С.В.* К вопросу об обязательности осуществления местного самоуправления в федеральных территориях России // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2020. № 4. С. 18.

REFERENCES

- 1. Bukhwald E.M. Federal territories as an innovation of spatial development policy in the Russian Federation // Theory and practice of social development. 2021. No. 3. P. 44 (in Russ.).
- 2. Vasilyeva N. V., Praskova S. V., Pyatkovskaya Yu. V. Constitutional status of federal territories in Russia: theoretical foundations of legislative regulation // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 1. P. 124–140 (in Russ.).
- 3. Gavrilova Yu. V. The status of the federal territory: controversial aspects // Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects: materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of Prof. F. M. Rudinsky / under the general editorship of V.V. Stroev, D.A. Pashentseva, N.M. Ladnushkina. M., 2021. P. 240 (in Russ.).
- 4. *Gritsenko E.V.* Federalism and local self-government in the light of the Russian constitutional reform of 2020 // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 4. P. 80, 81 (in Russ.).

- Kuleshova N.V., Kozlova N.V. Prospects for the development of federal territories in Russia // Modern Law. 2021. No. 1. P. 19 (in Russ.).
- 6. *Mayboroda V.A.* Town-planning regulation of the development of the federal territory // Theoretical and applied jurisprudence. 2020. No. 4. P. 56 (in Russ.).
- 7. *Musinova N.N.* Federal Territory: features, foreign experience and Russian project // Self-government. 2020. No. 5. P. 346 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТУРИЩЕВА Наталья Юрьевна —

кандидат юридических наук, доцент, секретарь избирательной комиссии Краснодарского края, доцент кафедры конституционного и административного права Кубанского государственного университета; 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

- 8. *Nekrasov S. I.* Extraterritorial competence in the territorial organization of public power // Lex russica. 2017. No. 1. P. 142 (in Russ.).
- 9. *Praskova S. V.* On the issue of the obligation to implement local self-government in the federal territories of Russia // Municipal property: economics, law, management. 2020. No. 4. P. 18 (in Russ.).

Authors' information

TURISHCHEVA Natalia Yu. -

PhD in Law, associate Professor, Secretary of the Election Commission of the Krasnodar region, associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kuban State University; 149 Stavropolskaya str., 350040 Krasnodar, Russia

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

МОРАТОРИЙ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРИРОДА, ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2022 г. А. В. Габов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gabov@igpran.ru

Поступила в редакцию 15.02.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию института моратория в отечественном гражданском праве. Интерес к нему связан с тем, что в 2020 г. в качестве одного из правовых решений для преодоления последствий обстоятельства чрезвычайного характера — распространения коронавирусной инфекции, а также смягчения последствий мер по предотвращению ее распространения, принимаемых государством, был введен мораторий на возбуждение дела о банкротстве. Введение нового института произошло в ситуации, когда понятие «мораторий» уже использовалось в определенном значение в Гражданском кодексе РФ (как отсрочка исполнения обязательства, устанавливаемая на основании закона Правительством РФ, ведущая к приостановлению срока исковой давности), а также в законодательстве о банкротстве (во всех законах, регулирующих вопросы несостоятельности (банкротства), в том числе действующем), где с 1992 г. используется понятие «мораторий на удовлетворение требований кредиторов». В связи с этим возникает необходимость рассмотрения природы моратория, особенностей различных видов мораториев, выяснения наличия как их общих элементов, так и особенностей указанных мораториев. Исходя из этой задачи, рассмотрена история появления института моратория в отечественном праве; выделены различные подходы к его определению; отмечены и проанализированы существующие виды мораториев. Предложены концептуальные подходы к регулированию моратория, а также конкретные правовые решения по совершенствованию института моратория в гражданском праве.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, эпидемия, чрезвычайное положение, война, военное положение, экономический кризис, непреодолимая сила, обязательство, банкротство, мораторий.

Цитирование: Габов А.В. Мораторий в российском гражданском праве: природа, особенности применения и перспективы развития регулирования // Государство и право. 2022. № 4. С. 56-78.

DOI: 10.31857/S102694520019591-1

MORATORIUM IN RUSSIAN CIVIL LAW: NATURE, APPLICATION FEATURES AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT REGULATION

© 2022 A. V. Gabov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: gabov@igpran.ru

Received 15.02.2022

Abstract. The article is devoted to the study of the institution of the moratorium in Russian Civil Law. Interest in it is due to the fact that in 2020, as one of the legal solutions to overcome the consequences of an emergency circumstance — the spread of coronavirus infection, as well as to mitigate the consequences of measures taken by the state to prevent its spread, a moratorium on initiating bankruptcy proceedings was introduced. The introduction of a new institution took place in a situation where the concept of "moratorium" was already used in a certain sense in the Civil Code of the Russian Federation (as a deferment of the fulfillment of an obligation, established on the basis of a law by the Government of the Russian Federation, leading to a suspension of the limitation period), as well as in bankruptcy legislation (in all laws governing insolvency (bankruptcy), including the current one), where since 1992 the concept of "moratorium on satisfaction of creditors' claims" has been used. In this regard, there is a need to consider the nature of the moratorium, the characteristics of various types of moratoriums, ascertaining the presence of both their common elements and the features of these moratoriums. Based on this task, the history of the emergence of the institute of moratorium in domestic law, as well as each type of moratorium, is considered. Concrete legal solutions have been proposed to improve the institution of a moratorium in Civil Law in general.

Key words: emergency, epidemic, state of emergency, war, martial law, economic crisis, force majeure, obligation, bankruptcy, moratorium.

For citation: Gabov, A.V. (2022). Moratorium in Russian Civil Law: nature, application features and prospects of development regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 56–78.

Введение

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (далее — Федеральный закон № 98-ФЗ) в Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) введена ст. 9.1 о возможности введения в установленных случаях моратория на возбуждение дел о банкротстве. Для российского гражданского права появление этой нормы — событие значимое, поскольку долгое время мораторий как правовое средство был едва ли не на периферии внимания законодателя и ученых-юристов.

Федеральный закон № 98-ФЗ принимался в жестких временных рамках (проект был внесен Правительством РФ 26.03.2020 г., а уже 01.04.2020 г. Закон был подписан Президентом РФ); и сам этот Закон, и те правовые решения, которые содержались в его нормах, представляют собой меры чрезвычайного характера, направленные на снижение негативных последствий распространения коронавирусной инфекции и тех ограничительных мер, которые вводились органами публичной власти различного уровня для ограничения распространения эпидемии², о чем прямо указывалось и в пояснительной записке к соответствующему законопроекту (№ 931192-7) — необходимость «экстренного реагирования на вызовы, связанные с распространением

новой коронавирусной инфекции» 3. Учитывая цели закона и обстоятельства его принятия, очевидно, что законодатель пытался в максимальной степени смягчить названные негативные последствия. Перечень мер, которые вводились для таких целей, был разнообразен; в их числе был и мораторий на возбуждение дел о банкротстве. Пояснительная записка к законопроекту содержательного разъяснения существа этого правового решения не дает 4. Между тем новое регулирование при всей положительной оценке его целей, порождает множество вопросов на практике. Отчасти это следствие юридической техники нового законоположения (ст. 9.1 Закона о банкротстве) 5, отчасти следствие не в полной мере сбалансированного подхода, дающего

По существу, в записке приведены выдержки из предлагаемых правовых решений и не более.

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

² Подробнее о таких мерах в целом см.: *Габов А.В.* Правовые средства противодействия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // Конституция и права человека: современная доктрина и практика / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М., 2021. С. 271–299.

³ См.: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/931192-7 (дата обращения: 01.02.2022).

⁴ Относительно моратория там указано следующее: «В исключительных случаях (в случае угрозы возникновения или при возникновении чрезвычайной ситуации) Правительству Российской Федерации предлагается предоставить право на введение моратория на возбуждение дел о банкротстве. При этом с учетом правоприменительной практики для дел о банкротстве, возбужденных в течение трех месяцев после прекращения моратория, предусмотрено регулирование периодов и сроков признания лиц, заинтересованными по отношению к должнику, оспаривания сделок, определения состава и размера обязательств должника, а также заключения в деле о банкротстве мирового соглашения, которое в период действия моратория может быть заблаговременно согласовано должником с кредиторами».

⁵ Само название вызывает, конечно, вопросы: анализ норм об указанном моратории (в том числе, с учетом имеющихся разъяснений судебной практики и самой судебной практики) дает основание утверждать, что он по содержанию шире названия, поскольку не только препятствует подаче кредитором в течение определенного периода времени заявления о банкротстве, но и ведет к прекращению (причем, на время, что любопытно) акцессорных обязательств (неустойка), применения мер ответственности и т.д.

(потенциально) возможность недобросовестным должникам воспользоваться новым регулированием при отсутствии реальных рисков резкого ухудшения финансового положения и банкротства. Эти обстоятельства являются основанием для проведения научно-экспертного исследования моратория на возбуждение дела о банкротстве. Однако интересны не только (скорее даже не столько) юридико-технические особенности нового вида моратория, но и вопросы общетеоретического порядка, ведь когда мораторий на возбуждение дела о банкротстве был закреплен в отечественном законодательстве, понятие «мораторий» уже использовалось в отечественном праве (и довольно давно), хотя и в различных контекстах.

«Мораторий» в отечественном гражданском праве (законодательство и доктрина): ретроспектива (регулирование до начала 1990-х годов)

Слово «мораторий» латинского происхождения; "mora" означает «промедление», «задержка», "moratorius" — «задерживающий», «затягивающий», «медлительный». Б. Виндшейд отмечал, что понятие "moratorium" «происходит без сомнения от... выражения "moratoria praescriptio", которое значит лишь отсрочивающее возражение вообще»⁶.

В правовых исследованиях понятие «мораторий» в самом общем виде означает отсрочку в исполнении обязательства (обязанности). Однако это не просто отсрочка, а отсрочка специфического рода, что определяется: условиями, ее вызвавшими; целями; субъектами принятия решения о ее использовании; кругом лиц, под нее подпадающих. И.Д. Мордухай-Болтовский, перу которого принадлежит одно из немногих в отечественном праве исследований этого явления, писал: «В силу общего начала гражданского права, отсрочка исполнения обязательства может последовать не иначе, как по взаимному согласию между должником и кредитором. Однако от этого общего правила как в древнее, так и в новейшее время допускались довольно существенные отступления, объединяющиеся общим понятием моратория и относившиеся или к отдельным индивидуально определенным лицам, или же к более или менее обширным кругам населения» ¹. Основная цель моратория в самом общем виде (в исторической ретроспективе) — это смягчение положения должников, которые в процессе исполнения обязательств подверглись воздействию объективных и не зависящих, как правило, от них негативных обстоятельств. И хотя, как весьма образно отмечал Э.Э. Гей, мораторий «на пространстве столетий» встречался лишь «изредка»⁸, тем не менее случаев его использования было достаточно для того, чтобы сделать некоторые общего характера выводы. Мораторий как обычай отсрочки исполнения обязательств помимо воли кредитора (распоряжением верховной власти) начал применяться уже во времена Римской Империи⁹. В последующем его использование в форме отсрочки (рассрочки) наблюдается в Западной Европе в Средние века и Новое время 10. Как полагает А.Э. Вормс, «самый термин установился лишь в средние века, притом даже вследствие ошибочного толкования источника; по существу, весь институт действительно реципирован средними веками из римского права позднейшей эпохи» ^{11} .

Моратории (как отсрочка (рассрочка)) по кругу лиц были *индивидуальные* (как льгота, личная привилегия) и *общие* (иногда исследователи используют слово «генеральные»).

Индивидуальные моратории сначала выдавались верховной властью, а со временем эта функция закрепилась за судом. К примеру, в случае с Францией окончательно «превращение моратория из чисто личной привилегии, даруемой верховной властью в виде изъятия из общих законов, в обыкновенное процессуальное право суда, осуществляемое им по оценке всех обстоятельств

⁶ Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. с нем. под ред. и с прим. ред.-издателя «Судебного Вестника» А.Б. Думашевского. СПб., 1875. С. 59.

 $^{^7}$ *Мордухай-Болтовский И.Д.* Закон 6 апреля 1915 года об отсрочке и рассрочке исполнения обязательств и судебных решений // Журнал Министерства Юстиции. 1915. № 5. С. 113.

⁸ *Гей Э. Э.* Мораторий и его значение в вексельном праве // Журнал Министерства Юстиции. 1915. № 6. С. 144.

⁹ «Рескриптом монарха, по римскому праву, могла быть предоставлена отсрочка должнику (moratorium)» (см.: Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. 3. Кн. IV: Обязательственное право / пер. с 5-го нем. изд. Л. Петражицкий. 2-е изд. (испр. по 9-му нем. изд.). СПб., 1899. С. 54). Такие рескрипты давались должнику «ввиду особого несчастного стечения обстоятельств и в виде особой милости» (см.: Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 100). С. М. Барац отмечал, что «мораториумы, восходящие к временам Римской Империи, находились в тесной связи с обращением в рабство и заключением в тюрьму за долги. Путем мораториумов временно приостанавливались действующие законы об обязательствах... Первоначально в своем основании мораториум имел в виду защитить должника от тюремного заключения, которого последний мог избегнуть лишь при условии отдачи всего своего имущества или - путем получения пятилетней отсрочки платежа...» (см.: Барац С.М. Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб., 1893. С. 479).

¹⁰ См.: Виндшейд Б. Указ. соч. С. 59, 60; Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 29, 78, 330, 449, 450; Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. 2-е изд. Казань, 1898. С. 9, 10; Вормс А.Э. Мораторий // Вестник права. 1914. № 31. С. 941, 942; Мордухай-Болтовский И.Д. Указ. соч. С. 114—122; и др.

¹¹ *Вормс А.Э.* Указ. соч. С. 942.

отдельного дела.., относится ко времени издания гражданского кодекса Наполеона...» ¹²; аналогичное развитие И.Д. Мордухай-Болтовский отмечает и для Германии, отмечая в особенности прусский Устав 1794 г. ¹³ Развитие индивидуальных мораториев тесно связано с развитием института несостоятельности (конкурсного права).

Общие (генеральные) моратории (даваемые определенной группе лиц, населению отдельной части какой-либо страны и даже населению всей страны) — это реакция на различного рода чрезвычайные обстоятельства, которыми затрагиваются множество лиц. Исследователи (А.Э. Вормс) говорят о моратории как о «правительственной мере», направленной «к смягчению наиболее тяжелых хозяйственных последствий крупных общественных бедствий, главным образом войн, междоусобиц, восстаний и т.п.» 14; также в более общем виде говорится о применении моратория в «тяжелые моменты жизни народов» $(9.9. \text{ Гей})^{15}$. Среди причин общего моратория упоминаются и экономические кризисы ¹⁶. Э.Э. Гей называет мораторий проявлением «права крайней необходимости государства» ¹⁷. Несмотря на развитие моратория в различных государствах схожим образом, его использование в разных странах примерно с одинаковыми целями, тем не менее каких-то общетеоретических подходов к мораторию (условно говоря, теории моратория) не сложилось.

Мораторий (с использованием этого понятия или понятия «мораториум» ¹⁸, или без его использования (как отсрочка (рассрочка) без согласия кредитора) применялся и в Российской Империи ¹⁹. Российское дореволюционное законодательство дает примеры того, как отсрочки

(рассрочки) предоставлялись должнику (должникам) без согласия кредиторов: конкретным лицам, попавшим в сложную ситуацию, к примеру, купцам, лишившимся товара «от воды, огня или рати» (т.е. индивидуальные моратории (сначала в форме «полетных грамот» (документов о отсрочке (рассрочке) долга и его погашении без процентов ^{20}), выдаваемых верховной властью, а затем судом ^{21}); *определенным категориям лиц или* всему населению определенной территории, пострадавшим от воздействия каких-то обстоятельств войны, неурожая, эпидемии моровой язвы (т.е. общие (генеральные) моратории). Российскому праву были известны моратории, которые касались и отдельных видов обязательств (прежде всего речь идет о вексельных мораториях²²). Классифицируя все российские моратории, В.И. Синайский в 1918 г. писал, что они различаются: по органам, их устанавливающим, - судебные и правительственные, и по содержанию - общие, специальные и индивидуальные ^{23} .

До Первой мировой войны вопрос о мораториях не занимал значительного места в нормативных

¹² Мордухай-Болтовский И.Д. Указ. соч. С. 115.

¹³ См.: там же. С. 116.

¹⁴ Вормс А.Э. Указ. соч. С. 941.

¹⁵ См.: Гей Э.Э. Указ. соч. С. 162.

¹⁶ См.: *Мордухай-Болтовский И.Д.* Указ. соч. С. 119.

¹⁷ Гей Э. Э. Указ. соч. С. 162.

 $^{^{18}}$ См., напр.: Именной Высочайший Указ от 05.10.1914 г. «Об установлении в губерниях Царства Польского общего мораториума»; *Каминка А. И.* Мораториум // Право. Еженедельная юрид. газ. 1914. № 31. С. 2318—2323. Относительно использования этого термина («мораториум») есть довольно язвительный комментарий А.Э. Вормса — «неизвестно, почему этот термин (мораторий. — *А.Г.*) за последнее время употребляется русскими юристами в своей чисто латинской форме «мораториум». Никто, однако, не считает нужным писать: «санаториум», «крематориум» и т.д., а говорят «санаторий» и т.д. Нет оснований не изменять, соответственно, и термин «мораториум» (см.: *Вормс А. Э.* Указ. соч. С. 942).

¹⁹ См.: *Мордухай-Болтовский И.Д.* Указ. соч. С. 122–132; и др.

²⁰ К.А. Неволин указывает, что «рассрочка платежа долга заимодавцам делалась князьями посредством грамот, называвшихся полетными. В первый раз о полетной грамоте, выданной от князя, упоминается около 1450 года» (см.: Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 3: Книга вторая об имуществах. Раздел третий о правах на действия лиц и раздел четвертый о наследстве. СПб., 1851. С. 127). В основном такие грамоты выдавались несостоятельным купцам. Исследователи отмечают определенное развитие в регулировании выдачи полетных грамот. Так, И.Д. Беляев, анализируя Судебник 1497 г., пишет, что он традиционно для российского права разделяя всех несостоятельных купцов на «несчастных» и «виноватых», тем не менее (что было ново) вводил «начало строгой администрации и судебных форм»; в частности, Судебник требовал обысков для доказательства справедливости показаний должника; если его требование подтверждалось, то ему как «несчастному должнику» великокняжеским дьяком выдавалась грамота с княжеской печатью, по которой он обязывался выплатить в определенный срок (с рассрочкой) один только капитал (основную сумму долга) без процентов. Оценивая положения Судебника 1550 г., он же отмечает, что к имевшимся правилам выдачи полетной грамоты добавились следующие нормы: об определении срока уплаты долга в грамоте сообразно с оставшимся капиталом должника; что в случае утраты занятых денег в результате разбоя полетная грамота теряет силу, когда разбойник будет пойман и с него взыщут отнятые им деньги (см.: Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М., 1888. С. 417, 429).

²¹ См.: *Вормс А.Э.* Указ. соч. С. 941, 942; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 599, 600; *Мордухай-Болтовский И.Д.* Указ. соч. С. 122–124.

²² См., напр.: *Шершеневич Г.Ф.* Вексельное право. СПб., 1909. С. 125; *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Вып. II: Обязательственное, семейное и наследственное право. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1918. С. 39.

²³ См.: Синайский В.И. Указ. соч. С. 38.

актах, а также доктрине ^{24} (исключая, пожалуй, только т.н. вексельные моратории ^{25}).

60

Начало войны, ее продолжительный ход, потеря значительной части западных губерний Российской Империи привели к необходимости специального урегулирования вопросов исполнения обязательств, имущественная сфера должников (а в отдельных случаях учитывались и интересы кредиторов) в которых пострадала ²⁶ (на годы

войны приходится пик исследований, формирование теоретических представлений о моратории и обсуждение различных конкретных аспектов применения моратория в отношении различных обязательств ^{27}). Российский опыт моратория не был уникальным, похожие правовые решения принимались и в других воюющих странах ^{28} , с некоторыми исключениями (мораторий, как отмечалось в исследованиях, не был введен в Германии ^{29}).

В Российской Империи было принято множество специальных актов, которыми вводились: продление срока протеста векселей (Именной Высочайший Указ от 20.07.1914 г. «О предоставлении права отлагать протесты векселей впредь до минования обстоятельств военного времени» 30, приостановление протестов и мер взыскания по векселям (Именные Высочайшие Указы: от 25.07.1914 г. «О временном приостановлении протестов и мер взыскания по векселям» 31; от 12.09.1914 г. «О временном приостановлении протестов и принятия

²⁴ В работах XIX — начала XX в. о моратории встречаются отрывочные, краткие по содержанию (причем, довольно общего характера) упоминания о моратории (см., напр.: *Цитович П.П.* Обязательства по русскому гражданскому праву. Конспект лекций; издание студентов. Киев, 1894. С. 9). Интересно, что в специальных работах этого периода по непреодолимой силе вопрос о моратории практически не исследуется (см.: *Пирвиц Э.Э.* Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. СПб., 1895; *Яблочков Т.М.* Понятие «непреодолимой силы» в гражданском праве // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеем. Ярославль, 1911. Вып. II—III (VIII—IX). С. 271—321).

²⁵ Специальной литературы по этому вопросу весьма мало; положения о мораториях обычно незначительны по объему; в основном их авторы предлагали не собственные разработки, а анализ истории зарубежной литературы и зарубежного законодательства (см.: Миловидов Н.А. Вексельное право. Ярославль, 1876. С. 175-178; Цитович П. П. Курс вексельного права. Киев, 1887. С. 278; Федоров А.Ф. Вексельное право. Одесса, 1906. С. 508, 509; и др.). Одно из редких исключений – работа С.М. Бараца, где в связи с исследованием влияния обстоятельств непреодолимой силы, а также моратория на вексельное обязательство отчасти рассматриваются и общие вопросы моратория (см.: Барац С. М. Указ. соч. С. 477-488). Отметим также сочинение Н. Шнейдера (см.: Шнейдер Н. Вексельные моратории 1905 г. С точки зрения законодательной техники // Журнал Министерства Юстиции. 1906. № 6. С. 199-235). Указанный автор писал, что вексельными мораториями «называются законодательные акты, которыми, ввиду постигшего страну общественного бедствия (войны, мятеж, заразной болезни и т.п.), препятствующего правильному вексельному обороту, приостанавливается в большей или меньшей мере действие вексельных законов. Такими актами установляется продление срока платежа по векселям или, что чаще бывает, срока для предъявления их и для протеста, а иногда и совершенное, в течение известного времени, воспрещение протеста, равно как и процессуальных мер» (см.: там же. С. 201).

²⁶ В.Б. Ельяшевич так образно комментирует целесообразность введения моратория в начале войны: «отвлечение мобилизацией громадной массы рабочих рук, вообще промыслового населения, внезапное прекращение не только внешней торговли, но и, в связи с временной приостановкой товарного железнодорожного движения, почти всего товарообмена, главным же образом, та паника в хозяйственной жизни, которая естественно сопровождает начало войны, все это создавало впечатление полного кризиса. Затруднение учетной операции еще более усиливало это впечатление. Казалось бы, хозяйственная жизнь должна остановиться. В поисках средств, которые могли бы вывести из создавшегося сразу затруднительного положения, мысль, естественно, обратилась к старинному средству, мораторию» (см.: Ельяшевич В.Б. Война и гражданский оборот (К вопросу о мораториях). Пг., 1914. С. 2). Больше эмоций в комментарии С.А. Беляцкина: «Сколько неожиданных разорений и крахов предупреждено мораторием!» (см.: Беляцкин С.А. Гражданский оборот, непреодолимая сила и война // Вестник Гражданского права. 1915. № 3. С. 81).

²⁷ См.: Бутовский А. Н. Приостановление судопроизводства по случаю военных действий // Вестник Гражданского права. 1914. № 7. С. 71-91; Криличевский С.А. Вопросы моратория // Право. Еженедельная юрид. газ. 1914. № 42. С. 2853-2858; Вормс А. Э. Указ. соч. С. 941-944; Ельяшевич В.Б. Указ. соч.; Каминка А.И. Мораториум // Право. Еженедельная юрид. газ. 1914. № 31. С. 2318—2323; Беляцкин С.А. Гражданский оборот и война. Пг., 1915; Беляцкин С.А. Гражданский оборот, непреодолимая сила и война... С. 47-86; Гойхбарг А.Г. Действующая армия или действующие армии? (По поводу статьи А. Н. Бутовского «Что такое действующая армия в гражданско-процессуальном смысле») // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 1. С. 11-19; Бутовский А. Н. Пределы «судебного моратория» (Ответ А.Г. Гойхбаргу) // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 7. С. 425-435; Гойхбарг А.Г. Еще о судебном моратории // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 8. С. 521–526; *Токарев В.С.* Еще о судебном моратории для чинов армии // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 18. С. 1318-1321; Исаченко В. В. Странная мера // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 48. С. 3077-3079; Канторович Я.А. «Невозможность» исполнения обязательств // Право. Еженедельная юрид. газ. Пг., 1916. № 34 (28 авг.). С. 1865—1875; № 35. С. 1914—1919; № 36. С. 1950—1960; Его же. Война и исполнение обязательств // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 2–3. C. 102–154; № 4. C. 126–182; № 5–6. C. 115–153; Мейчик Д. М. Мораторий для лесопромышленников // Вестник Гражданского права. 1916. № 8. С. 136-145; Мордухай-Болтовский И.Д. Указ. соч. С. 113-184; Синайский В.И. Указ. соч. С. 38-40; и др.

²⁸ Как отмечал С.И. Раевич, «повсеместно были установлены моратории, и допущены еще некоторые льготы для должников. Этот опыт оставил большой след и в эволюции понятий, употребляемых цивилистической литературой» (см.: *Раевич С.И.* Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. 1789—1926: Франция, Италия, Польша, Голландия, Румыния, Российская Империя, Австрия, Германия, Швейцария. М., Л., 1929. С. 273).

²⁹ См.: *Беляцкин С.А.* Частное право в основных принципах (Курс Гражданского Права). Каунас, 1928. С. 398.

 $^{^{30}}$ См.: Гражданские узаконения военного времени. Пг., 1915. С. 3.

³¹ См.: там же. С. 3, 4.

мер взыскания по векселям в некоторых губерниях Европейской России» 32; от 19.09.1914 г. «О дополнительных к именным Высочайшим Указам 25 июля и 12 сентября 1914 года постановлениях о вексельном моратории» ³³; от 13.01.1915 г. «О предоставлении права отлагать протесты векселей и о временно приостановлении протестов и мер по взысканию по некоторым векселям» 34; и другие акты), приостановление производства исковых дел (Именной Высочайший Указ от 13.09.1914 г. «О некоторых по гражданским и уголовным делам льготах чинам действующих армии и флота» 33), приостановление предъявления исков о платеже денежных сумм и принятие мер взыскания по всем договорным обязательствам (или «общий мораториум»). если место платежа по обязательствам находилось на территориях ряда губерний, затронутых войной (Именные Высочайшие Указы: от 05.10.1914 г. «Об установлении в губерниях Царства Польского общего мораториума» ³⁶; от 11.11.1914 г. «О продлении моратория в губерниях Царства Польского» 37; от 13.01.1915 г. «Об установлении в изменении и дополнение Высочайших Указов, данных Правительствующему Сенату от 5 октября и 11 ноября 1914 г., "Об установлении в губерниях Царства Польского общего моратория и о продлении последнего, временных правил"» ^{38} ; от 13.04.1916 г. ^{39} ; и другие акты); изменение сроков исполнения договоров (Именной Высочайший Указ от 13.05.1916 г. «Об установлении моратория по лесорубочным договорам в местностях, занятых неприятелем и близких к району военных действий» ^{40}).

В основном мораторий военных лет касался денежных обязательств ⁴¹ (хотя и не только,

к примеру, последний из упомянутых актов от 13.05.1916 г., а также последний абзац отд. И Указа «Об установлении в губерниях Царства Польского общего мораториума»), однако, как квалифицировать моратории военных лет по видам продляемых (ограничиваемых) действий — это вопрос. Одни авторы использовали традиционную формулу – отсрочка платежа (к примеру, А.И. Каминка: «предоставление должнику права в течение определенного времени не платить по своим обязательствам» ⁴², другие говорили об *отсрочке взыска*ния и мер принудительного исполнения (А.Э. Вормс: «юридическая природа моратория сводится... не к продлению срока обязательства, а к отсрочке взыскания и мер принудительного исполнения» 43); в отдельных работах (А.Н. Бутовского и др.) можно встретить указание на «судебный мораторий» (таким образом характеризуется указ о приостановлении производства исковых дел). На самом деле, как показывает изучение всего массива нормативных актов о моратории периода Первой мировой войны, каждая из указанных точек зрения имеет основания, поскольку в реальности мораторные меры в одних случаях продляли срок обязательства (в его еще не нарушенном состоянии), в других – речь шла о продлении протестов, в третьих – об ограничении (отсрочке по времени) мер взыскания, в четвертых случаях — об ограничении обращения лица в суд или приостановлении уже идущего судебного процесса. Интересно, что разница в определении (общем) моратория при отсутствии какого-либо общего теоретического подхода затем «перешла» уже и в советское право.

денежные обязательства. Между тем, хозяйственное замешательство, столь понятное в начале войны, в особенности такой грандиозной, как нынешняя, прежде всего должно отразиться на платежеспособности отдельных лиц. В этом и лежит причина, почему исключительное законодательство военного времени, направленное по преимуществу на денежные обязательства, принимает форму мораториев, отсрочек в денежных платежах» (см.: Ельяшевич В.Б. Указ. соч. С. 19).

Нельзя не отметить, что в отдельных редких работах российских исследователей, посвященных мораторию, его применение связывали именно с денежными обязательствами. Так, П.П. Цитович писал в 1894 г.: «К денежным обязательствам неприменимо понятие (юридической) невозможности, как оно применимо к обязательствам с иным предметом. Для обязательств денежных может быть только затруднение, невозможность... или для всех и каждого, - тогда издаются moratoria; или для данного должника, - тогда может иметь место рассрочка по распоряжению суда (ст. 136 Уст. Гражд. Судопр.)» (см.: Цитович П.П. Указ. соч. С. 9); В.И. Синайский в работе 1918 г. указывал, что юридическое значение отсрочки (моратория) выражается главным образом в том, что при родовых (в особенности денежных) обязательствах должник получают льготу, которой он, по общему правилу, не имеет; этим объясняется, почему область мораториев - это преимущественно область кредитных сделок (см.: Синайский В.И. Указ. соч. С. 38).

³² См.: Гражданские узаконения военного времени. С. 11, 12.

³³ См.: там же. С. 14, 15.

³⁴ См.: там же. С. 33.

 $^{^{35}}$ См.: там же. С. 12-14. Анализ этой меры см.: *Бутовский А.Н*. Приостановление судопроизводства по случаю военных действий... С. 71-91.

³⁶ См.: Гражданские узаконения военного времени. С. 16-19.

³⁷ См.: там же. С. 25, 26.

³⁸ См.: там же. С. 31, 32.

³⁹ См.: Действия правительства // Право. Еженедельная юрид. газ. 1916. № 16. С. 971, 972.

⁴⁰ См.: там же. № 20. С. 1216. Подробнее об этом моратории см.: *Мейчик Д. М.* Указ. соч. С. 136–145.

⁴¹ Здесь интересен комментарий российских мораторийных актов времен войны, который дал В.Б. Ельяшевич: «Как бы сильно не повлияла война на экономическое положение должника, насколько бы она ни подрывала его платежеспособность, с юридической точки зрения это не создает объективной невозможности исполнения, а лишь несостоятельность должника. Ссылка на тяжелые обстоятельства, вызванные войной, само по себе нисколько не может облегчить положение должника, избавить его от необходимости выполнять свои

⁴² См.: *Каминка А.И.* Указ. соч. С. 2318.

⁴³ См.: *Вормс А.Э.* Указ. соч. С. 942.

Вопросы моратория в дореволюционных исследованиях рассматривали применительно к истории конкурсного производства (несостоятельности (банкротства), говоря современным языком), вексельного права (вексельные моратории), а также невозможности исполнения обязательства непреодолимой силы. В особенности для целей настоящей работы интересны фрагменты последних исследований. Исследователи признавали, что при воздействии различного рода чрезвычайных ситуаций (опять же, подчеркнем, все это исследовалось на фоне начавшейся войны) доказательства причинной связи между событием и неисполнением обязательства затруднительны, а потому для целей облегчения положений должников в тех случаях, когда событие затрагивает множество лиц, следует облегчить их положение возможной ссылкой на акт государственной власти. Можно привести здесь слова Э.Э. Гея (хотя и «вырванные» из контекста его исследования, но, тем не менее, вполне отражающие суть вопроса): «мораторий является лишь более определенным нормированием непреодолимой *силы* (курсив наш. $-A.\Gamma$.)»⁴⁴. В более развернутом виде эту мысль видим у И.Д. Мордухай-Болтовского: «При осуществлении должником бесспорно принадлежащего ему права ссылаться на невозможность своевременного исполнения обязательства вследствие не зависящих от него причин вся тяжесть доказывания должна считаться лежащею всецело на самом должнике. Другими словами, он должен доказать, с одной стороны, действительную невозможность своевременного исполнения, а с другой – причинную связь этой невозможности с данным чрезвычайным обстоятельством. Между тем доказывание как того, так и другого представляется делом далеко не легким. В особенности, такое доказывание может оказаться затруднительным в отношении причинной связи между просрочкой и чрезвычайным событием, которая на практике бывает далеко не всегда уловимой для такого постороннего исследователя, каковым является суд. Этим объясняется, что при наступлении такого рода общих бедствий, которые в корне потрясают весь экономический быт в той или иной местности, законодательная власть стремится облегчить положение должников именно путем освобождения их от указанной выше тяжелой обязанности доказывания. Цель эта достигается созданием неопровержимого предположения.., что данное событие служит основанием для общей просрочки всех вообще или какой-либо отдельной группы обязательств, связанных с той местностью, в которой это событие наблюдается (курсив наш. — $A.\Gamma.$)»⁴⁵. Указанную мысль можно выразить и несколько иначе (исходя

из оценки возможности / невозможности исполнения обязательства): фактическая и экономическая невозможность исполнения обязательства, ставшие реальностью в связи с действием известных чрезвычайных обстоятельств (событий), имеющих общее значение (распространяющих свое негативное действие на значительное количество участников гражданского оборота), переводилась в юридическую невозможность.

Интересно, что мораторию не нашлось места в проекте Гражданского уложения; видимо это объясняется тем, что данный проект был внесен в Государственную думу перед Первой мировой войной, т.е. в тот период, когда в части моратория не было каких-либо значительных доктринального характера исследований, а опыт мораторийных законов войны по понятным причинам учтен быть не мог.

Институтом моратория пользовалось Временное правительство после Февральской революции. К примеру, можно привести акт Временного правительства от 17 марта 1917 г. «Об установлении моратория в городе Петрограде» — этим документом «все верители (кредиторы, говоря современным языком. — $A.\Gamma$.) и должники» освобождались «от предусмотренных законом и договорами невыгодных для них последствий, проистекающих от несвоевременного исполнения ими обязанностей по всякого рода договорам и обязательствам, в том числе и вексельным, поскольку обязанности эти подлежали исполнению в Петрограде в период времени с 25-го февраля до 10-го марта 1917 года включительно и после этого времени уже исполнены или будут исполнены не позже 10-го апреля 1917 года». Допускалось предъявление исков, подача жалоб и совершение всякого рода иных процессуальных действий и протестов, которые должны были последовать в Петрограде, срок которых истекал в период времени с 25 февраля по 10 марта 1917 г. включительно, и по истечении законного срока, но не позже 10 апреля 1917 г.⁴⁶

Моратории активно использовались ⁴⁷ в первые годы советской власти. Так, уже 10 ноября 1917 г.

⁴⁴ Гей Э.Э. Указ. соч. С. 145.

⁴⁵ *Мордухай-Болтовский И.Д.* Указ. соч. С. 134.

 $^{^{46}}$ См.: Действия Временного Правительства // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 2-3. С. 18-50.

⁴⁷ Отдельный вопрос — моратории (отказы от них) в договорах, заключенных РСФСР после Брестского мира. К примеру, § 2 ст. 6 Русско-Германского Дополнительного договора к Мирному договору, заключенного между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой от 3 марта 1918 г., содержал положение о том, что «денежные требования, от уплаты коих можно было отказаться в течение войны на основании законов военного времени, разрешается не оплачивать до истечения шести месяцев после ратификации мирного договора. Начиная со дня первоначального срока платежа, за период войны и следующие за нею шесть месяцев, по ним должны быть уплачены проценты из расчета пяти процентов годовых, невзирая на моратории...» (см.: Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября

СНК РСФСР был принят Декрет «О моратории по векселям и исполнительным листам» 48, в соответствии с которым платежи по векселям и исполнительным листам, срочным с 25 октября 1917 г., были отсрочен на два месяца; им же были отменены протесты векселей, совершенные в период с 25 октября по 10 ноября 1917 г., и приостановлены взыскания по векселям и исполнительным листам, находящимся в производстве в тот же период. В этом же месяце (28.10.1917 г.) было принято постановление НКВД РСФСР «О жилищном моратории» 49, которым на время войны и на три месяца по ее окончании семейство лица, находящегося на военной службе, освобождалось (с некоторыми исключениям социально-политического характера) от внесения квартирной платы за снимаемые для жилья квартиры, комнаты или части комнат. Имелись примеры судебного моратория (к примеру, Декрет СНК РСФСР от 21.10.1919 г. «О приостановлении судебного производства (о судебном мораториуме) в пользу лиц, принадлежащих к составу действующих Красной Армии и Флота» 50).

Принятый в 1922 г. ГК РСФСР, как это ни покажется удивительным (учитывая события, предшествовавшие его принятию: Первая мировая война, две революции, Гражданская война, когда институт моратория активно использовался), вопросу моратория значительного внимания не уделял. Мораторий «для обязательств» упоминался в ст. 48 ГК РСФСР; его «объявление» вело к приостановлению течения исковой давности. Ни то, как и кем он «объявлялся», каковы были обстоятельства, его вызывающие, и цели применения, какие последствия он порождал для обязательств, каковы были его иные следствия, — данная статья не указывала.

Любопытно, что законодатель в ст. 48 ГК РСФСР 1922 г. «развел» в качестве основания приостановления исковой давности три юридических факта: мораторий, непреодолимую силу и военное положение (для состава Красной армии и флота). Таким образом, получалось (этот подход, как мы увидим, будет реализовываться и далее, вплоть до нынешнего времени), что данные обстоятельства рассматривались Кодексом

как самостоятельные основания для приостановления исковой давности. Если разделение непреодолимой силы и моратория было объяснимо (обстоятельства непреодолимой силы разного рода сопровождают деятельность субъектов гражданского оборота постоянно (засуха, стихийные бедствия и проч.), то вот разделение моратория и военного положения было удивительно, учитывая, что именно война в недалеком прошлом (период с 1914 г.) вызвала рост объема мораторийного права, а также интереса к мораторию в доктрине. ГК РСФСР 1922 г. во многих статьях для обязательств использовал понятие «невозможность исполнения» (ст. 118, 119, 121, 122, 129, 144—146, 232, 275-о), однако ни в одном случае не связывал такую невозможность с введением моратория.

Доктрина советского периода значительных комментариев относительно моратория не дает, хотя вопросы невозможности исполнения, непреодолимой силы стали подниматься в ней довольно рано⁵¹. Здесь мы видим воспроизведение дореволюционных наработок в части упоминания правительственного и судебного моратория, а также указания, что мораторий может вводиться «для всего населения Республики или данной местности» 32. Неясен круг ограничиваемых в период моратория действий кредитора: в одних работах говорится о моратории как об «объявленной законом отсрочке платежей, вследствие которой оказывается невозможным осуществить притязание» ⁵³, «объявленной надлежащим органом государственной власти, ввиду исключительных обстоятельств, общей отсрочке по обязательствам» 54, «объявленной компетентным органом государственной власти отсрочке по обязательствам» ^{55} ; в других — об «отсрочке взыскания (а не самого требования)» ^{56} или «общей для всего населения Республики или для данной местности

¹⁹¹⁷ г. — 31 декабря 1918 г. М., 1957. С. 170); см. также: ст. 4 Русско-Австро-Венгерского Дополнительного договора к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой от 3 марта 1918 г. (см.: там же. С. 186).

 $^{^{48}}$ См.: Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 67.

⁴⁹ См.: СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 13.

 $^{^{50}}$ См.: СУ РСФСР. 1919. № 51, ст. 5054; см. также: О порядке применения судебного моратория к красноармейцу: из деятельности Народного Комиссариата Юстиции, практика высшего судебного контроля // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 14—15. С. 2.

⁵¹ См., напр.: *Канторович Я.А.* Невозможность исполнения обязательств (Из области теории) // Вестник сов. юстиции. 1925. № 4. С. 155—157; *Его же.* Невозможность исполнения обязательств по Гражданскому кодексу // Вестник сов. юстиции. 1925. № 5. С. 197, 198. Интересно, что в первой из указанных работ «мораторий» упоминается один раз и только в качестве примера «моратория, не разрешающего банкам выдавать по текущим счетам и вкладам сумм свыше известного размера» (см.: *Канторович Я.А.* Невозможность исполнения обязательств (Из области теории). С. 156).

 $^{^{52}}$ Гражданский кодекс Советских Республик / текст и практ. коммент. под ред. Ал. Малицкого. 2-е изд. Харьков, 1925. С. 61, 62.

 $^{^{53}}$ Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 184.

 $^{^{54}}$ Советское гражданское право. Т. I / Д.М. Генкин, С.Н. Братусь, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий; под ред. Д.М. Генкина. М., 1950. С. 259.

 $^{^{55}}$ Агарков М. М. Исковая давность // Арбитраж. 1938. № 9—10 С 32

⁵⁶ Гражданский кодекс Советских Республик / текст и практ. коммент. под ред. Ал. Малицкого. 2-е изд. С. 61, 62.

отсрочке для взыскания по обязательствам на основании специального постановления правительственной власти» ⁵⁷; в третьих, — о «приостановлении государственной властью течения сроков для всех или части обязательств» ⁵⁸. Таким образом, какой-то общей идеи моратория, «продолженной» в системе нормативных положений на различные обстоятельства чрезвычайного характера, мы не наблюдаем ⁵⁹.

В «мирной» жизни (до Великой Отечественной войны) широко известен один пример моратория в связи с землетрясением в Армении (Социалистической Советской Республике Армении) в 1926 г. Он был установлен постановлением Совета Труда и Обороны (СТО) СССР от 26 октября 1926 г. «Об установлении моратория по всякого рода денежным обязательствам государственных и кооперативных учреждений и предприятий, а также и отдельных лиц, находящихся в г. Ленинакане и в пораженной землетрясением части Ленинаканского уезда» 60 (был продлен постановлением СТО СССР от 15.12.1926 г. ⁶¹). Особенность этого моратория — органы, его принявшие: сам мораторий ввелся СТО СССР, а вот территорию, на которую он распространяется, должен был определить СНК Советской Социалистической Республики Армении (п. 2^{62}). Как вилно из текста документа, вводившего мораторий, его детали в нем не раскрывались.

Отдельная сфера применения моратория в 1920—1930-е годы — вексельное обращение. Интересно, что Положение о векселях, утвержденное постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 20 марта 1922 г. ⁶³, норм ни о непреодолимой силе (или чрезвычайного характера обстоятельствах, затрудняющих протест и платеж), ни о невозможности исполнения, ни о моратории не содержало.

Однако уже в 1924 г. было принято постановление ЦИК СССР, СНК СССР «О порядке установления вексельных мораториев»⁶⁴, применявшееся судами (определение гражданской кассационной коллеги Верховного Суда РСФСР по делу № 3669-1925 г.⁶⁵), которым, во-первых, было введено само понятие «вексельный мораторий», а во-вторых, был определен единый орган, вводивший такой мораторий на территории СССР и отдельных его частей, и вид акта, вводившего мораторий – постановлением СТО Союза ССР⁶⁶. В работах того периода чаще всего комментариев относительно такого решения не указывалось 67; констатировалась возможность применения вексельного моратория на основании указанного акта («законодательство... допускает в особых случаях отступление от вексельной строгости путем объявления так называемого моратория» ⁶⁸); в отдельных случаях говорится о том, что мораторий приостанавливает протест векселя⁶⁹. К числу редких работ, объясняющих цель этого акта, относится работа Г.К. Энтели ca^{70} ; указанный автор, отмечая, что «смысл указанного постановления ясен вполне», акцентировал внимание как на возросшей роли векселя в экономическом обороте, так и на том, что тормозом для обращения векселя выступают «мораториумы», вводимые органами местной власти. Таким образом, нормативный акт о «вексельных мораториях» не имел нормативной основы, а в его оправдание указывались, по существу, причины политического характера⁷¹.

В принятом позднее Положении о переводном и простом векселе, утвержденном постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1937 г.

⁵⁷ Александровский С.С. Гражданский кодекс: в вопросах и ответа / под общ. ред. Ф.И. Вольфсона. М., 1929. С. 28. Похожий подход см.: *Попов Б.В.* Исковая давность (Текст и коммент. к ст. ст. 44—51 Гражд. кодекса РСФСР). М., 1926. С. 18.

⁵⁸ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. II: Общая часть гражданского права. М., 1929. С. 333.

⁵⁹ Изучение проектов новых кодификаций гражданского права показывает, что никаких радикальных изменений регулирования в части моратория также не планировалось (см., напр.: Проект Гражданского кодекса Союза ССР (второй предварительный вариант). М., 1940).

⁶⁰ См.: СЗ СССР. 1926. № 77, ст. 629.

⁶¹ Cm.: C3 CCCP. 1927. № 3, ct. 35.

^{62 «2.} Точные границы территории, на которую распространяется мораторий, а также категории учреждений, предприятий, организаций и отдельных лиц, которые в силу моратория получают отсрочку по выполнению их обязательств, определяются Советом Народных Комиссаров Советской Социалистической Республики Армении».

⁶³ См.: СУ РСФСР. 1922. № 25, ст. 285.

⁶⁴ Cm.: C3 CCCP. 1924. № 25, ct. 211.

 $^{^{65}}$ См.: Определения Гражданской Кассационной Коллегии Верхсуда РСФСР за 1925 год. М., 1925. Вып. І. С. 95, 96.

 $^{^{66}}$ См. также: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 19.06.1925 г. «О порядке приостановки и отсрочки протестов по векселям» // СЗ СССР. 1925. № 41, ст. 301.

⁶⁷ См., напр.: Гордон В.М. Положение о векселях в частной кодификации: Положение о векселях 1922 г. со включением позднейших изменений его с подстатейною сводкою относящихся к нему официальных постановлений и разъяснений с приложением форм вексельных актов. 2-е изд., доп. Харьков, 1926. С. 48, 55; Вавин Н.Г. Положение о векселях: науч.-практ. коммент. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1927. С. 109, 123, 167; Стучка П.И. Указ. соч. С. 333.

⁶⁸ *Гордон В.М.* Вексельное право: сущность векселя, его составление, передача и протест. Харьков, 1926. С. 107.

⁵⁹ См : там же

 $^{^{70}}$ См.: Энтелис Г. К. К вопросу о вексельных мораториумах // Революционная законность. 1926. № 13–14. С. 25–27.

⁷¹ Впрочем, как показывает изучение публикаций более позднего периода, даже перед самым свертыванием вексельного обращения внутри страны проблема местных «мораториумов» решена не была (см.. напр.: Распоряжение по Народному Комиссариату Юстиции № 35-а от 30 мая 1930 г. // Сов. юстиция. 1930. № 18. С. 32).

№ 104/1341⁷², понятие «мораторий» не используется, однако ст. 54 этого документа указывает среди обстоятельств, мешающих предъявлению векселя или совершению протеста в установленные сроки, «непреодолимое препятствие (законодательное распоряжение какого-либо государства или другой случай непреодолимой силы)»; по существу, в виде «законодательного распоряжения какого-либо государства» мораторий нашел свое место. Это, однако, произошло уже в период, когда во внутриэкономических отношениях вексель не применялся.

Начавшаяся Великая Отечественная война заставляла и законодателя, и представителей советской юридической науки обратить внимание на влияние войны и (главным образом) сопровождающих ее явлений (оккупация, эвакуация и проч.) на исполнение гражданско-правовых обязательств ⁷³. Общего моратория (и на это неоднократно указывали исследователи вопроса) в период войны не объявлялось — в исследованиях подчеркивается это — словом «даже» («даже в годы Великой Отечественной войны общего моратория по обязательствам не объявлялось» ⁷⁴); указывались лишь некоторые случаи частного ⁷⁵

моратория ^{76}). Отказ от введения общего моратория каких-либо значительных комментариев не получил, хотя есть интересный фрагмент в работе К.К. Яичкова, где он отмечает, среди прочего, отказ от широкого использования моратория спецификой социалистической экономики («в условиях социалистического планового хозяйства моратории не являются мероприятием, которое могло бы играть такую роль, как в странах с капиталистической организацией хозяйства» ^{77}) (курсив наш. — $A.\Gamma$.).

ГК РСФСР 1964 г. в части внимания законодателя к мораторию не отличался от норм прежнего Кодекса 1922 г.: мораторий упоминается один раз в ст. 85, где регулировались вопросы приостановления срока исковой давности, причем отдельно от непреодолимой силы и военного положения; нет в этом Кодексе «связки» моратория с институтом невозможности исполнения обязательства (хотя в немногочисленных упоминаниях моратория (в основном в работах учебного характера) мы видим упоминание моратория как одного из обстоятельств, влекущих невозможность исполнения, впрочем, без какой-либо аргументации 78).

Существенная разница в подходах между новым регулированием и ранее действовавшим в части моратория Кодексом 1922 г. тем не менее имелась: а) были определены два органа власти, которые могли вводить мораторий – Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР (ранее действовавший Кодекс до такой конкретизации не доходил); б) мораторий получил определение - «omсрочка исполнения обязательств». Любопытно, что при таком подходе абсолютно выпадали судебные моратории (а они, по логике, есть продолжение отсрочки платежа), также не учитывалась специфика вексельных мораториев (в части протеста); отметим также, что когда в период действия этого Кодекса органами власти вводились меры, схожие с мораторием (к примеру, во исполнение международных обязательств в части санкций в отношении некоторых государств (например, распоряжение Президента РФ от 14.07.1992 г. № 362-рп «О мерах,

⁷² Cm.: C3 CCCP. 1937. № 52. ст. 221.

⁷³ См.: Бахчисарайиев Х.Э. Ответственность госпредприятий по обязательствам в связи с перебазированием промышленности в условиях Великой Отечественной войны // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки. ВИЮН НКЮ СССР. М., 1944. Вып. III. С. 61-82; *Братусь С. Н.* Некоторые вопросы науки гражданского права и судебной практики по гражданским делам в период Отечественной войны // Соц. законность. 1944. № 11. С. 30–37; Братусь С. Н., Орловский П.Е. Значение ссылки на обстоятельства военного времени по делам о перевозках // Соц. законность. 1942. № 11-12. С. 11-15; Генкин Д. М. Великая Отечественная война и вопросы гражданского права // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки ВИЮН НКЮ СССР. Вып. III. С. 3-30; Зейдер Н. Б. Приостановление производства по гражданским делам в условиях военного времени // Там же. С. 196-200; Минц С. В. Договорные обязательства в условиях военного времени // Там же. С. 83-96; Орловский П.Е. Исполнение договорных обязательств в условиях войны // Соц. законность. 1942. № 3-4. С. 10-12; Яичков К. К. Значение ссылки на войну в гражданском деле // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки ВИЮН НКЮ СССР. Вып. III. С. 31-43; Его же. Споры о перевозках в военное время // Соц. законность. 1944. № 7-8. С. 12-15.

 $^{^{74}}$ Генкин Д. М. Указ. соч. С. 21; Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 185; и др.

⁷⁵ Отметим, что некоторые исследователи, напротив, обращали внимание на некоторые «мероприятия, имеющие характер общего моратория, установленного во время этой войны»; так, К. К. Яичков указывал в качестве такого мероприятия Указ Президиума Верховного Совета СССР от 09.04.1942 г. «О временном прекращении выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск в 1942 г.» (см.: Яичков К. К. Значение ссылки на войну в гражданском деле... С. 36), хотя, как видно, гражданско-правовых обязательств этот акт не касается.

⁷⁶ К примеру, Д.М. Генкин писал: «Частным случаем объявленного моратория следует считать... постановление СНК Союза ССР от 5 февраля 1943 г. Этим постановлением отсрочено взыскание лишь в отношении государственных и кооперативных предприятий и организаций, находящихся в освобождаемых районах, и притом не по всем обязательствам, а лишь по денежным. Необходимо также иметь в виду, что эта отсрочка взыскания распространяется не на всех должников...» (см.: *Генкин Д. М.* Указ. соч. С. 21).

 $^{^{77}}$ Яичков К.К. Значение ссылки на войну в гражданском деле... С. 36.

 $^{^{78}}$ См.. напр.: Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1968. С. 513; Советское гражданское право. Т. I / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. М., 1979. С. 541.

связанных с выполнением резолюции Совета Безопасности ООН 757 от 30 мая 1992 года» ^{79}) слово «мораторий» не использовалось ^{80} .

В доктрине (в период после введения ГК РСФСР 1964 г.) вопрос о моратории (для отношений, регулируемых гражданским правом) практически перестал рассматриваться; отношение к этому институту показывают фрагменты коротких комментариев, даваемых в учебниках по курсу «Гражданское право»: «приостановление исковой давности ввиду моратория не имеет, однако, серьезного практического значения» 81, «объявление моратория является крайней мерой и применяется у нас в стране очень редко»⁸², «наше право не знает случаев объявления общего моратория» 83. В некоторых работах по теории права понятие «мораторий» стало приводиться в качестве примера неудачных понятий иностранного происхождения, используемых в текстах советских законов, вполне заменимых «чисто русскими словами» ⁸⁴.

Но и это не было конечной глубиной падения интереса к мораторию как к институту гражданского права: в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. мораторий не упоминается.

Подводя итог исследованию истории моратория в отечественном гражданском праве, отметим следующее. Основная идея моратория — необходимость учета влияния различного рода чрезвычайного характера событий на обязательственные отношения. В развитии моратория заметно разделение на индивидуальные моратории (это привело к развитию идеи отсрочки исполнения для обязательств должников в рамках конкурсного процесса) и общие моратории, который вводится в ситуации, когда чрезвычайного характера события затрагивают обязательства множества лиц (участников определенных обязательств; лиц, проживающих на определенной территории).

Непосредственная цель «классического» моратория (любого – и индивидуального, и общего) – защита интересов должников (причем чаще всего по денежным обязательствам). Однако в ситуации, когда чрезвычайного характера события затрагивают обязательства множества лиц (или вообще всех граждан / подданых того или иного государства) мораторий (общий) защищает не только частный интерес должника (избежать неплатежеспособности), и не только интересы и кредиторов в таких отношениях, но и публичные интересы, которые могут пострадать (массовая несостоятельность) изза сокращения экономической активности населения. Поэтому применительно к целям введения общего моратория можно говорить о защите обшественных интересов. Любой «классический» мораторий — это случай вмешательства государства (шире – публичной власти) в частные (обязательственные) отношения; результат такого вмешательства – изменение (в худшую сторону) положения одной из сторон таких отношений прав (отсрочка получения исполнения) и / или ограничение прав. которые бы имела эта сторона для защиты своего интереса (ограничение правопритязаний или «судебный» мораторий). Такие последствия моратория привели к появлению идеи об исключительных случаях, когда может (должен) вводиться общий (генеральный) мораторий.

В отечественном праве за долгий период использования моратория никакой концепции или теории моратория не сформировалось. Правовые решения носили ситуативный характера; интерес к этому институту возникал в основном в периоды чрезвычайного характера событий.

Мораторий в Гражданском кодексе РФ

Гражданский кодекс РФ во многом следует модели регулирования моратория, которая была закреплена в ГК РСФСР 1964 г., хотя есть и известные различия, которые обусловлены изменением основ конституционного строя за период, прошедший после принятия прежнего Кодекса.

Мораторий рассматривается только в одной статье Кодекса — 202-й — и только как одно из оснований для приостановления течения срока исковой давности. При этом мораторий выступает самостоятельным основанием для такого приостановления наравне с непреодолимой силой и военным положением. Никаких иных положений о моратории, в т.ч. о связи моратория и невозможности исполнения обязательства, Кодекс не содержит.

В соответствии со ст. 417 ГК РФ невозможность исполнения, вызванная актом органа государственной власти или органа местного самоуправления, по общему правилу признается основанием для прекращения обязательства. Между

⁷⁹ См.: САПП РФ. 1992. № 3, ст. 106.

⁸⁰ Хотя в ряде работ такого рода решения квалифицировались именно в качестве моратория (см.: *Розенберг М.Г.* Исковая давность в международном коммерческом обороте: практика применения. М., 1999. С. 44).

 $^{^{81}}$ *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М., 1967. С. 337.

 $^{^{82}}$ Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. С. 289.

 $^{^{83}}$ Гражданское право. Т. I / отв. ред. П.Е. Орловский, С.М. Корнеев. М., 1969. С. 247.

⁸⁴ Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (Организация и методика). М., 1968. С. 158; *Его же*. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1971. Вып. 24. С. 30.

тем сущность моратория, который предусмотрен ст. $202 \ \Gamma K \ P\Phi$, в ином — в изменении обязательства путем предоставления отсрочки; разнятся и основания — в ст. $417 \ \Gamma K \ P\Phi$ среди оснований названо решение органа местного самоуправления, чего не предусматривает ст. $202 \ \Gamma K \ P\Phi$.

Понятие непреодолимой силы (формально общее для гражданско-правовых отношений) дается в ст. 401 ГК РФ, где говорится буквально, что если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вслелствие непреодолимой силы, т.е. чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. При этом к таким обстоятельствам ст. 401 ГК РФ не относит «отсутствие у должника необходимых денежных средств», а ведь как было отмечено выше, моратории как раз вводились для исключения ситуации возникновения неплатежеспособности (по существу, как раз на случай отсутствия денежных средств). Немаловажно отметить, и это показывают исследования 85, что никакой определенности с пониманием непреодолимой силы в праве нет. Это хорошо показал кризис, связанный с распространением с начала 2020 г. новой коронавирусной инфекции. Именно в силу отсутствия этой ясности, влияния эпидемии на гражданско-правовые отношения, сложности доказывания причинной связи, неприспособленности ст. 401 ГК РФ к такого рода ситуациям (она рассчитана только на случаи освобождения от ответственности и только применительно к конкретным правоотношениям) государство было вынуждено принимать целый ряд специальных правовых мер (для различных правоотношений), включая и мораторий на банкротство, который не является мораторием в смысле ст. 202 ГК РФ и будет рассмотрен нами ниже.

Статьей 202 ГК РФ установлено определение моратория — отсрочка исполнения обязательств. Опять же, как и в Кодексе 1964 г., полностью тем самым остается открытым вопрос о судебном моратории. Но это не самый значительный дефект указанного подхода. Во-первых, обстоятельства, которые обычно вызывали введение моратория в прошлом, могут негативно сказываться не только на участниках обязательств, но и на участниках иных (не только обязательственных) гражданско-правовых отношений, а также участниках публичных отношений. Узкое понимание моратория, нашедшее закрепление в ст. 202 ГК РФ, скорее

всего вызванное следованием подходам, отраженным в Кодексе 1964 г., не позволяет формально распространять на участников иных, кроме обязательственных отношений, действие моратория. Это означает, что они принуждены будут в случае каких-либо чрезвычайных событий, при отсутствии специальных решений, правовых решений пытаться доказать, что события носят характер непреодолимой силы, и есть причинная связь между их наступлением и невозможностью осуществления каких-либо действий с их стороны. Во-вторых, период, когда разрабатывался и принимался действующий Гражданский кодекс РФ (начало 1990-х годов) — это период начала формирования российского законодательства, в т.ч. его «чрезвычайной составляющей» ^{86} ; было бы логично, если бы положения Гражданского кодекса РФ о моратории были «связаны» с нормами такого законодательства: этого, однако, не произошло, в результате чего норма ст. 202 ГК РФ о моратории как бы «повисла в воздухе», не имея ни прочной основы для существования (теории вопроса), ни продолжения в нормах иного (в т.ч. чрезвычайного законодательства).

Статьей 202 ГК РФ установлен порядок принятия решения — более сложный, чем в Кодексе 1964 г.: мораторий устанавливается на основании закона Правительством РФ. Такой подход понятен и обусловлен следующим: какой подход к определению моратория не применяй, в любом случае речь идет прежде всего об ограничении прав определенной категории (группы) лиц, что предполагает (исходя из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) наличие федерального закона.

Статья 202 ГК РФ устанавливает единственное следствие введения моратория и — приостановление течения срока исковой давности, однако с определенным условием: течение срока приостанавливается при условии, что указанные в этой же статье обстоятельства, среди которых и мораторий «обстоятельства возникли или продолжали существовать в последние шесть месяцев срока исковой давности, а если этот срок равен шести месяцам или менее шести месяцев, в течение срока исковой давности». Применительно к мораторию эта норма не вполне ясна.

⁸⁵ См.: *Габов А.В.* Непреодолимая сила, коронавирус и решения органов власти, направленные на предотвращение его распространения // Закон. 2020. № 5. С. 152—171.

⁸⁶ Отметим, что в 1990 г. были приняты: Закон СССР от 03.04.1990 г. № 1407-1 «О правовом режиме чрезвычайного положения» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 15, ст. 250; постановление Совмина СССР от 15.12.1990 г. № 1282 «О создании Государственной общесоюзной системы по предупреждению и действиям в чрезвычайных ситуациях». А первый российский закон, учитывающий чрезвычайные ситуации в 1994 г. — Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Росс. газ. 1994. 24 дек.

68

Подводя итоги рассмотрения моратория в том виде, как он закреплен в ст. 202 ГК РФ, отметим следующее: по существу, никакой модели моратория в Гражданском кодексе РФ нет, есть лишь упоминание слова «мораторий», причем не в виде отдельной нормы, а как основания для приостановления течения срока исковой давности; этот «мораторий» никак не связан с теми мораториями, которые уже существовали к тому времени в отечественном законодательстве (их было как минимум два: в Положении о переводном и простом векселе 1937 г. и в Законе РФ от 19.11.1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» ^{87} (далее — Закон о банкротстве 1992 г.)). Никакой определяющей роли в праве положения об этом моратории никогда не выполняли, ориентиром для других мораториев не были. Дефектность норм Гражданского кодекса РФ о моратории (то, что понятие моратория в данном Кодексе не охватывает ни моратории в гражданско-правовых отношениях, ни иные моратории) хорошо показывают события 90-х годов, получившие название «дефолт 1998 г.» (заявление о неспособности государства обслуживать его долги). В Заявлении Правительства РФ, Банка России от 17 августа 1998 г. «Об изменении курсовой политики» это выглядело так: «С 17 августа 1998 г. объявляется мораторий сроком на 90 дней на осуществление выплат по возврату финансовых кредитов, полученных от нерезидентов Российской Федерации, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом иенных бумаг, на выплаты по срочным валютным контрактам». Отметим, что, используя понятие «мораторий», исполнительная власть не опиралась ни на какие законодательные нормы; по существу, вводился «мораторий», но вовсе не тот, модель которого описывала ст. 202 ГК РФ.

Отметим также, что остальные моратории, которые мы будем исследовать в этой работе, с содержанием ст. 202 ГК РФ и закрепленным там мораторием если и связаны, то очень условно (можно сказать и жестче — не связаны).

Мораторий на удовлетворение требований кредиторов в законодательстве о банкротстве

Впервые этот вид моратория появился в Законе о банкротстве 1992 г. В соответствие с этим Законом были предусмотрены реорганизационные процедуры (ст. 1), среди которых названо внешнее управление имуществом должника (ст. 2), на период проведения которого вводился мораторий на удовлетворение требований кредиторов к должнику (ст. 12). Соответственно, введение моратория — это было следствие введения внешнего управления; никакого специального решения о введении / отказе от

введения моратория закон не предусматривал. Регулирование этого моратория в Законе о банкротстве 1992 г. было исключительно кратким; пробелы в регулировании восполнялись судебной практикой и ее разъяснениями⁸⁸.

Именно этими разъяснениями:

был определен срок действия моратория — на период внешнего управления имуществом должника;

определена невозможность введения частичного моратория;

к кредиторам, чьи требования подпадают под действие моратория, были отнесены те из них (в т.ч. публичные), чье право требования долга вытекает из обязательств, возникших до введения моратория, а действие моратория исключено для обязательств должника, возникших после назначения внешнего управления;

исключено подпадание под действие моратория требований кредиторов первой и второй очереди⁸⁹;

признано право кредиторов, чьи требования подпадают под действие моратория, на начисление предусмотренных договорами процентов за пользование кредитом, а также санкции по обязательствам должника, но с правом предъявления указанных требований (процентов, санкций) только после окончания моратория (это правило применялось и в отношении обязательств должника перед бюджетом).

Цели установления моратория при этом не определялись; очевидно, что сама идея моратория была следствием развития идей о конкурсном процессе, в котором (см. выше) должникам традиционно предоставлялись отсрочки, а также имевшегося зарубежного опыта. С учетом отнесения внешнего управления к реорганизационным процедурам можно говорить о том, что мораторий вводился главным образом в интересах должника.

⁸⁷ См.: Росс. газ. 1992. № 279.

⁸⁸ См.: информационное письмо ВАС РФ от 25.04.1995 г. № С1-7/ОП-237 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства о несостоятельности (банкротстве)»; письмо ВАС РФ от 15.05.1995 г. № С3-8/ОП-263 «О правах кредиторов при введении моратория и о правах и обязанностях собственника при его отказе от прав собственности»; письмо ВАС РФ от 15.05.1995 г. № ОП-13/4; информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.08.1997 г. № 20 «Обзор практики применения арбитражными судами законодательства о несостоятельности (банкротстве)».

 $^{^{89}}$ На тот момент — требования граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда их жизни или здоровью, требования по оплате труда работников, по отчислениям в Пенсионный фонд РФ, по выплате пособий в течение одного года до дня открытия конкурсного производства и по выплате вознаграждений, причитающихся по авторским и лицензионным договорам.

Как хорошо видно, мораторий, установленный Законом о банкротстве 1992 г., никакого отношения к мораторию, который регулировался на тот момент ст. 85 ГК РСФСР 1964 г. (мораторий как отсрочка платежа). не имел.

Вторым законом, где был урегулирован мораторий на удовлетворение требований кредиторов, стал Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве 1998 г.). Его существенным отличием от прежнего Закона стало значительное расширение регулирования моратория — вместо одной, как в прежнем Законе 1992 г., вопросы моратория затрагивались в четырех статьях (ст. 2, 69, 70, 124).

Изменения в части регулирования моратория имели и определенную идейную основу, которую можно увидеть в работах В.В. Витрянского⁹¹. Комментируя проект федерального закона (№ 97700661-2⁹²), отмечая, что мораторий «дает возможность принимать меры по восстановлению платежеспособности» (по существу, отмечался продолжниковский характер моратория), он писал: «Суть моратория будет заключаться в следующем. Сегодня у нас проблема в чем? У нас очень мало шансов у должника, в отношении которого вводится внешнее управление, закончить дело миром, то есть не быть ликвидированным... в подавляющем большинстве случаев к концу периода управления.., суд... вынужден признавать должника банкротом. Мораторий вводится сегодня только на старые долги, причем на сумму задолженности на товары и услуги. Но есть еще финансовые санкции по платежам в бюджет, есть неустойки, штрафы, пени, проценты по гражданско-правовым обязательствам, и эти все санкции продолжают начисляться. И вот в течение года... заморожен старый долг... но плюс, как снежный ком, растут санкции, проценты, растут финансовые санкции. В итоге нет смысла никакого через год выходить из состояния банкротства. Потому что тут же будут предъявлены требования кредиторов о взыскании санкций, о взыскании процентов, требования налоговых органов по взысканию финансовых санкций, и это превысит во много раз ту сумму долга, которая была на момент введения управления..,

предлагается иная модель моратория.., запрещается удовлетворение требований кредиторов на весь период внешнего управления, когда речь идет о старых долгах.., прекращается начисление на весь период финансовых санкций, процентов, неустоек, штрафов, пени. Они будут предъявлены в том размере, в каком они были на момент возбуждения дела. А для компенсации потерь кредиторов... на любую задолженность, конечно, не включая санкции, будут начисляться проценты по ставке рефинансирования... Таким образом, у должника появится реальнейшая возможность восстановить платежеспособность...» ⁹³.

В Законе о банкротстве 1998 г. появилось специальное определение моратория (ст. 2) как приостановление исполнения должником денежных обязательств и уплаты обязательных платежей. Любопытно, что авторы Закона не использовали слово «отсрочка» — родовое для того моратория, который закреплен в ст. 202 ГК РФ; определение моратория как «приостановления» — это в общем-то новизна подхода к мораторию ⁹⁴, причем объяснимая тем, что банкротный мораторий уже тогда понимался как более широкий по охвату ограничений для действий; такой подход также однозначно указывает на разность моратория по Закону о банкротстве 1998 г. и моратория, регулируемого ст. 202 ГК РФ.

Как и в прежнем Законе (Закон о банкротстве 1992 г.) мораторий устанавливался автоматически после введения арбитражным судом внешнего управления (ст. 69 Закона о банкротстве 1998 г.); соответственно, судьба моратория (срок его действия) был связан с периодом внешнего управления: мораторий заканчивался с прекращением внешнего управления, в том числе, в результате заключения мирового соглашения (ст. 124 Закона о банкротстве 1998 г.).

Мораторий распространялся на удовлетворение требований кредиторов по денежным обязательствам и обязательным платежам, сроки исполнения которых наступили до введения внешнего управления, исключая требования о взыскании задолженности по заработной плате, выплате вознаграждений по авторским договорам, алиментов, а также о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью (ст. 70 Закона о банкротстве 1998 г.). В полном соответствии с идеями, заложенными авторами проекта закона в течение срока действия моратория не допускалось взыскание по исполнительным

⁹⁰ См.: СЗ РФ. 1998. № 2, ст. 222.

⁹¹ См.: *Витрянский В.В.* Новое законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 1998. № 3. С. 38—48; *Его же.* Законодательство о несостоятельности (банкротстве) в странах СНГ: пути совершенствования и сближения: материалы междунар. конференций в Санкт-Петербурге и Бремене / под общ. ред. М.М. Богуславского и Р. Книпера. Берлин, 1998. С. 211–221.

⁹² См.: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700661-2 (дата обращения: 07.02.2022).

⁹³ Витрянский В.В. Законодательство о несостоятельности (банкротстве) в странах СНГ: пути совершенствования и сближения... С. 215, 216.

⁹⁴ В работах по теории права встречаются единичные случаи, когда мораторий рассматривают как пример приостановления (см.: *Бекин А.В.* Приостановления как средства правового регулирования: теоретический аспект // Актуальные проблемы росс. права. 2015. № 9. С. 25).

и иным документам, взыскание по которым производится в бесспорном (безакцептном) порядке; приостанавливалось исполнение исполнительных документов (за отдельными исключениями); не начислялись неустойки (штрафы, пеня) и иные финансовые (экономические) санкции, проценты.

70

В виде моратория, таким образом, должник получал «серьезную экономическую льготу» 95. Однако взамен этого для сохранения баланса интересов должников и кредиторов на сумму требований кредитора по денежным обязательствам и (или) обязательным платежам, определенную в Законе, начислялись проценты в порядке и размере, которые предусмотрены ст. 395 ГК РФ (ст. 70 Закона о банкротстве 1998 г.). Начисление указанных процентов есть существенное отличие моратория как приостановления в Законе о банкротстве 1998 г. от классического моратория, в котором баланс интересов всегда смещался в сторону должника (ибо мораторий и был рассчитан на послабление его финансового бремени).

Оценка нового регулирования (в связи с попытками признания норм, касающихся моратория не соответствующими Конституции РФ) была дана в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П⁹⁶; в полной мере в этом постановлении Конституционный Суд РФ не остановился на вопросах моратория, тем не менее, по существу, признал возможным установление «особого правового режима имущественных требований, предъявляемых к должнику, который вводится на период рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве»; суд отметил, что соответствующие нормы (включая положения о моратории) «не исключают судебную защиту прав кредиторов», а лишь устанавливают указанный «особый правовой режим» ⁹⁷.

В 1999 г. были приняты два закона, призванных учесть специфику реструктуризации и банкротства кредитных организаций: Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 144-ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» ⁹⁸ (далее — Закон о реструктуризации кредитных организаций) и Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» 99 (далее — Закон о банкротстве кредитных организаций). В обоих законах регулируется мораторий (ст. 13 Закона о реструктуризации кредитных организаций, ст. 22, 26 Закона о банкротстве кредитных организаций). Однако его регулирование было отлично от моратория, установленного годом ранее Законом о банкротстве 1998 г.: в части юридических фактов, имеющих значение для введения моратория (это пример внесудебного моратория), срока моратория, определения круга кредиторов, требований, которые не могли быть предъявлены должнику, размера процентов, начисляемых на размер требований кредиторов, и т.д.

Значительный интерес для целей настоящего исследования представляют выводы, которые сделал Конституционный Суд РФ в отношении моратория, указанного в законах 1999 г., в Постановлении от 3 июля 2001 г. № 10-П¹⁰⁰. Суд сделал прямую отсылку к определению моратория, данному в ст. 2 Закона о банкротстве 1998 г. (мораторий как приостановление); при этом были сформулированы положения, как характеризующие специфику этого моратория, так и определяющие сущность любого моратория:

отмечено, что мораторий — это мера, целью которой является восстановление платежеспособности кредитной организации; подчеркивая такую цель (приоритет интересов должника), Конституционный Суд РФ практически сразу формулирует вывод и об обеспечении интересов кредиторов, говоря, что мораторий «служит одним из способов обеспечения экономических и юридических интересов... кредиторов, включая граждан — вкладчиков, защита прав и законных интересов которых в сфере кредитных отношений требует дополнительных гарантий»;

«по своей правовой природе мораторий на удовлетворение требований граждан — вкладчиков... представляет собой ограничение прав значительного числа граждан — вкладчиков, которое должно носить сбалансированный характер, учитывающий не только интересы банков — должников, но

 $^{^{95}}$ Пустовалова Е.Ю. Судьба требований кредиторов при банкротстве должника. М., 2003. С. 120.

⁹⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций", а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // СЗ РФ. 2001. № 12, ст. 1138.

⁹⁷ Хотя в мягкой форме Суд отметил необходимость модификации существующего регулирования — «данный вывод не препятствует дальнейшему совершенствованию законодательства о несостоятельности (банкротстве) в части компенсации ущерба, причиняемого кредиторам введением моратория на удовлетворение их требований и иных ограничений, и не исключает проверки конституционности указанных норм в других аспектах и по другим основаниям».

⁹⁸ См.: СЗ РФ. 1999. № 28, ст. 3477.

⁹⁹ См.: СЗ РФ. 1999. № 9, ст. 1097.

¹⁰⁰ См.: постановление от 03.07.2001 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона "О реструктуризации кредитных организаций" и пунктов 1 и 2 статьи 26 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций" в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2001. № 29, ст. 3058.

и интересы этих граждан. Такой баланс интересов... должен устанавливаться федеральными органами государственной власти в соответствии с их конституционно — правовым статусом»;

«поскольку мораторий означает публично — правовое вмешательство в частноправовые отношения, правовое регулирование отношений, затрагиваемых введением моратория.., должно основываться на общеправовом принципе соразмерности и пропорциональности вводимых ограничений, с тем чтобы исключалось произвольное ухудшение условий договора для гражданина — вкладчика, являющегося, как правило, экономически слабой стороной в договоре банковского вклада»;

Конституционный Суд РФ в очередной раз косвенно признал существующие механизмы защиты прав кредиторов при введении моратория несовершенными: «действующее законодательство в части установления механизма компенсации ущерба, причиняемого кредиторам введением моратория на удовлетворение их требований, нуждается в совершенствовании»; а также отметил, что «законодатель, установив исчерпывающий перечень требований, на которые действие моратория не распространяется, не учел должным образом баланс интересов граждан – вкладчиков и банков, не предусмотрел надлежащий механизм компенсации ущерба, причиненного гражданам — вкладчикам, чем... чрезмерно ограничил их права, закрепленные статьей 35 Конституции Российской Федерации».

Важно отметить выводы Конституционного Суда РФ, сделанные в указанном постановлении, о необходимости четкого определения субъекта, решением которого вводится и прекращается мораторий.

Если отвлечься от многочисленных деталей законодательства о реструктуризации / банкротстве кредитных организаций, которые не имеют существенного значения, то следует отметить несколько важных моментов из указанных выводов.

Во-первых, данное Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П есть, по существу, первая попытка сформулировать какието концептуальные положения о моратории в отечественном праве, причем в условиях тех конституционных границ (ценностей, принципов, норм), которые определены в Конституции РФ 1993 г. Как хорошо видно, Конституционный Суд РФ, действуя в этих границах, однозначно отошел от приоритета интересов должников при установлении моратория (как цели); указал на необходимость балансирования интересов должников и кредиторов (причем при дифференциации подходов к разным кредиторам, учитывая, что в их числе могут быть и такие, которые квалифицируются как экономически слабая сторона правоотношения, что будет требовать дополнительных правовых средств защиты ее интересов). При этом «точку баланса» Конституционный Суд РФ не нашел ^{101} ; как можно понять из текста постановления, «платы» кредиторам в виде начисляемых процентов для Конституционного Суда РФ оказалось недостаточным, чтобы такой баланс считался справедливым.

Во-вторых, при оценке моратория Конституционный Суд РФ даже не пытался «связать» исследуемый им мораторий с тем, который предусмотрен ст. 202 ГК РФ, по существу, оставив вопрос об общих основах (общей части) мораториев в гражданском праве открытым.

В-третьих, и это имеет большое значение для дальнейшего развития регулирования, Конституционный Суд РФ впервые констатировал сущность моратория как ограничения прав, являющегося результатом публично-правового вмешательства в частные отношения 102, что предполагает при построении регулирования использование всего комплекса правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно таких ограничений. В квалификации моратория как ограничения просматривается попытка учесть прежде всего интересы кредиторов — в классических мораториях положительные эффекты для должников «перекрывали» негативное влияние моратория для кредиторов.

Действующий Закон о банкротстве выделяется от предыдущих прежде всего тем, что в нем сконцентрированы положения о банкротстве всех субъектов, в т.ч. и кредитных организаций ¹⁰³. Соответ-

¹⁰¹ Отдельные комментарии по этому постановлению см.: Шакарян М.С. О некоторых вопросах, возникающих в правоприменительной деятельности в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П // Юрист. 2001. № 8. С. 19—23; Маркалова Н.Г. Публичные аспекты деятельности Агентства по реструктуризации кредитных организаций в рамках полномочий, определенных законом // Вестник ВАС РФ. 2001. № 9. С. 92—102; и др.

¹⁰² В последующем это нашло отражение и в исследованиях, где с учетом этого были сделаны попытки дать определение моратория с выделением ограничения в качестве «отправного» понятия. К примеру: «мораторий представляет собой ограничение прав кредиторов, имеющее целью высвободить денежные средства должника, используемые для удовлетворения требований кредиторов, и направить их на осуществление предпринимательской деятельности, не исполняя обязательств» (см.: *Карелина С.А.* Мораторий на удовлетворение требований кредиторов как элемент восстановительного механизма // Право и экономика. 2008. № 6. С. 52–58; см. также: Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. М., 2019. Т. 1. С. 681 (автор главы — И.В. Фролов); и др.).

¹⁰³ Соответствующие положения были включены в него Федеральным законом от 22.12.2014 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»; затем Закон о банкротстве был дополнен положениями о специфике банкротства отдельных видов финансовых организаций.

ственно, в действующем Законе о банкротстве по сравнению с прежними законами (1992 и 1998 гг.) значительно больше норм, касающихся вопросов моратория (ст. 2, 4.1, 94, 95, 159, 184.3—2, 186.1—4, 189.31, 189.38, 213.11, 213.31, 216, 223.4¹⁰⁴). В результате в действующем Законе оказались закреплены одновременно обе ранее существовавшие модели моратория на удовлетворение требований кредиторов:

первая: мораторий является следствием введения арбитражным судом внешнего управления (ст. 94); мораторий на срок внешнего управления вводится автоматически;

вторая: мораторий вводится контрольным органом (Банком России) на определенный срок (причем Закон указывает здесь на право органа ввести мораторий) с правом продления этого срока по решению этого же органа (ст. 184.3—2, 186.1—4, 189.38) 105. Помимо оснований возникновения, сроков действия, оба моратория отличаются и еще по целому ряду элементов (которые мы не анализируем в силу целей и предмета этой работы), поэтому оценивая действующий Закон о банкротстве, необходимо говорить не об одном моратории, а о мораториях (двух видах).

Оценивая моратории на удовлетворение требований кредиторов, установленные Законом о банкротстве, следует указать несколько важных моментов.

Во-первых, все установленные в Законе о банкротстве моратории, вводятся в отношении обязательств (обязанностей) конкретного должника, который не может обслуживать свои обязательства (исполнять обязанности). Это может быть как следствием какой-то чрезвычайной ситуации (в т.ч. общего характера), а может быть следствием неверных экономических решений данного конкретного должника, никак не связанных ни с какими чрезвычайными ситуациями.

Во-вторых, *цель мораториев* — *защита интересов как должника, так и его кредиторов*, исходя из того, что мораторием (любого вида из числа

закрепленных Законом) блокируется возможность удовлетворения интересов одного или части кредиторов, которые могут привести к нарушению интересов иных кредиторов. Мораторий в Законе о банкротстве (любого вида) – это установленное на основании федерального закона ограничение прав кредиторов, случай вмешательства государства в частные отношения для балансирования интересов участников гражданско-правовых отношений — должника и его кредиторов, а также интересов различных кредиторов. Строго говоря, исходя из этих же целей, моратории можно рассматривать и как правовые средства ограничения интересов должника (к примеру, на удовлетворение требований отдельного кредитора (кредиторов)). При анализе этих мораториев надо учитывать дифференцированный подход законодателя к различным категориям кредиторов. Некоторые из них признаются экономически слабой стороной, что предопределяет необходимость закрепления в законе дополнительных правовых средств компенсации этой слабости. К числу таких кредиторов относятся, в частности граждане-вкладчики кредитных организаций. В соответствии со ст. 8 Закона о страховании вкладов введение Банком России моратория на удовлетворение требований кредиторов банка признается страховым случаем (он считается наступившим со дня введения моратория) в смысле этого Закона, что влечет (ст. 9) возникновение права требования вкладчика на возмещение по вкладу (вкладам).

В-третьих, *приостанавливается исполнение тре- бований кредиторов*. Учитывая разделение всех кредиторов на реестровых и текущих, говорить о таком приостановлении как об «отсрочке исполнения обязательства» в полном смысле этого слова сложно ¹⁰⁶. И здесь опять надо подчеркнуть отличие мораториев (обоих видов) на удовлетворение требований кредиторов от того моратория, который мы видим в ст. 202 ГК РФ.

В-четвертых, введение мораториев приостанавливает меры взыскания (приостанавливается исполнение исполнительных документов, не допускается их принудительное исполнение, за исключением установленных законом случаев). Таким образом, данный мораторий включает ограничение применения мер взыскания.

В-пятых, прекращается начисление неустоек (штрафов, пени), иных финансовые санкций, за исключением отдельных платежей (ст. 95, 184.3—2, 186.1—4, 189.38 Закона о банкротстве); прекращается

 $^{^{104}}$ Кроме того, за счет включения в Закон положений о банкротстве банков и иных финансовых организаций часть положений о моратории приходится искать в связанных нормативных актах (к примеру, в Федеральном законе от 23.12.2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» // Росс. газ. 2003. 27 дек.) (далее — Закон о страховании вкладов).

¹⁰⁵ К примеру, в соответствии со ст. 186.1—4 Закона о банкротстве установлено, что в случае назначения временной администрации негосударственного пенсионного фонда контрольный орган вправе ввести мораторий на удовлетворение требований кредиторов такого фонда на срок не более трех месяцев; в период деятельности временной администрации фонда действие моратория может продлеваться контрольным органом на срок до трех месяцев; общий срок действия моратория не может превышать общий срок действия временной администрации фонда.

¹⁰⁶ Хотя в отдельных работах приостановление рассматривают именно как отсрочку (см., напр.: *Космачева Т.К.* Обеспечительные восстановительные мероприятия на этапе внешнего управления // Юрист. 2010. № 4. С. 40–46).

исполнение иных обязательств (обязанностей) 107. На сумму требований кредитора, уполномоченного органа в определенном законом размере в течение установленного периода начисляются проценты (мораторные проценты) в размере, указанном в Законе (в некоторых случаях — в соглашении). Таким образом, следствием моратория является прекращение акцессорных обязательств, публично-правовой ответственности в части начисления санкиий, а также возникновение нового обязательства по уплате процентов. Начисление мораторных процентов — это пример балансирования интересов должника и его кредиторов, ведь в результате приостановления исполнения требований, прекращения роста этих требований прекращения начисления санкций, мораторий в процессе внешнего управления (деятельности временной администрации) позволяет использовать должнику суммы, предназначенные для исполнения денежных обязательств, на проведение мероприятий, направленных на улучшение своего финансового состояния 108 (мораторий еще квалифицируют как «особое восстановительное мероприятие» ^{109}); мораторные проценты — это своего рода компенсационный механизм для кредиторов.

Отметим также, что в соответствии с положениями Закона о банкротстве о внешнем управлении (ст. 94), а также разъяснениями судебной практики (п. 27 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»; п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)"») по общему правилу требования кредиторов по денежным обязательствам и об vnлате обязательных платежей, за исключением текущих платежей (и ряда иных исключений), могут быть предъявлены к должнику только с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику, т.е. только в рамках дела о банкротстве ¹¹⁰

Разъяснениями судебной практики установлено, что предъявление должнику требования в деле о банкротстве в порядке, установленном Законом о банкротстве, служит основанием для перерыва течения срока исковой давности (п. 13 постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"»). Таким образом, если мораторий, упоминаемый в ст. 202 ГК РФ, имеет своим последствием приостановление течения срока исковой давности, то мораторий, являющийся результатом введения внешнего управления, влечет иные последствия (перерыв срока).

(Окончание в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агарков М. М. Исковая давность // Арбитраж. 1938.
   № 9-10. С. 32.
- 2. Александровский С.С. Гражданский кодекс: в вопросах и ответа / под общ. ред. Ф.И. Вольфсона. М., 1929. С. 28.
- 3. *Барац С.М.* Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб., 1893. С. 477–488.
- 4. *Барон Ю*. Система римского гражданского права. Вып. 3. Кн. IV: Обязательственное право / пер. с 5-го нем. изд. Л. Петражицкий. 2-е изд. (испр. по 9-му нем. изд.), СПб., 1899. С. 54.
- 5. Бахчисарайцев Х.Э. Ответственность госпредприятий по обязательствам в связи с перебазированием промышленности в условиях Великой Отечественной войны // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки. ВИЮН НКЮ СССР. М., 1944. Вып. III. С. 61—82.
- Бекин А.В. Приостановления как средства правового регулирования: теоретический аспект // Актуальные проблемы росс. права. 2015. № 9. С. 25.
- Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. 2-е изд. М., 1888. С. 417, 429.
- 8. Беляцкин С.А. Гражданский оборот и война. Пг., 1915.
- 9. *Беляцкин С.А.* Гражданский оборот, непреодолимая сила и война // Вестник Гражданского права. 1915. № 3. С. 47—86.
- 10. Беляцкин С.А. Частное право в основных принципах (Курс Гражданского Права). Каунас, 1928. С. 398.
- Братусь С.Н. Некоторые вопросы науки гражданского права и судебной практики по гражданским делам в период Отечественной войны // Соц. законность. 1944. № 11. С. 30—37.
- Братусь С.Н., Орловский П.Е. Значение ссылки на обстоятельства военного времени по делам о перевозках // Соц. законность. 1942. № 11–12. С. 11–15.

в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации за 2014—2020 гг.: энциклопедия правовых позиций. М., 2021. Вып. 4. С. 250—259.

¹⁰⁷ К примеру, в соответствии с ст. 35 Закона о страховании вкладов введение Банком России моратория приостанавливает обязанность банка уплачивать страховые взносы на время действия указанного моратория.

 $^{^{108}}$ См.: Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. Т. 1. С. 680 (автор главы — И.В. Фролов).

 $^{^{109}}$ Космачева Т. К. Указ. соч. С. 40—46; Мартышина Т. К. Восстановительные мероприятия в рамках несостоятельности (банкротства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 13, 24.

¹¹⁰ Различные случаи, ставшие предметом рассмотрения высшей судебной инстанции, также см.: *Суворов Д.Е.* Судебное банкротное право. М., 2020. С. 223–239; *Его же*. Банкротство

- 13. *Бутовский А.Н.* Пределы «судебного моратория» (Ответ А.Г. Гойхбаргу) // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 7. С. 425—435.
- 14. *Бутовский А. Н*. Приостановление судопроизводства по случаю военных действий // Вестник Гражданского права. 1914. № 7. С. 71–91.
- Вавин Н. Г. Положение о векселях: науч.-практ. коммент. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1927. С. 109, 123, 167.
- Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. с нем. под ред. и с прим. ред.-издателя «Судебного Вестника» А.Б. Думашевского. СПб., 1875. С. 59, 60.
- 17. Витрянский В.В. Законодательство о несостоятельности (банкротстве) в странах СНГ: пути совершенствования и сближения: материалы междунар. конференций в Санкт-Петербурге и Бремене / под общ. ред. М.М. Богуславского и Р. Книпера. Берлин, 1998. С. 211–221.
- Витрянский В.В. Новое законодательство о несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 1998.
   № 3. С. 38—48.
- 19. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. С. 599, 600.
- Вормс А.Э. Мораторий // Вестник права. 1914. № 31. С. 941–944.
- Габов А.В. Непреодолимая сила, коронавирус и решения органов власти, направленные на предотвращение его распространения // Закон. 2020. № 5. С. 152—171.
- Габов А.В. Правовые средства противодействия пандемии COVID-19 в Российской Федерации // Конституция и права человека: современная доктрина и практика / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М., 2021. С. 271—299.
- Гей Э.Э. Мораторий и его значение в вексельном праве // Журнал Министерства Юстиции. 1915. № 6. С. 144, 145, 162.
- 24. Генкин Д. М. Великая Отечественная война и вопросы гражданского права // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки ВИЮН НКЮ СССР. М., 1944. Вып. III. С. 3–30.
- 25. Гойхбарг А. Г. Действующая армия или действующие армии? (По поводу статьи А. Н. Бутовского «Что такое действующая армия в гражданско-процессуальном смысле») // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 1. С. 11–19.
- Гойхбарг А. Г. Еще о судебном моратории // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 8. С. 521–526.
- Гордон В. М. Вексельное право: сущность векселя, его составление, передача и протест. Харьков, 1926. С. 107.
- 28. Гордон В. М. Положение о векселях в частной кодификации: Положение о векселях 1922 г. со включением позднейших изменений его с подстатейною сводкою относящихся к нему официальных постановлений и разъяснений с приложением форм вексельных актов. 2-е изд., доп. Харьков, 1926. С. 48, 55.
- 29. Гражданские узаконения военного времени. Пг., 1915. С. 3, 4, 11, 12–19, 25, 26, 31–33.
- 30. Гражданский кодекс Советских Республик / текст и практ. коммент. под ред. Ал. Малицкого. 2-е изд. Харьков, 1925. С. 61, 62.

- Гражданское право. Т. І / отв. ред. П.Е. Орловский, С.М. Корнеев. М., 1969. С. 247.
- 32. Действия Временного Правительства // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 2–3. С. 18–50.
- 33. Действия правительства // Право. Еженедельная юрид. газ. 1916. № 16. С. 971, 972; № 20. С. 1216.
- Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 67.
- 35. Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. 31 декабря 1918 г. М., 1957. С. 170, 186.
- 36. *Ельяшевич В.Б.* Война и гражданский оборот (К вопросу о мораториях). Пг., 1914. С. 2, 19.
- Зейдер Н.Б. Приостановление производства по гражданским делам в условиях военного времени // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки ВИЮН НКЮ СССР. М., 1944. Вып. III. С. 196—200.
- 38. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 337.
- 39. *Исаченко В.В.* Странная мера // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 48. С. 3077—3079.
- 40. *Каминка А. И.* Мораториум // Право. Еженедельная юрид. газ. 1914. № 31. С. 2318—2323.
- 41. *Канторович Я. А.* Война и исполнение обязательств // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 2–3. С. 102–154; № 4. С. 126–182; № 5–6. С. 115–153.
- 42. *Канторович Я.А.* «Невозможность» исполнения обязательств // Право. Еженедельная юрид. газ. Пг., 1916. № 34 (28 авг.). С. 1865—1875; № 35. С. 1914—1919; № 36. С. 1950—1960.
- 43. *Канторович Я.А.* Невозможность исполнения обязательств (Из области теории) // Вестник сов. юстиции. 1925. № 4. С. 155–157.
- 44. *Канторович Я.А*. Невозможность исполнения обязательств по Гражданскому кодексу // Вестник сов. юстиции. 1925. № 5. С. 197, 198.
- 45. *Карелина С.А*. Мораторий на удовлетворение требований кредиторов как элемент восстановительного механизма // Право и экономика. 2008. № 6. С. 52–58.
- 46. *Космачева Т.К.* Обеспечительные восстановительные мероприятия на этапе внешнего управления // Юрист. 2010. № 4. С. 40–46.
- 47. *Криличевский С.А.* Вопросы моратория // Право. Еженедельная юрид. газ. 1914. № 42. С. 2853—2858.
- 48. *Малышев К.И.* Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 29, 78, 330, 449, 450.
- 49. *Маркалова Н.Г.* Публичные аспекты деятельности Агентства по реструктуризации кредитных организаций в рамках полномочий, определенных законом // Вестник ВАС РФ. 2001. № 9. С. 92—102.
- 50. *Мартышина Т. К.* Восстановительные мероприятия в рамках несостоятельности (банкротства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 13, 24.
- 51. *Мейчик Д. М.* Мораторий для лесопромышленников // Вестник Гражданского права. 1916. № 8. С. 136—145.
- Миловидов Н.А. Вексельное право. Ярославль, 1876.
   С. 175–178.

- Минц С.В. Договорные обязательства в условиях военного времени // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки ВИЮН НКЮ СССР. М., 1944. Вып. III. С. 83–96.
- 54. *Мордухай-Болтовский И.Д.* Закон 6 апреля 1915 года об отсрочке и рассрочке исполнения обязательств и судебных решений // Журнал Министерства Юстиции. 1915. № 5. С. 113—184.
- 55. Неволин К.А. История российских гражданских законов. Т. 3: Книга вторая об имуществах. Раздел третий о правах на действия лиц и раздел четвертый о наследстве. СПб., 1851. С. 127.
- Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. М., 2019. Т. 1. С. 680, 681.
- Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 184, 185.
- 58. О порядке применения судебного моратория к красноармейцу: из деятельности Народного Комиссариата Юстиции, практика высшего судебного контроля // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 14—15. С. 2.
- Определения Гражданской Кассационной Коллегии Верхсуда РСФСР за 1925 год. М., 1925. Вып. І. С. 95, 96.
- Орловский П. Е. Исполнение договорных обязательств в условиях войны // Соц. законность. 1942. № 3-4. С. 10-12.
- 61. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов (Организация и методика). М., 1968. С. 158.
- 62. Пиголкин А.С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1971. Вып. 24. С. 30.
- 63. *Пирвиц Э.Э.* Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. СПб., 1895.
- 64. *Попов Б. В.* Исковая давность (Текст и коммент. к ст. ст. 44–51 Гражд. кодекса РСФСР). М., 1926. С. 18.
- Проект Гражданского кодекса Союза ССР (второй предварительный вариант). М., 1940.
- 66. *Пустовалова Е.Ю.* Судьба требований кредиторов при банкротстве должника. М., 2003. С. 120.
- 67. Раевич С. И. Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. 1789—1926: Франция, Италия, Польша, Голландия, Румыния, Российская Империя, Австрия, Германия, Швейцария. М., Л., 1929. С. 273.
- 68. *Розенберг М. Г.* Исковая давность в международном коммерческом обороте: практика применения. М., 1999. С. 44.
- 69. *Синайский В. И.* Русское гражданское право. Вып. II: Обязательственное, семейное и наследственное право. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1918. С. 38—40.
- Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1968. С. 289, 513.
- 71. Советское гражданское право. Т. І / Д.М. Генкин, С.Н. Братусь, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий; под ред. Д.М. Генкина. М., 1950. С. 259.
- 72. Советское гражданское право. Т. I / отв. ред. В.П. Грибанов, С.М. Корнеев. М., 1979. С. 541.
- 73. *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права. II: Общая часть гражданского права. М., 1929. С. 333.

- 74. Суворов Д.Е. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации за 2014—2020 гг.: энциклопедия правовых позиций. М., 2021. Вып. 4. С. 250—259.
- 75. *Суворов Д. Е.* Судебное банкротное право. М., 2020. С. 223–239.
- 76. *Токарев В.С.* Еще о судебном моратории для чинов армии // Право. Еженедельная юрид. газ. 1915. № 18. С. 1318—1321.
- 77. Федоров А.Ф. Вексельное право. Одесса, 1906. С. 508, 509.
- 78. *Цитович П. П.* Курс вексельного права. Киев, 1887. С. 9, 278.
- Дитович П.П. Обязательства по русскому гражданскому праву. Конспект лекций; издание студентов. Киев, 1894. С. 9.
- 80. *Шакарян М.С.* О некоторых вопросах, возникающих в правоприменительной деятельности в связи с Постановлением Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П // Юрист. 2001. № 8. С. 19–23.
- 81. Шершеневич Г.Ф. Вексельное право. СПб., 1909. С. 125.
- Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. 2-е изд. Казань, 1898. С. 9, 10.
- Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 100.
- 84. *Шнейдер Н*. Вексельные моратории 1905 г. С точки зрения законодательной техники // Журнал Министерства Юстиции. 1906. № 6. С. 199—235.
- 85. Энтелис Г. К. К вопросу о вексельных мораториумах // Революционная законность. 1926. № 13—14. С. 25—27.
- Яблочков Т.М. Понятие «непреодолимой силы» в гражданском праве // Юридические записки, издаваемые Демидовским Юридическим Лицеем. Ярославль, 1911. Вып. II—III (VIII—IX). С. 271—321.
- 87. *Яичков К.К.* Значение ссылки на войну в гражданском деле // Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки ВИЮН НКЮ СССР. М., 1944. Вып. III. С. 31—43.
- 88. Яичков К. К. Споры о перевозках в военное время // Соц. законность. 1944. № 7-8. С. 12-15.

REFERENCES

- Agarkov M. M. Limitation period // Arbitration. 1938. No. 9–10. P. 32 (in Russ.).
- Alexandrovsky S.S. Civil Code: in questions and answers / under the general editorship of F.I. Wolfson. M., 1929. P. 28 (in Russ.).
- 3. *Barats S.M.* Course of bill law in connection with the doctrine of bills and bill transactions. SPb., 1893. P. 477–488 (in Russ.).
- 4. *Baron Yu*. The system of Roman Civil Law. Issue 3. Book IV: Law of obligations / transl. from the 5th German ed. L. Petrazhitsky. 2nd ed. (corrected on the 9th German ed.). SPb., 1899. P. 54 (in Russ.).
- 5. *Bakhchisaraytsev Kh.E.* Responsibility of state-owned enterprises for obligations in connection with the relocation of in-

- dustry in the conditions of the Great Patriotic War // Issues of Civil and Labor Law of the period of the Great Patriotic War. Scientific notes of the All-Union Institute of Legal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR. M., 1944. Issue III. P. 61–82 (in Russ.).
- Bekin A. V. Suspensions as a means of legal regulation: theoretical aspect // Actual problems of Rous. law. 2015. No. 9. P. 25 (in Russ.).
- 7. *Belyaev I.D.* Lectures on the history of Russian legislation. 2nd ed. M., 1888. P. 417, 429 (in Russ.).
- 8. Belyatskin S.A. Civil turnover and war. Pg., 1915 (in Russ.).
- 9. *Belyatskin S.A.* Civil turnover, irresistible force and war // Herald of Civil Law. 1915. No. 3. P. 47–86 (in Russ.).
- Belyatskin S.A. Private Law in basic principles (Course of Civil Law), Kaunas, 1928, P. 398 (in Russ.).
- 11. *Bratus S.N.* Some questions of the science of Civil Law and judicial practice in civil cases during the Patriotic War // Social legality. 1944. No. 11. P. 30–37 (in Russ.).
- 12. *Bratus S.N.*, *Orlovsky P.E.* The meaning of a reference to the circumstances of wartime in cases of transportation // Social legality. 1942. No. 11–12. P. 11–15 (in Russ.).
- 13. *Butovsky A. N.* Limits of the "judicial moratorium" (A.G. Goykhbargu's answer) // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 7. P. 425–435 (in Russ.).
- 14. *Butovsky A.N.* Suspension of proceedings on the occasion of military operations // Herald of Civil Law. 1914. No. 7. P. 71–91 (in Russ.).
- Vavin N. G. Regulations on bills of exchange: scientific and practical. comment. 2nd ed., reprint. and additional. M., 1927. P. 109, 123, 167 (in Russ.).
- 16. Windsheid B. On obligations under Roman law / transl. from it. ed. and with the editor's note-the publisher of the "Judicial Herald" A.B. Dumashevsky. SPb., 1875. P. 59, 60 (in Russ.).
- 17. Vitryansky V.V. Legislation on insolvency (bankruptcy) in the CIS countries: ways of improvement and convergence: materials of International Conferences in St. Petersburg and Bremen / under the general editorship of M.M. Boguslavsky and R. Kniper. Berlin, 1998. P. 211–221 (in Russ.).
- 18. *Vitryansky V.V.* New legislation on insolvency (bankrupt-cy) // Economy and law. 1998. No. 3. P. 38–48 (in Russ.).
- 19. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. 7th ed. Pg.; Kiev, 1915. P. 599, 600 (in Russ.).
- Worms A. E. Moratorium // Herald of Law. 1914. No. 31. P. 941–944 (in Russ.).
- Gabov A. V. Irresistible force, coronavirus and decisions of authorities aimed at preventing its spread // Law. 2020. No. 5. P. 152–171 (in Russ.).
- Gabov A.V. Legal means of countering the COVID-19 pandemic in the Russian Federation // Constitution and human rights: modern doctrine and practice / ed. by T.A. Vasilyeva, N.V. Varlamova. M., 2021. P. 271–299 (in Russ.).
- 23. Gey E. E. The moratorium and its significance in bill law // Journal of the Ministry of Justice. 1915. No. 6. P. 144, 145, 162 (in Russ.).
- 24. *Genkin D. M.* The Great Patriotic War and civil law issues // Issues of Civil and Labor Law during the Great Patriotic War. Scientific notes of the All-Union Institute of Le-

- gal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR. M., 1944. Issue III. P. 3–30 (in Russ.).
- 25. *Goykhbarg A. G.* Active army or active armies? (About the article by A. N. Butovsky "What is an active army in the civil procedural sense") // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 1. P. 11–19 (in Russ.).
- 26. *Goykhbarg A.G.* More about the judicial moratorium // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 8. P. 521–526 (in Russ.).
- 27. *Gordon V.M.* Promissory note law: the essence of a promissory note, its drafting, transfer and protest. Kharkov, 1926. P. 107 (in Russ.).
- 28. *Gordon V.M.* The Regulation on Bills of Exchange in private codification: the Regulation on Bills of Exchange of 1922 with the inclusion of its later changes with a sub-article summary of official resolutions and explanations related to it with the application of forms of bills of exchange acts. 2nd ed., add. Kharkov, 1926. P. 48, 55 (in Russ.).
- 29. Civil legalizations of wartime. Pg., 1915. P. 3, 4, 11, 12–19, 25, 26, 31–33 (in Russ.).
- The Civil Code of the Soviet Republics / text and practice. comment. ed. by Al. Malitsky. 2nd ed. Kharkov, 1925. P. 61, 62 (in Russ.).
- Civil Law. Vol. I / ed. P.E. Orlovsky, S.M. Korneev. M., 1969. P. 247 (in Russ.).
- 32. Actions of the Provisional Government // Journal of the Ministry of Justice. 1917. No. 2–3. P. 18–50 (in Russ.).
- Government actions // Law. Weekly legal newspaper. 1916.
   No. 16. P. 971, 972; No. 20. P. 1216 (in Russ.).
- 34. Decrees of the Soviet government. Vol. I: October 25, 1917 March 16, 1918. M., 1957. P. 67 (in Russ.).
- Documents of the Foreign policy of the USSR. Vol. 1: November 7, 1917 December 31, 1918. M., 1957. P. 170, 186 (in Russ.).
- 36. *Elyashevich V.B.* War and civil turnover (On the issue of moratoriums). Pg., 1914. P. 2, 19 (in Russ.).
- 37. Zeyder N.B. Suspension of civil proceedings in wartime conditions // Issues of Civil and Labor Law during the Great Patriotic War. Scientific notes of the All-Union Institute of Legal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR. M., 1944. Issue III. P. 196–200 (in Russ.).
- 38. Ioffe O.S. Soviet Civil Law. M., 1967. P. 337 (in Russ.).
- 39. *Isachenko V.V.* Strange measure // Law. Weekly legal newspaper. 1915. No. 48. P. 3077–3079 (in Russ.).
- 40. *Kaminka A.I.* Moratorium // Law. Weekly legal newspaper. 1914. No. 31. P. 2318–2323 (in Russ.).
- 41. *Kantorovich Ya.A.* War and fulfillment of obligations // Journal of the Ministry of Justice. 1917. No. 2–3. P. 102–154; No. 4. P. 126–182; No. 5–6. P. 115–153 (in Russ.).
- 42. *Kantorovich Ya. A.* "Impossibility" of fulfilling obligations // Law. Weekly legal newspaper. Pg., 1916. No. 34 (28 Aug.). P. 1865–1875; No. 35. P. 1914–1919; No. 36. P. 1950–1960 (in Russ.).
- 43. *Kantorovich Ya.A.* The impossibility of fulfilling obligations (From the field of theory) // Herald of the Soviet justice. 1925. No. 4. P. 155–157 (in Russ.).
- 44. *Kantorovich Ya.A.* Impossibility of fulfilling obligations under the Civil Code // Herald of the Soviet justice. 1925. No. 5. P. 197, 198 (in Russ.).

- 45. *Karelina S.A.* Moratorium on satisfaction of creditors' claims as an element of the recovery mechanism // Law and Economics. 2008. No. 6. P. 52–58 (in Russ.).
- 46. *Kosmacheva T.K.* Interim restoration measures at the stage of external management // Lawyer. 2010. No. 4. P. 40–46 (in Russ.).
- 47. Krilichevsky S.A. Questions of the moratorium // Law. Weekly legal newspaper. 1914. No. 42. P. 2853–2858 (in Russ.).
- 48. *Malyshev K.I.* Historical sketch of the competitive process. SPb., 1871. P. 29, 78, 330, 449, 450 (in Russ.).
- 49. *Markalova N.G.* Public aspects of the Agency's activities for restructuring credit institutions within the powers defined by law // Herald of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2001. No. 9. P. 92–102 (in Russ.).
- Martyshina T.K. Restorative measures in the framework of insolvency (bankruptcy): abstract ... PhD in Law. M., 2010. P. 13, 24 (in Russ.).
- 51. *Meychik D.M.* Moratorium for timber producers // Herald of Civil Law. 1916. No. 8. P. 136–145 (in Russ.).
- Milovidov N.A. Promissory note law. Yaroslavl, 1876.
   P. 175–178 (in Russ.).
- 53. *Mints S.V.* Contractual obligations in wartime conditions // Issues of Civil and Labor Law during the Great Patriotic War. Scientific notes of the All-Union Institute of Legal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR. M., 1944. Issue III. P. 83–96 (in Russ.).
- 54. *Mordukhay-Boltovsky I.D.* The law of April 6, 1915 on deferral and installment of obligations and court decisions // Journal of the Ministry of Justice. 1915. No. 5. P. 113–184 (in Russ.).
- Nevolin K.A. History of Russian civil laws. Vol. 3: The second book on property. Section three on the rights to the actions of persons and section four on inheritance. SPb., 1851.
   P. 127 (in Russ.).
- Insolvency (bankruptcy): studies course: in 2 vols / ed. by
   S.A. Karelina. M., 2019. Vol. 1. P. 680, 681 (in Russ.).
- 57. *Novitsky I.B.* Transactions. Statute of limitations. M., 1954. P. 184, 185 (in Russ.).
- 58. On the procedure for applying a judicial moratorium to a Red Army soldier: from the activities of the People's Commissariat of Justice, the practice of supreme judicial control // Weekly Soviet justice. 1922. No. 14–15. P. 2 (in Russ.).
- Definitions of the Civil Cassation Board of the Supreme Court of the RSFSR for 1925. M., 1925. Issue I. P. 95, 96 (in Russ.).
- Orlovsky P.E. Fulfillment of contractual obligations in conditions of war // Social legality. 1942. No. 3–4. P. 10–12 (in Russ.).
- 61. *Pigolkin A.S.* Preparation of draft regulations (Organization and methodology). M., 1968. P. 158 (in Russ.).
- 62. *Pigolkin A.S.* Legal terminology and ways of its improvement // Scientific notes of All-Union Research Institute of Soviet Legislation. M., 1971. Issue. 24. P. 30 (in Russ.).
- 63. *Pirvits E.E.* The meaning of guilt, chance and force majeure in Civil Law. SPb., 1895 (in Russ.).

- Popov B. V. Limitation period (Text and comment. to Articles 44–51 of the Civil Code of the RSFSR). M., 1926.
   P. 18 (in Russ.).
- Draft Civil Code of the USSR (second preliminary version).
   M., 1940 (in Russ.).
- 66. *Pustovalova E. Yu*. The fate of creditors' claims in the bankruptcy of the debtor. M., 2003. P. 120 (in Russ.).
- 67. *Raevich S. I.* Civil Law of the bourgeois-capitalist world in its historical development. 1789–1926: France, Italy, Poland, Holland, Romania, Russian Empire, Austria, Germany, Switzerland. M., L., 1929. P. 273 (in Russ.).
- Rozenberg M.G. Limitation of actions in international commercial turnover: practice of application. M., 1999. P. 44 (in Russ.).
- Sinaysky V.I. Russian Civil Law. Issue II: Compulsory, Family and Inheritance Law. 2nd ed., rev. and add. Kiev, 1918. P. 38–40 (in Russ.).
- Soviet Civil Law: in 2 vols. Vol. 1 / ed. by O.A. Krasavchikov. M., 1968. P. 289, 513 (in Russ.).
- Soviet Civil Law. Vol. I / D.M. Genkin, S.N. Bratus, L.A. Lunts, I.B. Novitsky; ed. by D.M. Genkin. M., 1950. P. 259 (in Russ.).
- Soviet Civil Law. Vol. I / ed. V.P. Gribanov, S.M. Korneev. M., 1979. P. 541 (in Russ.).
- 73. *Stuchka P.I.* Course of Soviet Civil Law. II: The General part of Civil Law. M., 1929. P. 333 (in Russ.).
- 74. Suvorov D. E. Bankruptcy in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation for 2014–2020: Encyclopedia of legal positions. M., 2021. Issue 4. P. 250–259 (in Russ.).
- 75. Suvorov D. E. Judicial Bankruptcy Law. M., 2020. P. 223–239 (in Russ.).
- Tokarev V.S. More about the judicial moratorium for the ranks of the army // Law. Weekly legal newspaper. 1915.
   No. 18. P. 1318–1321 (in Russ.).
- 77. Fedorov A.F. Promissory note Law. Odessa, 1906. P. 508, 509 (in Russ.).
- 78. *Tsitovich P.P.* Course of Promissory note Law. Kiev, 1887. P. 9, 278 (in Russ.).
- 79. *Tsitovich P.P.* Obligations under Russian Civil Law. Lecture notes; publication of students. Kiev, 1894. P. 9 (in Russ.).
- 80. *Shakaryan M.S.* On some issues arising in law enforcement activities in connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 3, 2001 No. 10-P // Lawyer. 2001. No. 8. P. 19–23 (in Russ.).
- 81. *Shershenevich G.F.* Promissory note Law. SPb., 1909. P. 125 (in Russ.).
- 82. *Shershenevich G.F.* Competitive Law. 2nd ed. Kazan, 1898. P. 9, 10 (in Russ.).
- 83. *Shershenevich G.F.* The doctrine of insolvency. Kazan, 1890. P. 100 (in Russ.).
- 84. *Schneyder N*. Promissory note moratoriums 1905. From the point of view of legislative technique // Journal of the Ministry of Justice. 1906. No. 6. P. 199–235 (in Russ.).

- 85. *Entelis G.K.* On the issue of promissory note moratoriums // Revolutionary legality. 1926. No. 13–14. P. 25–27 (in Russ.).
- 86. *Yablochkov T.M.* The concept of "irresistible force" in Civil Law // Legal notes published by the Demidovsky Legal Lyceum. Yaroslavl, 1911. Issue II—III (VIII—IX). P. 271—321 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГАБОВ Андрей Владимирович —

член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, и.о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; научный руководитель Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета; 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85

- 87. Yaichkov K.K. The meaning of the reference to war in a civil case // Issues of Civil and Labor Law of the Great Patriotic War period. Scientific notes of the All-Union Institute of Legal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR. M., 1944. Issue III. P. 31–43 (in Russ.).
- 88. *Yaichkov K. K.* Disputes about transportation in wartime // Social legality. 1944. No. 7–8. P. 12–15 (in Russ.).

Authors' information

GABOV Andrey V. –

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Acting Head of the Civil and Entrepreneurial Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Scientific Director of the Law Institute of the Belgorod State National Research University; 85 Pobedy str., 308015 Belgorod, Russia

__ УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ КОМПЛАЕНС КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ

© 2022 г. А. В. Овчаров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: a.v.ovcharov@rambler.ru

Поступила в редакцию 06.10.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу такого нового правового явления, как комплаенс (система управления рисками), применительно к одному из его видов, а именно комплаенсу антимонопольному. Автором рассматривается понятие антимонопольного комплаенса, анализируется его значение и практика внедрения в систему государственного и муниципального управления. В статье исследуются статистические данные в сфере противодействия монополистической деятельности и ограничению конкуренции и делается вывод о высокой значимости антимонопольного комплаенса как инструмента предупреждения правонарушений. Вместе с тем автор обращает внимание на проблемные вопросы внедрения антимонопольного комплаенса.

Ключевые слова: антимонопольный комплаенс, свободная конкуренция, антимонопольное законодательство, экономика государства, нарушение, органы исполнительной власти, ограничение конкуренции, система соответствия, риски, ответственность.

Цитирование: Овчаров А.В. Антимонопольный комплаенс как средство предупреждения нарушений в сфере ограничения конкуренции // Государство и право. 2022. № 4. С. 79—89.

DOI: 10.31857/S102694520019551-7

ANTIMONOPOLY COMPLIANCE AS A MEANS OF PREVENTING VIOLATIONS IN THE FIELD OF COMPETITION RESTRICTION

© 2022 A. V. Ovcharov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: a.v.ovcharov@rambler.ru

Received 06.10.2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of such a new legal phenomenon as compliance (risk management system), in relation to one of its types, namely antimonopoly compliance. The author examines the concept of antimonopoly compliance, analyzes its significance and practice of implementation in the system of state and municipal administration. The article examines statistical data in the field of countering monopolistic activity and restricting competition and concludes that antimonopoly compliance is of high importance as a tool for preventing offenses. At the same time, the author draws attention to the problematic issues of implementing antimonopoly compliance.

Key words: antimonopoly compliance, free competition, antimonopoly legislation, state economy, violation, executive authorities, restriction of competition, compliance system, risks, responsibility.

For citation: Ovcharov, A.V. (2022). Antimonopoly compliance as a means of preventing violations in the field of competition restriction // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 79–89.

Свободная конкуренция представляет собой одно из важнейших условий эффективного функционирования экономики любого государства 1. Основным инструментом достижения свободной конкуренции является антимонопольное регулирование. охватывающее, как правило, все отрасли законодательства. Так, в Российской Федерации основным нормативным актом, регламентирующим вопросы конкуренции, является Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон № 135-Ф3)². Вместе с тем существует большое число подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих те или иные вопросы зашиты свободной конкуренции. Кроме того, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ содержат ряд статей, предусматривающих ответственность за нарушение антимонопольного законодательства. Так, согласно ст. 178 УК РФ ответственность наступает за ограничение конкуренции путем заключения хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере.

В научной литературе не раз отмечалось, что преступность является угрозой национальной безопасности Российской Федерации, и формулировался вывод о необходимости формирования государством адекватной уголовной политики противодействия преступности³. Уголовная политика государства должна охватывать противодействие всем видам преступности, в т.ч. и преступности в экономической сфере.

Предупреждение преступности как система мер, предпринимаемых государственными органами, общественными организациями и представителями власти и направленных на противодействие процессам детерминации преступности, ресоциализацию преступников, предотвращение совершения новых преступлений, в целом есть одно из эффективных средств противодействия любому виду преступности.

Применительно к экономической преступности антимонопольный комплаенс можно рассматривать как инструмент предупреждения правонарушений в сфере конкуренции, включая и наиболее

опасные из них — уголовно наказуемые деяния ⁴. По оценке ФАС России, мировая практика свидетельствует о том, что антимонопольный комплаенс в качестве системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства является эффективным способом предупреждения антимонопольных правонарушений для хозяйствующих субъектов, поскольку позволяет совершенствовать эффективность процессов организаций в рамках осуществляемой деятельности, способствует снижению количества нарушений за счет их самоконтроля, а значит, снижает нагрузку на антимонопольные органы и обеспечивает своевременное восстановление нарушенных прав⁵.

В научной литературе антимонопольный комплаенс оценивают по-разному. Его называют и своеобразной деловой этикой⁶, и системой механизмов и рычагов, с помощью которых снижается вероятность нарушения антимонопольного законодательства на уровне хозяйствующих субъектов . Комплаенс – это всегда есть четко выстроенная система соответствия определенным внутренним и внешним требованиям, или нормам. Руководяшим документом для любой системы соответствия является Международный стандарт ISO 19600 Системы управления соответствием. Руководящие указания (Compliance management systems – Guidelines)⁸. Антимонопольный комплаенс представляет собой систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства. Любое отклонение от соответствия определяется как «риски». «Риски» нарушения антимонопольного законодательства есть сочетание вероятности и последствий наступления неблагоприятных событий в виде ограничения, устранения или недопущения конкуренции⁹.

¹ См.: *Кирьянов А.Н.* Антимонопольный комплаенс: значение и перспективы правового регулирования // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. Орел, 2018. № 8. С. 29.

² См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3434.

³ См.: Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2020. С. 9.

⁴ См. подр.: *Родионова Д. Н.* Антимонопольный комплаенс как важная часть системы предупреждения антимонопольных нарушений // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2017. № 3. С. 92; *Попондопуло В. Ф.*, *Петров Д.А.* Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков // Вестник СПбУ. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 102-114.

⁵ См.: Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год. С. 36. URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 20.09.2021).

 $^{^6}$ См.: *Перилов О.Ю.* Антимонопольный комплаенс: реформа завтрашнего дня // Научный поиск. 2017. № 1, 2. С. 37.

 $^{^{7}}$ См.: *Михненко Т.Н.* Влияние антимонопольного комплаенса на эффективность функционирования хозяйствующих субъектов и экономики в целом // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 2. С. 36.

⁸ См.: URL: www.iso.org. Ссылочный номер ISO 19600:2014(R) (дата обращения: 20.09.2021).

⁹ Подробнее о содержании антимонопольного комплаенса см.: *Овчаров А.В.* Антимонопольный комплаенс как средство предупреждения коррупции в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок // ЭНИ. Военное право. 2021. № 4 (68). С. 110–116; *Медведева Н.В.* Антимонопольный комплаенс

С 1 марта 2020 г. понятие антимонопольного комплаенса закреплено в российском законодательстве. Так, согласно п. 24 ст. 4 Закона о защите конкуренции антимонопольный комплаенс – это система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства совокупность правовых и организационных мер, предусмотренных внутренним актом (внутренними актами) хозяйствующего субъекта либо другого лица из числа лиц, входящих в одну группу лиц с этим хозяйствующим субъектом, если такой внутренний акт (внутренние акты) распространяется на этого хозяйствующего субъекта, и направленных на соблюдение им требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения.

Следует сказать, что для внедрения антимонопольного комплаенса сделано достаточно много еще до появления этого понятия в Законе. Он официально признан в Российской Федерации с принятием Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013—2024 годы.

Согласно данному документу разработка и осуществление комплекса мероприятий по его адвокатированию является олной из стратегических задач ФАС России как направления по сокращению антимонопольных правонарушений различных хозяйствующих субъектов.

Формирование комплексной правовой базы по внедрению комплаенса началось с принятия Указа Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» ¹⁰. В соответствии с ним в качестве одного из принципов государственной политики по развитию конкуренции определено стимулирование хозяйствующих субъектов, в т.ч. занимающих доминирующее положение на товарных рынках, внедряющих систему внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства.

Кроме того, Указом Президента РФ был утвержден Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018-2020 годы, в соответствии с которым Правительству РФ и высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации было поручено принять меры, направленные на создание и организацию системы внутреннего обеспечения

соответствия требованиям антимонопольного законодательства деятельности федеральных органов исполнительной власти и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации соответственно. В рамках выполнения Национального плана в 2018 г. ФАС России были разработаны Методические рекомендации по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, утвержденные распоряжением Правительства РФ от 18 октября 2018 г. № 2258-р ^{11} , а также приказ ФАС России от 5 февраля 2019 г. № 133/19 «Об утверждении методики расчета ключевых показателей эффективности функционирования в федеральном органе исполнительной власти антимонопольного комплаенса» ¹².

Статья 9 Федерального закона «О защите конкуренции» закрепляет понятие «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», ею предусмотрены порядок организации хозяйствующими субъектами системы антимонопольного комплаенса и основные требования к содержанию внутренних актов хозяйствующих субъектов, формирующих рассматриваемую систему.

Этот механизм призван способствовать повышению уровня законности деятельности хозяйствующих субъектов на товарных рынках и создавать дополнительные стимулы к принятию хозяйствующими субъектами мер по предупреждению нарушений антимонопольного законодательства.

За период с 2019 по 2020 г. система антимонопольного комплаенса была внедрена всеми 16 федеральными органами исполнительной власти, которые являются ответственными исполнителями федеральной «дорожной карты» развития конкуренции в отраслях экономики¹³. Вместе с этим в инициативном порядке акты об антимонопольном комплаенсе приняты еще 22 федеральными органами исполнительной власти ¹⁴. В ФАС же России продолжают поступать на

в системе развития конкуренции // Власть и управление на востоке России. 2019. № 1 (86). С. 51-59; Кванина В.В. Антимонопольный комплаенс и его правовая природа // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 46—52; Деханов С.А. Антимонопольный комплаенс и деонтология // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 54–58.

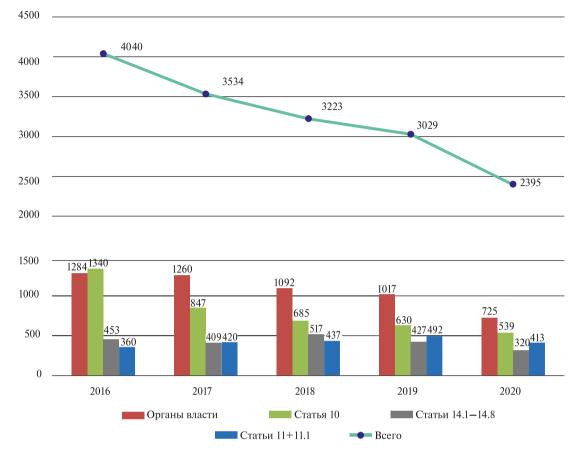
¹⁰ См.: СЗ РФ. 2017. № 52 (ч. I), ст. 8111.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2018. № 44, ст. 6777.

¹² Документ официально опубликован не был.

¹³ Минстрой России, Минтруд России, Минтранс России, Минпромторг России, ФНС России, Минсельхоз России, Минкомсвязь России, Минэкономразвития России, Минприроды России, Минфин России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, Роструд, Минэнерго России, ФАС России, Росреестр.

¹⁴ Роснедра, Россвязь, Росавтодор, Росалкогольрегулирование, Росстат, Росрезерв, Минобороны России, ФСИН России, Роспатент, Ростуризм, Управление делами Президента РФ, Росрыболовство, Росфинмониторинг, Росмолодежь, Росаккредитация, ФСО России, Росгвардия, Ространснадзор, Роспечать, Минюст России, Росимущество, Минвостокразвития России, ФТС России (см.: Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год. С. 39. URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 19.09.2021)).

Рис. 1. Количество возбужденных дел о нарушении антимонопольного законодательства ¹⁸

согласование акты других федеральных органов исполнительной власти об утверждении указанной системы, что также может способствовать дальнейшему снижению нарушений со стороны федеральных органов. В соответствии с Методическими рекомендациями федеральные органы исполнительной власти ежегодно представляют в ФАС России доклады об антимонопольном комплаенсе ведомства, данные из которых используются при подготовке доклада о состоянии конкуренции в Российской Федерации.

Точно такая же работа ведется и в субъектах Российской Федерации. В настоящее время 100% органов власти субъектов Федерации приняли акты об антимонопольном комплаенсе. При этом, по состоянию на конец 2020 г., в 74 субъектах Российской Федерации (87.06%) органами исполнительной власти ведется работа по утверждению карт комплаенс-рисков и в 78 субъектах (91.76%) — по утверждению планов мероприятий («дорожных карт») по снижению комплаенс-рисков 15.

В 67 субъектах Российской Федерации (78.82%) организована работа по внедрению антимонопольного комплаенса в органах местного самоуправления,

в частности в 49 субъектах (57.65%) органами местного самоуправления проводится работа по разработке и утверждению карт комплаенс-рисков и в 51 субъекте Федерации (60%) — по разработке и утверждению планов мероприятий («дорожных карт») по снижению комплаенс-рисков ^{16} .

Для того чтобы оценить влияние введения антимонопольного комплаенса, обратимся к статистическим данным, касающимся нарушений антимонопольного законодательства за период с 2016 по 2020 г. Количество возбужденных дел о нарушении антимонопольного законодательства представлено на рис. 1.

Как видно из приведенных выше данных, за последние пять лет количество возбужденных

¹⁵ См.: Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год. С. 40.

¹⁶ См.: там же.

¹⁷ Здесь и далее данные представлены в соответствии с приказом ФАС России от 09.11.2020 г. № 1088/20 «О ведомственной периодической отчетности территориальных органов и структурных подразделений центрального аппарата Федеральной антимонопольной службы» // Официально опубликован не был.

¹⁸ Здесь и далее: ст. 10 Закона № 135-ФЗ — Запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением, ст. 14.1—14.8 Закона № 135-ФЗ — Запреты на проявления недобросовестной конкуренции, ст. 11—11.1 Закона № 135-ФЗ — Запреты на проявления монополистической деятельности.

Рис. 2. Количество выявленных нарушений антимонопольного законодательства

Рис. 3. Количество выявленных нарушений по ст. 10 Закона № 135-ФЗ

Рис. 4. Количество возбужденных дел по ст. 10 Закона № 135-ФЗ

ФАС России дел о нарушении антимонопольного законодательства сократилось почти вдвое. Рассмотрим данные статистики более подробно (puc. 2-6).

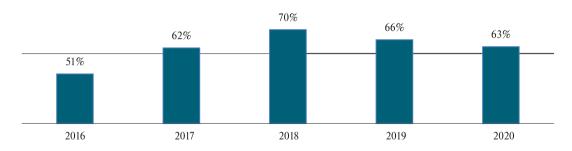
Таким образом, можно сделать вывод о том, что за последние пять лет число нарушений, связанных

с злоупотреблением хозяйствующими субъектами доминирующего положения на рынке заметно снижается.

Теперь обратимся к вопросам противодействия недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности. В этой области наказуемыми

Рис. 5. Количество выявленных нарушений по ст. 10 Закона № 135-ФЗ по субъектам

Рис. 6. Доля дел по ст. 10 Закона № 135-ФЗ, по которым выявлены нарушения (в отношении субъектов естественных монополий)

являются следующие нарушения действующего законодательства:

недопущение ограничивающих конкуренцию соглашений хозяйствующих субъектов и органов власти (ст. 11, 15, 16 Закона № 135-ФЗ);

недопущение ограничивающих конкуренцию согласованных действий участников рынка (ст. 11.1, 15, 16 Закона № 135-ФЗ);

недопущение недобросовестной конкуренции (ст. 14.1—14.8 Закона № 135-ФЗ) (рис. 7—11).

Таким образом, в нарушениях в сфере ограничения конкуренции и недобросовестной конкуренции также прослеживается явная динамика на снижение их количества.

Говоря об антимонопольной деятельности, нельзя не коснуться сферы, наиболее подверженной нарушениям, ограничивающим конкуренцию, а именно сферы закупок, осуществляемых хозяйствующими субъектами по Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспе-

Рис. 7. Количество выявленных нарушений по ст. 11 Закона № 135- Φ 3

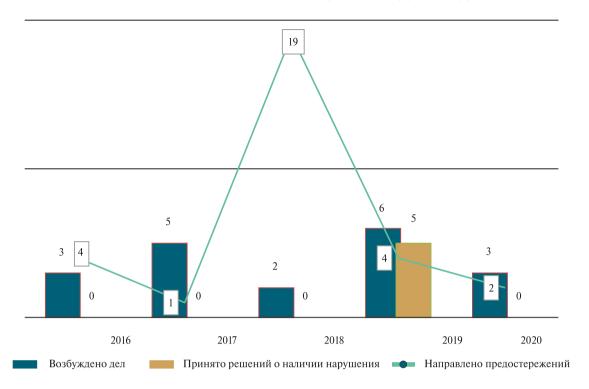

Рис. 8. Количество выявленных нарушений по ст. 11.1 Закона № 135-ФЗ

Рис. 9. Количество выявленных нарушений по ст. 16 Закона № 135- Φ 3¹⁹

чения государственных и муниципальных нужд»²⁰ (далее — Закон № 44-ФЗ) и Федеральному закону от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»

(далее — Закон № 223-Ф3) ^{21} . Статистика нарушений в этой сфере отражена на рис. 12.

Суммируя вышеприведенные данные, можно сказать, что одним из факторов, значительно повлиявших на снижение количества нарушений антимонопольного законодательства, является введение в органах власти и местного самоуправления института антимонопольного комплаенса. Есть основания говорить о положительном эффекте

¹⁹ Статья 16 Закона № 135-ФЗ — Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения или согласованные действия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных осуществляющих функции указанных органов или организаций, а также государственных внебюджетных фондов, Центрального банка Российской Федерации.

²⁰ См.: СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

²¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I), ст. 4571.

Рис. 10. Пресечение недобросовестной конкуренции

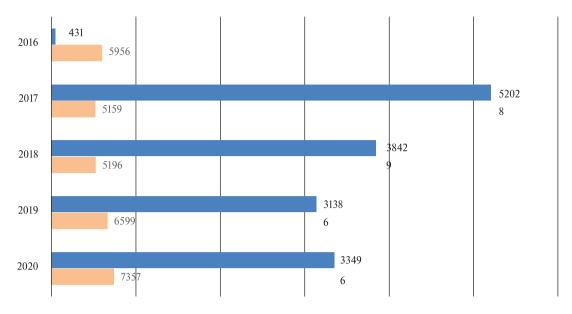
Рис. 11. Пресечение ограничивающих конкуренцию действий (бездействия) органов государственной власти и органов местного самоуправления

для конкуренции от реализации мероприятий, направленных на внедрение антимонопольного комплаенса. Прежде всего его внедрение способствовало исполнению одного из ключевых показателей Национального плана — снижению количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления более чем в два раза по сравнению с 2017 г.

В рамках реализации Национального плана система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства внедрялась в деятельность органов исполнительной власти как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации. Положительный эффект от введения системы антимонопольного

комплаенса демонстрирует и практика. В рамках анализа данной системы в отдельных субъектах Российской Федерации, а также статистики роста / снижения количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов исполнительной власти и органов местного самоуправления за 2017—2020 гг. прослеживается определенная закономерность, а именно акты о комплаенсе, принятые как на региональном, так и муниципальном уровнях, действуют весьма эффективно.

Например, в Белгородской области после введения в действие акта об антимонопольном комплаенсе количество нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов исполнительной власти и органов местного самоуправления снизилось на 43%, по отношению

- Количество выявленных нарушений законодательства о закупках товаров, работ, услуг по Закону № 44-ФЗ
- Количество выявленных нарушений законодательства о закупках товаров, работ, услуг по Закону № 223-ФЗ

Рис. 12. Количество выявленных нарушений законодательства о закупках товаров, работ, услуг по Закону № 44-ФЗ и Закону № 223-ФЗ

к 2017 г. В Воронежской области произошло снижение на 67% в 2020 г., в сравнении с 2017 г. В Оренбургской области снижение количества нарушений антимонопольного законодательства в 2020 г., по сравнению с 2017 г., составило 62%. Это позволяет сформулировать вывод о том, что работа субъектов Российской Федерации, принявших акты по антимонопольному комплаенсу не только на региональном, но и на муниципальном уровне, в т.ч. карты комплаенс-рисков и «дорожные карты» по снижению комплаенс-рисков, оказывает позитивный эффект на общее состояние конкуренции и удовлетворенность субъектов предпринимательства 4

На наш взгляд, основная ценность системы антимонопольного комплаенса состоит в том, что она обязывает принимать практически все решения через призму оценки их последствий для конкуренции, предупреждать нарушения и признаки нарушения на ранних этапах принятия любых решений внутри любого органа власти как федерального или регионального, так и муниципального уровней.

Следует отметить, что сам факт принятия акта об антимонопольном комплаенсе не означает его функционирования в полном объеме. После этапа утверждения акта следует реализация элементов, описанных в методических рекомендациях, таких как разработка карты рисков, плана мероприятий

по снижению нарушений антимонопольного законодательства и других составляющих системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, которые, в свою очередь, начинают функционировать после их утверждения.

Вместе с положительными тенденциями анализ эффективности антимонопольного комплаенса позволяет выделить целый ряд негативных явлений в данной сфере. К ним можно отнести:

несоответствие акта об антимонопольном комплаенсе упомянутой выше Методике по своей структуре и отсутствие описания обязательных процессов;

отсутствие указания на принципы и цели внедрения антимонопольного комплаенса;

отсутствие позиции по обязательному обучению сотрудников, порядку такого обучения и его сроках;

отсутствие положений, описывающих ответственность сотрудников за нарушение требований антимонопольного комплаенса;

отсутствие проработки положений, раскрывающих мотивацию сотрудников к соблюдению антимонопольного законодательства;

коллегиальный орган создается из сотрудников органа власти и возглавляется должностным лицом данного органа;

²² См.: Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год. С. 39. URL: https://fas. gov.ru (дата обращения: 21.09.2021).

в акт об антимонопольном комплаенсе не включается требование об оценке его эффективности.

В научной литературе отмечалось (и анализ практики это подтверждает), что достаточно часто акт об антимонопольном комплаенсе составляется формально, фактически представляет собой переписку Методических рекомендаций и не преследует реальной цели оценки рисков²³.

Следует сказать, что успешное развитие системы антимонопольного комплаенса зависит не только от его внедрения органами власти, но и должно быть обусловлено повышением эффективности его реализации, на что обращает внимание Аналитический центр при Правительстве $P\Phi^{24}$.

Во-первых, в рамках реализации механизмов антимонопольного комплаенса федеральными органами исполнительной власти должна проводиться работа по ревизии ранее изданных нормативных правовых актов, а также по приведению проектов нормативных правовых актов в соответствие с требованиями антимонопольного законодательства. При этом необходимо повышать мотивацию хозяйствующих субъектов и органов власти к внедрению антимонопольного комплаенса, в т.ч. путем подтверждения как со стороны участников рынка, так и со стороны экспертного сообщества его эффективности (например: подготовка обзора лучших практик внедрения на территории Российской Федерации антимонопольного комплаенса с оценкой эффективности его влияния как на деятельность компании, так и на состояние рынка; подготовка информационных писем (разъяснений), содержащих обоснование основных требований, которые должны содержаться в актах об антимонопольном комплаенсе, примеры внедрения антимонопольного комплаенса и т.п.)²⁵.

* * *

Таким образом, значение и ценность антимонопольного комплаенса как инструмента предотвращения нарушений в сфере свободной конкуренции не подлежит сомнению ^{26} , а в условиях цифровизации экономики они только возрастают²⁷. Кроме этого антимонопольный комплаенс является еще и дополнительным инструментом предотвращения коррупции²⁸. Однако эти вопросы представляют собой уже предмет отдельных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Бачурина Ю.Л., Донцова Л.В. Антимонопольный комплаенс: актуальность и значимость в условиях цифровой экономики // Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области: сб. науч. работ Всеросс. науч.-практ. конф. 2019. С. 20—26.
- Бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации о развитии конкуренции. Антимонопольный комплаенс как инструмент развития конкурентной среды. 2021. № 33.
- Деханов С.А. Антимонопольный комплаенс и деонтология // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8 (188). С. 54–58.
- 4. *Кванина В.В.* Антимонопольный комплаенс и его правовая природа // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 46—52.
- 5. *Кирьянов А.Н.* Антимонопольный комплаенс: значение и перспективы правового регулирования // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. Орел, 2018. № 8. С. 29.
- 6. *Медведева Н.В.* Антимонопольный комплаенс в системе развития конкуренции // Власть и управление на востоке России. 2019. № 1 (86). С. 51–59.
- 7. *Мелешкина А.И.* Факторы, определяющие характер взаимосвязи коррупции и конкуренции: обзор эмперических исследований // Вестник Московского ун-та. Сер. 6: Экономика. 2017. № 6. С. 81–96.
- 8. *Михненко Т.Н.* Влияние антимонопольного комплаенса на эффективность функционирования хозяйствующих субъектов и экономики в целом // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 2. С. 36.
- 9. *Овчаров А.В.* Антимонопольный комплаенс как средство предупреждения коррупции в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок // ЭНИ. Военное право. 2021. № 4 (68). С. 110—116.
- 10. *Перилов О.Ю*. Антимонопольный комплаенс: реформа завтрашнего дня // Научный поиск. 2017. № 1, 2. С. 37.
- Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Антимонопольный комплаенс: современное состояние и перспективы // Арбитражные споры. 2019. № 2 (86). С. 57.

²³ См.: *Фоминова Е.М.*, *Сериков О.Г.* К вопросу о внедрении антимонопольного комплаенса органами власти: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. «Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты». Пенза, 2021. С. 49.

 $^{^{24}}$ См. подр.: Бюллетень Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации о развитии конкуренции. Антимонопольный комплаенс как инструмент развития конкурентной среды. 2021. № 33.

²⁵ См.: Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год. С. 42. URL: https://fas.gov.ru (дата обращения: 19.09.2021).

²⁶ См.: *Попондопуло В.Ф.*, *Петров Д.А.* Антимонопольный комплаенс: современное состояние и перспективы // Арбитражные споры. 2019. № 2 (86). С. 57.

²⁷ См., напр.: *Бачурина Ю.Л., Донцова Л.В.* Антимонопольный комплаенс: актуальность и значимость в условиях цифровой экономики // Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области: сб. науч. работ Всеросс. науч.-практ. конф. 2019. С. 20–26.

²⁸ См.: *Мелешкина А.И.* Факторы, определяющие характер взаимосвязи коррупции и конкуренции: обзор эмперических исследований // Вестник Московского ун-та. Сер. 6: Экономи-ка. 2017. № 6. С. 81–96.

- 12. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков // Вестник СПбУ. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 102–114.
- 13. Преступность в XXI веке. Приоритетные направления противодействия / под общ. ред. А. Н. Савенкова. M., 2020. C. 9.
- 14. Родионова Д.Н. Антимонопольный комплаенс как важная часть системы предупреждения антимонопольных нарушений // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2017. № 3. C. 92.
- 15. Фоминова Е.М., Сериков О.Г. К вопросу о внедрении антимонопольного комплаенса органами власти: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. «Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты». Пенза, 2021. С. 49.

REFERENCES

- Bachurina Yu. L., Dontsova L.V. Antimonopoly compliance: relevance and significance in the digital economy // Modern antimonopoly policy of Russia: law enforcement practice in the Bryansk region: collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference 2019, P. 20-26 (in Russ.).
- Bulletin of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation on the development of competition. Antimonopoly compliance as a tool for the development of a competitive environment. 2021. No. 33 (in Russ.).
- Dekhanov S.A. Antimonopoly compliance and deontology // Law and the State: theory and practice. 2020. No. 8 (188). P. 54-58 (in Russ.).
- Kvanina V.V. Antimonopoly compliance and its legal nature // Herald of the South Ural State University. Ser.: Law. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 46-52 (in Russ.).
- Kirvanov A. N. Antimonopoly compliance: the meaning and prospects of legal regulation // Education and science with-

Сведения об авторе

ОВЧАРОВ Артем Валерьевич -

кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

- out borders: fundamental and applied research. Orel, 2018. No. 8. P. 29 (in Russ.).
- Medvedeva N. V. Antimonopoly compliance in the system of competition development // Power and management in the East of Russia. 2019. No. 1 (86). P. 51–59 (in Russ.).
- Meleshkina A.I. Factors determining the nature of the relationship between corruption and competition: a review of empirical research // Herald of the Moscow University. Ser. 6: Economics. 2017. No. 6. P. 81–96 (in Russ.).
- Mikhnenko T.N. The impact of antimonopoly compliance on the efficiency of the functioning of economic entities and the economy as a whole // Online journal "World of Science". 2015. No. 2. P. 36 (in Russ.).
- Ovcharov A. V. Antimonopoly compliance as a means of preventing corruption in the field of state and municipal procurement // ESI. Military Law. 2021. No. 4 (68). P. 110-116 (in Russ.).
- 10. Perilov O. Yu. Antimonopoly compliance: reform of tomorrow // Scientific search. 2017. No. 1, 2. P. 37 (in Russ.).
- Popondopulo V.F., Petrov D.A. Antimonopoly compliance: current state and prospects // Arbitration disputes. 2019. No. 2 (86). P. 57 (in Russ.).
- 12. Popondopulo V.F., Petrov D.A. Compliance as a legal instrument for minimizing risks // Herald of the SPbU. Law. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 102-114 (in Russ.).
- 13. Crime in the XXI century. Priority areas of counteraction / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2020. P. 9 (in Russ.).
- 14. Rodionova D. N. Antimonopoly compliance as an important part of the antimonopoly violations prevention system // Herald of the Buryat State University. 2017. No. 3. P. 92 (in Russ.).
- 15. Fominova E.M., Serikov O.G. On the issue of the introduction of antimonopoly compliance by authorities: collection of art. V International Scientific and Practical Conference "Jurisprudence, State and law: current issues and modern aspects". Penza, 2021. P. 49 (in Russ.).

Authors' information

OVCHAROV Artem V. -

PhD in Law, Researcher of the Criminal Law, Criminal Proceeding and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

—— АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС ——

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

© 2022 г. М. Н. Кобзарь-Фролова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 27.10.2021 г.

Аннотация. Актуальность выбора данной темы обусловлена эволюционными переменами, которые произошли в российском обществе с момента политических и экономических преобразований (конец 80-х, начало 2000-х годов); принятием поправки к Конституции РФ в июле 2020 г.; административными реформами и трансформациями исполнительной власти Российской Федерации и др.

В статье анализируются взгляды дореволюционных (русских) ученых-правоведов, первые послереволюционные идеи ученых, предпринимавших попытку дать понятие и характеристику марксистского, затем советского (социалистического) правоотношения.

Распад социалистической политической системы нанес сокрушительный удар по российским фундаментальным и прикладным наукам. Однако управленческие идеи в теории административного права бытуют и доныне, хотя уже не имеют под собою научной и законодательной опоры. Обобщение трудов российских административистов показало, что они продолжают обосновывать догму об административно-правовом отношении как властном отношении, возникающем в сфере государственного управления, где доминирует властный субъект (представитель государства).

В заключение сформулированы выводы о том, что органы исполнительной власти, органы местного самоуправления в административно-правовых отношениях не обладают большим объемом прав по отношению к гражданам. В отношениях с гражданами они являются лишь проводниками власти. Им вменяется обязанность обеспечить гражданам, обществу возможность приобретать конституционные права и свободы. Государство должно и обязано принимать на себя вызовы современности, обязано нести бремя защиты и обеспечения безопасности граждан, выполнять социальные обязательства. Административное право регулирует отношения между государством и гражданами, которые в силу Конституции РФ имеют право на выражение своей воли, мнения, а также право использовать в полной мере свои свободы.

Ключевые слова: административно-правовое отношение, общественное отношение, нормы административного права, объект, субъекты (участники) правоотношения, характерные признаки, властеотношение, управление, порядок взаимоотношений, правовое регулирование.

Цитирование: Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. 2022. № 4. С. 90–102.

DOI: 10.31857/S102694520019557-3

ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONSHIP: EVOLUTION OF VIEWS ON THE CONCEPT AND ESSENCE

© 2022 M. N. Kobzar-Frolova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Received 27.10.2021

Abstract. The relevance of the choice of this topic is due to: the evolutionary changes that have taken place in Russian society since the moment of political and economic transformations (late 80^s, early 2000^s); the adoption of an amendment to the Constitution of the Russian Federation in July 2020; administrative reforms and transformations of the executive power of the Russian Federation, etc.

The article analyzes the views of pre-revolutionary (Russian) legal scholars, the first post-revolutionary ideas of scientists who attempted to give the concept and characteristics of the Marxist, then Soviet (socialist) legal relationship.

The collapse of the socialist political system dealt a crushing blow to Russian basic and applied sciences. However, managerial ideas in the theory of Administrative Law exist to this day, although they have long ceased to have scientific and legislative support. A generalization of the works of Russian administrative is showed that our contemporaries continue to take a liking to the dogma of the administrative-legal relationship as a power relationship that arises in the sphere of public administration, where the dominant subject (a representative of the state) is dominant.

In conclusion it was concluded that the executive authorities, local self-government bodies in administrative legal relations do not have a large amount of rights in relation to citizens. In relations with citizens, they are only conductors of power. They are charged with the obligation to provide citizens and society with the opportunity to acquire constitutional rights and freedoms. The state must and must take on the challenges of our time. It is obliged to bear the burden of protecting and ensuring the safety of citizens, to fulfill social obligations, to be a regulator of public relations. Administrative Law regulates the relationship between the state and free people who, by virtue of the Constitution of the Russian Federation, have the right to express their will, opinion, and the right to use their freedoms to the fullest.

Key words: administrative-legal relationship, social relationship, norms of Administrative Law, object, subjects (participants) of legal relationship, characteristic features, power relationship, management, order of relationships, legal regulation.

For citation: Kobzar-Frolova, M.N. (2022). Administrative legal relationship: evolution of views on the concept and essence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 90–102.

Административное правоотношение – одна из важнейших категорий административного права. Длительное время бытовало устойчивое представление о том, что теория административно-правового отношения сложилась в 70-е годы прошлого столетия. Возможно, этим объяснялось отсутствие интереса научного сообщества к этой теме и, соответственно, фундаментальных теоретико-правовых научных исследований, посвященных административному правоотношению как правовой категории. В то же время сама тема весьма сложная, объемная по содержанию (наполнению). Категория «административное правоотношение» тесно связана с понятием предмета административного права, административно-правовыми нормами, субъектами отношений и др. Основателями русской теории правоотношений признаны Н.М. Коркунов, А.А. Рождественский, Г.Ф. Шершеневич и др. Последователями марксисткой школы правоотношений являются О.С. Иоффе, Е.Б. Пашуканис, М.А. Рейснер, П.И. Стучка и др. Основоположники советской школы правоотношений — С.М. Берцинский, И.И. Евтихиев, А.И. Елистратов и др. В эпоху развитого социализма большой вклад в теорию правоотношений внесли С.С. Алексеев, С.С. Студеникин, Р.О. Халфина и др.

За последние 10 лет можно отметить лишь незначительное количество теоретических исследований по заданной теме. К вопросам теоретико-правового состояния и развития

административно-правовых отношений в последние годы обращались П.И. Кононов, Е.Б. Лупарев, Л.А. Мицкевич, Н.Г. Салищева, П.П. Серков и некоторые другие.

Тема содержания правоотношений, составляющих предмет отрасли права, — ключевая для любой науки, поскольку степень разработанности фундаментальных понятий и категорий влияет на качество и уровень научного исследования. Каждое понятие, каждое познанное и научно описанное правовое явление служит опорой для получения последующих знаний. Как и в любой другой работе, пытливый исследователь найдет в представленном труде ряд дискуссионных моментов.

Поводами для избрания данной темы послужили те эволюционные перемены, которые произошли в российском обществе с момента политических и экономических преобразований (конец 80-х, начало 2000-х годов); принятие поправки к Конституции РФ в июле 2020 г.¹; административные реформы и трансформации, произошедшие в системе и структуре исполнительной власти, и др. Все это вызывает необходимость стимулировать дискуссию о понятии и характерных признаках административно-правовых отношений. Это

¹ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

весьма сложная задача, поскольку многие административисты придерживаются консервативных взглядов на характер развития административно-правовых отношений и вынужденно признают, что предмет административного права эволюционирует вместе с отраслью и теми отношениями, которые регулируются нормами административного права².

Общественное отношение – это связи между людьми (участниками отношения), которые есть результат их совместного взаимодействия. Общественное отношение становится правовым, когда порядок действий каждого из участников регламентируется (прописывается) в правовой норме. При этом каждый из участников наделяется правовой нормой, правами и обязанностями. Если субъект не вступает во взаимоотношения с другими лицами и своими действиями не создает общественное отношение, то и налобности что-то регулировать правом не возникает. Общественное отношение, урегулированное нормой права, становится правовым отношением. Правоотношение характеризуется правовой связью участников и проявляется через субъективные права и юридические обязанности участников посредством действия юридических норм. У каждой из сторон они возникают в момент вступления во взаимоотношения. Правоотношение – это всегда двусторонняя связь субъектов. Правоотношение возникает тогда, когда участниками выступают два и более субъекта (лица). Неверным было бы утверждать, что у одного из участников отношений в результате вступления в отношения с другим участником возникли субъективные права и / или юридические обязанности, а у другого не возникли, или они проявились позднее, чем у первого участника.

Исследование трудов основоположников дореволюционных теорий о правоотношениях дало основание утверждать, что само по себе правовое регулирование не приводит к возникновению правоотношений. Правовая норма лишь придает юридическую (правовую) форму отношениям между людьми, устанавливает правила (порядок действий) их взаимодействия. Для возникновения правоотношения нужна как минимум воля хотя бы одного из участников. Вместе с тем только то общественное отношение, которое урегулировано правовой нормой, становится правоотношением.

Известный русский юрист, теоретик права Г.Ф. Шершеневич употреблял термин «юридическое отношение». Право есть явление социальное, а потому юридическим следует признать только

отношение человека к человеку³. Юридическое отношение есть та сторона бытового, жизненного взаимодействия между людьми, воплощенная в нормах объективного права. Но не все отношения, в которые вступает человек, приобретают юридическую сторону. Так, обращение человека к внешнему миру или к самому себе не могут быть юридическими. Без субъективного права не возникает юридического отношения⁴.

Встречаются случаи, когда правоотношение не урегулировано нормой объективного права. Между людьми могут складываться отношения (взаимодействия) и при пробелах в законодательстве. В этом случае действуют иные инструменты: правовые обычаи, обыкновения, мораль⁵, религиозные правила, судебные прецеденты и др.

В то же время отношения дружбы, сожительства вне формы, установленной объективным правом, тоже не порождают юридического отношения, т.к. эти отношения лишены юридической стороны. Нормы права устанавливают юридическое отношение тем, что понуждают одно лицо к установленному поведению, с которым связан интерес другого участника(ов). Эта формула определяет строение всякого юридического отношения⁶.

О.С. Иоффе писал, что правоотношение — это вид, форма, в которую облекаются урегулированные правом общественные отношения В.И. Леушин утверждает, что правовое отношение — это возникающая на основе норм права общественная связь, участники которой имеют субъективные права и юридические обязанности, обеспеченные государством Субъектами могут быть социальные общности (народ, нация, коллектив и др.), организации (государственные, частные, общественные), отдельные лица. При этом место каждого из участников в системе социальных связей обусловлено объективными закономерностями функционирования общественных отношений и активностью самих участников 9.

 $^{^2}$ См., напр.: *Кобзарь-Фролова М.Н.* Традиционные и модернизированные подходы к сути и содержанию предмета и метода административного права // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 13—20.

³ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: учеб. пособие. М., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 168.

⁴ См.: там же. С. 170.

⁵ С.С. Алексеев называл мораль самостоятельным нормативно-регуляторным инструментом, имеющим особенную ценность (см.: *Алексеев С.С.* Теория права. 2-е изд., перераб. М., 1995. С. 135).

⁶ См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 169.

⁷ См.: *Иоффе О.С.* Избр. труды по гражданскому праву. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Спорные вопросы учения о правоотношении. М., 2000. С. 665.

⁸ См.: *Леушин В.И*. Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2000. С. 349.

⁹ См.: там же.

Эволюционирование правового регулирования отношений в разных европейских государствах произошло с развитием демократических процессов в XVI—XX вв. Это гораздо раньше, чем в России. Регулировать отношения в социальной жизни, пишет С.С. Алексеев, значит давать направление поведению людей, вводить в определенные рамки, упорядочивать. Каждое историческое общество требует строго определенной меры регулирования. Вопросы меры зависят от качества развития общества 10.

Следует заметить, что в правоотношении может лежать воля субъекта, его желание вступить в общественные отношения, либо вступление в правоотношение продиктовано извне. В первом случае, например, гражданин, желая заниматься предпринимательской деятельностью, подает заявление в налоговые органы для целей государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Он инициировал возникновение правоотношения и выразил тем самым свою волю вступить в эти отношения. Другой пример, когда гражданин в силу Конституции РФ (ст. 57) обязан платить законно установленные налоги и сборы. И для этого не требуется выражение его воли.

Н.М. Коркунов, обращая внимание на различие между публичным и частным правоотношением, писал о том, что в публичном ярче и определеннее проявляется правовая обязанность, тогда как в частном — определяющее значение принимает субъективное право. Отсюда он выводил структуру публично-правового отношения: 1) субъект; 2) объект; 3) правовые обязанности. Структура частноправового отношения предполагает наличие четвертого элемента — субъективного права 11.

Одним из первых исследователей административных правоотношений был русский (советский) ученый А.И. Елистратов. В своих трудах А.И. Елистратов опирается на работы Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича и не противоречит им, а развивает идеи выдающихся ученых. В учебном пособии «Основные начала административного права» (1914) он выделяет понятие и дает характеристику публично-правовым отношениям ¹². В пособии 1917 г. А.И. Елистратов пишет: «Наука административного права изучает правовые отношения в области государственного управления» ¹³. Правоотношения, связанные с государственным управлением, как и все другие юридические отношения,

могут устанавливаться только между людьми. Правоотношения между правящей властью и гражданами, не урегулированные правом, будет не правоотношением, а лишь властеотношением и отношением зависимости ¹⁴. Система властеотношений господствовала в административном укладе дореволюционного полицейского государства. По своему содержанию правоотношения, складывающиеся по почве государственного управления, носят публичный характер. К сожалению, термин «властеотношения» необоснованно был воспринят многими учеными как фундамент теории административного права.

Основными элементами публичного правоотношения являются: 1) правовая обязанность; 2) субъективное право или правомочия (т.е. долженствования и возможности), которые создаются правовыми нормами для участников (субъектов); 3) субъекты; 4) объекты ¹⁵. Субъектом можно признавать только юридически самостоятельное лицо, определяющее свою жизнь собственной жизнедеятельностью. Субъектом публичных обязанностей и прав называют дееспособных участников публично-правовых отношений, призванных к осуществлению публичных правомочий и обязанностей ¹⁶.

По А.И. Елистратову, юридические нормы публичного правоотношения могут быть или повелительными, или предоставительными (восполнительными) нормами. Повелительные нормы (juscogens) точно определяют содержание юридического отношения, не оставляя участникам никакого простора. Напротив, предоставительные нормы дают участникам некоторую свободу в определении этих отношений, а потому являются диспозитивными. То, в чем власть видит общее благо, может не совпадать с интересами значительной части населения ¹⁷.

Далее ученый высказывает мысль о том, что среди публичных прав граждан первое место занимает право личной свободы. В основе цивилистических личных прав лежит момент частного интереса, в основе публичных прав — момент служения общественного интереса. Среди других элементов субъективных публичных прав А.И. Елистратов называет вещные и обязательственные права и права политические. Обязанности российских граждан сводятся к отбыванию повинностей и уплате налогов (пошлин). Объектом публичного права выступает все, что может служить средством к осуществлению публичных, общественных

¹⁰ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 31–33.

¹¹ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. (без изм.). СПб., 1909. С. 140, 141.

¹² См.: Основные начала административного права. М., 1914. С. 85–87, 157–159.

¹³ *Елистратов А.И.* Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 68.

¹⁴ См.: там же.

¹⁵ См.: там же. С. 69, 70.

¹⁶ См.: там же. С. 76–79.

¹⁷ См.: там же. С. 69.

интересов: 1) собственные силы человека; 2) вещи; 3) действия других людей ¹⁸.

Учениками и продолжателями идей А.И. Елистратова были И.И. Евтихиев, А.Е. Лунев, Г.И. Петров, С.С. Студеникин и др. Все они в разное время были научными сотрудниками Института государства и права. В 20—30-е годы вышло несколько работ по теории административного права 19. Но они не оказали существенного влияния на учение об административном правоотношении.

Теория о понятии, сути и содержании советского административного правоотношения была сформирована лишь в послевоенные годы XX в. Такое отставание в развитии было объективно связано с репрессиями и гонениями в отношении советских ученых в 30—40-е годы. Кроме этого теория об административном правоотношении длительное время развивалась однобоко — в сторону устоявшейся и популярной в те годы управленческой теории, разработанной лично В.И. Лениным 20. Еще одной причиной явилось то, что не было достаточно работ по теории советского государственного права. При этом для ученых было очевидным, что административное право органично связано с советским государственным правом.

В 1945 г. выходит учебник С.С. Студеникина «Советское административное право», в котором автор дает характеристику советского административно-правового отношения и выделяет его признаки²¹. Первый признак — это отношения, в которые вступают государственные учреждения и организации в процессе исполнительно-распорядительной деятельности. Второй — они регулируются нормами административного права. Третий — для их возникновения не требуется согласие сторон. Четвертый признак — споры, «как правило», разрешаются в административном, а не в судебном порядке, посредством издания распоряжения полномочного на то государственного органа.

Там же С.С. Студеникин приводит некоторые пояснения. Государственный орган действует по полномочию государства, выступает от его имени

и не может выходить за пределы предоставленных ему прав. Распоряжения государственного органа, если они не противоречат закону, обязательны для исполнения. Выделяя третий признак, в качестве примера приводит исключительно административно-деликтные отношения, что в определенной мере характеризует суть данных отношений. Он также дает объяснение термина «как правило». Судебный порядок разрешения споров установлен по вопросам о принудительном взыскании недоимок (по государственным поставкам, налогам), по обращению взыскания на имущество, по штрафам и др. 22

Интерес представляет определение «советское административное право». «Это отрасль социалистического права, регулирующая исполнительно-распорядительную деятельность государственных органов и определяющая права и обязанности граждан в сфере этой деятельности, а также организацию, полномочия и ответственность органов государственного управления (выделено мною. - $M.K.-\Phi.$)», т.е. первостепенным было то, что права и обязанности граждан определялись «сверху». Там же приведена триада критериев управленческой деятельности(!): организация, полномочия, ответственность. Ответственность – это то, что в Конституцию РФ вошло в качестве изменений в ст. 114 в 2020 г.! Как просто и доступно он дал объяснение того, почему административно-правовые отношения имеют управленческий характер - потому что граждане не могли быть самостоятельными в определении своих прав и обязанностей. Их права и обязанности определялись государством. То есть, даже не в том суть, что Конституциями 1918, 1936, а позднее Конституцией СССР 1977 г. была закреплена система органов, осуществляющая государственное управление, а в том, что государство устанавливало для граждан объем их прав и вменяло им обязанности. И никакой диспозиции, никакой свободы выбора!

В учебнике 1949 г. С.С. Студеникин выводит понятие «административно-правовое отношение» как общественное отношение, урегулированное административно-правовой нормой в процессе исполнительно-распорядительной деятельности государственного органа. И поясняет, что суть его в особой связи между участниками. Каждый из участников отношения обладает правом требовать от другого участника такого поведения, которое указано в административно-правовой норме. И это право охраняется государством²³. При этом С.С. Студеникин утверждал, что административно-правовые отношения не могут возникнуть между двумя гражданами, ибо никто из них не наделен правом и обязанностями

¹⁸ См.: *Елистратов А.И.* Указ. соч. С. 123–125, 128, 129.

¹⁹ См., напр.: *Берцинский С*. К вопросу о методологии советского управления // Сов. государство и революция права. 1930. № 10. С. 22—40; *Евтихиев А.Ф.* Основы советского административного права. Харьков, 1925; *Кобалевский В.Л.* Очерки советского административного права. Харьков, 1924; *Его же.* Советское административное право. Харьков, 1929.

²⁰ См. подр.: *Кобзарь-Фролова М.Н.* Государственное управление: генезис понятия и сути в предмете административного права: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 26 марта 2021 года / под общ. ред. А.И. Каплунова. СПб., 2021. С. 31—40.

²¹ См.: *Студеникин С.С.* Советское административное право. М., 1945. С. 9, 10.

²² См.: там же.

²³ См.: *Студеникин С.С.* Советское административное право: учеб. М., 1949. С. 25.

осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность. Административно-правовые отношения вытекают из властного характера государственного управления²⁴. Несение ответственности перед государством объясняется тем, что нарушается государственный интерес. С.С. Студеникин вносит уточнение: лишь вместе взятые черты дают полную характеристику этого отношения, а по отдельности они присущи и другим отраслям права.

В 1950 г. С.С. Студеникин, В.А. Власов, И.И. Евтихиев, опираясь на концепцию В.Л. Кобалевского²⁵, предлагают более краткое понятие административного правоотношения ²⁶. Это урегулированное нормами административного права общественное отношение в области организации и осуществления государственного управления. Основными признаками (чертами) советского административного правоотношения были указаны те же, что в предыдущих изданиях С.С. Студеникина. Можно предположить, что такое определение возникло в угоду настроениям власти и требованиям цензуры.

Один из наиболее известных учеников и продолжателей научной школы С.С. Студеникина – Ю. М. Козлов, оставивший после себя солидное научное наследие. Особый интерес представляет его монография «Административные правоотношения» (1976). В ней ученый развивает (не выводит собственную, как ошибочно указывается) теорию С.С. Студеникина о понятии и признаках административного правоотношения. При этом ничего существенно нового он не вносит. Ю.М. Козлов предложил следующий перечень признаков административного правоотношения: 1) складываются в той сфере общественной жизни, которая связана с государственным управлением; 2) объектом являются действия людей как участников управленческих процессов; 3) одним из участников административного правоотношения обязательно является орган государственного управления; 4) особый порядок разрешения споров; 5) виновная сторона несет ответственность перед государством²⁷. Таким образом, новым является лишь второй признак. Нельзя не сказать, что второй признак представляется ошибочным, поскольку действия не могут быть объектом правоотношения.

Идеи и выводы С.С. Студеникина были поддержаны не всеми учеными. Так, советский правовед

Г.И. Петров предложил собственную научную концепцию теории административных правоотношений. В своих трудах он обосновывал возможность существования административных правоотношений между равноправными субъектами, без обязательного участия в отношениях представителя государства (власти). Г.И. Петров приводил такие примеры, как отношения, возникающие между жильцами в многокомнатных квартирах по поводу соблюдения правил общежития и пользования общими помещениями; соблюдения гражданами общественного порядка в общественных местах, нравственности, спокойствия; соблюдения правил поведения в магазинах и предприятиях общественного питания. Он писал о том, что государство установило общие для всех правила, а заинтересованность в соблюдении тишины и спокойствия присутствует у всех граждан.

Г.И. Петров придерживался позиции о том, что отношения между гражданами и органами государственной власти (их должностными лицами) не всегда есть властные. Так, если гражданин выражает свою волю по поводу реализации своих конституционных прав, он не находится в подчинении органа власти. Напротив, при обращении гражданина в государственные органы, к должностному лицу, последние обязаны реализовать право гражданина и решить его вопрос²⁸. Административно-правовые отношения возникают не только «в процессе» деятельности органов государственного управления, а во всей области их административной правосубъектности²⁹.

Таким образом, к 70-м годам прошлого века сложились две концепции об административных правоотношениях: властная управленческая, внедренная под влиянием трудов В.Л. Кобалевского, и в ее противоположность — либеральная, суть которой в том, что административно-правовые отношения могут иметь место между всеми субъектами административного права в любом их сочетании.

В.Л. Кобалевский утверждал, что государственный орган — активный субъект, наделенный правом публичного властвования. Подтверждением тому — правовая форма, в которой выражается эта черта — односторонний характер исходящих от него приказов и распоряжений ³⁰. Г.И. Петров еще в 50-е годы выделял две группы административных правоотношений: 1) отношения, в которых одна сторона подчинена другой (отношения власти и подчинения); 2) отношения, в которых стороны

²⁴ См.: *Студеникин С.С.* Советское административное право: учеб. М., 1949. С. 26, 27.

 $^{^{25}}$ См.: *Кобалевский В.Л.* Очерки советского административного права.

²⁶ См.: *Студеникин С.С., Власов В.А., Евтихиев И.И.* Советское административное право. М., 1950. С. 11–14.

²⁷ См.: *Козлов Ю.М.* Административные правоотношения. М., 1976. С. 104–144.

 $^{^{28}}$ См.: *Петров Г.И.* Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. С. 21—25.

²⁹ См.: там же. С. 19.

³⁰ См.: *Кобалевский В.Л.* Очерки советского административного права. С. 30, 31, 34, 37.

не подчинены друг другу (отношения равноправия)³¹. Ученый высказывался о том, что первая концепция никак не соответствует действительности и расходится с практикой правового регулирования советских отношений. Он критически подходил к теориям В.Л. Кобалевского и Ю.М. Козлова и писал о том, что содержание советских правовых отношений определяют политические и экономические условия, соответствие интересам народа, целям и задачам построения коммунистического общества. Он подчеркивал волевой характер любых правоотношений. Правовые отношения, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей, они невозможны без проявления воли их участников ^{32} . Г.И. Петров призывал к дискуссии о характерных чертах административно-правовых отношений. К сожалению, полноценной дискуссии не возникло.

Середина 80-х — начало 90-х годов отмечены в истории России распадом социалистической политической системы. Этот процесс нанес сокрушительный удар по российским фундаментальным и прикладным догмам. Тем не менее управленческие идеи отношений власти — подчинения в теории административного права бытуют и доныне.

В 1996 г. Ю.М. Козлов, рассматривая административное правоотношение, стойко стоит на своей позиции, с некоторой корректировкой, что данное отношение гарантируется административно-правовой нормой 33. То есть позитивным стало лишь то, что норма административного права выступает в качестве гаранта этих отношений. На рубеже столетий Ю.М. Козлов отстаивает идею, что на характеристику административно-правовых отношений влияет: 1) их природа (сфера возникновения); 2) механизм функционирования исполнительной власти: 3) специфика регулирования (императивность и односторонность волеизъявления субъекта управления). Причем последний признак, по его мнению, усиливается в период перехода государственного управления к рыночным отношениям. Власть устанавливает правила поведения и побуждает участников действовать способами, соответствующими интересам власти³⁴. В основе теории административно-правовых отношений Ю.М. Козлова продолжает главенствовать государственное управление и формула «власть – подчинение». Власть — управляющий (доминирующий)

субъект, человек — управляемый (находится в положении неравенства) ³⁵. Гражданин не равен в отношениях не только с исполнительной, но и с законодательной властью и т.д.

В Конституции РФ установлено, что высшей ценностью государства является человек, его права и свободы (ст. 3). Вероятно, в 90-е годы еще сложно было принять и осознать то, что произошел переход от государства диктатуры, с системой власти, осуществляющей государственное управление своим народом, к демократическому обществу, где парламент формируется из представителей многонационального народа, а принимаемые законы отражают концептуальные стратегические ориентиры социально-экономического развития страны и направлены на обеспечение прав и свобод граждан.

К.С. Бельский, исследуя предмет административного права, указывает, что круг общественных отношений, регулируемых административным правом, не ограничивается сферой государственного управления. Это еще два вида общественных отношений – полицейских и административной юстиции³⁶. В целом его поддерживает Ю.Н. Старилов, который, анализируя труды К.С. Бельского, а также Г.Ф. Шершеневича, А.И. Елистратова и др., характеризует административно-правовые отношения как специфические управленческие отношения, имеющие качественную однородность. Они характеризуются управленческим, организационным, волевым, властным и прочими началами³⁷. По своим критериям «полицейские и управленческие правоотношения не отличаются друг от друга» ³⁸, – утверждает Ю.Н. Старилов.

В 2010 г. соратники и продолжатели идей Ю. М. Козлова (Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров, Ю. И. Мигачев) с упорством тиражируют догму об административно-правовом отношении как отношении, «складывающемся в сфере государственного управления» 39, «связи между сторонами строятся на властно-организационной основе». Авторы выделяют девять основных характерных черт. В основном их характеристики не вносят ничего нового. Интерес представляет седьмая черта: «Административно-правовые отношения отличаются тем, что их обязательный субъект всегда действует

 $^{^{31}}$ См.: *Петров Г.И.* Советские административно-правовые отношения // Ученые записки ЛЮИ. Л., 1954. Вып. 6. С. 41–68.

 $^{^{32}}$ См.: *Петров Г.И.* Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. С. 16, 17.

³³ См.: *Козлов Ю. М.* Административно-правовые отношения // Административное право Российской Федерации / Алехин А.П., Кармолицкий АА, Козлов ЮМ.М., 1996. С. 69.

³⁴ См.: там же. С. 70.

³⁵ См.: там же. С. 71.

³⁶ См.: *Бельский К.С.* К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 19.

³⁷ См.: *Старилов Ю. Н.* Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002. С. 304.

³⁸ Там же. С. 305.

 $^{^{39}}$ Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Л. Попов. М., 2010. С. 55.

юридически властно» ⁴⁰. Кто есть «обязательный субъект» — не объясняется. В целом, конечно, понятно. Но это принципиально не верно. Если в отношениях участвуют два равных субъекта (например, два федеральных органа исполнительной власти), кто из них обязательный субъект и который из них должен действовать властно?

В 2013 г. Е.Б. Лупарев в рамках 10-томного издания выпускает монографию «Административные правоотношения», в которой ставит перед собой цель обобщения «всего достигнутого в теории административных правоотношений и скромную попытку внести нечто новое...» 41. Прочтение этой работы оставляет понимание, что обе цели достигнуты. Так, обобщая теоретические представления об административно-правовом отношении, автор начинает с трудов А.И. Елистратова, со ссылкой на Ю.Н. Старилова. При многих положительных сторонах данного научного труда в нем не нашли отражение ни произошедшие в стране политические и экономические преобразования, ни те качественные структурные изменения, которые связаны с реформированием в системе и структуре исполнительной власти и ее функциональной переориентацией на выражение общественных интересов, и др.

Е.Б. Лупарев дает следующее определение административного правоотношения – урегулированное нормами административного права конкретное общественное отношение, с обязательным участием субъекта, наделенного государственно-властными управленческими полномочиями, выраженное в субъективных публичных управленческих правах и обязанностях⁴². Административные правоотношения требуют правомочий управленческого характера. Рассматривая их признаки, автор пишет о том, что исходным является их публичный характер как первый и определяющий признак. В целом, не внеся ничего нового в теорию административного правоотношения, он выделяет такой признак, как обязательное наличие процедурно-процессуального механизма реализации прав и обязанностей ⁴³ и тесное переплетение конституционных правоотношений и административно-правовых отношений 44. С ним соглашается Е.В. Лунгу⁴⁵.

Таким образом, если обобщить все вышеизложенное, то, с сожалением можно констатировать,

что продолжает преобладать догма об административно-правовом отношении как властном отношении, возникающем в сфере государственного управления, гле ломинирует властный субъект (представитель государства). То есть переработанная С.М. Берцинским и А.И. Елистратовым теория полицейского права, далее подхваченная С.С. Студеникиным, И.И. Евтихиевым и приведенная в соответствие с потребностями социалистического политического режима, не просто живет, а тиражируется, обрастая лишь незначительными, не подтвержденными достаточными аргументами, характеристиками типа «наличие процедурно-процессуального механизма». При всем уважении Ю.М. Козлов не был разработчиком теории об административно-правовом отношении.

Между тем В.И. Ленин, являясь разработчиком социалистической управленческой теории развития советского государства, осознавал, что управленческая теория для социалистического общества — это теория, имеющая временные рамки. Она необходима в силу того, чтобы упорядочить отношения в молодом государстве, где повсюду царила разруха, неразбериха, а часто и беззаконие. Ленин писал: «Мы не "мечтатели" о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения» ⁴⁶. Завоевания революции шли под лозунгом: «Вся власть народу!». Ленин обосновал необходимость передачи власти Советам, и была принята поправка: «Вся власть Советам!» ⁴⁷.

Нельзя не отметить научное мероприятие (конференция), прошедшее в 2011 г. в Институте государства и права РАН, которое было посвящено проблемам теории и практики административных правоотношений ⁴⁸, и два доклада — Н.Г. Салищевой ⁴⁹ и Л.А. Мицкевич ⁵⁰. Н.Г. Салищева говорила о том, что административно-правовые отношения складываются в той сфере жизни, которая наиболее политизирована и отражают реальные связи участников. Она доводит до участников мероприятия простую до гениальности мысль о том, что административно-правовые отношения отличаются высокой мобильностью и динамизмом. Они отражают «качество жизни в стране», процессы демократизации ⁵¹. Переосмысливая ст. 18 Конституции

⁴⁰ Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Указ. соч. С. 56.

⁴¹ *Лупарев Е.Б.* Административное право: в 10 т. Т. 2. Административные правоотношения. М., 2013. С. 5.

⁴² См.: там же. С. 20.

⁴³ См.: там же. С. 43.

⁴⁴ См.: там же. С. 48.

⁴⁵ См.: *Лунгу Е.В.* Конституционные правоотношения и административно-правовые отношения: сравнительный анализ // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 62–65.

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXI. С. 403.

⁴⁷ Там же. Т. XXV. С. 205.

⁴⁸ См.: Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2011.

 $^{^{49}}$ См.: *Салищева Н.Г.* Направления развития административно-правовых отношений в условиях модернизации России // Там же. С. 18-42.

 $^{^{50}}$ См.: *Мицкевич Л.А*. Новые тенденции в развитии административных правоотношений // Там же. С. 7-18.

⁵¹ См.: *Салищева Н.Г.* Указ. соч. С. 18–21.

РФ. Н.Г. Салишева обращает внимание на курс государства, направленный на обеспечение баланса между свободами и правопорядком, на то, что государство призвано обеспечивать поддержку и защиту законной деятельности граждан, снижать и / или ликвидировать административные барьеры, обеликвидировать административных спечить открытость и гласность деятельности органов государства и местного самоуправления В административно-правовых актах уже можно видеть попытку обеспечить гарантии защиты прав и свобод граждан. Одним из стандартов демократии, как полагает Н.Г. Салищева, является способность государства защитить своих граждан от преступных посягательств на их права и свободы 53. На конкретных примерах ученый доказывает, что произошла не только перестройка системы административно-правовых отношений, но и изменился статус их участников, произошла «перезагрузка» полномочий федеральных и региональных органов исполнительной власти, смещается «центр тяжести» в отношениях между государством и гражданским обществом ^{54} .

По мнению Л.А. Мицкевич, наметились новые тенденции развития административно-правовых отношений, произошли существенные изменения в правовом регулировании. Государство начинает по-новому выстраивать отношения с институтами гражданского общества на основе равноправия и согласования в решении социально значимых задач. Сужается сфера властного влияния государства на граждан, властного вмешательства государства в жизнь граждан. Изменилась сущность го*сударственного управления* 55. Исследуя характерные черты административно-правовых отношений, она приходит к выводу о том, что правоотношений. которые возникают по инициативе граждан, становится все больше, все чаще требуется согласие граждан для вступления в правоотношения и др. 56

В 2018 г. П.П. Серков выпускает монографию «Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)», а в 2019 г.— статью «Административные правоотношения», где рассматривает вопросы теории и судебной практики данных правовых отношений ⁵⁷.

В опубликованной в 2021 г. статье «Дискуссионные вопросы теории административных

правоотношений» ⁵⁸ П.И. Кононов, обращая внимание на идентичность подходов к пониманию административных правоотношений, отмечает консервативность взглядов и ссылки авторов публикаций на труды Ю.М. Козлова при описании их характерных черт. В своей глубокой аналитической статье П.И. Кононов проводит мысль о том, что эти идеи уже не соответствуют реальности. Он критически оценивает каждый из характерных признаков административных правоотношений, и в целом поддерживая глубину идей, высказанных Г.И. Петровым, приводит примеры, свидетельствующие об отсутствии актуальности устоявшихся представлений о сути и содержании исследуемых правоотношений, доказывает несостоятельность каждого постулата из набора характерных черт административно-правовых отношений.

Так, критикуя суждение о содержании объекта алминистративного правоотношения как повеление субъектов права, П.И. Кононов пишет о том, что «нормы административного права регулируют поведение субъектов права как в рамках возникающих соответствующих правоотношений, так и вне их». Он предлагает под объектом понимать «административный юридико-фактический вопрос (административную юридико-фактическую ситуацию)... возникающий в административно-публичной сфере, для урегулирования (решения) которого необходима реализация соответствующих норм административного права...» 59. Государственный орган выступает в этих отношениях как правообязанное лицо, которое должно выполнить то, что на него возложено законом или иным юридическим актом.

Представляется необходимым не согласиться с уважаемым автором по следующим вопросам. Первое. Не вполне верно, что нормы административного права регулируют поведение субъектов права. В современных условиях развития российского общества нормы административного права, развивая конституционные постулаты, устанавливают общие правила, общий для всех порядок взаимоотношений в обществе. Нормы административного права направлены на реализацию закрепленных в Конституции $P\Phi$ прав и свобод человека и гражданина. После принятия в 1993 г. Конституции РФ на рубеже XX-XXI вв. сложились предпосылки к переходу от командной, властной системы управления к формированию свободного социально ориентированного общества, где во главе стоят принципы законности и демократии. Термин «государственное управление» не нашел законодательного закрепления

⁵² См.: *Салищева Н.Г.* Указ. соч. С. 27, 28.

⁵³ См.: там же. С. 30–32.

⁵⁴ См.: там же. С. 35–38.

 $^{^{55}}$ См.: *Мицкевич Л.А.* Указ. соч. С. 7, 8.

⁵⁶ См.: там же. С. 13-17.

⁵⁷ См.: *Серков П.П.* Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): в 3 ч. М., 2018. Ч. 2 и 3. С. 264—266; *Его же.* Административные правоотношения // Вестник ун-та им. О.Е. Кутафина. 2019. № 6 (58). С. 49—64.

 $^{^{58}}$ Кононов П. И. Дискуссионные вопросы теории административных правоотношений // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 76—88.

⁵⁹ Там же. С. 78.

в Конституции РФ. В российской системе власти нет и не формируются органы, осуществляющие государственное управление. Общий порядок деятельности Правительства РФ как высшего органа исполнительной власти закреплен на высшем — конституционном уровне. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» 60 регулирует вопросы осуществления Правительством РФ исполнительной власти как органа, призванного обеспечить проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики (ст. 1).

Ныне задачами административного законодательства является обеспечение и зашита прав и свобод граждан. Нормы административного права устанавливают общий для всех порядок (правила) вступления в административные правоотношения, порядок (правила) их обеспечения, исполнения, реализации, защиты, обеспечения безопасности, контроля за своевременным и полным обеспечением, исполнением, реализацией обязанностей и порядок прекрашения этих отношений. В административно-правовых отношениях не менее двух сторон. Каждая из сторон обладает правами, обязанностями, несет ответственность. Если это представитель органа власти, то в соответствии с его полномочиями и компетенциями по занимаемой должности устанавливается прежде всего порядок (правила) реализации объема компетенций. Но не правила поведения, хотя, не отрицаю, такие тоже имеются 61. Соответственно, административно-правовые отношения возникают, изменяются и прекращаются под воздействием норм административного права. Но не правил поведения. Правила поведения — это нормы морали, этики, правовые обычаи, обыкновения и т.п.

В условиях действия COVID-19 вновь воспрянули приверженцы теории властеотношений, утверждая, что государство управляет отношениями, вводя запреты и ограничения, в т.ч. на частную жизнь людей. Последнее нельзя поддерживать и распространять. Правительство РФ в силу своих полномочий обязано обеспечить защиту общества от любых угроз. В данном случае следует говорить не о государственно-властных велениях, а об установлении административно-защитных мер, обеспечивающих безопасность граждан, общества в целом. Всегда, когда действия одних людей могут причинить вред здоровью и безопасности других, государство обязано реагировать и вводить меры, направленные на защиту и обеспечение безопасности тех граждан, чьим правам и свободам может

быть нанесен вред. Безопасность в этих и иных случаях обеспечивают административно-защитные меры. Они образуют особую группу правовых отношений — $защитные^{62}$. В данном конкретном случае к таким мерам относятся: введение «масочного-перчаточного режима», ограничения, связанные с проведением массовых мероприятий, убеждение населения сделать прививку, не выходить по возможности из дома и др. За почти 30-летний период развития российской демократии и провозглашения свобод многие отвыкли от того, что государством вводятся отдельные ограничения. Но это необходимо для защиты прав и свобод других граждан (тех, кто относится с пониманием к принимаемым государством мерам безопасности). Несоблюдение вводимых государством защитных мер обеспечивается административной ответственностью.

Второе. В целом, не отрицая то понимание объекта, как его видит П.И. Кононов, хотелось бы внести уточнение. Объектом следует признать отношения, которые образуют общественные связи (вне таковых нет административно-правового отношения), возникающие по поводу: обеспечения конституционных прав и свобод граждан и их объединений; исполнения, реализации, защиты, обеспечения безопасности; контроля за своевременным и полным обеспечением, исполнением, реализацией обязанностей участников отношений.

Третье. Субъектный состав административно-правовых отношений может быть разным. Данные отношения могут возникать между двумя равными субъектами, в т.ч. между двумя гражданами. Установление порядка отношений между субъектами (участниками) в нормах права не есть государственное управление! Архаичность теории управленческих отношений, властеотношений уже давно находится на поверхности. Органы исполнительной власти, органы местного самоуправления в административно-правовых отношениях не обладают большим объемом прав по отношению к гражданам. Они принимают решения не от своего имени, а основываясь на правовой норме, обязаны выносить всесторонне обоснованное, взвешенное, справедливое законное решение. В отношениях с гражданами они являются лишь представителями государства. Государственная служба — это служба для народа и во благо народа. Предназначение государственной службы – обеспечивать общие блага, а не властвовать над народом. Поэтому не соглашусь с определением о том, что представителей органов власти можно

⁶⁰ См.: СЗ РФ. 2020. № 45, ст. 7061.

⁶¹ См, напр.: Указ Президента РФ от 12.08.2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»// СЗ РФ. 2002. № 33, ст. 3196.

⁶² Примечание: понятие, характеристика, порядок применения административно-защитных мер требует отдельного исследования и обоснования в научных трудах правомерности их применения.

называть «властвующими субъектами» 63. Должностные лица органов публичной власти — лишь проводники власти. Они наделены не только правами, им вменяются обязанности обеспечить возможность гражданам, обществу приобретать и иметь конституционные права и свободы. Они несут ответственность по отношению и к государству, и к гражданам (!), например, в случае своего бездействия.

Утверждение о том, что административное правоотношение есть отношение, которое возникает в сфере государственного управления, неверно. Это подтверждается примером, когда инициатором отношения является человек. Государство не управляет людьми. Эта теория умерла вместе с советским политическим режимом. Управлять можно юридическими процессами (например, бюджетным), механизмами, кадрами (внутриаппаратное управление, по вертикали власти), но не свободными людьми!

* * *

Таким образом, административное правоотношение — разновидность общественных публичных правовых отношений. Эти отношения весьма разнообразны как по характеру и юридическому содержанию, так и по участникам и охватывают самые разные стороны общественной жизни. Правовое отношение — это возникающая на основе норм права общественная связь, участники которой имеют субъективные права и юридические обязанности, обеспеченные государством, но не управляемые им.

Само по себе правовое регулирование не приводит к созданию правоотношений. Правовая норма лишь придает юридическую (правовую) форму отношениям между людьми, устанавливает правила (порядок действий) их взаимодействия. Для возникновения правоотношения нужна как минимум воля хотя бы одного из участников, а во многих случаях признание второй стороной правомерности выражения этой воли.

Государство должно и обязано принимать на себя вызовы современности. Обязано нести бремя защиты и обеспечения безопасности граждан, выполнять социальные обязательства. Административное право регулирует отношения между государством и свободными людьми, которые в силу Конституции имеют право на выражение своей воли, мнения, право использовать в полной мере свои свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2011.
- 2. *Алексеев С.С.* Теория права. 2-е изд., перераб. М., 1995. С. 31–33, 135.
- 3. Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 19.
- 4. *Берцинский С*. К вопросу о методологии советского управления // Сов. государство и революция права. 1930. № 10. С. 22–40.
- 5. *Евтихиев А.Ф.* Основы советского административного права. Харьков, 1925.
- Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 68–70, 76–79, 123–125, 128, 129.
- Иоффе О.С. Избр. труды по гражданскому праву. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Спорные вопросы учения о правоотношении. М., 2000. С. 665.
- 8. *Кобалевский В.Л.* Советское административное право. Харьков, 1929.
- 9. *Кобалевский В.Л.* Очерки советского административного права. Харьков, 1924. С. 30, 31, 34, 37.
- 10. *Кобзарь-Фролова М.Н.* Государственное управление: генезис понятия и сути в предмете административного права: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 26 марта 2021 года / под общ. ред. А.И. Каплунова. СПб., 2021. С. 31–40.
- 11. *Кобзарь-Фролова М.Н.* Традиционные и модернизированные подходы к сути и содержанию предмета и метода административного права // Административное право и процесс. 2019. № 11. С. 13—20.
- 12. *Козлов Ю. М.* Административно-правовые отношения // Административное право Российской Федерации / Алехин А.П., Кармолицкий АА., Козлов Ю.М. М., 1996. С. 69–71.
- 13. *Козлов Ю. М.* Административные правоотношения. М., 1976. С. 104—144.
- 14. *Кононов П.И*. Дискуссионные вопросы теории административных правоотношений // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 76—88.
- Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. (без изм.). СПб., 1909. С. 140, 141.
- 16. *Ленин В.И*. Полн. собр. соч. Т. XXI. С. 403; т. XXV.
- 17. *Леушин В.И.* Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2000. С. 349.
- 18. *Лунгу Е.В.* Конституционные правоотношения и административно-правовые отношения: сравнительный анализ // Административное право и процесс. 2017. № 5. С. 62–65.
- Лупарев Е.Б. Административное право: в 10 т. Т. 2. Административные правоотношения. М., 2013. С. 5. 20, 43, 48.
- Мицкевич Л.А. Новые тенденции в развитии административных правоотношений // Административно-правовые отношения в условиях модернизации Рос-

⁶³ Кононов П.И. Указ. соч. С. 83.

- сийского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2011. С. 7-18.
- 21. Основные начала административного права. М., 1914. С. 85–87, 157–159.
- 22. *Петров Г.И.* Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. С. 16, 17, 19, 21–25.
- 23. *Петров Г.И.* Советские административно-правовые отношения // Ученые записки ЛЮИ. Л., 1954. Вып. 6. С. 41-68.
- Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Л. Попов. М., 2010. С. 55, 56.
- Салищева Н.Г. Направления развития административно-правовых отношений в условиях модернизации России // Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2011. С. 18—42.
- 26. *Серков П. П.* Административные правоотношения // Вестник ун-та им. О.Е. Кутафина. 2019. № 6 (58). С. 49—64.
- Серков П.П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования): в 3 ч. М., 2018.
   Ч. 2 и 3. С. 264–266.
- Старилов Ю. Н. Курс общего административного права:
   в 3 т. Т. І: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002. С. 304, 305.
- Студеникин С.С. Советское административное право. М., 1945. С. 9, 10.
- 30. *Студеникин С.С.* Советское административное право: учеб. М., 1949. С. 25–27.
- 31. *Студеникин С.С., Власов В.А., Евтихиев И.И.* Советское административное право. М., 1950. С. 11—14.
- 32. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: учеб. пособие. М., 1910. Т. 2. Вып. 2. С. 168–170.

REFERENCES

- Administrative and legal relations in the conditions of modernization of the Russian state: collection of scientific works / ed. by N. Yu. Khamaneva. M., 2011 (in Russ.).
- Alekseev S.S. Theory of law. 2nd ed., rev. M., 1995. P. 31–33, 135 (in Russ.).
- 3. *Belsky K.S.* To the question of the subject of Administrative Law // State and Law. 1997. No. 11. P. 19 (in Russ.).
- 4. *Bertsinsky S.* On the methodology of Soviet management // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 10. P. 22–40 (in Russ.).
- 5. Evtikhiev A.F. Fundamentals of Soviet Administrative Law. Kharkov, 1925 (in Russ.).
- Elistratov A. I. Basic principles of Administrative Law. 2nd ed., rev. and add. M., 1917. P. 68–70, 76–79, 123–125, 128, 129 (in Russ.).
- 7. *Ioffe O.S.* Selected works on Civil Law. Legal relationship under Soviet Civil Law. Controversial issues of the doctrine of legal relations. M., 2000. P. 665 (in Russ.).

- Kobalevsky V.L. Soviet Administrative Law. Kharkov, 1929 (in Russ.).
- 9. *Kobalevsky V.L.* Essays of Soviet Administrative Law. Kharkov, 1924. P. 30, 31, 34, 37 (in Russ.).
- 10. *Kobzar-Frolova M.N.* Public administration: the genesis of the concept and essence of the subject of Administrative Law: collection of articles on materials of the International scientific and practical Conf. (Sorokin read), 26 March 2021 / under the General editorship of A.I. Kaplunov. SPb., 2021. P. 31–40 (in Russ.).
- 11. *Kobzar-Frolova M.N.* Traditional and modernized approaches to the nature and content of the subject and method of Administrative Law // Administrative Law and process. 2019. No. 11. P. 13–20 (in Russ.).
- Kozlov Yu. M. Administrative and legal relations // Administrative Law of the Russian Federation / Alekhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu. M. M., 1996. P. 69–71 (in Russ.).
- Kozlov Yu. M. Administrative legal relations. M., 1976.
   P. 104–144 (in Russ.).
- Kononov P.I. Discussion questions in the theory of administrative legal relations // Administrative Law and process.
   No. 2. P. 76–88 (in Russ.).
- 15. *Korkunov N.M.* Lectures on the General theory of law. 9th ed. (without changes). SPb., 1909. P. 140, 141 (in Russ.).
- 16. Lenin V.I. The complete works. Vol. XXI. P. 403; vol. XXV. P. 205 (in Russ.).
- Leushin V.I. Theory of state and law: textbook for universities / ed. by V.M. Korelsky, V.D. Perevalov. M., 2000. P. 349 (in Russ.).
- 18. *Lungu E.V.* Constitutional legal and administrative-legal relations: a comparative analysis // Administrative Law and process. 2017. No. 5. P. 62–65 (in Russ.).
- 19. *Luparev E.B.* Administrative Law: in 10 vols. Vol. 2. Administrative legal relations. M., 2013. P. 5. 20, 43, 48 (in Russ.).
- Mitskevich L.A. New trends in the development of administrative legal relations // Administrative-legal relations in the conditions of modernization of the Russian state: collection of scientific works / ed. by N. Yu. Khamaneva. M., 2011. P. 7–18 (in Russ.).
- 21. The basic principles of Administrative Law. M., 1914. P. 85–87, 157–159 (in Russ.).
- 22. *Petrov G. I.* The Soviet administrative-legal relations. L., 1972. P. 16, 17, 19, 21–25 (in Russ.).
- 23. *Petrov G.I.* The Soviet administrative-legal relations // Scientific notes LUI. L., 1954. Vol. 6. P. 41–68 (in Russ.).
- 24. *Popov L.L., Migachev Yu. I., Tikhomirov S.V.* Administrative Law of Russia: textbook. 2nd ed., rev. and exp. / ed. by L.L. Popov. M., 2010. P. 55, 56 (in Russ.).
- 25. Salishcheva N. G. Directions of development of administrative-legal relations in the conditions of modernization of Russia // Administrative-legal relations in the conditions of modernization of the Russian state: collection of scientific works / ed. by N. Yu. Khamaneva. M., 2011. P. 18–42 (in Russ.).
- 26. *Serkov P.P.* Administrative legal relations // Herald of Kuta-fin University. 2019. No. 6 (58). P. 49–64 (in Russ.).

- Serkov P.P. Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation): in 3 parts. M., 2018. Parts 2 and 3. P. 264–266 (in Russ.).
- 28. Starilov Yu. N. Course of general Administrative Law: in 3 vols. Vol. I: History. The science. Subject. Norms. Subjects. M., 2002. P. 304, 305 (in Russ.).
- 29. Studenikin S.S. Soviet Administrative Law. M., 1945. P. 9, 10 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая сектором административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

- 30. *Studenikin S. S.* Soviet Administrative Law: textbook. M., 1949. P. 25–27 (in Russ.).
- 31. *Studenikin S.S., Vlasov V.A., Evtikhiev I.I.* Soviet Administrative Law. M., 1950. P. 11–14 (in Russ.).
- 32. *Shershenevich G. F.* General theory of law: textbook. M., 1910. Vol. 2. Issue. 2. P. 168–170 (in Russ.).

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. –

Doctor of Law, Professor, chief researcher, Head of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ «ЗЕЛЕНОЙ» ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

© 2022 г. Л. Н. Сморчкова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: l.smorchkova@mail.ru

Поступила в редакцию 17.01.2022 г.

Аннотация. В статье анализируется современное состояние правового обеспечения «зеленой» экономики в России. Автор заявляет о фактическом отсутствии целенаправленной государственной политики, воплощаемой в специальное административно-правовое регулирование в данной сфере. В качестве объективной причины видится противоречие между необходимостью наращивания темпов развития национальной экономики в целях обеспечения экономической безопасности государства и принципами устойчивого развития, закрепленными в соответствующей Концепции. Административно-правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в сфере «зеленой» экономики, должно лечь в основу формирования комплексного правового обеспечения новой модели социо-эколого-экономического развития России.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, концепция устойчивого развития, правовое обеспечение, административно-правовые средства, экономическая безопасность, экологический контроль и надзор, комплексный подход.

Ципирование: Сморчкова Л. Н. Административно-правовое обеспечение «зеленой» экономики в России // Государство и право. 2022. № 4. С. 103-110.

DOI: 10.31857/S102694520019592-2

ADMINISTRATIVE-LEGAL SUPPORT OF THE GREEN ECONOMY IN RUSSIA

© 2022 L. N. Smorchkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: l.smorchkova@mail.ru

Received 17.01.2022

Abstract. The article analyzes the current state of the legal support of the "green" economy in Russia. The author declares the actual absence of a targeted state policy, embodied in a special administrative and legal regulation in this area. As an objective reason, there is a contradiction between the need to increase the pace of development of the national economy in order to ensure the economic security of the state and the principles of sustainable development enshrined in the relevant Concept. Administrative and legal regulation of social relations emerging in the field of the "green" economy should form the basis for the formation of a comprehensive legal support for a new model of socio-ecological and economic development of Russia.

Key words: "green" economy, the concept of sustainable development, legal support, administrative and legal means, economic security, environmental control and supervision, an integrated approach.

For citation: Smorchkova, *L.N.* (2022). Administrative-legal support of the "green" economy in Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 103–110.

За два с лишним века с момента первой промышленной революции стало очевидным, что негативные последствия воздействия хозяйственной деятельности человека на окружающую среду не только неотвратимы, но и во многом необратимы. Осознание этого породило такие направления в экономической науке, как экологическая экономика, экономика окружающей среды, а также концепцию т.н. «зеленой» экономики.

Сторонники теории «зеленой» экономики ратуют за максимально возможное нивелирование отрицательного воздействия последствий экономической деятельности на природу и среду обитания. Экономика должна быть внутренним и зависимым компонентом природной среды, поскольку в природе все взаимосвязано, а ограниченность пространства планеты Земля и ее ресурсов уже ни у кого не вызывает сомнений. Концепция «зеленой» экономики подразумевает разумное сочетание социального, экологического и экономического развития каждого государства.

И это действительно комплексная международная проблема, которую невозможно полностью решить в отдельно взятом государстве. В последние несколько десятилетий состоялось большое количество международных конференций, саммитов различного уровня, предлагающих рекомендации по охране окружающей среды, а в дальнейшем и по стимулированию формирования «зеленой» экономики ¹. Но объективные противоречия со сложившимися методами ведения экономической деятельности позволяют получать сколько-либо видимые результаты только в отдельных государствах с достаточно высоким уровнем национальной экономики.

Ю.В. Лебедев, проанализировав основные представления о понимании «зеленой» экономики в России, заявил об отсутствии фундаментальной научной базы и сформулировал авторскую методологию «зеленой» экономики, основанную на обеспечении высшего приоритета учета экологического фактора в решении проблемы обеспечения общества природными ресурсами, содержащую систему научно-технологических принципов «зеленой» экономики, а также иерархию уровней управления «зеленой» экономикой: концептуального, идеологического, политического и экономического². И такой подход заслуживает признания. Однако само по себе формирование теоретической базы и научного подхода к «озеленению»

российской экономики не может быть действенным без обеспечения внедрения основных идей правовыми средствами.

Формирование правового поля обеспечения «зеленой» экономики должно начинаться на политическом уровне государственного управления. Пожалуй, исторически одним из первых в истории Российской Федерации необходимо упомянуть Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» В нем говорится о роли Российской Федерации в решении планетарных экологических проблем, поскольку она определяется обладанием большими по площади территориями, практически не затронутыми хозяйственной деятельностью и являющимися резервом устойчивости всей биосферы в целом.

В преамбуле Концепции провозглашается, что, руководствуясь рекомендациями и принципами, изложенными в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), возможно и необходимо осуществить в Российской Федерации последовательный переход к устойчивому развитию, обеспечивающий сбалансированное решение социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. В целом из текста документа следует, что переход к устойчивому развитию предполагает постепенное восстановление естественных экосистем и внедрение модели «зеленой» экономики.

Говоря об устойчивом развитии, обычно подразумевают устойчивое развитие социо-эколого-экономической системы, в которой общество (социальная подсистема), природа (экологическая подсистема) и экономика (экономическая подсистема) неразрывно взаимосвязаны. Но при этом если взаимосвязь общества и экономики происходит на паритетном обмене управления и труда на продукты потребления, то взаимосвязи природы и общества, природы и экономики имеют односторонне потребительский характер. В первом случае природа создает условия жизни человеческого общества, а взамен получает отходы жизнедеятельности. Во втором случае экономика, потребляя природные ресурсы, вырабатывает промышленные отходы 4

¹ Обзор выводов и рекомендаций по итогам международных мероприятий см., напр.: *Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В.* Зеленая экономика. Глобальное развитие. М., 2016.

 $^{^2}$ См.: Лебедев Ю.В. Формирование научной базы «зелёной» экономики // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 5. С. 497, 498.

³ См.: СЗ РФ. 1996. № 15, ст. 1572.

⁴ См.: *Щербаков Д.Б., Есенкова Г.А., Евченко А.В.* Зеленая экономика и государственная политика ее регулирования: системология устойчивого развития в трансформирующейся социо-эколого-экономической среде // Проблемы развития современного общества: сб. науч. ст. 6-й Всеросс. нац. науч.-практ. конф. Курск, 2021. С. 480.

Глобальная задача «зеленой» экономики — нивелировать этот дисбаланс.

«Зеленая» экономика призвана дополнять модель устойчивого развития. Как высшая цель «зеленой» экономики имеет стратегический характер сохранения жизни человека на планете Земля, так и концепция устойчивого развития предусматривает длительную реализацию, которая позволила бы развивать хозяйственную деятельность людей не только без ущерба для окружающей среды и с сохранением жизнеобеспечивающего запаса природных ресурсов и естественных экосистем, но и обеспечивала восстановление экологии. «Зеленая» экономика подразумевает именно долгосрочную перспективу при практически неизбежном тактическом замедлении роста экономического развития, но последовательном перестроении всей системы национальной экономики на новую модель.

Проблема сочетаемости модели устойчивого развития и формирования «зеленой» экономики является межгосударственной и имеет свою страновую, институциональную специфику⁵. Чаще всего она связана с особенностями политической ситуации, необходимостью сохранения государственного суверенитета, обеспечения экономической безопасности, что, как правило, вызывает ресурсные и управленческие ограничения.

Специалисты отмечают, что в Российской Федерации, провозглашающей в составе приоритетов государственной политики и устойчивое развитие, и формирование «зеленой» экономики, реальные успехи пока еще достаточно скромны и в том, и в другом направлении. Это является следствием как во многом декларативного характера заявленных ориентиров, не подкрепленных достаточными ресурсами, так и неотлаженностью государственной политики в этой сфере, что приводит к ее недостаточной результативности⁶.

Проводимая государством политика в целом не противоречит продекларированным идеям, но объективные особенности экономического и политического положения страны не позволяют в полной мере следовать концепции устойчивого развития. Одним из действующих механизмов является реализация национального проекта «Экология» 7, рассчитанного на период с 2019 по 2024 г. и включающего в себя около 10 федеральных проектов,

направленных на решение негативного влияния на окружающую среду, использование наилучших доступных технологий, повышение качества питьевой воды, а также на утилизацию отходов.

Четко проводимая государственная политика должна выражаться в соответствующих управленческих решениях, по большей части принимающих вид административно-правовых актов, содержащих обязательные для всех правовые предписания, а также в формировании комплексного правового обеспечения, начиная с создания законодательной базы, обеспечивающей правовое регулирование «зеленой» экономики, и заканчивая построением всего правоприменительного механизма.

В юридической науке безусловно поддерживается точка зрения, что переход на «зеленую» экономику вызывает необходимость выработки адекватных правовых принципов, методов регулирования, нового понятийного аппарата, а также разработки Концепции «зеленого» права как основы правового обеспечения «зеленой» экономики⁸.

Одним из основных направлений перехода Российской Федерации к устойчивому развитию было определено создание правовой основы, включая совершенствование законодательства, определяющего экономические механизмы природопользования и охраны природы. В этой части задача была в той или иной степени решена. Действительно можно констатировать высокую степень развития российского законодательства об охране окружающей среды и природопользовании, но преждевременно говорить о комплексном правовом обеспечении всей системы общественных отношений, необходимых для формирования «зеленой» экономики.

В отечественной правовой литературе констатируется, что переход к «зеленой» экономике безусловно невозможен без внесения изменений в законодательство, предлагаются различные механизмы правовой поддержки перехода российской экономики к новой модели⁹. Более того, обозначается новая проблема: с учетом текущей эпидемиологической обстановки правовое регулирование общественных отношений в сфере «зеленой» экономики должно предусматривать и могущие возникнуть будущие катастрофы эпидемиологического характера, масштабно и отрицательно воздействующие на экономику. Вместе с тем констатируется, что сколько-нибудь эффективных законодательных актов, обеспечивающих устойчивость «зеленой»

⁵ См.: *Халил М.Р.А*. Приоритеты государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулирования зеленой экономики // Известия СПбГЭУ. 2020. № 1. С. 182.

⁶ Плотников В.А., Халил М.Р.А. Политика регулирования устойчивого развития и формирования зеленой экономики: теоретические подходы // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 6. С. 64.

 $^{^7}$ См.: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

 $^{^{8}}$ См.: *Новикова Е.В.* Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // Экологическое право, 2020. № 5. С. 3-10.

 $^{^9}$ См., напр.: *Мухлынин Д.Н.* К вопросу о тенденциях развития и правовом регулировании в Российской Федерации «зеленой экономики» // Закон и право. 2018. № 6. С. 97—99.

экономики в экстремальных условиях коронавирусной пандемии, принято не было ¹⁰.

Конечно, средствами правового регулирования, и особенно административно-правового регулирования с его императивным методом, можно было бы ввести комплекс обязанностей, запретов и ограничений, обеспеченных мерами юридической ответственности (прежде всего административной, но не только), властно внедряющих правила «зеленой» экономики для всех хозяйствующих субъектов на территории Российской Федерации. Но есть по крайней мере две причины объективного характера, почему государство не может этого сделать.

Прежде всего необходимо сказать о противоречиях частного и публично-правового регулирования экономических отношений. В демократическом обществе в условиях рынка вмешательство государства в хозяйственную деятельность может осуществляться не только исключительно посредством установления «правил игры» правовыми средствами, не вмешиваясь в конкретные договорные или иные отношения участников имущественного оборота, если этого не требует защита интересов государства и общества в целом, но и с соблюдением антимонопольного законодательства и стимулированием конкурентоспособности хозяйствующих субъектов ¹¹.

В случае же императивного одномоментного введения жестких правил «зеленой» экономики конституционные принципы будут нарушены. Многие субъекты экономической деятельности не смогут в короткие сроки перестроиться и выдержать конкурентную борьбу даже в таких благих целях, какие преследует «зеленая» экономика. И это может повлечь как экономический, так и социальный кризис.

Данный риск соотносится еще с одним аспектом, который необходимо учитывать при административно-правовом регулировании «зеленой» экономики. Хотя «зеленая» экономика и является всемирной (международной) проблемой, но внедрение этой модели вступает в противоречие с необходимостью повышать темпы развития национальной экономики. Ведь экономическая безопасность — один из важнейших факторов обеспечения национальной безопасности и сохранения государственного суверенитета ¹².

Реализация основных направлений обеспечения государством экономической безопасности — противодействия вызовам и угрозам экономического характера, предотвращения кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также недопущения снижения качества жизни населения, провозглашенных в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ № 208 от 13.05.2017 г. 13), требует использования природных ресурсов, наращивания производственных мощностей, внедрения высокотехнологичного оборудования и прочее. И это не вполне соответствует концепции «зеленой» экономики.

Исходя из вышесказанного, несколько странным представляется тезис о том, что «зеленая» экономика — это «адекватный механизм экономического роста» 14, заявленный в книге, выпущенной под эгидой Минэкономразвития России и Российской академии наук. Принципы развития экономики, дающие сколько-либо реальный рост национальной экономики не вполне сочетаются с принципами «зеленой» экономики. Да, «зеленая» экономика является составляющей концепции устойчивого развития. Но концепция устойчивого развития — это стратегия государства. А экономический и политический кризисы, имеющиеся здесь и сейчас, требуют тактических решений.

К сожалению, не все из этих решений действительно сохраняют вектор «зеленой» экономики. Так, например, в конце 2021 г. был принят Федеральный закон ¹⁵, продлевающий на три года сроки вступления в силу принятых еще в 2018 г. норм Земельного кодекса РФ о зонах с особыми условиями использования территории в связи с тем, что летом 2022 г. планируется принятие федерального закона, который, как предполагается, упростит порядок их установления, но при этом сократит перечень зон. Как известно, правовой режим зон с особыми условиями использования территории нацелен на обеспечение безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности человека, ограничение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду.

Тем не менее все это не отменяет необходимости непосредственного административно-правового регулирования «зеленой» экономики, но повышает значимость взвешенности управленческих решений. Кроме того, чтобы управление в данной сфере

¹⁰ См.: Клеандров М.И. О правовом регулировании отношений в сфере «зеленой» экономики при коронавирусной пандемии 2020 г. // Евразийский юрид. журнал. 2020. № 12. С. 69–72.

¹¹ См. подр.: *Сморчкова Л. Н.* Совершенствование административно-правового регулирования в сфере управления имуществом в государственном секторе экономики // Право и практика. 2019. № 2. С. 57-62.

 $^{^{12}}$ См. подр.: *Воронов А.М., Сморчкова Л.Н.* Административно-правовое регулирование экономической деятельности как фактор устойчивого развития Российской Федерации // Право и практика. 2020. № 1. С. 28—33.

¹³ См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

¹⁴ «Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны / под общ. ред. А.В. Шевчука. М., 2015.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 447-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I), ст. 16.

было действительно целенаправленным, необходимо обеспечить оптимальную координацию деятельности органов государственного и муниципального управления, имеющих полномочия в данной сфере, а возможно, и создать федеральный орган исполнительной власти, который выполнял бы функции единого организационного центра управления охраной окружающей среды¹⁶.

Нельзя забывать и от том, что административно-правовые средства воздействия включают в себя осуществление государственного и муниципального контроля и надзора, а также возможность привлечения к административной ответственности за выявленные нарушения.

Российское законодательство об охране окружающей среды и природопользовании хоть и нуждается в совершенствовании (впрочем, как и любая другая отрасль законодательства, поскольку это перманентный процесс, связанный с развитием общественных отношений), но и в текущем состоянии закрепляет систему правовых норм, полное и последовательное соблюдение которых всеми хозяйствующими субъектами позволило бы предотвратить многие экологические катастрофы и улучшить состояние окружающей среды.

Поэтому экологический контроль и экологический надзор, осуществляемый органами государственной власти и органами местного самоуправления в соответствии с предоставленными им полномочиями ¹⁷, является значимой административно-правовой деятельностью в формировании «зеленой» экономики.

За административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность. Составы административных правонарушений, закрепленные в гл. 8 КоАП РФ, в той или иной степени соответствуют действующим правовым нормам законодательства об охране окружающей среды и природопользовании (хотя также имеются проблемы в правоприменении 18), но

представляется, что этих норм недостаточно в комплексном механизме правового регулирования «зеленой» экономики.

В частности, нельзя привести в пример ни одно государство с полностью сформированной системой «зеленой» экономики, можно говорить только о присутствии в большей или меньшей степени отдельных элементов такой системы. Чтобы экономика страны не «слетела» под девизом тотальной экологичности, в комплексе обеспечивающих правовых средств должны быть не только административно-управляющее воздействие и сбалансированное правовое регулирование пользования природными ресурсами, но и адаптированное под интересы «зеленой» экономики налогообложение, государственное и частное инвестирование, целевое финансирование, бюджетное субсидирование и использование иных финансово-экономических рычагов.

Так, например, согласно данным, по итогам 2018 г. Россия в глобальном процессе «озеленения» экономики занимает 114-е место, набрав всего 41.15 кумулятивных баллов (учитывающий четыре фактора: качество окружающей среды и природного капитала; рынок и инвестиции в «зеленый» сектор; позицию политического руководства государства и климатические изменения; стратегию местной промышленности), в то время как государства-лидеры (Швеция, Швейцария, Исландия, Норвегия) имеют более 70 кумулятивных баллов 19. При этом Е.А. Боркова, сравнивая общий объем российских инвестиций в основной капитал с объемом инвестиций, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, отмечает, что «зеленые» инвестиции в общем объеме инвестиций занимают долю менее $1\%^{20}$.

Специалисты разных стран также утверждают, что построение «зеленой» экономики невозможно без формирования эффективной системы «зеленого» финансирования²¹. В России, постольку посколь-

¹⁶ См.: Вершило Н.Д., Вершило Т.А. К вопросу об административно-правовом обеспечении охраны окружающей среды // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 2018. С. 56–58.

 $^{^{17}}$ См.: *Вершило Н.Д.* К вопросу о государственном экологическом контроле и надзоре // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. 35—38.

¹⁸ Например, о проблемах административного приостановления деятельности см.: *Бучакова М.А., Вершило Н.Д.* Административное приостановление деятельности по статье 9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: проблемы теории и практики // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 195—204; *Сморчкова Л.Н.* Об административной ответственности юридических лиц по результатам осуществления государственного контроля и надзора // Государственный контроль

и надзор как способы обеспечения законности в сфере экономической деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Лазаревские чтения». М., 2019. С. 202—209.

 $^{^{19}}$ См.: *Боркова Е.А.* Политика стимулирования зеленого инвестирования как направление регулирования рынка зеленого финансирования // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 71.

²⁰ См.: там же. С. 72.

²¹ См., напр.: *Banga J*. The green bond market: A potential source of climate finance for developing countries. Journal of Sustainable Finance and Investment. 2019. 9(1):17–32. DOI: 10.1080/20430795.2018.1498617; *Raberto M., Ozel B., Ponta L., Teglio A., Cincotti S.* From financial instability to green finance: The role of banking and credit market regulation in the Eurace model. Journal of Evolutionary Economics. 2019. 29(1):429–465. DOI: 10.1007/s00191-018-0568-2; *Zimmerman R., Brenner R., Abella J.* L. Green infrastructure financing as an imperative to achieve green goals. Climate. 2019. 7(3):39–52. DOI: 10.3390/cli7030039

ку на концептуальном уровне не объявлен курс на «зеленую» экономику, под «зеленым» финансированием чаще всего понимается выделение финансовых средств на отдельные экологические проекты, решение экологических проблем, управление природными ресурсами²². По мнению ученых, «зеленые» финансы включают в себя: совокупность различных способов финансирования технологических процессов и проектов в области экологических процессов и проектов в области экологичации хозяйственной деятельности; совокупность финансовых институтов, занимающихся финансированием экологических программ и проектов; финансовые продукты и услуги (кредиты, облигации и др.) с экологической составляющей ²³. Однако практическая реализация этих идей также требует соответствующего правового регулирования.

Представляется, что задача административно-правового регулирования в сфере «зеленой» экономики состоит в обеспечении комплекса общественных отношений правовыми средствами, восполняя пробелы, не создавая коллизий и образовывая правовую основу для формирования и совершенствования норм иных отраслей права.

* * *

На основании изложенного можно сформулировать несколько выводов.

Судя по обилию в течение последних нескольких лет научных публикаций не только экономического характера, но и в совершенно разной отраслевой принадлежности, тема формирования в России «зеленой» экономики представляется актуальной. В то же время необходимо констатировать фактическое отсутствие как специального ориентирования государственного управления на переход к новой модели экономического развития, так, соответственно, и административно-правового регулирования «зеленой» экономики.

Прежде всего государству на концептуальном уровне необходимо определиться с политикой в этой сфере и найти компромисс между целенаправленным внедрением модели «зеленой» экономики и поддержанием темпов национального экономического развития, отразив это соотношение в стратегических правовых документах, которые должны быть положены в основу дальнейшего административно-правового регулирования.

Современные реалии не представляют возможным оптимизировать правовое обеспечение взаимодействия общества, экономики и природной среды вне комплексного подхода. Необходима совокупность общих управленческих решений на федеральном уровне, закрепленных в нормативных актах административно-правового характера, которые могли бы быть положены для внесения соответствующих изменений и дополнений в финансовое, инвестиционное, налоговое законодательство для комплексного правового обеспечения «зеленой» экономики.

Требуется специальное исследование эффективности осуществления контрольных полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в аспекте соблюдения действующих норм законодательства об охране окружающей среды и природопользовании, а также полноты и достаточности норм законодательства об административных правонарушениях в этой сфере с последующим внесением необходимых изменений и дополнений.

И еще один важный для развития юридической науки вывод. Объединение таких отраслей права, как административное, конституционное, муниципальное, финансовое, налоговое, бюджетное, земельное, природоресурсное, экологическое, конкурентное, энергетическое, информационное в рамках одной научной специальности «5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки» в новой номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени 24, позволит комплексно и системно исследовать вопросы правового обеспечения такого сложного комплекса общественных отношений, как формирование «зеленой» экономики в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боркова Е.А. Политика стимулирования зеленого инвестирования как направление регулирования рынка зеленого финансирования // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 71, 72.

²² Порфирьев Б.Н. «Зелёные» тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 5-16.

 $^{^{23}}$ См.: Семенова Н.Н., Еремина О.И., Скворцова М.А. «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 2. С. 39—49.

²⁴ См.: приказ Минобрнауки России от 24.12.2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400450248/; Рекомендации Президиума ВАК Минобрнауки России от 28.05.2021 г. № 15/1-HC «О научных специальностях новой номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени». URL: https://legalacts.ru/doc/rekomendatsija-prezidiuma-vak-minobrnauki-rossii-ot-28052021-n-151-ns/

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ «ЗЕЛЕНОЙ» ЭКОНОМИКИ В РОССИИ 109

- Бучакова М.А., Вершило Н.Д. Административное приостановление деятельности по статье 9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: проблемы теории и практики // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 195—204.
- 3. *Вершило Н.Д.* К вопросу о государственном экологическом контроле и надзоре // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. 35—38.
- Вершило Н.Д., Вершило Т.А. К вопросу об административно-правовом обеспечении охраны окружающей среды // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 2018. С. 56—58.
- 5. Воронов А.М., Сморчкова Л.Н. Административно-правовое регулирование экономической деятельности как фактор устойчивого развития Российской Федерации // Право и практика. 2020. № 1. С. 28–33.
- 6. «Зеленая» экономика. Новая парадигма развития страны / под общ. ред. А.В. Шевчука. М., 2015.
- 7. *Клеандров М.И.* О правовом регулировании отношений в сфере «зеленой» экономики при коронавирусной пандемии 2020 г. // Евразийский юрид. журнал. 2020. № 12. С. 69—72.
- Лебедев Ю.В. Формирование научной базы «зелёной» экономики // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17. № 5. С. 497, 498.
- 9. *Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В.* Зеленая экономика. Глобальное развитие. М., 2016.
- Мухлынин Д. Н. К вопросу о тенденциях развития и правовом регулировании в Российской Федерации «зеленой экономики» // Закон и право. 2018. № 6. С. 97–99.
- 11. *Новикова Е.В.* Концептуальные основы правового регулирования «зеленой» экономики в России // Экологическое право. 2020. № 5. С. 3–10.
- 12. Плотников В.А., Халил М.Р.А. Политика регулирования устойчивого развития и формирования зеленой экономики: теоретические подходы // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 6. С. 64.
- 13. *Порфирьев Б. Н.* «Зелёные» тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 5—16.
- 14. Семенова Н.Н., Еремина О.И., Скворцова М.А. «Зеленое» финансирование в России: современное состояние и перспективы развития // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 2. С. 39–49.
- 15. Сморчкова Л. Н. Об административной ответственности юридических лиц по результатам осуществления государственного контроля и надзора // Государственный контроль и надзор как способы обеспечения законности в сфере экономической деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Лазаревские чтения». М., 2019. С. 202–209.
- 16. *Сморчкова Л. Н.* Совершенствование административно-правового регулирования в сфере управления имуществом в государственном секторе экономики // Право и практика. 2019. № 2. С. 57–62.
- 17. *Халил М.Р.А.* Приоритеты государственной политики регулирования устойчивого развития и стимулиро-

- вания зеленой экономики //Известия СПбГЭУ. 2020. № 1. С. 182.
- 18. *Щербаков Д.Б., Есенкова Г.А., Евченко А.В.* Зеленая экономика и государственная политика ее регулирования: системология устойчивого развития в трансформирующейся социо-эколого-экономической среде // Проблемы развития современного общества: сб. науч. ст. 6-й Всеросс. нац. науч.-практ. конф. Курск, 2021. С. 480.
- 19. *Banga J*. The green bond market: A potential source of climate finance for developing countries. Journal of Sustainable Finance and Investment. 2019. 9(1):17–32. DOI: 10.1080/20430795.2018.1498617
- 20. Raberto M., Ozel B., Ponta L., Teglio A., Cincotti S. From financial instability to green finance: The role of banking and credit market regulation in the Eurace model. Journal of Evolutionary Economics. 2019. 29(1):429–465. DOI: 10.1007/s00191-018-0568-2
- 21. Zimmerman R., Brenner R., Abella J.L. Green infrastructure financing as an imperative to achieve green goals. Climate. 2019. 7(3):39–52. DOI: 10.3390/cli7030039

REFERENCES

- Borkova E.A. The policy of stimulating green investment as a direction of regulation of the green finance market // Management Consulting. 2020. No. 5. P. 68-76 (in Russ.).
- Buchakova M.A., Vershilo N.D. Administrative suspension of activities under article 9.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: problems of theory and practice // Law enforcement. 2021. V. 5. No. 3. P. 195–204 (in Russ.).
- 3. *Vershilo N.D.* On the issue of state environmental control and supervision // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. No. 6. P. 35–38 (in Russ.).
- 4. *Vershilo N.D., Vershilo T.A.* On the issue of administrative and legal support of environmental protection // Implementation of the Constitution of the Russian Federation: state and prospects: materials of the All-Russian scientific-practical conference. 2018. P. 56–58 (in Russ.).
- 5. *Voronov A. M., Smorchkova L. N.* Administrative and legal regulation of economic activity as a factor in the sustainable development of the Russian Federation // Law and Practice. 2020. No. 1. P. 28–33 (in Russ.).
- 6. "Green" economy. A new paradigm of the country's development / ed. by A.V. Shevchuk. M., 2015 (in Russ.).
- Kleandrov M.I. On the legal regulation of relations in the field of "green" economy during the coronavirus pandemic in 2020 // Eurasian Law Journal. 2020. No. 12. P. 69–72 (in Russ.).
- 8. Lebedev Yu. V. Formation of the scientific base of the "green" economy // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 5. Vol. 17. P. 495–499 (in Russ.).
- 9. *Lipina S.A.*, *Agapova E.V.*, *Lipina A.V.* Green economy. Global development. M., 2016 (in Russ.).
- 10. *Mukhlynin D.N.* On the issue of development trends and legal regulation of the "green economy" in the Russian

- Federation // Law and Law. 2018. No. 6. P. 97–99 (in Russ.).
- Novikova E. V. Conceptual bases of legal regulation of the "green" economy in Russia // Ecological Law. 2020. No. 5. P. 3–10 (in Russ.).
- 12. Plotnikov V.A., Khalil M.R.A. The policy of regulation of sustainable development and the formation of green economy: theoretical approaches // Herald of the South-Western State University. Series: Economy. Sociology. Management. 2019. Vol. 9. No. 6. P. 57–66 (in Russ.).
- 13. *Porfiriev B. N.* "Green" trends in the global financial system // World economy and international relations. 2016. No. 9. P. 5–16 (in Russ.).
- 14. Semenova N.N., Eremina O.I., Skvortsova M.A. "Green" financing in Russia: current state and development prospects // Finance: theory and practice. 2020. Vol. 24. No. 2. P. 39–49 (in Russ.).
- 15. Smorchkova L. N. On the administrative responsibility of legal entities based on the results of state control and supervision // State control and supervision as ways to ensure the rule of law in the sphere of economic activity: materials of the International scientific and practical Conference "Lazarevsky Readings". M., 2019. P. 202–209 (in Russ.).

Сведения об авторе

СМОРЧКОВА Лариса Николаевна —

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

- 16. *Smorchkova L. N.* Improving administrative and legal regulation in the field of property management in the public sector of the economy // Law and practice. 2019. No. 2. P. 57–62 (in Russ.).
- 17. *Khalil M. R.A.* Priorities of the state policy for regulating sustainable development and stimulating the green economy // Herald of the St. Petersburg State University of Economics. 2020. No. 1. P. 176–182 (in Russ.).
- 18. Shcherbakov D.B., Esenkova G.A., Evchenko A.V. Green economy and state policy of its regulation: systemology of sustainable development in a transforming socioecological and economic environment // Problems of development of modern society: Collection of scientific articles 6th All-Russian National Scientific and Practical Conference. Kursk, 2021. P. 479–483 (in Russ.).
- 19. *Banga J*. The green bond market: A potential source of climate finance for developing countries. Journal of Sustainable Finance and Investment. 2019. 9(1): 17–32. DOI: 10.1080/20430795.2018.1498617
- Raberto M., Ozel B., Ponta L., Teglio A., Cincotti S. From financial instability to green finance: The role of banking and credit market regulation in the Eurace model. Journal of Evolutionary Economics. 2019. 29(1): 429–465. DOI: 10.1007/s00191-018-0568-2
- 21. Zimmerman R., Brenner R., Abella J.L. Green infrastructure financing as an imperative to achieve green goals. Climate. 2019. 7(3): 39–52. DOI: 10.3390/cli7030039

Authors' information

SMORCHKOVA Larisa N. –

Doctor of Law, associate Professor, leading researcher, Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

——— ПРАВО И ЭКОНОМИКА **——**

УДК 347.7+36(001.8)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА: МЕТОЛОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2022 г. Р. И. Газизуллин

Казанский федеральный университет

E-mail: rishat.gazizullin@kpfu.ru

Поступила в редакцию 27.10.2021 г.

Аннопация. В статье рассматриваются актуальные проблемы методологии междисциплинарности при изучении социально-правовой ответственности бизнеса. Междисциплинарность как особая форма организации и построения научного знания должна отвечать определенным критериям (специфика изучаемой объектно-предметной сферы, профессионализм и компетентность исследователя, совокупность средств, обеспечивающих научную работу учреждений, органы, координирующие деятельность внутри за пределами конкретной научной дисциплины и др.). Понятие «социально-правовая ответственность» должно изучаться и структурироваться при помощи и содействии философии, социологии, истории, политологии и иных дисциплин социогуманитарного цикла с дополнением знаний о нем, получаемых при содействии естественных и технических наук. Последнее становится целесообразным в контексте познания психологических особенностей субъектов предпринимательской деятельности, а также специфики использования информационных технологий в инновационной деятельности.

Ключевые слова: ответственность, субъекты предпринимательства, бизнес, социально ответственное поведение, методология междисциплинарности, этические нормы, предпринимательская деятельность.

Цитирование: Газизуллин Р.И. Междисциплинарный подход в исследованиях социально-правовой ответственности бизнеса: методологические проблемы // Государство и право. 2022. № 4. С. 111—120.

DOI: 10.31857/S102694520019558-4

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN RESEARCHING SOCIAL AND LEGAL BUSINESS RESPONSIBILITY: METHODOLOGICAL PROBLEMS

© 2022 R. I. Gazizullin

Kazan Federal University

E-mail: rishat.gazizullin@kpfu.ru

Received 27.10.2021

Abstract. The article discusses topical problems of the methodology of interdisciplinarity in the study of social and legal responsibility of business. Interdisciplinarity as a special form of organization and construction of scientific knowledge must meet certain criteria (the specificity of the object-subject sphere being studied, the professionalism and competence of the researcher, a set of tools that ensure the scientific work of institutions, bodies coordinating activities outside of a specific scientific discipline, etc.). The concept of "social and legal responsibility" should be studied and structured with the help and assistance of philosophy, sociology, history,

political science and other disciplines of the socio-humanitarian cycle with the addition of knowledge about it obtained with the assistance of natural and technical sciences. The latter becomes appropriate in the context of understanding the psychological characteristics of business entities, as well as the specifics of using information technology in innovative activities.

Key words: responsibility, business entities, business, socially responsible behavior, methodology of interdisciplinarity, ethical standards, entrepreneurial activity.

For citation: Gazizullin, R.I. (2022). Interdisciplinary approach in researching social and legal business responsibility: methodological problems // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 111–120.

Динамичное развитие традиционных и инновационных социально-экономических институтов в Российской Федерации приобретает все более рационально-прагматический характер, что, с одной стороны, демонстрирует особенности «Общества потребления», «Общества риска» и неопределенности. С другой — социально-экономические институты, в т.ч. предпринимательство (бизнес), и их относительная самостоятельность в сфере извлечения прибыли не могут оставаться вне интересов государства, общества, личности, в пределах имеющейся национальной правовой системы.

Ответственность вообще, как этико-правовая категория и явление, отображает и отражает как социальное и нравственное-правовое отношение любой личности (в т.ч. предпринимателя) к человеку, обществу, государству, так и определенную зависимость этой личности от социального континуума и государственного протектората, что вносит нормативные коррективы в поведение любого субъекта социально-правовых отношений. Если правовая (юридическая) ответственность инициирует и формализует наступление последствий, предусмотренных законодательством (взыскание штрафа, пени, возмещение морального и материального вреда, ограничение и лишение прав — за совершение правонарушения, в т.ч. преступление, и т.д. (негативная юридическая ответственность)), то социальная ответственность являет собой многомерный феномен поддержания и развития социальной среды в диапазонах тех правил, которые исторически формируются и реализуются социумом.

В этом контексте любая из форм осуществления бизнеса (индивидуальная, корпоративная, партнерская и др.) не может не реагировать на потребности социального характера, закрепленные в ст. 7 Конституции РФ. Прежде всего это имеет непосредственное отношение к пониманию Российской Федерации как правового социального государства, конституционно закрепившего гарантии: минимального размера оплаты труда, поддержку семьи, материнства, отцовства, детства, инвалидов и пожилых граждан и иные гарантии социальной защиты.

Рассуждая о социально-правовой ответственности бизнеса, необходимо, на наш взгляд, остановить внимание на институциональных и типологических особенностях его функционирования, прямо или опосредованно влияющих на характер и степень его социально-экономической, правовой и нравственной состоятельности, посредством которой возможна последовательная реализация посылов изучаемой ответственности в условиях развития различных форм рыночной экономики.

Например, социально-инновационная деятельность бизнеса имеет, как отмечают Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, А.А. Сафронова, свои особенности, заключающиеся в: а) «жестокости» или «гибкости» (в первом случае они сдерживают развитие социально-экономической сферы в зависимости от изменений внешних условий, а во втором — адаптивны к внешней среде); б) принадлежности к инклюзивным институтам, стимулирующим к «экономической активности» граждан; в) «гибридности», т.е. сочетании коммерческой и социальной составляющих, где источниками финансирования проектов могут быть государство, благотворительные фонды, частные инвесторы, предназначение которых – развитие социальных инноваций. Для эффективного поиска ресурсов, возможностей, создания новых правил и норм взаимодействия т.н. «долевой экономики» ¹, а также финансирования и обоснования механизмов и инструментов ответственности всех институтов, вовлечённых в данный вид деятельности.

Научное обоснование социально-правовой ответственности бизнеса при помощи марксистско-ленинской методологии, т.е. посредством использования категорий и принципов исторического и диалектического материализма, в правовой науке становится практически бесперспективным, за исключением, пожалуй, позитивистской юриспруденции. Несмотря на развитие неомарксистских научных взглядов, безусловно, представляющих

¹ Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Сафонова А.А. Инструменты развития социально-инновационных проектов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 152—168.

теоретический и мировоззренческий интерес², трансляция таких знаний и их экстраполяция³ в практическую сферу экономической деятельности в Российской Федерации представляется проблематичной в связи прежде всего с изменившимися стратегиями самой экономики в направлении рыночных отношений, форм производственно-хозяйственной, банковской, налоговой, финансовой и другой экономической деятельности.

Примыкают к проблемам экономики и правовые аспекты, в частности осмысление перспективной и негативной юридической ответственности, политико-правового контента развития государственности и многое другое, требующее процедур рефлексии в научные междисциплинарные сферы (социогуманитаристики, естественных и технических наук).

Сказанное означает необходимость глубинного и имманентного осмысления изучаемого концепта социально-правовой ответственности бизнеса при непосредственном и деятельном участии методологии междисциплинарности⁴.

По справедливому утверждению известного теоретика права проф. В.М. Баранова, «междисциплинарность не просто один из главных трендов юридической науки и образования, это — гармоничное слияние разных познавательных миров, соединение точного естественно-технического знания и в значительной мере абстрактного, "текучего" правового мышления с его воображением и интуицией, эмоционально окрашенного юридического моделирования»⁵.

Аналогично рассуждают о междисциплинарности и известные представители отечественной экономической науки. В частности, О.С. Сухарев отмечает: «Созданные аппаратно-инструментальные средства познания и исследований в экономической науки стали недостаточны из-за связности и сложности социально-экономических проблем

развития, решение которых видится при использовании знаний других дисциплин — права, истории, психологии, социологии. Такой ракурс развития экономического анализа, обогащаемого иными дисциплинами, использующего их достижения, позволяет получать новые модели и алгоритмы решений — составляет содержание междисциплинарной парадигмы развития знаний об обществе и экономике» 6.

Ранее, изучая этические и исторические аспекты экономической науки, немецкий философ и экономист П. Козловски писал, что при междисциплинарных переносах имеет место позитивный синергетический эффект, когда «каждая из дисциплин перенимает концепции другой дисциплины, выигрывая от слияния собственных концепций с заимствуемыми» 7.

Соглашаясь с отмеченными позициями авторов, уточним, что междисциплинарность означает усиление научной методологической рефлексии за счет особого способа организации исследовательской деятельности, предусматривающего взаимодействие в изучении одного и того же объекта представителями различных дисциплин. Проблемы междисциплинарности традиционно привлекали внимание историков и философов науки, однако были выделены в специальный тип исследовательской деятельности лишь во второй половине XX в. Как отмечается в специальной литературе, «современный уровень общественного развития, нарастающая динамика социальных процессов ставят исследователей перед необходимостью не ограничиваться в своей работе констатацией или фиксацией (в той или иной форме) совокупности фактов и оценкой на основе собственных воззрений и/ или под влиянием официальных установок, а идти по пути выработки форм, методов и принципов исследования, которые легли бы в основу формирования теоретической базы для проведения всестороннего комплексного изучения событий и явлений в различных сферах жизни и деятельности общества, анализа логики процессов и тенденций социального развития с учетом причинно-следственных связей, обеспечения возможностей для максимально полного и точного прогнозирования их последствий, повышая, таким образом,

² Cm.: Marxism in the modern world: Social-philosophical analysis / N.O. Khazoeva, A.K. Khaziev, E.V. Klyushina, etc. // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. Vol. 24. No Extra 5. P. 51–56.

³ О данном методе научного познания подробнее см.: *Галузо В.Н.* О допустимости использования метода экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // Право и жизнь. 2015. № 8. С. 155–181; *Его жее.* О роли экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // Исторический материализм и диалектика в теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях: сб. ст. IV Междунар. науч. конф., посвященной памяти проф. В.М. Курицына / ред. А.И. Клименко, А.Ю. Гарашко. М., 2020. С. 106–111.

⁴ См., напр.: *Степаненко Р.Ф.* Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79—89.

⁵ *Баранов В.М.* Правовая рискология в технико-юридическом срезе // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 9–16.

⁶ Сухарев О. С. Объективные ограничения экономической науки в объяснении сценариев развития: междисциплинарность и математические модели // Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс: сб. науч. тр. участников XI Междунар. Кондратьевской конф.; под ред. В. М. Бондаренко. М., 2020. С. 432.

 $^{^{7}}$ Козловски П. Теория этической экономии как культурные, этические и исторические аспекты экономической науки: экономическая этика и исторический вызов // Terra economicus. 2014. Т. 12. № 1. С. 84.

практическую ценность результатов научно-исследовательской деятельности» ⁸.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, сколько-нибудь удовлетворительная модель междисциплинарного исследования должна включать в себя следующие обязательные элементы: установку на междисциплинарность; поиск и обсуждение проблемы, выходящей за рамки одной научной дисциплины; формирование соответствующего исследовательского коллектива; исследовательскую синергетическую цель научной работы; разработку общего метаязыка, обсуждение и содержательную интерпретацию результатов и др. При этом в зависимости от степени интенсивности взаимодействий модели могут носить мультидисциплинарный, плюрадисциплинарный и трансдисциплинарный характер.

Очевидно, что для полного уяснения понятия «междисциплинарность» необходимо иметь представление о том, что такое научная дисциплина, по каким критериям судить о ее специфике и как определять ее границы. К общепризнанным характерологическим чертам научной дисциплины относятся: специфика изучаемых объектно-предметных сфер и средств их исследования; профессиональные специализация и компетенция исследователей; совокупность средств, обеспечивающих научную работу учреждений; способы и средства коммуникации в виде научных журналов, конференций, симпозиумов и т.п.; органы, координирующие деятельность внутри каждой из отраслей и в области наук, заинтересованных в получении синергетического эффекта в целом.

В таком случае междисциплинарность можно рассматривать как особую организационную форму, органически сочетающую в себе несколько научных дисциплин, выделяемых по приведенным выше критериям. Подчеркнем, что междисциплинарное сотрудничество как таковое новой формой научной деятельности не является, а лишь использует отельные элементы той или иной дисциплины в целях углубленного познания объекта. Например, фактологические базы данных, понятийно-категориальный аппарат, отдельные исследовательские приемы и методы и т.д. есть те необходимые средства, которые используются в междисциплинарности.

Успешное осуществление междисциплинарных исследований предполагает одновременное решение трех видов проблем:

а) методологической (формирование предмета исследований, в котором объект был бы отражён

таким образом, чтобы его можно было изучать средствами всех участвующих в работе дисциплин, а полученные в ходе исследования результаты могли уточнять и совершенствовать исходные задачи);

- б) организационной (создание сети коммуникации и взаимодействия исследователей с тем, чтобы они могли профессионально участвовать в обсуждении и получении результатов, а также привлекать к нему своих коллег из соответствующих дисциплин);
- в) информационной (обеспечение передачи прикладных результатов междисциплинарного исследования в практику принятия решений и их технологического воплощения и одновременно передачу собственно научных результатов, полученных участниками, для экспертизы в системы дисциплинарного знания)⁹.

Следует различать феномен междисциплинарности научных исследований и междисциплинарный подход, который не является междисциплинарным сотрудничеством в смысле приведенных выше критериев. Так, при междисциплинарном подходе никто не создает особых форм организации научной деятельности, не осуществляет профессиональную специализацию, отсутствует интеграция дисциплин в научных центрах и т.п. Междисциплинарный подход заключается в синтезе разнообразных результатов научной деятельности, полученных представителями различных дисциплин, и его перенос, использование в процессе комплексного изучения того или иного конкретного объекта и связанного с ним круга проблем.

На основе междисциплинарного подхода можно проводить исследования двумя типовыми способами, связанными между собой. Во-первых, это анализ и последующее синтетическое обобщение готовых научных результатов исследований, проделанных в рамках конкретных дисциплин одним или несколькими исследователями, работающими над комплексным изучением какой-либо объектно-предметной сферы.

Во-вторых, на основе междисциплинарного подхода осуществляется двухуровневое или многоуровневое изучение объекта. На первой стадии (первом уровне) объект изучается каждой дисциплиной по отдельности, и полученные на данном этапе научные результаты, обладая эвристической ценностью, тем не менее, имеют лишь промежуточный характер. Далее, на второй стадии (втором уровне) полученные результаты обрабатываются с помощью методов синтетического обобщения,

⁸ Студенников И.В. О междисциплинарных исследованиях: к вопросу о содержании понятия // Записки исторического факультета. Одесса, 1995. Вып. 1. С. 49.

⁹ См.: *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия: в 4 т. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHf38b-c2e78334014b0106f3 (дата обращения: 20.09.2021).

а в итоге получают уже новое, комплексное изображение изучаемого объекта.

Избранный нами междисциплинарный подход к анализу социальной и правовой ответственности бизнеса базируется на трех источниках, они же составные части — это такие системы научного знания, как право, экономика и этика. Сразу же подчеркнем их интегрирующее начало: все они являются т.н. «человекоразмерными» системами знания, т.е. включают в себя человека и его деятельность в качестве составного элемента.

Несомненную гносеологическую ценность представляют для нас идеи, выработанные в рамках общей теории права, теории конституционализма, гражданского и иных правовых отраслевых теорий, а также конституционной экономики, экономического анализа права ¹⁰, теории повторяемых игр и теории контрактов, на которые, в свою очередь, опирается наш анализ практики применения норм гражданского, договорного и корпоративного и других отраслей права, а также праксеологии вынесения и исполнения судебных решений.

Кроме того, мы используем парадигму рационального выбора. Моделируя поведение людей как экономических агентов, экономисты исходят из того, что каждый человек склонен к поведению homo economicus — он расчётлив, эгоистичен и ведет себя так, чтобы заботиться исключительно о своей собственной выгоде. Но проблема в том, что выглядеть таким не самым привлекательным образом никто не хочет, поэтому в экономике социальных взаимодействий широко распространены взгляды, что в глубине души, конечно, homo economicus являются все, но для успеха нужно максимально добросовестно и ответственно вести бизнес. Это в конечном счете обернётся не чем иным, как выгодой, потому что принесёт авторитет, уважение и доверие, а в долгосрочной перспективе и большие доходы. Подчиняться правилам и правовым нормам оказывается наиболее выгодным вариантом поведения, и люди предпочитают его именно в силу рациональности своего выбора. Так, отдельные представители бизнес-структур склонны отдавать предпочтение справедливости перед несправедливостью, и это стимулирует их занятия благотворительностью, социальной защитой и опекой отдельных институтов гражданского общества в духе социальной ответственности.

Здесь в наше междисциплинарное поле вступает этика — дело в том, что становление и развитие бизнеса в условиях нашего государства (начиная

с конца 80-х годов прошлого столетия) оказалось не только экономической новацией, но и триггером обострения этических проблем. Принцип «честным быть выгоднее», очевидный с точки зрения теории рационального выбора, не мог безотлагательно стать правилом сразу же с того момента, как в стране была легализована частная собственность и началось возрождение частного предпринимательства. Так. рассматривая и анализируя взгляды австрийского методолога и философа науки К. Поппера на проблемы этики, справедливости и ответственности с позиций социальных идеалов различных политико-правовых режимов в государствах, проф. В.Н. Жуков фокусирует внимание на методологической рефлексии К. Поппера. «Теория понятна и разумна лишь в отношении к конкретной проблемной ситуации... Мы исследуем не предметы, а проблемы», – цитирует В.Н. Жуков выдающегося философа науки ¹¹. Соответственно, проблема справедливости и этики человеческой деятельности интенсифицируется в сознании человека, фиксирующем конфликтность интересов (индивиды и общество), предлагающем формулу установления баланса при помощи справедливости. Личность как «пересечение общественных отношений (К. Маркс) становится такой, только участвуя в социальных группах, в социально значимой профессиональной рациональной деятельности. Рациональность проявляется в социальной инженерии малых дел» ^{12} , в которых этическому содержанию социальной и правовой ответственности отводится особая роль.

Этические аспекты предпринимательства могут быть сгруппированы вокруг двух центральных проблем, или ценностных контроверз предпринимательства (термин заимствуем у Р.Г. Апресяна). Первая из них охватывает традиционное для европейской культуры неприятие практической расчетливости, обнаружившей свои отрицательные последствия в виде корысти, бездуховности, бесчеловечности и грубости нравов ¹³. В различных этических теориях и моральных доктринах на протяжении длительного периода господствовал взгляд, что погруженность в суету и материальные заботы недостойны человека, имеющего высокое

¹⁰ См. об этом, напр.: *Галузо В.Н.* От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 81–85.

¹¹ См.: *Жуков В.Н.* От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Природа научного метода // Государство и право. 2020. № 10. С. 39.

¹² Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Этика и политика Платона // Государство и право. 2020. № 12. С. 32.

¹³ См.: Апресян Р.Г. Ценностные контроверзы предпринимательства // Экономика. Социология. Менеджмент: федеральный образовательный портал. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/981/041/1232/002ons2-93_-_0019-29.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

духовное предназначение. Однако в последнее время, в частности, правовая наука обращает пристальное внимание на нравственные и этические основания права. В частности, Ф.И. Хамидуллина обосновывает парадигмальный подход в изучении нравственных оснований гражданского права ¹⁴, право и нравственность в парадигме современной цивилизации в связи с кардинальными переменами социально-политической и экономической сфер жизни общества, ориентирующие на выявление глубинных связей права, нравственности и экономики ¹⁵.

Тем не менее с развитием товарно-денежных отношений, по мере становления буржуа-предпринимателя — как особого социального типа личности постепенно формировалось мировоззрение, позже получившее название протестантской этики. Разумная деятельность, направление целесообразных усилий на получение богатства стали восприниматься уже как специфически человеческая способность, деловая активность и достоинство, которые признавались вполне совместимыми, особенно при условии соблюдения определённых принципов и правил веления бизнеса, его ответственности.

Тем самым было положено начало второму направлению проблематики «этика и бизнес», а именно осмыслению прикладных вопросов социально-этической ответственности предпринимателя. Интересно, что соответствующие взгляды формировались по принципу «от противного», т.е. на основе философской рефлексии по поводу опыта безответственного предпринимательства, сориентированного исключительно на получение прибыли и сверхприбылей. Между тем общество нуждалось именно в этичном ведении бизнеса, являющего собой образец соблюдения правил деловой активности, добросовестной конкуренции, поддержания надлежащего качества продукции и т.д. В рамках именно этого направления был задан вектор развития, в конечном счете приведший к тому, что этичность как таковая стала ещё и важным коммерческим показателем. Этика бизнеса в научной сфере развивалась не как простое описание нравов деловых отношений, но и в качестве их критического анализа, направленного на выработку императивных ограничений, в том числе с позиций социально-правовой ответственности.

В итоге в предпринимательстве с социально-этической точки зрения усматриваются положительные

стороны принципа полезности: созидательность, ориентированность на благо (пользу), эффективность. Это базовые ценности декларируются любой практической деятельностью, но в сфере бизнеса они имеют еще большую значимость, чем в других областях активности людей. Идеи относительно социально организующей, социально творческой и других функций предпринимательского сообщества, как отмечалось ранее, стали частью гуманистических концепций социальной и правовой ответственности бизнеса.

Как часть этической теории, этика бизнеса ранее учитывала скорее всего социально-экономическую неоднородность предпринимательства: с одной стороны, торговое, авантюристическое, спекулятивное, с другой – продуктивное, промышленное, производственное. Именно с ним связывали концентрацию всех негативных и положительных признаков предпринимательства. «Предприниматель это деловой человек и делец, новатор и ловчила, самоотверженно отдающийся делу и видящий в деле лишь средство наживы, источник приобретательства. Предприниматель всегда целеустремлен, инициативен, решителен, готов идти на риск. Но в одном случае эти качества соединяются с бережливостью, расчетом, дисциплиной — всем тем, в чем проявляется культура практической деятельности. В ином – с лихостью, оборотистостью, рвачеством, приспособленчеством. Предприниматель всегда руководствуется своим частным интересом. Но в одном случае в частный интерес входит уважение к себе и признание в другом достоинства и права на личную свободу; в ином – достоинство и свобода человека ставятся в зависимость от меры богатства, которым тот обладает» ¹⁶. Такова в самом общем виде контроверза предпринимательства, сложившаяся в отдельных этических теориях. Конфигурация базовых ценностей предпринимательства получается асимметричной, как показывает междисциплинарный подход.

Полагаем, что попытки выравнивания отмеченных взглядов послужили определенным стимулом для разработки этических принципов ведения предпринимательской деятельности, осуществленной на основе «кёсей» 17— идеологии японских корпораций. Приведем их полностью, учитывая этическую и правовую составляющие социально-правовой ответственности предпринимательства.

Принцип 1. Компании несут обязательства не только перед держателями акций, но и всеми, кто прямо или косвенно участвует в бизнесе. Ценность последнего для общества состоит в том, что он обеспечивает материальное благосостояние и занятость

¹⁴ См.: Хамидуллина Ф.И. Парадигмальный подход изучении нравственных оснований гражданского права // Евразийский юрид. журнал. 2017. № 12 (175). С. 169—172.

¹⁵ См.: *Хамидуллина Ф. И.* Право и нравственность в парадигме современной цивилизации // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 2. С. 458–464.

¹⁶ Апресян Р.Г. Указ. соч.

 $^{^{17}}$ В переводе с японского языка — «жить и работать вместе».

населения, а также предоставляет качественные товары и услуги по приемлемым ценам. Предприятия призваны сыграть определенную роль в улучшении жизненных условий своих клиентов, сотрудников, партнеров, инвесторов, выделяя им долю того состояния, которое они создали совместными усилиями. Поставщики и конкуренты тоже вправе рассчитывать на то, чтобы с ними обращались честно и справедливо. Как сознательные члены общества, бизнесмены несут долю ответственности за то, как государства будут выглядеть в будущем.

Принцип 2. Компании должны вносить свой вклад в социальный прогресс стран, в которых они действуют, обеспечивая эффективную производственную деятельность и помогая повышать благосостояние жителей этих государств. Компании должны способствовать экономическому и социальному развитию путем разумного использования ресурсов, свободной и честной конкуренции и совершенствования технологий, методов производства и т.д. Бизнес должен оказывать положительное воздействие на образование, права человека и общее оздоровление тех стран, в которых он действует.

Принцип 3. Коммерческая тайна имеет право на существование, однако бизнесмен должен понимать, что искренность, доброжелательность, честность, умение держать слово и открытость не только способствуют укреплению репутации и стабильности, но и обеспечивают правомерность, четкость и эффективность их деятельности, особенно на международном уровне.

Принцип 4. Во избежание трений и для обеспечения свободной торговли, а также создания равных возможностей для конкуренции, справедливого отношения ко всем участникам бизнеса бизнесмен должен уважать и исполнять закон. Кроме того, он должен признавать, что некоторые действия, даже законные, могут иметь нежелательные последствия.

Принцип 5. Компании должны объединить усилия по обеспечению прогрессивной и законной либерализации торговли, ослаблению локальных ограничений, которые тормозят торговлю в целом, и при этом уважать политико-правовые цели каждой страны.

Принцип 6. Компании должны защищать и по возможности улучшать состояние окружающей среды, предотвращать нерачительное использование природных ресурсов.

Принцип 7. Компании не должны участвовать в действиях, попустительствующих взяточничеству, отмыванию денег или других действий, связанных с коррупцией. Недопустимы торговля оружием и другими материалами для ведения террористической

деятельности, наркотиками, а также участие в иных видах организованной преступности ¹⁸.

В качестве еще одного источника междисциплинарности познания феномена социально-правовой ответственности бизнеса укажем на комплексные исследования права и экономики, практическое приложение которых воплощено, в частности, и в теоретическом правоведении, и в отраслевых юридических научных дисциплинах, и в экономическом анализе права. Теория рационального выбора, ценовая теория, понятия транзакционных издержек и эффективности применялись в целях правового обоснования позиций в экономических спорах, правовой политики в части допустимости и пределов вмешательства государства в экономику, аргументации необходимости свободы договора, исполнения обязательств и т.д.

Кроме того, отдельные приемы экономического анализа права представляют гносеологическую ценность при исследовании законодательства и правоприменительной практики в целях определения правовой инфраструктуры социально ответственного бизнеса. Не только юридическое, но и экономическое содержание имеют правовые принципы свободы экономической деятельности (свободы предпринимательства); всеобщности рыночных отношений и единства экономического пространства; поддержки конкуренции; свободного перемещения товаров, услуг и финансов; многообразия форм собственности на средства производства и неприкосновенности частной собственности; свободного рыночного ценообразования; свободных договорных отношений между хозяйствующими субъектами и их равноправия; саморегулирования и самофинансирования хозяйственной деятельности; ограниченного вмешательства государства в предпринимательскую деятельность; экономической ответственности хозяйствующих субъектов. Вместе с тем социально справедливый характер предпринимательских правоотношений обеспечивается именно юридическим закреплением принципов рыночной экономики в правовых нормах общества социального согласия, где именно право определяет и формирует рационально применяемые способы «государственно-нормативного и ценностно юридического» регулирования сферы социальной защиты 19, ответственности, а экономика создаёт соответствующий материальный каркас социальной сферы.

Характеризуя междисциплинарный подход в части взаимодействия права и экономики, следует

¹⁸ Цит. по: *Асаул А.Н.* Организация предпринимательской деятельности: учеб. СПб., 2009. С. 136, 137.

 $^{^{19}}$ См.: *Рыбаков О.Ю.* Общество социального согласия: роль права // Социология для юристов / под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2021. С. 129—139.

учитывать сложность и неравномерность развития в России соответствующих научных идей. Осознанному признанию объективности рыночных подходов, пониманию того обстоятельства, что экономические решения должны быть совместимы с социальной сущностью конституционных приоритетов и ценностей, в определённой степени препятствовали, как отмечалось, стереотипы марксистского экономического детерминизма, традиции многолетнего приоритета государственной собственности, а равно глубоко укоренившийся в правосознании отечественных правоведов позитивизм и представление о «парадном», «праздничном» характере конституционных положений, никак не связанных с реальным законодательным регулированием. Между тем в советских условиях идеи верховенства государства над правом, а также доминирования этого права над человеком, его правами и свободами, составлявшие основу социалистического права, уже не могли обеспечить полноценную научную разработку правовых принципов и норм, определяющих социальное поведение субъектов экономических отношений, что и явилось причиной неравномерного развития отечественных и зарубежных исследований в сфере взаимопроникновения научных парадигм права и экономики в междисциплинарных контекстах.

К изложенному остается добавить то, что идеи и концепции, объединяемые в категорию экономического анализа права, возникли у американских правоведов (основоположник – Р. Познер), которые оперировали, соответственно, аргументами, понятиями и категориями англосаксонской, прецедентной системы права, в итоге оптимально соотносимой с экономическим анализом. В рамках российского правопорядка эффективность использования различных компонентов экономической теории в решении социально-экономических и правовых проблем актуализируется постоянно. Так, десятилетия спустя было подтверждено научное предвидение И.А. Покровского о том, что, например, имущественные отношения связаны с высшими идеалами человечества, а задача понять и объяснить это возлагается обществом «на плечи политической экономии и гражданского права» ^{20} .

Своеобразный симбиоз права, экономики и этики находим и в теории этической экономии, обоснованной упоминавшимся нами ранее немецким философом и экономистом П. Козловски в 80-е годы XX в. Его теория этического поведения в нынешней экономике равным образом учитывает культурные, исторические, экономические, этические и юридические аспекты. Так, изучая природу

и особенности экономической деятельности, а также экономическую культуру (культуру производства и потребления), названный автор отмечает, что закон имеет двойственную природу — это и порядок волеизъявления, и порядок долга, или обязательства, т.е. «закон дополняется моралью и нравственностью сознания» ^{21} . При этом полное разделение права и этики Π . Козловски считает искусственным и говорит о том, что «закон и этика не разобщены, но в какой-то степени идентичны» ^{22} .

Наибольший интерес для нас представляют следующие мысли П. Козловски. «Нормативную этическую экономию нужно развивать в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с гражданским правом, или законами экономического обмена. Право само по себе также демонстрирует двойственную природу позитивного и морального содержания, довольно схожего с содержанием этической экономии, которая также является экономической этикой в нормативном смысле и экономикой культуры в позитивном смысле. В праве существует аспект нормирования тех отношений и вопросов, которые также могут различаться, находясь под влиянием промышленных норм, таких как DIN, ISO. Эти нормы носят нормативный характер, но не являются моральными нормами. Одновременно право отражает также и моральное измерение основных законов, связанных с правами человека и т.д., которые являются обязательными не только с юридической точки зрения и в зависимости от обстоятельств, но также и с позиции нравственности и моральных обязательств.

Нормы деловой этики в качестве практических этических норм и нравственности ведения социальной ответственности бизнеса не могут противоречить законам правовой и экономической науки, и наоборот. Конфликты и противоречия могут, конечно, временами возникать, и их нужно преодолевать. Деловая этика должна заключаться в критике существующего экономического права: там, где оно противоречит базовым моральным нормам ведения бизнеса. Деловая этика должна, однако, также ориентироваться на опыт и знания в сфере права. В дополнение к юриспруденции и экономической теории необходима триада права, этики и экономической науки. В этой триаде, в рамках экономической теории права, не только принцип эффективности должен применяться по отношению к самому праву, но и принципы этики совместно с принципами эффективности должны использоваться для разработки адекватного законодательства»²

²⁰ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_6.html (дата обращения: 20.09.2021).

 $^{^{21}}$ *Козловски П*. Указ. соч. С. 90.

²² Там же. С. 91.

²³ Там же.

* * *

Представленное нами исследование, посвящённое правовой концепции социально-правовой ответственности бизнеса, в методологическом плане базируется на междисциплинарном подходе, объединяя постулаты, заимствованные из правовой науки, экономической теории и этики. Указанный методологический выбор закономерен ввиду специфики изучаемой сферы. Будучи особым типом хозяйствования, основанным на частной собственности, товарно-денежных отношениях и экономических свободах, предпринимательство сочетает в себе множество взаимосвязанных правовых, экономических и этических реалий. Как рыночный способ обретения дохода, предпринимательская деятельность ограничена рамками действующего законодательства, и только при их соблюдении она приобретает положительное значение в морально-нравственном отношении. Кроме того, социально-правовые обязательства бизнеса – уплата налогов, исполнение контрактов, обеспечение определенных условий труда, подчинение требованиям добросовестной конкуренции и проч. – дополняются моральным долженствованием в части служения обществу, внимания к его интересам и потребностям, формирования социально ответственного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Апресян Р. Г. Ценностные контроверзы предпринимательства // Экономика. Социология. Менеджмент: федеральный образовательный портал. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/981/041/1232/0020 ns2-93_-_0019-29.pdf (дата обращения: 20.09.2021).
- Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности: учеб. СПб., 2009. С. 136, 137.
- 3. *Баранов В. М.* Правовая рискология в технико-юридическом срезе // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 9—16.
- 4. *Галузо В. Н.* О допустимости использования метода экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // Право и жизнь. 2015. № 8. С. 155—181.
- Галузо В.Н. О роли экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // Исторический материализм и диалектика в теоретико-правовых и историко-правовых исследованиях: сб. ст. IV Междунар. науч. конф., посвященной памяти проф. В.М. Курицына / ред. А.И. Клименко, А.Ю. Гарашко. М., 2020. С. 106—111.
- 6. *Галузо В.Н.* От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 81–85.
- 7. *Жуков В. Н.* От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера

- с Платоном. Природа научного метода // Государство и право. 2020. № 10. С. 39.
- 8. *Жуков В. Н.* От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Этика и политика Платона // Государство и право. 2020. № 12. С. 32.
- 9. *Козловски П*. Теория этической экономии как культурные, этические и исторические аспекты экономической науки: экономическая этика и исторический вызов // Terra economicus. 2014. Т. 12. № 1. С. 84, 90, 91.
- Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия: в 4 т. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/ HASHf38bc2e78334014b0106f3 (дата обращения: 20.09.2021).
- 11. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page 6.html (дата обращения: 20.09.2021).
- 12. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Сафонова А.А. Инструменты развития социально-инновационных проектов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического ун-та. Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 152—168.
- Рыбаков О.Ю. Общество социального согласия: роль права // Социология для юристов / под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2021. С. 129—139.
- 14. *Степаненко Р.Ф.* Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79–89.
- Студенников И.В. О междисциплинарных исследованиях: к вопросу о содержании понятия // Записки исторического факультета. Одесса, 1995. Вып. 1. С. 49.
- 16. Сухарев О.С. Объективные ограничения экономической науки в объяснении сценариев развития: междисциплинарность и математические модели // Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс: сб. науч. тр. участников XI Междунар. Кондратьевской конф.; под ред. В.М. Бондаренко. М., 2020. С. 432.
- 17. *Хамидуллина Ф. И.* Парадигмальный подход изучении нравственных оснований гражданского права // Евразийский юрид. журнал. 2017. № 12 (175). С. 169—172.
- 18. *Хамидуллина Ф.И*. Право и нравственность в парадигме современной цивилизации // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 2. С. 458–464.
- 19. Marxism in the modern world: Social-philosophical analysis / N.O. Khazoeva, A.K. Khaziev, E.V. Klyushina, etc. // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. Vol. 24. No Extra 5. P. 51–56.

REFERENCES

- Apresyan R.G. Value contrasts of entrepreneurship // Economy. Sociology. Management: federal educational portal. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/981/041/1232/0020 ns2-93_-_0019-29.pdf (accessed: 20.09.2021) (in Russ.).
- 2. *Asaul A. N.* Organization of entrepreneurial activity: textbook. SPb., 2009. P. 136, 137 (in Russ.).

- 3. *Baranov V.M.* Legal riskology in a technical and legal section // Legal technique. 2019. No. 13. P. 9–16 (in Russ.).
- 4. Galuzo V.N. On the permissibility of using the extrapolation method in the implementation of historical and legal research in the Russian Federation // Law and life. 2015. No. 8. P. 155–181 (in Russ.).
- 5. Galuzo V.N. On the role of extrapolation in the exercise of historical and legal research in the Russian Federation // Historical materialism and dialectics in theoretical and legal and historical-legal research: collection of articles of the IV International Scientific Conf. dedicated to the memory of Professor V.M. Kuritsyn / ed. by A.I. Klimenko, A. Yu. Garashko. M., 2020. P. 106–111 (in Russ.).
- 6. Galuzo V.N. From the economic analysis of social phenomena in foreign countries to the "Economics of Law" in the Russian Federation // Law and the state: theory and practice, 2016. No. 12, P. 81–85 (in Russ.).
- 7. Zhukov V.N. From "methodological essentialism" to totalitarianism: Karl Popper's Unfinished dispute with Plato. The nature of the scientific method // State and Law. 2020. No. 10. P. 39 (in Russ.).
- 8. Zhukov V.N. From "methodological essentialism" to totalitarianism: Karl Popper's Unfinished dispute with Plato. Ethics and politics of Plato // State and Law. 2020. No. 12. P. 32 (in Russ.).
- 9. *Kozlowski P.* The theory of ethical economy as cultural, ethical and historical aspects of economics: economic ethics and historical challenge // Terra economicus. 2014. Vol. 12. No. 1. P. 84, 90, 91 (in Russ.).
- Mirsky E.M. Interdisciplinary research // New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHf38bc2e78334014b0106f3 (accessed: 20.09.2021) (in Russ.).

Сведения об авторе

ГАЗИЗУЛЛИН Ришат Ильнурович —

кандидат экономических наук, доцент Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

- 11. *Pokrovsky I.A.* The main problems of Civil Law. URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_6.html (accessed: 20.09.2021) (in Russ.).
- 12. Popov E.V., Veretennikova A. Yu., Safonova A.A. Tools for the development of socio-innovative projects // Herald of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. 2020. No. 3. P. 152–168 (in Russ.).
- Rybakov O. Yu. Society of Social Consent: The Role of Law // Sociology for lawyers / ed. by O. Yu. Rybakov. M., 2021. P. 129–139 (in Russ.).
- 14. Stepanenko R.F. Justice and law order: theoretical and methodological aspect // State and Law. 2020. No. 6. P. 79–89 (in Russ.).
- 15. *Studennikov I.V.* On interdisciplinary research: on the question of the content of the concept // Notes of the Faculty of History. Odessa, 1995. Issue 1. P. 49 (in Russ.).
- 16. Sukharev O.S. Objective limitations of economics in explaining development scenarios: interdisciplinarity and mathematical models // Possible scenarios for the future of Russia and the world: interdisciplinary discourse: collection of scientific works participants of the XI International Kondratiev Conf.; ed. by V.M. Bondarenko. M., 2020. P. 432 (in Russ.).
- 17. *Khamidullina F.I.* Paradigmatic approach to the study of the moral foundations of Civil Law // Eurasian legal journal. 2017. No. 12 (175). P. 169–172 (in Russ.).
- Khamidullina F.I. Law and morality in the paradigm of modern civilization // Scientific notes of the Kazan University. Ser.: Humanities. 2016. Vol. 158. No. 2. P. 458–464 (in Russ.).
- Marxism in the modern world: Social-philosophical analysis / N.O. Khazoeva, A.K. Khaziev, E.V. Klyushina, etc. // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. Vol. 24. No Extra 5. P. 51–56.

Authors' information

GAZIZULLIN Rishad I. -

Ph.D. in Economics, associate Professor at the Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia

——— ПРАВО И МЕДИЦИНА **———**

БИОЭТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ИННОВАЦИЯМИ В МЕДИЦИНЕ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© 2022 г. В. В. Лапаева

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2021 г.

Аннотация. В статье дана общая характеристика, а также классификация биоэтических комитетов с точки зрения предмета и целей их деятельности, характера их полномочий, правового статуса и организационно-правовых основ функционирования. Биоэтический комитет трактуется как особая институциональная форма организации научного (междисциплинарного) и общественного осмысления моральных и правовых проблем в сфере медицины, порождаемых технологическими инновациями. В системе социального контроля биоэтический комитет представляет собой социальный институт, который либо интегрирован в структуру государственного управления медициной, либо создает собственные каналы влияния на позицию профессионального медицинского сообщества и общественного мнения. Под этим углом зрения рассмотрена зарубежная и отечественная история институционализации биоэтических комитетов. Дана трактовка биоэтики как сферы научно-практической деятельности, социальное предназначение которой заключается в том, чтобы перевести актуальные биоэтические дилеммы, неразрешимые на основе абстрактных принципов, в коммуникативное пространство, где может быть достигнут консенсус на базе общих моральных интуиций. Обосновывается тезис о том, что главная интенция биоэтики и биоэтических комитетов как выражения ее прикладной функции в конечном счете заключается в поиске правового решения проблем. По итогам анализа сделан ряд предложений по совершенствованию правового обеспечения процессов создания и деятельности биоэтических комитетов в России.

Ключевые слова: этический комитет, биоэтический комитет, социальный контроль, мораль, биоэтика, биоэтическая дилемма, экспертиза, государственный контроль, правовой статус, организационно-правовые основы деятельности.

Ципирование: Лапаева В.В. Биоэтический комитет как институт социального контроля за технологическими инновациями в медицине: правовой анализ // Государство и право. 2022. № 4. С. 121—134.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда по теме «Социогуманитарные контуры геномной медицины» (проект № 19-18-00422).

DOI: 10.31857/S102694520019559-5

THE BIOETHICAL COMMITTEE AS AN INSTITUTE FOR SOCIAL CONTROL OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN MEDICINE: LAW ANALYSIS

© 2022 V. V. Lapaeva

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 31.10.2021

Abstract. The article provides a general description and classification of bioethical committees from the point of view of the subject and goals of their activities, the nature of their authority, legal status, organizational and legal foundations of their activity. The bioethical committee is interpreted as a special institutional form of organizing scientific (interdisciplinary) and public understanding of moral and legal problems in the field of medicine, generated by technological innovations. In the system of social control the bioethical committee is a social institution that is either integrated into the system of public administration, or creates its own channels of influence on the position of the professional medical community and public opinion. From this point of view the article analyzes foreign and Russian history of bioethics committees institutionalization. The author interprets bioethics as a field of scientific and practical activity, the social purpose of which is to translate actual bioethical dilemmas, unsolvable on the basis of abstract principles, into the communicative space, where a consensus can be based on common moral intuitions. The article substantiates the thesis that the main intention of bioethics and bioethics committees, as an expression of its practical function, is to find a legal solution to problems. The author made proposals for improving the legal support for the creation and operation of bioethical committees in Russia.

Key words: ethics committee, bioethics committee, social control, morality, bioethics, bioethical dilemma, expertise, state control, legal status, organizational and legal basis of activity.

For citation: Lapaeva, V.V. (2022). The bioethical committee as an institute for social control of technological innovations in medicine: law analysis // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 121–134.

The study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation on the topic "Socio-humanitarian contours of genomic medicine" (project No. 19-18-00422).

Биоэтические комитеты в системе социального контроля. Осуществляемый в последние десятилетия революционный по своим масштабам прорыв в развитии высоких медицинских технологий 1, изменяющий прежние представления о границах жизни и смерти человека, поставил в повестку дня столь сложные моральные и правовые проблемы, что для их решения потребовались принципиально новые институты социального контроля² за созданием и применением подобных технологий и за развитием биомедицины в целом. Одним из таких институтов являются этические (биоэтические) комитеты (советы, комиссии, временные консультативные группы) - «независимые, многодисциплинарные и плюралистические» з структуры, функционирующие уже не только на внутригосударственном уровне (национальные, региональные и локальные комитеты) во всех технологически развитых странах, но и на наднациональном (комитеты Совета Европы, Европейского Союза и т.д.) и на глобальном

(международный и межправительственный комитеты по биоэтике ЮНЕСКО, группа по биоэтике ВОЗ и т.д.) уровнях. В качестве других новых институтов социального контроля, появление которых было обусловлено стремлением снизить риски технологического развития (в т.ч. и риски, связанные с применением медицинских технологий), следует отметить американскую программу социогуманитарной экспертизы ELSI (Ethical, Legal, and Social Implications), реализованную в рамках международного проекта «Геном человека», европейские подходы ELSA (Ethical, Legal, and Social Implications) и RRI (Responsible Research and Innovation), в которых этические проблемы технологического развития рассматриваются в широком социальном контексте⁴. Данные социальные инновации дополняют такие инструменты социального контроля за развитием технологических инноваций в медицине, как международные и национальные нормы «мягкого» права, издаваемые в форме деклараций, рекомендаций, руководств, кодексов профессиональной этики и т.п.; инструменты самоуправления внутри медико-биологического сообщества - этические рекомендации научных форумов, издательская политика научных журналов³, требования к участию в международном обмене результатами научной деятельности и т.п.; рекомендации общественных форумов и иные формы выражения общественного мнения.

¹ Речь идет о технологических инновациях в сфере трансплантологии, вспомогательных репродуктивных технологиях, технологиях поддержания жизненных функций организма, находящегося в критическом состоянии, генной инженерии и т.д. При этом наибольшим прорывным потенциалом обладают биомехнологии, основанные на использование в лечебных целях живых организмов, их отдельных составляющих или продуктов их жизнедеятельности.

² Понятие «социальный контроль» рассматривается здесь в его узком значении, т.е. как общественный (гражданский) контроль в его различении с контрольной деятельностью публично-властных органов.

³ Такая характеристика комитетов по этике дана в ст. 19 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 19.10.2005 г.

⁴ См.: *Гребенщикова Е.Г.* Социогуманитарные контуры технонауки: актуальность гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 29.

⁵ Uniform Requirements for Manuscripts Submitted to Biomedical Journals. URL: icmje.org>recommendations/archives/2008_urm. pdf (дата обращения: 15.10.2021).

Термины «этический комитет» и «биоэтический комитет» зачастую используют как синонимы. Между тем в данном случае уместнее говорить о биоэтических комитетах, подчеркивая таким образом, что речь идет об этических проблемах, связанных с вопросами здоровья, жизни и смерти человека. Кроме того, по смыслу данного термина в сферу деятельности таких комитетов не входят этические конфликты внутри трудового коллектива медучреждения и т.п. Ведь существенным отличием биоэтического подхода от традиционной медицинской этики как своего рода корпоративного «колекса чести» является его «ориентация на то. что в принятии морально значимых и жизненно важных решений участвуют как врач, так и пациент, а значит, и бремя ответственности распределяется между обоими партнерами» 6. Следует учитывать также и то, что термином «этические комитеты» охватываются структуры, создаваемые не только в сфере медицины (например, в последнее время говорят о необходимости этических комитетов в области применения искусственного интеллекта). Поэтому далее в статье будет использоваться термин «биоэтический комитет».

Основным предметом деятельности подобных комитетов является осмысление и решение специфических этических проблем, возникающих между врачом (исследователем) и пациентом (испытуемым) в процессе применения высоких медицинских технологий, а также между индивидом и обществом в вопросах, касающихся инновационной политики в области здравоохранения. В широком спектре подобных вопросов выделяют четыре блока биоэтических проблем: 1) проблемы начала жизни (статус эмбриона, оправданность абортов, эксперименты с зародышевыми тканями, этичность новых репродуктивных технологий); 2) проблемы конца жизни (процесс умирания, критерии смерти); 3) проблемы вмешательства в психическую и физическую целостность человека (возникающие при проведении биомедицинских экспериментов на человеке как объекте исследования, при трансплантациях, при оказании психиатрической помощи); 4) конфликты между интересами общества и индивида $^{\prime}$ (например, конфликты в вопросах вакцинации, все более обостряющиеся по мере появления вакцин нового поколения, полученных методами генной инженерии, таких как рекомбинантные векторные вакцины, ДНК-вакцины и т.п.).

В рамках типологии биоэтических комитетов в зависимости от *целей* их деятельности эксперты ЮНЕСКО выделяют четыре вида структур:

1) комитеты по разработке политики и / или рекомендаций; 2) комитеты ассоциаций профессиональных медиков; 3) комитеты больниц; 4) комитеты по этике исследований. При этом отмечается, что на практике указанные направления деятельности нередко совмещаются в работе одного комитета (это относится прежде всего к больничным комитетам и комитетам по этике исследований), что не всегда идет на пользу делу. Между тем специфика деятельности исследовательских комитетов, которым приходится иметь дело с еще неизвестными последствиями применения биотехнологий, требует от экспертов особо ответственного подхода. Поэтому во многих странах деятельность исследовательских комитетов по этике, функционирующих на локальном, региональном и национальном уровнях, в наибольшей степени вписана в систему государственного управления научно-технологическим развитием. Это позволяет рассматривать такие комитеты в качестве посредника между наукой, обществом и государством.

Как правило, заключение исследовательского комитета по этике имеет для регуляторных органов консультативный характер, т.е. обладает статусом экспертной оценки (окончательное решение о возможности или невозможности проведения исследования принимает орган, обладающий властными полномочиями с учетом позиции этического комитета), однако в ряде государств вывод об этической неприемлемости исследования означает запрет на его проведение, что придает деятельности комитета контрольный характер⁸. В связи с этим следует отметить, что в российском законодательстве под экспертизой понимается исследование специалистом каких-либо вопросов, решение которых требует специальных знаний, а контроль определяется как система мер, направленная на предотвращение, выявление и пресечение нарушений 9. Другие виды комитетов, которые не так плотно интегрированы

⁶ *Игнатьев В.Н., Юдин Б.Г.* Биоэтика // Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 268.

⁷ См.: *Брызгалина Е.В.* Вопросы жизни и смерти: зачем нужна биоэтика. URL: forbes.ru>mneniya...voprosy-zhizni-i-smerti...bioetika (дата обращения: 11.10.2021).

⁸ Так, контрольный статус заключения исследовательского этического комитета предписан, например, Директивой Европейского Союза о клинических исследованиях лекарственных препаратов: согласно п. 11 Директивы, разрешение на проведение исследования, как правило, должно предоставляться по умолчанию при условии, что имеется положительный результат голосования Этического комитета, а регуляторный орган в течение определенного срока не выразил возражений. Однако в исключительных случаях может потребоваться четко сформулированное письменное разрешение (см.: Directive 2001/20/ EC of the European Parliament and of the Council of 4 April 2001 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States relating to the implementation of good clinical practice in the conduct of clinical trials on medicinal products for human use. URL: ec.europa.eu>health/sites/default...2001 20...2001 20... (дата обращения: 15.10.2021)).

⁹ См.: Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 84) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5007.

в систему государственного управления медициной (национальные комитеты, создаваемые на общественных началах в рамках профессиональных медицинских сообществ, а также больничные комитеты по этике) оказывают опосредованное влияние на формирование государственной политики в сфере здравоохранение путем воздействия на позицию медицинских работников, на формирование и просвешение общественного мнения и т.л.

Организационно-правовые основы деятельности биоэтических комитетов в том или ином государстве зависят, по мнению специалистов, от модели здравоохранения: модель, ориентированная по преимуществу на государственное финансирование, предполагает систему комитетов, построенную по централизованному принципу, во главе с постоянно действующим, юридически закрепленным Национальным комитетом по этике, но со слабо развитой системой локальных комитетов; страховая модель обусловливает повышение роли этических комитетов в обществе с «привязкой» к полю деятельности страховых фирм; в рамках модели частной медицины, ориентированной на требования конкуренции и соображения экономической целесообразности, этические комитеты часто носят временный характер и не структурированы по иерархическому принципу ^{10}

Резюмируя, можно сказать, что в системе институтов социального контроля биоэтические комитеты представляют собой особую форму организации научного (междисциплинарного) и общественного осмысления моральных и правовых проблем, порождаемых технологическим прогрессом в сфере медицины. Такая форма социального контроля институционализируется путем либо интеграции в систему государственного контроля за процессами разработки и применения медицинских технологических инноваций, либо создания на общественных началах каналов влияния на позицию медицинского сообщества и на формирование просвещенного общественного мнения по вопросам политики государства в данной сфере.

История институционализации биоэтических комитетов в системе социального контроля. Чтобы пояснить специфику биоэтического комитета как социального института целесообразно обратиться к истории возникновения таких структур, которая насчитывает уже более полувека. Непосредственные импульсы к созданию биоэтических комитетов дали ситуации, породившие потребность в легитимации распределения ресурсов высокотехнологичной медицинской помощи, в демаркации жизни и смерти человека, в этической

оценке рисков для испытуемых в ходе биомедицинских исследований, в определении морального статуса эмбриона in vitro т.д. Первый, ставший широко известным (хотя и не первый по времени возникновения) комитет был создан в 1961 г. на базе одной из больниц Сиэтла (США). Его членам пришлось решать вопросы жизни и смерти, в буквальном смысле этого выражения: им предстояло выбрать, кому из группы пациентов, нуждавшихся в процедуре гемодиализа для лечения почечной недостаточности, предоставить жизненно необходимое лечение. В состав комитета вошли семь человек (юрист, министр, банкир, домохозяйка, государственный служащий, профсоюзный лидер и хирург), которые были отобраны Медицинским обществом округа, где находилась больница. В качестве наблюдателя на заседаниях присутствовала журналистка, чья статья, в которой этот небольшой коллектив, представляющий собой как бы упрошенную модель общества, был назван Комитетом Бога (God Committee), сыграла важную роль в привлечении общественного внимания к проблеме 11

При отсутствии правовых и моральных критериев решения стоящей перед ними проблемы члены комитета вынуждены были руководствоваться исключительно здравым смыслом и собственными моральными интуициями. Выбор подобного уровня значимости, который человек делает для себя, называют экзистенциальным 12. То обстоятельство, что в данном случае этот выбор касался других людей, с одной стороны, упрощало ситуацию, а с другой – привносило в нее дополнительную моральную нагрузку. Этот первый опыт не был слишком обнадеживающим: в качестве аргументов в пользу жизни того или иного человека членами комитета приводились такие доводы, как потенциал служения обществу, материальное положение семьи, наличие детей, активная работа в церкви и т.п., которые в контексте уже накопленного биоэтикой опыта выглядят более чем сомнительными. Показательно, что один из счастливчиков, кому была дарована жизнь, впоследствии сказал: «Какое ужасное решение! Это похоже на попытку сыграть в Бога» ¹³. Отчет о работе комитета на съезде средств массовой информации, сделанный врачом Б. Скинером, одним из авторов изобретения, существенно упростившего гемодиализ, вызвал бурю споров. При этом критерии, принятые комитетом, которые во многом представляли собой

¹⁰ См.: *Седова Н*. Н. Правовые основы создания этических комитетов // Медицинское право. 2004. № 1.

¹¹ См.: Levine C. The Seattle 'God Committee': A Cautionary Tale. URL: https://www.archive.org>details/perma_cc_5P8F-M8ZE (дата обращения: 17.10.2021).

 $^{^{12}}$ См.: *Мерсиянова А.П.* Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 335. С. 154.

¹³ Levine C. Op. cit.

суждения о «социальной значимости» кандидатов, были охарактеризованы как неадекватные характеру рассматриваемой проблемы и неподобающие с моральной точки зрения, а сам комитет получил уточненное и уже иронично звучащее название «Комитет Бога Сиэтла» ¹⁴.

Однако при всех неизбежных издержках первого опыта подобного решения сложнейших биоэтических проблем, сама идея создания такого комитета представляла собой важную творческую находку, суть которой заключалась в том, чтобы перевести проблему, неразрешимую на основе разделяемого всеми абстрактного принципа, в коммуникативное пространство, где может быть достигнут консенсус на базе общих моральных интуиций о добропорядочной жизни. Именно в плоскости сугубо конкретной постановки проблемы, рационально-логическое осмысление которой неразрывно связано с эмоционально-чувственным восприятием, зачастую только и оказывается возможным достичь согласования позиций для выработки необходимого «здесь и сейчас» решения экзистенциальной по значимости проблемы. Такой подход исходит из представления о том, что «мораль основана не только на разуме, но и на наших интуициях» 15.

В Руководстве № 1 ЮНЕСКО по созданию биоэтических комитетов отмечается, что подобные проблемы, возникающие в сфере медицины, как правило, носят характер этической дилеммы, т.е. выбора из двух зол, когда альтернативные варианты решения подпадают под формулу «оба хуже». Авторы Руководства называют такие дилеммы, возникающие в сфере охраны здоровья человека, биоэтическими 16. Поиск решения биоэтических дилемм, подчеркивают они, требует от членов биоэтического комитета размышлений, дискуссий, обсуждений и, наконец, конкретных действий. Причем, именно в процессе практического действия нередко находятся варианты, позволяющие избежать той экстремально неприятной альтернативы, которая стояла в самом начале (например, пациенту предоставляется возможность самому решать, «жить ли ему дольше, испытывая при этом хроническую боль, или же согласиться жить меньше, но уже без боли» ^{17}).

В качестве основных вех на пути институционализации биоэтических комитетов в США специалистами выделяется ряд особенно широко обсуждавшихся в свое время биоэтических дилемм: т.н. случай К. Квинлан (1976 г.), поднявший вопрос о возможности лишения средств жизнеобеспечения пациентки, находящейся в необратимой коме; судебное дело «Pov против Уэйда», инициировавшее дебаты о прекращении лечения для новорожденных с тяжелыми патологиями (по итогам дебатов в 1984 г. Американская академия педиатрии и Американская ассоциация больниц опубликовали заявления, поддерживающие использование междисциплинарных комитетов по этике в качестве альтернативы правительственному расследованию, а Верховный суд Нью-Джерси в своем решении по делу предположил, что комитеты по этике могут стать альтернативой судебному разбирательству); дело «Крузан против штата Миссури» (1990), вновь актуализировавшее проблему «права на смерть» пациентки, семь лет остававшейся в коме (считается, что именно оно дало «последний толчок» к тому, чтобы Объединенная комиссия по аккредитации организаций здравоохранения пришла к выводу, что «у больниц есть некий механизм для решения этических проблем в сфере здравоохранения»), и т.д. В итоге к концу 1990-х годов комитеты по этике функционировали более чем в 90% больниц США, при том, что еще в начале 1980-х годов число больниц, имеющих такие комитеты, не превышало $1\%^{18}$.

При анализе перечисленных выше кейсов с точки зрения причин, обусловивших потребность в создании биоэтических комитетов, американский исследователь М. Аулисио отметил следующие основные моменты: появление технологий, открывающих возможности, которые раньше казались немыслимыми ¹⁹; сложность возникающих при этом проблем, выходящая далеко за рамки того, что может решить медицинская наука; плюралистический контекст, в котором не все участники разделяют одни и те же ценности; необходимость принятия решений в относительно короткие сро- κu^{20} . К этому можно добавить, что в 1960-е годы в США и многих государствах Западной Европы «произошло существенное изменение отношения к религиозным и культурным убеждениям»²¹, про-

¹⁴ *Aulisio M.P.* Why Did Hospital Ethics Committees Emerge in the US? URL: researchgate.net>...Why...Ethics_Committees_ Emerge...US (дата обращения: 17.09.2021).

¹⁵ *Разин А*. В. Моральные дилеммы // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2014. № 2. С. 67.

 $^{^{16}}$ См.: Руководство № 1 ЮНЕСКО по созданию комитетов по биоэтике. URL: libed.ru>knigi...sozdaniyu-komitetov-bioetike...naciy... (Ч. І. Проблемы и задачи создания комитетов по биоэтике) (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Aulisio M.P. Op. cit.

¹⁹ Данный момент представляется принципиально важным: этические комитеты, как верно замечено, «начали создаваться и получать юридическое оформление не тогда, когда общество осознало возможность угрозы жизни со стороны врачей (после Нюрнбергского процесса), а тогда, когда оно осознало возможность угрозы жизни со стороны научно-технических достижений медицины» (см.: Седова Н.Н. Указ. соч.).

²⁰ См.: там же.

²¹ *Илтис А*. Этика и политика Аристотеля: биоэтика в современном государстве // История медицины. 2015. Т. 2. № 4. С. 547.

явившееся во все большей лояльности секуляризирующегося общественного сознания к абортам, эвтаназии, репродуктивным технологиям и т.п.²² Такое размывание прежних моральных установок, основанных на христианской этике, потребовало создания социальных институтов, способных легитимным для общества способом заполнить образовавшийся нормативный вакуум.

В 70-80-е годы прошлого века биоэтические комитеты начинают формироваться в системах здравоохранения европейских стран, прежде всего на национальном уровне – при органах власти, в рамках профессиональных медицинских объединений, в качестве общественных комитетов по биоэтике, создаваемых на спонсорские средства, и т.д. 23 Что же касается больничных комитетов, то в начале 2000-х годов, например, в Германии они находились еще на стадии формирования 24, при том, что в США к этому времени этические комитеты функционировали более чем в 90% больниц²⁵. Иначе обстояло дело с комитетами по этике исследований: первый в мире такой комитет был сформирован именно в Германии при Фрайбургском университете еще в 1968 г. ²⁶ Созданию биоэтических комитетов в европейских государствах способствовало внесение в 1975 г. в Хельсинкскую декларацию Всемирной медицинской ассоциации положения о том, что протокол предлагаемого проекта биомедицинского исследования должен быть представлен независимому комитету по этике «для рассмотрения, комментирования, рекомендаций и одобрения» ²⁷. Однако главными стимулами для формирования этических комитетов стали

актуальные потребности медицинской практики: «экспериментальная медицина без них уже не могла. Получалось, что процесс шел одновременно и "снизу", и "сверху"» ²⁸.

В Европе развитие биоэтических комитетов пошло несколько иначе, чем в США: в рамках американской модели этические комитеты являются обязательной структурой лечебных учреждений и их деятельность регламентируется федеральным законодательством, а в Европе, как правило, создание и функционирование таких комитетов на всех уровнях регулируется не государством, а профессиональными общественными объединениями² Считается, что основная деятельность этических комитетов в США связана с системой государственного контроля за проведением биомедицинских исследований, финансируемых из государственного бюджета, в то время как для «европейской» модели общей чертой является экспертный, т.е. совещательно-консультативный характер их полномочий 30. При этом для США более характерна ориентация на создание временных экспертных комиссий или привлечение отдельных экспертов, что обусловлено особенностями системы здравоохранения, которая в большей мере основана на модели частной медицинской помощи³¹.

В нашей стране история формирования биоэтических комитетов берет начало с середины 1980-х годов, когда при Научном совете по философским и социальным проблемам науки и техники была организована исследовательская группа по проблемам биоэтики, которая в 1990 г. вошла в Международную ассоциацию биоэтики. В 1998 г. был создан Комитет по биомедицинской этике Минздрава России; в 2004 г. – Комитет по этике при Минсоцздравразвития России для обеспечения соблюдения этических норм при проведении клинических исследований лекарственных средств; в 2007 г. – Комитет по этике при Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения и социального развития; в период с 2012 по 2017 г. было создано несколько советов по этике разного профиля при Минздраве России; в 2020 г. образован Координационный совет при Минздраве России по вопросам биоэтики³². В 90-е годы были созданы общественные комитеты по биоэтике РАН, РАМН, Российской медицинской ассоциации, Ассоциации

²² См.: *Thamp S.J.* Secularization of Bioethics: A Critical History. URL: academia.edu>...Secularization...Bioethics_A_Critical... (дата обращения: 16.09.2021).

²³ На данный момент какого-то строгого определения национальных комитетов по биоэтике нет, «они имеют разные названия в соответствии с их ролью и полномочиями, основанными на национальных требованиях разных стран». Но в любом случае национальный комитет по биоэтике — это «комитет, который систематически и постоянно занимается этическими аспектами: а) наук о здоровье, б) наук о жизни и в) инновационной политики в области здравоохранения. Термин "комитет по биоэтике" просто сигнализирует о том, что группа (председатель и члены) регулярно встречается для решения вопросов, которые являются... глубоко нормативными» (см.: *Elgharib M*. National Bioethics Committees // Encyclopedia of Global Bioethics [Электронный ресурс] (дата обращения: 16.09.2021)).

 $^{^{24}}$ См.: *Синюкова Н*.А. Этические комитеты и конфликты современной медицины // Journal of Siberian Medical Sciences. 2018. № 2. С. 70.

²⁵ См.: там же. С. 67.

²⁶ См.: *Вольская E.* URL: clinvest.ru> jour > announcement > view (дата обращения: 12.10.2021).

 $^{^{27}}$ См.: Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации о принципах исследовательской этики в медицине (п. 23) // СПС «КонсультантПлюс».

 $^{^{28}}$ Седова Н.Н. Указ. соч.

²⁹ См.: *Синюкова Н.А.* Указ. соч. С. 67.

 $^{^{30}}$ См.: Введенская Е. Генетическое редактирование. Допустимо ли вмешательство в наследственность людей // Система. Сент. 2021. С. 43.

³¹ См.: *Седова Н.Н.* Указ. соч.

 $^{^{32}}$ Подробнее см.: Руководство для комитетов по этике / под ред. А.Л. Хохлова. М., 2021. С. 60-68.

врачей и т.д. Однако процесс создания подобных комитетов при профессиональных ассоциациях, как отмечает Е.Г. Гребенщикова, «не получил заметного развития» ³³. Что же касается биоэтических комитетов локального уровня, если в части наличия исследовательских комитетов при учебных медицинских учреждениях на данный момент дело в целом обстоит неплохо (чему в немалой степени способствовали рекомендации ВАК России от 2002 г., согласно которым для проведения биомедицинских исследований с участием человека необходимо получить одобрение от независимого локального этического комитета ³⁴), то в лечебных учреждениях на данный момент ситуация совершенно иная ³⁵.

Биоэтический комитет как прикладная функция биоэтики. Параллельно со становлением биоэтических комитетов шло формирование биоэтики специфической сферы научно-практической деятельности, в рамках которой впервые в истории наука объединилась с этическим анализом последствий практического применения ее достижений, осуществляемым как на междисциплинарном научном уровне, так и в рамках общественного дискурса. Именно в деятельности биоэтических комитетов, точнее в ее концептуальном обосновании и обеспечении, фокусируется специфика биоэтики, отличающая данную область знания от этики как традиционного направления в рамках социальной философии. Показательно, что биоэтика пока что существует и функционирует не столько как научная дисциплина, сколько «в качестве непрестанно расширяющегося и усложняющегося поля проблем.., не имеющих простых и однозначных решений» ³⁶. Биоэтические комитеты, специально созданные для решения такого рода проблем, предстают как структуры, осуществляющие прикладную функцию биоэтики, которая, в свою очередь, сама выступает в качестве прикладной этики. Можно, по-видимому, сказать, что понятием «биоэтика» охватывается «и особый тип знания, и особого типа социальная практика, и отдельная учебная дисциплина, и формирующийся социальный институт нового типа» 37. Однако менее лояльный взгляд на ситуацию приводит к выводу, что биоэтика пока что представляет собой «по преимуществу прикладную область исследований, которая не имеет глубокой теоретической основы» ³⁸.

Специалисты выделяют североамериканскую и западноевропейскую школы биоэтики, различия между которыми связываются с большей приверженностью американской школы казуистическому подходу к решению этико-правовых проблем, а европейской — т.н. принципализму. Очевидно, что подобные методологические расхождения между двумя ведущими биоэтическими школами во многом обусловлены различиями в правовых системах континентальной Европы и США. Однако претензии биоэтики на самостоятельный научный статус были бы невозможны без попыток выстроить собственную систему принципов. А поскольку биоэтика как научное направление зародилась в США, то именно американские авторы — Т. Бичамп и Д. Чилдрес — первыми предложили принципы биоэтики и разработали т.н. принципалистский подход, обосновав четыре основополагающих биоэтических принципа: уважение автономии пациента; "не навреди", "делай благо" и принцип справедливости³⁹. Несколько иная версия принципалистского подхода была предложена по итогам осуществленного в Европе в конце 1990-х годов международного исследовательского проекта «Основные этические принципы в европейской биоэтике и биоправе». К числу таких принципов здесь отнесены: принцип уважения человеческого достоинства; принцип автономии личности, гарантирующий человеку возможность быть самим собой; принцип психофизической целостности индивида, защищающий от посягательств на его тело и душу; принцип защиты биологической (а в некоторых интерпретациях — биосоциальной) уязвимости человека 40.

Анализируя оба этих подхода с позиций либертарно-юридического правопонимания, трактующего право как систему норм, основанных на принципе формального равенства людей в их свободе 1, следует признать, что все принципы, перечисленные авторами европейского исследовательского проекта, по сути, являются частными проявлениями правового принципа формального равенства. Ведь основополагающий для данного подхода принцип уважения человеческого

³³ *Гребенщикова Е.Г.* Этическая экспертиза в биомедицине. URL: russiancouncil.ru>Аналитика и комментарии>...-ekspertiza-v...uma.gov.ru/news/30251 (дата обращения: 17.06.2021).

³⁴ См.: О порядке проведения биомедицинских исследований у человека // Бюллетень ВАК Минобра России. 2002. № 3.

³⁵ См.: *Гребенщикова Е.Г.* Этическая экспертиза в биомедицине.

³⁶ Игнатьев В.Н., Юдин Б.Г. Указ. соч. С. 269.

³⁷ *Брызгалина Е*.В. Указ. соч.

³⁸ *Летов О.* Проблемы биоэтики (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. «Философия»: Реферат. ж-л. М., 2019. С. 100.

³⁹ Cm.: *Beauchamp T., Childress J.* Principles of Biomedical Ethics. Oxford, 1979.

⁴⁰ См.: Basic ethical principles in european bioethics and biolaw. Vol. I. Autonomy, dignity, integrity and vulnerability. Barcelona, 2000. URL: StudFiles.ru>preview/2253054/ (дата обращения:19.11.2021).

⁴¹ См.: *Нерсесянц В.* С. Философия права: либертарноюридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

достоинства — это принцип равного уважения достоинства человека как свободного субъекта: без равенства в свободе достоинство человека не может быть обеспечено. Поэтому ст. 1 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Очевидно, что принципы автономии личности, психофизической целостности и защиты биологической уязвимости человека — это различные конкретизации лежащего в основе правовой системы гуманистического принципа уважения достоинства, который, в свою очередь, есть одно из проявлений правового принципа равенства в свободе.

Иначе обстоит дело с принципами, предложенными Т. Бичампом и Д. Чилдресом. Здесь поддаются юридизации лишь три принципа: уважение автономии пациента, «не навреди», и принцип справедливости. Что же касается воспринятого из медицинской деонтологии принципа «делай благо» (англ. "beneficence", т.е. благотворительность или милосердие), то он не может быть интерпретирован как конкретизация правового принципа равенства, поскольку заложенная в его основу идея милосердия отражает саму суть морали в ее различении с правом. Показательно, что закрепление этого принципа в юридическом договоре, а именно включение в Конвенцию о правах человека и биоэтике (ст. 2) нормы, согласно которой интересы и благо человека (а не права человека!) превалируют над интересами общества или науки, привело к серьезным внутренним противоречиям в рамках данного документа ⁴².

Тем не менее эти, лишенные единого основания, принципы биоэтики получили настолько большое признание в биоэтическом сообществе, что они, как не без иронии заметил известный британский биоэтик Дж. Монтгомери, уже приобрели статус «квазиканонического писания» 43. Можно, по-видимому, сказать, что во внутреннем противоречии биоэтических принципов и выражена суть биоэтики как направления научно-практической деятельности: данное противоречие, отражающее сложность жизненных реалий, не вписывающихся в абстрактные теоретические схемы, побуждает биоэтику решать насущные жизненные проблемы на путях выхода за рамки жесткой логики научно-теоретической рациональности в область

прикладных исследований и «профанного» ⁴⁴ дискурса. Биотические комитеты создаются как площадка для такого дискурса, в рамках которого эксперты комитета, отказываясь от преимуществ своего профессионального статуса, вступают в публичный дискурс в пространстве обыденного сознания, где «жизнь схватывается парадоксом экзистенциального настроения в специфическую целостность» ⁴⁵.

Таким образом в *теоретической* плоскости биоэтика, по сути, работает в логике «компромисса между деонтологизмом и утилитаризмом» ⁴⁶, в *теотодологической* плоскости она ориентирована не просто на междисциплинарный, а на трансдисциплинарный подход к осмыслению и решению биоэтических проблем, что *на практике* реализуется путем включения в состав биоэтических комитетов наряду с экспертами-профессионалами также представителей общественных организаций, пациентов, СМИ, религиозных конфессий ⁴⁷ и просто заинтересованных членов общества, которые привносят в дискуссии свое знание жизни, свой здравый смысл и способность к интуитивному различению добра и зла.

Это значит, что научный разум, который не может в ситуации цейтнота решить актуальную экзистенциальную дилемму на уровне абстрактных принципов, вынужден «в поисках целостности и собственной обоснованности... осуществить трансцендирующий сдвиг в пограничную сферу с жизненным миром» ⁴⁸. Здесь он получает возможность руководствоваться аристотелевской трактовкой добродетели как «способности поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий» ⁴⁹, которая увязывает

 $^{^{42}}$ См.: *Лапаева В*.В. Система прав человека перед вызовами биотехнологического совершенствования человеческой природы // Человек. 2021. Т. 32. № 6. С. 178—189.

⁴³ Монтгомери Дж. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Спец. вып. «Права человека и биомедицина». 2018. С. 30.

⁴⁴ Организуемый посредством биоэтических комитетов публичный дискурс, в рамках которого профессионалы коммуницируют с непрофессионалами, имеет, как пишет П.Г. Тищенко, «профанный» характер, «поскольку эксперт в своей области (врач, философ, юрист и др.) является с необходимостью профаном во всех остальных. Именно на профанном уровне между ними возможен реальный социальный диалог» (см.: Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 73, 74).

⁴⁵ Киященко Л.П. Формы существования биофилософии сегодня // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 12: между биофилософией и биоэтикой: сб. ст. М., 2018. С. 52.

⁴⁶ Летов О. Указ. соч.

⁴⁷ Об усилиях Церкви по созданию каналов влияния христианской этики на решение биоэтических проблем см.: *Романовский Г.Б., Романовская О.В.* Христианская аксиология, конституционные ценности и современная биомедицина: новые риски и угрозы // Государство. Церковь. Право. М., 2021. С. 134—137.

 $^{^{48}}$ Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М., 2009. С. 17.

 $^{^{49}}$ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. М., 1983. Т. 4. С. 82.

добродетель с добродетельным поведением, а последнее — исключительно с соответствующими качествами самого субъекта действий: добродетель по Аристотелю — это поступки добродетельного человека ⁵⁰. С позиций такого подхода, предоставляющего простор для творческих находок, «биоэтические дискуссии рассматриваются как процесс нормогенеза, в котором выявляются представления о нормальном в различных ценностных проекциях. Их цель — найти новый моральный смысл и выразить его в трансинтервале нормы» ⁵¹.

К сказанному можно сделать лишь одно важное уточнение: речь, как правило, идет о поисках не морального, а правового смысла. Дело в том, что биоэтика реализует свой познавательный потенциал именно в правовом пространстве – в сфере пересечения и конкурирующего взаимодействия прав человека на жизнь, на защиту достоинства, на охрану здоровья, на свободу научного и технического творчества и т.д. Биоэтика в лице биоэтических комитетов была призвана в эту сферу, поскольку правовые регуляторы, основанные на принципе формального равенства в свободе, оказались на данный момент не релевантны характеру той или иной актуальной биоэтической дилеммы. Это значит, что ни законодатель, ни суд не могут предложить решение конфликта интересов с позиций правового подхода, т.е. они не могут юридизировать этот конфликт интересов и перевести его в спор о праве в те сжатые сроки, которые продиктованы жизненной необходимостью. Поэтому практика и пошла по пути привлечения своего рода «третейского судьи» в виде коллектива авторитетных для общества независимых экспертов, деятельность которых в той или иной мере встроена в механизм принятия публично-властных решений. Однако социальная потребность, породившая биоэтику, заключается в поиске именно справедливого, т.е. правового по своей сути решения биоэтической дилеммы. При этом главным ориентиром для биоэтики в конечном счете служит нормативно общезначимое, справедливое решение проблемы, поскольку этика дискурса, как подчеркивал Ю. Хабермасс, «не допускает рядом со справедливостью или нормативной правильностью никаких конкурирующих точек зрения *равного ранга*»⁵². А с позиций либертарноюридического подхода такое справедливое решение является правовым по своей сути: «Право, — писал В.С. Нерсесянц, – всегда справедливо и является

носителем справедливости в социальном мире. <...>. Более того, *только право и справедливо*» ^{53} .

И хотя биоэтическое решение каждой отдельной проблемной ситуании зачастую не лает непосредственного выхода на правовую норму, это не значит, что в перспективе такое решение не может быть найдено. Например, проблема распределения медицинской помощи в форме гемодиализа довольно быстро была решена в США путем включения этой процедуры в государственную программу медицинского страхования «Медикер», которая оплачивается из средств, отчисляемых с налога на прибыль корпораций, прогрессивного подоходного налога и налога с фонда заработной платы⁵⁴. Поэтому для американского биоэтического сообщества вывод из ситуации с «Комитетом Бога» был ясен: «необходимо (и это является императивом) предоставить больницам те инструменты, в которых они нуждаются» 55. Таким образом оказалось, что сложнейшая биоэтическая дилемма, когда-то потребовавшая создания Комитета Бога, вполне может быть решена в рамках правового подхода путем надлежащей организации системы здравоохранения. Аналогичным образом обстоит дело и с распределением аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ), нехватка которых повсеместно возникла в начале эпидемии COVID-19: в конечном счете это вопрос политического решения, касающегося распределения ресурсов общества в соответствии с теми приоритетами, которые диктуют потребности жизни.

И даже в случае неготовности общества к подобным форс-мажорным ситуациям проблемы такого рода поддаются правовому регулированию. В частности, опыт работы медицинских учреждений в условиях пандемии COVID-19 продемонстрировал, что в условиях острой нехватки аппаратов ИВЛ в качестве критериев для их справедливого распределения были приняты такие показатели, как степень тяжести заболевания, шансы на выживание после прохождения лечения (для этих целей использовались подходы, разработанные в рамках трансплантологии) и т.п. Кроме того, отдавался приоритет работникам здравоохранения, а в ситуациях, не попадающих под данные критерии, могли прибегнуть к такому средству, как жребий. При этом были признаны дискриминационными такие на первый взгляд справедливые критерии,

⁵⁰ См.: *Аристотель*. Указ. соч. С. 83.

⁵¹ *Сидорова Т.А.* Трансинтервальность нормы в биоэтике // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. Шольца. М., 2015. С. 346.

⁵² *Хабермас Ю*. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. С. 275.

⁵³ *Нерсесянц В. С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 44.

⁵⁴ Cm.: *Gleason S.J., Keegan W.J.* Bioethics: Ethical Consider THICS: Ethical Considerations of Ventilator Triage During a Pandemic // Georgia State University Law Review. 2020. Vol. 37. Is. 1. P. 178.

⁵⁵ Ibid. P. 179.

как очередность поступления в больницу и т.п. ⁵⁶ Таким образом, можно сказать, что приоритет отдавался не соображениям милосердия, а прагматическому компромиссу между правовым подходом, исключающим дискриминацию по какому-либо основанию, и утилитаристскими ориентациями на максимизацию общего блага. Кстати, такая эклектика в подходах весьма показательна и характерна для биоэтики как прикладной науки, ориентированной прежде всего на практическое решение проблем.

В ситуациях же, когда решения биоэтики, принимаемые биоэтическими комитетами как своего рода «передовыми отрядами» биоэтики, внедренными в сферу сложнейших жизненных ситуаций, идут вразрез с законодательными нормами, подобные решения обычно свидетельствуют о необходимости совершенствования действующего законодательства. Так, российские и зарубежные комитеты иногда отступали от законодательного запрета включать детей, страдающих онкологическими заболеваниями, в число участников клинических исследований (КИ) в случаях, если «для таких детей новое лекарство было единственным шансом сохранить жизнь. <...>. В результате уже накопилось множество примеров реальной помощи пациентам благодаря тому, что осуществлялось именно взаимодополняющее регулирование КИ со стороны государства и этических комитетов»⁵⁷. Многие аналогичные, на первый взгляд неразрешимые биоэтические дилеммы (такие, например, как конфликты между правом пациента получить помощь опытного врача и нежеланием врача производить опыты на лабораторных животных ⁵⁸ и т.п.) находят или могут найти свое решение на путях совершенствования правовых основ организации здравоохранения. Хотя, конечно же, есть ситуации (и пандемия COVID-19 продемонстрировала это самым наглядным образом), когда основополагающий и для биоэтики, и для права принцип автономии индивида входит в клинч с интересами общества и государства как политического института, выражающего эти интересы. Но здесь мы скорее всего имеем дело не столько со специфическими проблемами биоэтики, сколько с глобальным социокультурным кризисом правовых основ общественной жизни, в силу которого право как выражение гуманистического принципа равенства людей в их свободе оказывается не способно противостоять

технологической дегуманизации ^{59} , порождающей такое будущее, где соединятся два внутренне противоречивых явления — «негуманный» человек и «неественная» природа ^{60} .

Биоэтические комитеты в Российской Федерации: задачи совершенствования правового обеспечения. Обозначенный круг задач включает в себя два направления работы, связанных (1) с совершенствованием закрепленного в законодательстве правового статуса биоэтических комитетов и (2) с развитием организационно-правовых основ их деятельности.

1. При анализе правового статуса биоэтических комитетов необходимо прежде всего выделить основные вехи законодательного регулирования данной сферы. Они связаны с введением в действие таких нормативных актов, как Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 1993 г., где в ст. 16 впервые было сказано о том, что в системе здравоохранения могут создаваться комитеты по вопросам этики, в которые «входят лица, представляющие интересы общественности» 61 (утратила силу); Правила проведения качественных клинических испытаний в Российской Федерации от 1998 г., где в п. 2.30 было введено положение о том, что независимый комитет по вопросам этики одобряет протоколы исследования, оценивая при этом квалификацию исследователей и правильность документального оформления информированного согласия испытуемых⁶²; приказ Минздрава России от 14 августа 1998 г. № 248 «О создании Комитета по биомедицинской этике Министерства здравоохранения России» ⁶³; Инструкция Минздрава России «О порядке принятия решения о проведении клинических исследований лекарственных средств» от 2000 г., требующая наличия положительного заключения комитета по этике при Минздраве России (п. 3.1.2)⁶⁴; Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 52379-2005 «Надлежашая клиническая практика» от 2005 г., где в п. 1.29 сказано, что

⁵⁶ См., напр.: *Gleason S.J., Keegan W.J.* Op. cit. P. 182.

⁵⁷ Этические комитеты как регуляторы биомедицинских исследований // Сайт Центра фармакоэкономических исследований // healtheconomics.ru>index...komitety-kak-regulyatory... (дата обращения: 10.11.2021).

⁵⁸ См., напр.: *Брызгалина Е.В.* Указ. соч.

⁵⁹ О технологической дегуманизации как векторе современного цивилизационного развития см.: *Лапаева В.В.* Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 4—35.

 $^{^{60}}$ О возможности такого будущего для человечества провидчески писал еще в середине прошлого века известный католический мыслитель Р. Гвардини (см.: *Гвардини Р*. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 149).

⁶¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1318.

⁶² Утверждены Минздравом России 29.12.1998 г. (см.: URL: base.garant.ru>4176097/ (дата обращения:15.10.2021)).

 $^{^{63}}$ См.: URL: base.garant.ru>4174991/ (дата обращения: 15.10.2021).

⁶⁴ Утверждена Минздравом России 24.03.2000 г. № 103 (см.: URL: base.garant.ru>12119190/ (дата обращения: 15.10.2021)).

независимые этические комитеты должны функционировать в соответствии с международными правилами надлежащей клинической практики ^{65} ; Приказ Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития от 17 августа 2007 г. № 2314-Пр/ 07^{66} ; и др.

В рамках действующих федеральных законов положения, определяющие общие параметры правового статуса комитетов по этике, закреплены в Федеральных законах: от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (ст. 39.1 – введена в 2014 г.); от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» (ст. 36.1 – введена в 2015 г.); от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» (ст. 14). В развитие этих нормативных правовых актов принята целая серия нормативных актов с меньшей юридической силой, наиболее важными из которых в контексте нашего анализа являются положения о комитетах по этике, создаваемых при Минздраве России для выдачи заключения об этической обоснованности возможности проведения клинических исследований лекарственных препаратов и биомедицинских клеточных продуктов, а также для оказании медицинской помощи в рамках клинической апробации. Таким образом, в действующем законодательстве определены общие параметры правового статуса лишь трех указанных комитетов.

Наиболее лаконично правовой статус этического (биоэтического) комитета очерчен в Федеральном законе об охране здоровья: здесь сказано лишь, что медицинская помощь в рамках клинической апробации оказывается при наличии заключений этического комитета и экспертного совета, что этический комитет выносит заключение об этической обоснованности оказания медицинской помоши и согласует протокол клинической апробации, а экспертный совет дает разрешение на оказание медицинской помощи, что положения об этическом комитете и его состав утверждаются Минздравом России. В двух других Федеральных законах – «Об обращении лекарственных средств» и «О биомедицинских клеточных продуктах» положения об этических комитетах практически идентичны: совет по этике выдает заключение об этической обоснованности клинического исследования; экспертами могут быть представители медицинских, научных и образовательных организаций, а также общественности; число представителей

медицинских (в другом варианте — медицинских и научных) организаций должно составлять не более половины от общего числа экспертов; эксперты не должны находиться в какой-либо зависимости от заявителя и других заинтересованных лиц; состав совета по этике и положение о совете определяются Минздравом России и т.д.

При анализе этого нормативного комплекса обращает на себя внимание тот факт, что важный для характеристики правового статуса комитета вопрос об экспертном (консультативном) или контрольном характере его полномочий урегулирован лишь в Федеральном законе об охране здоровья: здесь сказано, что медицинская помощь в рамках клинической апробации оказывается при наличии заключения этического комитета (очевидно, что предполагается именно положительное заключение). В двух других Федеральных законах — «Об обращении лекарственных средств» и «О биомедицинских клеточных продуктах» — экспертный или контрольный характер полномочий комитетов не обозначен, хотя практика идет по пути придания им контрольных полномочий.

Далее следует отметить, что российское законодательство отвечает общепринятым международным требованиям к междисциплинарной направленности в деятельности биоэтических комитетов и их открытости обществу, однако в части требований независимости таких комитетов дело обстоит иначе. В упомянутых нормативных правовых актах говорится лишь о том, что эксперты не должны находиться в какой-либо зависимости от заявителя и других лиц, заинтересованных в результатах этической экспертизы. Однако, как подчеркивается в Руководстве для работы комитетов по этике, подготовленном Всемирной организацией здравоохранения, такие комитеты должны быть независимы (в своем составе, процедурах и механизме принятия решения), в т.ч. и от ведомственных отношений 67

Следует обратить внимание также на расхождения между разными уровнями нормативно-правового регулирования применительно к определению сферы осуществления комитетами их полномочий. В законах эта сфера никак не ограничена, а в подзаконных нормативных актах полномочия биоэтических комитетов сведены лишь к защите жизни, здоровья и прав пациентов, принимающих участие в исследованиях или клинической апробации. Между тем по мере развития биомедицины подобное ограничение все в большей мере обнаруживает свою неадекватность масштабам и характеру

 $^{^{65}}$ Утвержден приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27.09.2005 г. № 232-ст (см.: URL: base.garant.ru $_{12146180}$ / (дата обращения: 15.10.2021)).

⁶⁶ См.: URL: normativ.kontur.ru>document?moduleId=1&doc umentId... (дата обращения: 15.10.2021).

⁶⁷ См.: Руководство для работы комитетов по этике, проводящих экспертизу биомедицинских исследований (п. 2). Женева, 2000. URL: online.zakon.kz>Document/?doc_id=31661794 (дата обращения: 19.11.2021).

технологических рисков для человечества в целом (что особенно хорошо видно на примере технологий редактирования генома человека).

2. Другое направление работы по правовому обеспечению деятельности биоэтических комитетов связано с созданием необходимых *организационно-правовых основ* для формирования таких комитетов.

Здесь прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что действующее законодательство не стимулирует создание биоэтических комитетов при больницах и исследовательских организациях. Что касается исследовательских комитетов, то они существуют в большинстве организаций, где проводятся биомедицинские исследования. Однако на данный момент по поводу деятельности этих комитетов можно с уверенностью сказать лишь то, что она нуждается в изучении (в т.ч. и путем проведения социологических исследований), в обобщении и анализе. Наиболее слабым звеном в системе российских биоэтических комитетов на данный момент являются больничные комитеты по этике, которые в целом еще только предстоит сформировать.

Актуальность создания больничных комитетов по этике обусловлена тем, что в медицинской практике все чаще возникают сложные этические проблемы, требующие квалифицированного коллективного анализа и решения. В последние годы особенно острые проблемы, имеющие характер биоэтических дилемм, выносит в повестку развитие геномной медицины. Речь идет о противоречиях между правом человека на защиту частной жизни, личную и семейную тайну и правом его кровных родственников на получение жизненно важной для них информации, между правом пациента не знать о результатах генетического тестирования и его же правом на охрану здоровья и т.д. Невозможность выработать общее правовое регулирование и необходимость в каждом конкретном случае учитывать сложные жизненные обстоятельства пациентов и членов их семей требует законодательного закрепления полномочий по решению такого рода вопросов за соответствующими коллегиальными органами, на роль которых лучше всего подходят больничные биоэтические комитеты.

Нуждаются в поддержке со стороны государства и процессы формирования общественных комитетов по биоэтике ⁶⁸, которые во многих странах выполняют важные аналитические и информационные функции. Так, британский Наффилдский совет по биоэтике оказывает заметное влияние на

научно-технологическую политику и общественное мнение не только Соединенного Королевства. К сожалению, в России «пока нет организаций, выполняющих подобные функции» ⁶⁹. Это не только снижает качество государственной политики в данной области, но и лишает Российскую Федерацию возможности полноценно участвовать в международном дискурсе, в рамках которого вырабатывается общемировая стратегия развития биоэтики.

* * *

В заключение отметим, что в целом ряде технологически развитых стран существуют национальные этические комитеты при высших органах государственной власти, которые консультируют государственные структуры, участвуют в разработке законодательства, привлекают общество к обсуждению этических проблем, касающихся самых разных сфер научно-технологического развития, способствуют формированию просвещенного общественного мнения в этих вопросах. В Российской Федерации соответствующая работа ведется лишь на уровне Минздрава России, при котором действует недавно созданный Координационный совет по вопросам биоэтики. Однако поскольку этические проблемы, порождаемые технологическим прогрессом, все чаще возникают не только в медицине, становится актуальным создание при Президенте РФ национального этического комитета, способного координировать на общей мировоззренческой основе всю ведущуюся в стране работу по этическому сопровождению научно-технологического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч. М., 1983. Т. 4. С. 82, 83.
- 2. *Брызгалина Е.В.* Вопросы жизни и смерти: зачем нужна биоэтика. URL: forbes.ru>mneniya...voprosy-zhizni-i-smerti...bioetika (дата обращения: 11.10.2021).
- 3. *Введенская Е.* Генетическое редактирование. Допустимо ли вмешательство в наследственность людей // Система. Сент. 2021. С. 43.
- 4. *Вольская Е.* URL: clinvest.ru> jour > announcement > view (дата обращения: 12.10.2021).
- Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 149.
- 6. *Гребенщикова Е.Г.* Социогуманитарные контуры технонауки: актуальность гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 1. С. 29.
- Гребенщикова Е.Г. Этическая экспертиза в биомедицине. URL: russiancouncil.ru>Аналитика и комментарии>...-

 $^{^{68}}$ Историю создания таких комитетов в России см.: Руководство для комитетов по этике / под ред. А.Л. Хохлова. С. 58-71.

 $^{^{69}}$ Гребенщикова Е. Г. Этическая экспертиза в биомедицине.

- ekspertiza-v...uma.gov.ru/news/30251 (дата обращения: 17.06.2021).
- Игнатьев В.Н., Юдин Б.Г. Биоэтика // Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 268, 269.
- Илтис А. Этика и политика Аристотеля: биоэтика в современном государстве // История медицины. 2015.
   Т. 2. № 4. С. 547.
- Киященко Л.П. Формы существования биофилософии сегодня // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 12: между биофилософией и биоэтикой: сб. ст. М., 2018. С. 52.
- 11. *Киященко Л.П., Моисеев В.И.* Философия трансдисциплинарности. М., 2009. С. 17.
- 12. *Лапаева В.В.* Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // Право. Журнал ВШЭ. 2021. № 3. С. 4—35.
- Лапаева В.В. Система прав человека перед вызовами биотехнологического совершенствования человеческой природы // Человек. 2021. Т. 32. № 6. С. 178–189.
- Летов О. Проблемы биоэтики (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. «Философия»: Реферат. ж-л. М., 2019. С. 100.
- Мерсиянова А. П. Основные признаки экзистенциального выбора // Вестник Томского гос. ун-та. 2010.
   № 335. С. 154.
- 16. Монтомери Дж. Модификация генома человека: вызовы со стороны сферы прав человека, обусловленные научно-техническими достижениями // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Спец. вып. «Права человека и биомедицина». 2018. С. 30.
- Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
- Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 44.
- О порядке проведения биомедицинских исследований у человека // Бюллетень ВАК Минобра России. 2002. № 3.
- 20. *Разин А.* В. Моральные дилеммы // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2014. № 2. С. 67.
- Романовский Г.Б., Романовская О.В. Христианская аксиология, конституционные ценности и современная биомедицина: новые риски и угрозы // Государство. Церковь. Право. М., 2021. С. 134—137.
- Руководство для комитетов по этике / под ред. А.Л. Хохлова. М., 2021. С. 58–71.
- 23. Руководство для работы комитетов по этике, проводящих экспертизу биомедицинских исследований (п. 2). Женева, 2000. URL: online.zakon.kz>Document/?doc_id=31661794 (дата обращения: 19.11.2021).
- 24. *Седова Н*.Н. Правовые основы создания этических комитетов // Медицинское право. 2004. N 1.
- 25. *Сидорова Т.А*. Трансинтервальность нормы в биоэтике // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. Шольца. М., 2015. С. 346.

- 26. *Синюкова Н*.А. Этические комитеты и конфликты современной медицины // Journal of Siberian Medical Sciences. 2018. № 2. С. 67, 70.
- Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 73, 74.
- 28. *Хабермас Ю*. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. С. 275.
- 29. Этические комитеты как регуляторы биомедицинских исследований // Сайт Центра фармакоэкономических исследований // healtheconomics.ru>index...komitety-kak-regulyatory... (дата обращения: 10.11.2021).
- Aulisio M.P. Why Did Hospital Ethics Committees Emerge in the US? URL: researchgate.net>...Why...Ethics_ Committees Emerge...US (дата обращения: 17.09.2021).
- 31. Basic ethical principles in european bioethics and biolaw. Vol. I. Autonomy, dignity, integrity and vulnerability. Barcelona, 2000. URL: StudFiles.ru>preview/2253054/ (дата обращения:19.11.2021).
- 32. *Beauchamp T., Childress J.* Principles of Biomedical Ethics. Oxford, 1979.
- Elgharib M. National Bioethics Committees // Encyclopedia of Global Bioethics [Электронный ресурс] (дата обращения: 16.09.2021).
- 34. *Gleason S.J., Keegan W.J.* Bioethics: Ethical Consider THICS: Ethical Considerations of Ventilator Triage During a Pandemic // Georgia State University Law Review. 2020. Vol. 37. Is. 1. P. 178, 179, 182.
- 35. Levine C. The Seattle 'God Committee': A Cautionary Tale. URL: https://www.archive.org>details/perma_cc_5P8F-M8ZE (дата обращения: 17.10.2021).
- 36. *Thamp S.J.* Secularization of Bioethics: A Critical History. URL: academia.edu>...Secularization...Bioethics_A_Critical... (дата обращения: 16.09.2021).
- 37. Uniform Requirements for Manuscripts Submitted to Biomedical Journals. URL: icmje.org>recommendations/archives/2008 urm.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

REFERENCES

- 1. *Aristotle*. Nicomachean ethics // Aristotle. Essays. M., 1983. Vol. 4. P. 82, 83 (in Russ.).
- Bryzgalina E. V. Questions of life and death: why bioethics is needed. URL: https://www.forbes.ru "mnenia...voprosyzhizni-i-smerti...bioetika (accessed: 11.10.2021) (in Russ.).
- Vvedenskaya E. Genetic editing. Is it permissible to interfere with the heredity of people // System. September 2021.
   P. 43 (in Russ.).
- 4. Volskaya E. Ethical committees as regulators of biomedical research. URL: https://www.clinvest.ru> jour >announcement>view (accessed: 12.10.2021) (in Russ.).
- Guardini R. The end of modern times // Questions of philosophy. 1990. No. 4. P. 149 (in Russ.).
- Grebenshchikova E.G. Socio-humanitarian contours of technoscience: relevance of humanitarian expertise // Knowledge. Understanding. Skill. 2018. No. 1. P. 29 (in Russ.).
- 7. Grebenshchikova E. G. Ethical expertise in biomedicine. URL: https://www.russiancouncil.ru>Analytics and

- comments"...-ekspertiza-v...uma.gov.ru/news/30251 (accessed: 17.06.2021) (in Russ.).
- 8. *Ignatiev V.N.*, *Yudin B.G.* Bioethics // New Philosophical Encyclopedia. M., 2000. Vol. 1. P. 268, 269 (in Russ.).
- 9. *Iltis A*. Ethics and politics of Aristotle: bioethics in the modern state // History of Medicine. 2015. Vol. 2. No. 4. P. 547 (in Russ.).
- Kiyashchenko L.P. Forms of existence of biophilosophy today // Philosophical problems of biology and medicine. Issue 12: between biophilosophy and bioethics: collection of art. M., 2018. P. 52 (in Russ.).
- 11. *Kiyashchenko L.P., Moiseev V.I.* Philosophy of transdisciplinarity. M., 2009. P. 17 (in Russ.).
- 12. *Lapaeva V.V.* The right of technogenic civilization before the challenges of technological dehumanization // Law. HSE Journal. 2021. No. 3. P. 4–35 (in Russ.).
- 13. *Lapaeva V.V.* The system of human rights before the challenges of biotechnological improvement of human nature // Man. 2021. Vol. 32. No. 6. P. 178–189 (in Russ.).
- Letov O. Problems of bioethics (review) // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. "Philosophy": Abstract. journal. M., 2019. P. 100 (in Russ.).
- Mersiyanova A.P. The main signs of existential choice // Herald of the Tomsk State University. 2010. No. 335. P. 154 (in Russ.).
- Montgomery J. Modification of the human genome: challenges from the human rights sphere caused by scientific and technical achievements // Precedents of the European Court of Human Rights. Spec. vol. "Human rights and biomedicine". 2018. P. 30 (in Russ.).
- 17. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: libertarian legal concept // Questions of philosophy. 2002. No. 3. P. 3–15 (in Russ.).
- 18. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2006. P. 44 (in Russ.).
- 19. On the procedure for conducting biomedical research in humans // Bulletin of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Health of Russia. 2002. No. 3 (in Russ.).
- Razin A.V. Moral dilemmas // Herald of the RUDN. Ser. "Philosophy". 2014. No. 2. P. 67 (in Russ.).
- Romanovsky G.B., Romanovskaya O.V. Christian axiology, constitutional values and modern biomedicine: new risks and threats // The State. Church. Law. M., 2021. P. 134–137 (in Russ.).
- 22. Guidelines for Ethics Committees / ed. by A. L. Khokhlov. M., 2021. P. 58–71 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна —

доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

- 23. Guidelines for the work of ethics committees conducting the examination of biomedical research (item 2). Geneva, 2000. URL: https://www.online.zakon.kz "Document/?doc_id=31661794 (accessed: 11/19/2021) (in Russ.).
- 24. *Sedova N.N.* Legal foundations of the creation of ethical committees // Medical Law. 2004. No. 1 (in Russ.).
- 25. Sidorova T.A. Transintervality of the norm in bioethics // Transdisciplinarity in philosophy and science: approaches, problems, prospects / ed. by V. Bazhanov, R. Scholts. M., 2015. P. 346 (in Russ.).
- Sinyukova N.A. Ethical committees and conflicts of modern medicine // Journal of Siberian Medical Sciences. 2018. No. 2. P. 67, 70 (in Russ.).
- 27. *Tishchenko P.D.* Bio-power in the era of biotechnology. M., 2001. P. 73, 74 (in Russ.).
- 28. *Habermas Yu*. Moral consciousness and communicative action. SPb., 2006. P. 275 (in Russ.).
- 29. Ethical committees as regulators of biomedical research // Website of the Center for Pharmacoeconomical Research // https://www.healtheconomics.ru"index...komitety-kak-regulatory... (accessed: 10.11.2021) (in Russ.).
- 30. *Aulisio M.P.* Why Did Hospital Ethics Committees Emerge in the US? URL: researchgate.net>...Why...Ethics_Committees_Emerge...US (accessed: 17.09.2021).
- 31. Basic ethical principles in european bioethics and biolaw. Vol. I. Autonomy, dignity, integrity and vulnerability. Barcelona, 2000. URL: StudFiles.ru>preview/2253054/(accessed:19.11.2021).
- 32. *Beauchamp T., Childress J.* Principles of Biomedical Ethics. Oxford, 1979.
- Elgharib M. National Bioethics Committees // Encyclopedia of Global Bioethics [Electronic resource] (accessed: 16.09.2021).
- 34. *Gleason S.J., Keegan W.J.* Bioethics: Ethical Consider THICS: Ethical Considerations of Ventilator Triage During a Pandemic // Georgia State University Law Review. 2020. Vol. 37. Is. 1. P. 178, 179, 182.
- 35. Levine C. The Seattle 'God Committee': A Cautionary Tale. URL: https://www.archive.org>details/perma_cc_5P8F-M8ZE (accessed: 17.10.2021).
- 36. *Thamp S.J.* Secularization of Bioethics: A Critical History. URL: academia.edu>...Secularization...Bioethics_A_Critical... (accessed: 16.09.2021).
- Uniform Requirements for Manuscripts Submitted to Biomedical Journals. URL: icmje.org>recommendations/archives/2008 urm.pdf (accessed: 15.10.2021).

Author's information

LAPAEVA Valentina V. –

Doctor of Law, chief researcher, Sector of Philosophy of Law, History and Theory and of the State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

——— ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ **——**

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРАВОСУДИЯ: ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

© 2022 г. С. Ю. Кораблева

Московский государственный лингвистический университет

E-mail: sukorableva@gmail.com

Поступила в редакцию 29.11.2020 г.

Аннотация. Международный уголовный суд, основы функционирования которого сформулированы в Римском статуте, создавался по стандартам уголовного правосудия. Изучение опыта его деятельности и сопоставление с проблемами, существующими в национальных юрисдикциях, позволяют выявить как пределы справедливости при уголовном преследовании, так и возможности по его совершенствованию. Автором демонстрируется, что стремление к качественному исследованию доказательств ведет к увеличению длительности судебных процедур и неизбежному возникновению «упрощенных» схем вынесения приговора, причем последние оказываются востребованы именно обвиняемыми. На основе анализа приговоров, вынесенных Международным уголовным судом, доказывается, что осторожный подход Суда к карательным полномочиям — это хотя и не бесспорный, но достойный исследования опыт, поскольку достижение главных целей наказания не находится в прямой зависимости от жесткости уголовной репрессии. В то же время работа с потерпевшими в контексте психологической и материальной поддержки, активно развиваемая в рамках международной уголовной юстиции, — вероятно, ключевое направление для совершенствования правосудия. Этот аспект недостаточно выражен в национальных судебных системах, обычно сосредоточенных на возмездии.

Ключевые слова: Международный уголовный суд, Римский статут, справедливость правосудия, эффективность наказания, возмещение ущерба жертвам преступлений.

Цитирование: Кораблева С.Ю. Справедливость правосудия: опыт Международного уголовного суда и его значение для развития национальных систем уголовной юстиции // Государство и право. 2022. № 4. С. 135—142.

DOI: 10.31857/S102694520012321-4

JUSTICE: EXPERIENCE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT AND ITS IMPORTANCE FOR THE DEVELOPMENT OF NATIONAL CRIMINAL JUSTICE SYSTEMS

© 2022 S. Yu. Korableva

Moscow State Linguistic University

E-mail: sukorableva@gmail.com

Received 29.11.2020

Abstract. The International Criminal Court, the foundations of which are formulated in the Rome Statute, was created according to the standards of criminal justice. The study of the experience of its activities and comparison with the problems existing in national jurisdictions make it possible to identify both the limits of justice in criminal prosecution and the possibilities for its improvement. The author demonstrates that the desire for a qualitative study of evidence leads to an increase in the duration of judicial procedures and the inevitable emergence of "simplified" sentencing schemes, and the latter are in demand by the accused. Based on the analysis of sentences handed down by the International Criminal Court, it is proved that the Court's

cautious approach to punitive powers is, although not indisputable, but an experience worthy of research, since the achievement of the main goals of punishment is not directly dependent on the severity of criminal repression. At the same time, work with victims in the context of psychological and material support, actively developed within the framework of International criminal justice, is probably, a key direction for improving justice. This aspect is not sufficiently expressed in national judicial systems, usually focused on retribution.

Key words: International Criminal Court, the Rome Statute, justice, efficiency penalties, restitution for victims.

For citation: Korableva, S. Yu. (2022). Justice: experience of the International Criminal Court and its importance for the development of national criminal justice systems // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 135–142.

Особенности статуса и дел, подсудных Международному уголовному суду, определяют специфические проблемы, с которыми он сталкивается в своей деятельности. Речь идет о разграничении уголовного международного и национального правосулия, о непризнании юрисликции Сула рялом государств, о проблемах исполнения выданных им ордеров на арест, об особенностях индивидуальной ответственности политических руководителей, о зависимости от Совета Безопасности ООН и т.д. Но существуют вопросы деятельности МУС, имеющие существенное значение для любой системы уголовного правосудия. И российский термин «правосудие», и английский "justice" определяются в т.ч. как справедливое решение спора². Высокая цель достижения справедливости является краеугольным камнем концепций преступления и наказания: «Уголовный закон и уголовное правосудие не могут выполнять своего назначения как регуляторов общественных отношений и результативных средств противодействия преступлениям, если они не пронизаны идеей справедливости, воплотившей в себе передовую человеческую мораль и верность (соответствие) истине»³. Классическое определение справедливости выражается одной фразой suum cuique (всякому свое или каждому по его заслугам). На этом древнем постулате основывается

вся система права и, как показывает опыт, именно он обеспечивает ее устойчивость 4. Несмотря на сложности, связанные с различным пониманием справедливости⁵, в целом как стандарт правосудия она ассоциируется с надлежащим доказыванием вины подозреваемого в совершении преступления (т.е. с соблюдением его прав. в т.ч. права на зашиту, на быстрое разрешение дела и т.д.), с назначением ему соответствующего наказания и с реализацией права на возмещение вреда потерпевшему от преступления. Создание нового органа на основе Статута, который «устанавливает подлинную международную систему уголовной юстиции»⁶, отчетливо высветило проблемы справедливости правосудия, менее заметные в национальных судах в силу рутинности их процедур.

Международным уголовным судом вынесены приговоры девяти лицам: пятеро были осуждены за военные преступления и (или) преступления против человечности (один впоследствии оправдан); еще четверо — адвокаты Жан-Пьера Бемба Гомбо, т.е. специфичные для МУС осужденные, признанные виновными в преступлениях против

¹ См., напр.: *Букуру Ж.-Б., Солнцев А.М.* Вопросы легитимности Международного уголовного суда в его отношениях с африканскими государствами в сфере борьбы с международными преступлениями // Всеросс. криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 332—339; *Кибальник А.Г.* Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Там же. С. 300—310; *Shamsi N.* The ICC: A Political Tool? How the Rome Statute Is Susceptible to The Pressures of More Power States // Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 85—104; *Mutua M.* The International Criminal Court: Promise and Politics // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). Vol. 109. Adapting to a Rapidly Changing World, 2015. P. 269—272.

² См., напр.: Толковый словарь Ожегова. URL: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23270; Dictionary by Merriam-Webster. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/justice (дата обращения: 27.11.2020).

³ Сидоров Б.В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 189.

⁴ См.: *Kirk R*. The Meaning of Justice // The Heritage Foundation. URL: https://www.heritage.org/poverty-and-inequality/report/the-meaning-justice (дата обращения: 27.11.2020).

 $^{^{5}}$ В ст. 6 УК РФ указывается, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Конституционный Суд РФ, упоминая в своих определениях справедливость, ассоциировал ее с четкими определениями преступления и наказания (Определение от 06.10.2015 г. № 2444-О), обоснованностью приговора и следованием нормам права (Определение от 25.01.2005 г. № 42-О) и даже с независимостью и беспристрастностью судей (Определение от 11.04.2019 г. № 855-О). В Римском статуте справедливость (fair) упоминается достаточно часто (ст. 36, 55, 64, 67 и т.д.), однако значение этого термина не раскрывается. В современной научной литературе справедливость в зависимости от контекста ассоциируется с соблюдением прав человека, с точным следованием принципам равенства и законности, с выявлением истинного смысла закона, с восстановительным правосудием и т.д.

⁶ Международный уголовный суд // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // https://www.un.org/ru/law/icc/qa.shtml (дата обращения: 28.04.2020).

отправления правосудия. Если на основании имеющихся приговоров проанализировать такие параметры деятельности Международного уголовного суда, как инкриминируемые осужденным преступления, сроки содержания под стражей, назначенные наказания и места их последующего отбытия, то можно утверждать, что в этом отношении существуют следующие особенности:

чрезвычайно длительные сроки содержания под стражей (Томас Лубанга Дьило — чуть менее 7 лет, а Жермен Катанга — чуть менее 8 лет; Жан-Пьер Бемба Гомбо — около 10 лет; Боско Нтаганда — чуть более 6 лет; Ахмад аль-Махди аль-Факи — около года, притом что он сразу же признался и раскаялся в совершении инкриминируемых преступлений);

небольшие по меркам международных трибуналов или большинства национальных судов итоговые сроки лишения свободы лицам, занимающим высокие должности в иерархии организаций, причастных к случаям массового насилия (Томас Лубанга Дьило приговорен к 14 годам лишения свободы; Жермен Катанга – к 12 годам (после апелляции приговор был немного смягчен); Жан-Пьер Бемба Гомбо – к 18 годам (впоследствии оправдан); Боско Нтаганда – к 30 годам; Ахмад аль-Махди аль-Факи – к 9 годам лишения свободы. В Российской Федерации, например, 10-15 лет лишения свободы назначается за организацию банды из нескольких человек и совершение нескольких разбойных нападений без причинения смерти, хотя это куда менее опасные преступления, чем создание небольшой личной армии, целенаправленно занимающейся убийствами и мародерством);

создание специального фонда и акцентирование внимания на компенсациях жертвам преступлений вплоть до интеграции в уголовную систему специфичных процедур возмещения ущерба, например, строительства памятных сооружений или жилья.

На наш взгляд, все вышеперечисленные особенности связаны с вполне понятным желанием создать справедливый орган уголовной юстиции, доведя до совершенства имеющейся в этой области опыт как отдельных государств, так и международного сообщества 7. И поэтому они отчетливо демонстрируют пределы справедливости, которые возможны при использовании традиционных подходов к пониманию преступления, его расследованию и назначению наказания.

Так, например, в Римском статуте МУС признается целый ряд прав подозреваемых и обвиняемых (ст. 55, 67), а также строгие процедуры, с тем чтобы защитить невиновных физических лиц от

необоснованного или политически мотивированного уголовного расследования. Стремление к максимальной справедливости процесса и убедительных доказательств вполне ожидаемо привело к усложнению процедур уголовного преследования. В свою очередь, это стало причиной их значительной длительности. Безусловно, расследование случаев массового насилия требует большого количества времени. Так. в The Prosecutor v. Bosco Ntaganda Судебная палата исследовала 1791 предмет в качестве доказательств и более 1400 страниц письменных замечаний от сторон и законных представителей потерпевших, а в The Prosecutor v. Jean-Pierre *Bemba Gombo* — 733 вещественных доказательства, в т.ч. 3724 страницы документов, а также заслушала 77 свидетелей. Но на время уголовного расследования даже не заключенное под стражу лицо теряет ряд своих прав и не может продолжать обычную жизнь, а заключенный под стражу, по сути, оказывается наказан еще до признания его виновным.

Аналогичные проблемы существуют и в национальных системах уголовной юстиции. Сроки предварительного и судебного расследования там меньше, зато актуальна частота обращения граждан к упрощенным процедурам уголовного правосудия. Так, в США в последние годы более 97% дел рассматриваются в рамках соглашения о признании вины⁸, несмотря на имидж американских судов как оплота справедливости и максимальной реализации принципа состязательности. Аналогичное положение дел имеет место и в Российской Федерации, где в первом полугодии 2019 г. в отношении более 58% лиц был вынесен судебный акт в рамках особого производства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, притом, что наказание таким осужденным фактически не смягчается 9. Это интересный феномен, когда попытка соответствовать высочайшим стандартам защиты прав лица, обвиняемого в совершении преступления, ведет в конечном счете к возникновению и развитию предельно прагматичных процедур, далеких от реализации принципов уголовного

⁷ Cm.: *Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2001. P. 1–21.

⁸ См.: Sourcebook of Federal Sentencing Statistics, 2018. United States Sentencing Commission. URL: https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/annual-reports-and-sourcebooks/2018/Figure05.pdf (дата обращения: 10.04.2020). Аналогичные показатели имели место и в предыдущие годы (см.: The Trial Penalty: The Sixth Amendment Right to Trial on the Verge of Extinction and How to Save It. P. 18 // The National Association of Criminal Defense Lawyers. URL: https://www.nacdl.org/getattachment/95b7f0f5-90df-4f9f-9115-520b3f58036a/the-trial-penalty-the-sixth-amendment-right-to-trial-on-the-verge-of-extinction-and-how-to-save-it.pdf (дата обращения: 10.04.2020)).

 $^{^9}$ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1-е полугодие 2019 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // https://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 12.03.2020).

правосудия. Все вышесказанное ни в коем случае не должно трактоваться как призыв к отказу от состязательности, игнорированию справедливости и некачественному исследованию представленных доказательств в судах. Речь идет о том, что защита прав обвиняемых не может сочетаться с лицемерным пренебрежением фактом их уязвимого положения на время расследования преступления. Следовательно, стандарты прав человека предполагают не только усложнение процедур доказывания, но и применение новых способов контроля за подозреваемым (обвиняемым) с тем, чтобы, с одной стороны, временные, репутационные и финансовые издержки его были не столь значительны, а с другой – чтобы была исключена возможность совершения им нового преступления или побега.

Интересно, что развитие технологий, например, в криминалистике намного опережает развитие технических устройств контроля за подозреваемыми, обвиняемыми или осужденными. Представляется, что это связано не столько с их технической сложностью или страхом перед репрессивной цифровой продукцией, сколько с направленностью уголовного процесса на раскрытие дела, а не на зашиту прав лица, вероятно совершившего преступление. Громкие заявления о том, что «все обвиняемые считаются невиновными, пока их вина не будет доказана вне всякого разумного сомнения в Суде» ¹⁰, оттененные длительными сроками заключения под стражу, наглядно демонстрируют, что даже созданный по стандартам орган уголовного правосудия имеет своей целью именно расследование преступлений. А сопутствующий этому ущерб правам человека рассматривается как незначительный и необходимый вред. В этом отношении опыт МУС сложно признать прогрессивным или достойным заимствования. Скорее это наглядная демонстрация того, насколько уязвимыми являются права человека, подозреваемого в совершении преступления, в контексте общественного интереса.

По-другому обстоят дела, когда речь касается назначения Судом наказания за совершенные преступления. МУС не наделен правом выносить смертные приговоры, что соответствует понятию гуманизма, и может назначить наказание только в виде лишения свободы на срок до 30 лет или пожизненное заключение, а также дополнительные наказания в виде штрафа или конфискации доходов, имущества и активов (ст. 77 Статута). В Преамбуле Римского статута МУС определены следующие цели привлечения виновных к уголовной ответственности: «Положить конец безнаказанности лиц, совершающих такие преступления, и тем

самым способствовать предупреждению подобных преступлений» ¹¹. Это соответствует стандартной для большинства национальных систем уголовного правосудия цели наказания, а именно превенции (сдерживания) посредством применения к лицу мер государственного принуждения (кары).

Деятельность МУС демонстрирует, насколько сложно достижимыми и противоречащими друг другу являются обе эти цели. В Преамбуле Римского статута заявляется о важности не оставлять безнаказанными самые тяжкие преступления, поскольку это способствует их предотвращению. Кара и превенция одновременно — это идеальные цели наказания, но, вероятно, совсем не то, что в реальности может быть достигнуто ¹². Более того, представляется, что страх перед наказанием может стать фактором совершения новых преступлений. Например, в практике встречаются случаи, когда в попытке избежать наказания за одно преступление, например, за кражу, лицо совершает другое более тяжкое, например, убийство. А в недавнем исследовании корреляции между уровнем репрессий в государстве и возможностью наказания его лидера Международным уголовным судом и вовсе утверждается, что чем выше вероятность привлечения диктатора к уголовной ответственности за совершенные ранее преступления, тем выше шанс скатывания государства к насилию и зверствам в отношении граждан¹³.

Безусловно, осуждение, например, Томаса Лубанга Дьило, Жермен Катанги и Боско Нтаганды коррелирует с уменьшением интенсивности насилия в Итури, провинции ДРК, где они действовали. Но взаимосвязь здесь достаточно сложная 14. Скорее, наоборот, интенсивное вмешательство международного сообщества в 2003—2006 гг. в целях сдерживания насилия позволило привлечь к ответственности ряд лиц как на уровне международного правосудия, так и внутри самого ДРК.

¹⁰ Международный уголовный суд // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // https://www.un.org/ru/law/icc/qa.shtml (дата обращения: 28.04.2020).

¹¹ Римский статут Международного уголовного суда (2002) 2187 UNTS90 // Официальный сайт Организации Объединенных Наций // https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения: 28.04.2020).

¹² См.: *Кури X., Ильченко О.Ю.* Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 252, 253.

¹³ См.: *Larcom S., Sarr M., Willems T.* What Shall We Do with the Bad Dictator? (January 19, 2014). University of Oxford Department of Economics Discussion Paper No. 682. URL: https://www.economics.ox.ac.uk/materials/papers/12898/paper671.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

¹⁴ Исследования показывают, что деятельность МУС действительно имеет сдерживающий эффект для случаев массового насилия, однако обусловливается он целым рядом факторов, а не только привлечением лиц к уголовной ответственности (см.: *Jo H., Simmons B.* Can the International Criminal Court Deter Atrocity? // International Organization. 2016. Vol. 70. No. 3. P. 443–475).

Активизация конфликта с декабря 2017 г. и его спорадические обострения в предшествующие годы однозначно свидетельствуют о том, что уголовное правосудие не предотвратило последующие случаи массового насилия. В лучшем случае речь шла о его уменьшении и скорее в контексте предельно осторожного вмешательства внешних сил (следует отметить, что часто такое вмешательство лишь провоцирует новое насилие в связи с чем в Преамбуле Римского статута специально подчеркивается, что «ничто в настоящем Статуте не должно восприниматься как дающее какому-либо государству-участнику право вмешиваться в вооруженный конфликт или во внутренние дела любого государства» 15).

Справедливое стремление жестоко покарать лиц, участвующих в массовом насилии, имеет еще одно негативное последствие. Уместно вспомнить о таких известных заключенных, как Андерс Беринг Брейвик и Роберт Модсли. Один был осужден в 2012 г., другой — в первый раз в 1974 г. (первое осуждение Модсли, впоследствии он совершил ряд убийств уже в местах лишения свободы). Оба считают свои условия лишения свободы бесчеловечными. В отношении Брейвика с этим сложно согласиться, т.к. срок его нахождения в местах лишения свободы пока не так долог, преступление совершено относительно недавно, а шок от его жестокости у общества все еще не прошел. Соответственно, большинство людей выражают мысль о необходимости причинения Брейвику больших мучений в рамках наказания. Модсли же сидит в подвальном помещении-клетке уже 27 лет, а всего провел в местах лишения свободы 37 лет. И ровно наоборот, в последнее годы все чаще раздаются призывы к проявлению гуманизма хотя бы в последние годы его жизни, а также имеет место попытка объяснить совершение им преступлений недостатками системы социальной помощи (документальный сериал о нем был назван созвучно этой идее «Создавая монстра»). На основании этого примера можно приветствовать осторожный подход МУС к большим срокам лишения свободы - кажущиеся справедливыми ныне, они могут оказаться проблемой в будущем. В то же время решения о небольших сроках наказания снижают ощущение справедливости, когда речь идет о причастности лица к тяжким преступлениям. Поэтому вероятно в международном уголовном правосудии разумнее было бы использовать достаточно развитую и хорошо зарекомендовавшую себя систему помилования или периодического пересмотра срока наказания.

Аналогичные, хотя и менее выраженные проблемы достижения целей наказания, встают

и перед большинством национальных уголовных судов. Строгость наказания неоднозначно коррелирует с показателями преступности ¹⁶. Более того, само по себе привлечение к уголовной ответственности не может полностью устранить преступность и даже значимо уменьшить количество преступлений ¹⁷. Наказание является скорее итоговой и неотъемлемой частью предупреждения и расследования преступлений, иначе и первое, и тем более второе теряет свой смысл. Но вместе с этим любое из используемых наказаний — это дорогостоящее, требующее больших ресурсов, включающее значительную коррупционную составляющую или связанное с рядом организационных проблем действие, часто само по себе порождающее преступность (например, насилие в местах лишения свободы). Участвующие в разработке Римского статута ученые-юристы также не смогли предложить оптимального решения, оставив в арсенале МУС лишь традиционный и, пожалуй, самый проблемный и дорогой для исполнения вид наказания - длительное лишение свободы.

Нельзя не отметить, что на практике Суд редко использует свои карательные полномочия, часто предпочитая ограничиваться лишь самим фактом расследования дела и сопутствующими заявлениями, т.к. не может игнорировать болезненные политические последствия своих решений ¹⁸. Зато уделяется много внимания формированию системы помощи жертвам преступлений. Вероятно, именно этот опыт следует изучить национальным системам. Можно утверждать, что расследование и последующее порицание во многих случаях достаточны для достижения целей уголовного правосудия, а строгое наказание лишь создает дополнительную проблему последующей ресоциализации. Например, если речь идет о врачебных ошибках, преступлениях несовершеннолетних, неосторожных преступлениях, преступлениях malum prohibitum и т.д. Перенесение акцента с наказания осужденного на необходимость восстановления социальной справедливости путем возмещения ущерба, на наш взгляд, положительно скажется на системе уголовного правосудия. Согласно результатам опроса, большинство людей (78%) считают, что в случае полного возмещения вреда, причиненного преступным деянием, лицо, совершившее это деяние, целесообразно не наказывать. А вот освобождение

¹⁵ Римский статут Международного уголовного суда (2002) 2187 UNTS90.

 $^{^{16}}$ См.: *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. М., 1939.

¹⁷ См.: *Минязева Т.Ф., Добряков Д.А.* Наказание — не панацея от преступности // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 425. С. 223, 225.

¹⁸ Cm.: *Roach S.* How Political Is the ICC? Pressing Challenges and the Need for Diplomatic Efficacy // Global Governance. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 507–509.

от наказания лиц вне зависимости от позитивного посткриминального поведения вызывает у людей чувство острой несправедливости ^{19} .

В большинстве национальных систем правосудия есть процедуры компенсаций для потерпевших, но они рассматриваются как вторичные по отношению к праву представления своей позиции. В Международном уголовном суде система возмещения ущерба жертвам массового насилия считается ключевой для выполнения миссии суда ^{20} . Возможность возмещения ущерба и Целевой фонд, учрежденный в интересах жертв и их семей, предусмотрены ст. 75, 79 Римского статута. В настоящее время присуждено возмещение потерпевшим от преступлений трех осужденных — Томаса Лубанга Дьило, Жермена Катанги, Ахмада аль-Махди аль-Факи, а по делу осужденного Боско Нтаганды ожидается открытие процедур возмещения. Репарации в Международном уголовном суде имеют ряд особенностей. Так, по делу Жермена Катанги потерпевшим были присуждены как символическая компенсация (250 долл.), так и коллективное возмещение в виде расходов на строительство жилья, на получение образования и профессиональных компетенций, а также на психологическую помощь. В связи с плохим материальным положением осужденного для этих целей было предложено использовать ресурсы Целевого фонда. Аналогичные процедуры имели место и в отношении остальных репатриаций, в том смысле, что акцент делался на реабилитацию и материальную поддержку жертвам.

Эффективность подобного подхода еще предстоит оценить (работа в связи с назначенными Судом мерами поддержки была начата лишь в 2017 г.), однако на Целевой фонд возлагаются большие надежды. Это представляется обоснованным, т.к. современные концепции предупреждения преступлений однозначно свидетельствуют о наличии прямой пропорциональности между количеством преступлений и такими неблагоприятными факторами, как насилие в семье, бедность, отсутствие доступного образования и т.д. В этом отношении случаи массового насилия являются самовопроизводящимися преступлениями, которые могут быть остановлены лишь психологической, физической и материальной поддержкой лиц, оказавшихся вовлеченными в них.

Опыт Международного уголовного суда по материальной и психологической поддержке жертв

преступлений как способе превенции может быть интересен и для национальных юрисдикций. Дело в том, что преступления часто взаимосвязаны. Иногда эта взаимосвязь прослеживается – известно, что домашнее насилие способствует возникновению криминогенной конфликтной ситуации, провоцирует у его участников девиантное сексуальное поведение, алкоголизм, наркоманию и т.д. 21 Иногда корреляция статистически не может быть выявлена, например, если потеря денег из-за мошенничества приводит к тому, что мать с малолетней дочерью переселяется в дом к неблагополучным родственникам, где ребенок подвергается сексуальному насилию. Работа с потерпевшими может стать способом предотвращения новых преступлений. Можно также предположить, что в ряде случаев, например, при изнасиловании, возмездие само по себе, без помощи и реабилитации, может быть недостаточным мотивом для жертвы, чтобы участвовать в следственных действиях, особенно, если преступник является родственником или знакомым²². Подобное поведение потерпевших порождает ощущение безнаказанности – главного врага превенции.

Исследования показывают, что восприятие потерпевшими того, как для них проходит соприкосновение с системой уголовного правосудия, меняется в зависимости от признания обществом того факта, что они пострадали как личности и стали жертвой несправедливости. Само по себе участие в разбирательстве и даже воздаяние лицу за преступления, по-видимому, лишь усиливает недовольство потерпевших — они чаще говорят о своей ненависти, клеймят виновных и заявляют о допущенной несправедливости. Наоборот, потерпевшие, получившие поддержку от своего непосредственного окружения, даже не участвующие в процессе, характеризуют свой опыт как положительный 23. Несмотря на это, работа с потерпевшими от преступлений в контексте психологической и материальной поддержки - это аспект, который часто недостаточно выражен в национальных судебных системах, сосредоточенных на возмездии. А поскольку система уголовного правосудия, не обеспечивающая интересы потерпевших, в целом воспринимается всеми как несправедливая, то восстановительное правосудие – важное, а вероятно, даже ключевое направление развития уголовного

¹⁹ См.: *Смирнов А.М.* Уголовно-правовая безнаказанность преступного деяния: к постановке проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 55, 56.

²⁰ Cm.: Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo, 'Corrigendum of Decision on the Prosecutor's Application for a Warrant of Arrest, article 58'. ICC-01/04-01/06. Pre-Trial Chamber I. 10 February 2006. P. 150.

²¹ См.: *Елфимова Е.И.* Правовые проблемы борьбы с домашним насилием // Legal Concept. 2013. № 2. С. 156, 157.

²² См.: *Гусарова М.В.* Преступления сексуальной направленности как вид латентной преступности (факторы формирования и пути минимизации) // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 4 (38). С. 445.

²³ См.: *Раушенбах М., Скалиа Д*. Потерпевшие и международная уголовная юстиция: больной вопрос? // Международный журнал Красного Креста. 2008. № 870. С. 333—336.

правосудия. Оно помогает эффективно решать основные задачи наказания — восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений. Поэтому опыт и результаты деятельности Международного уголовного суда в этом направлении интересны и достойны заимствования. Особенно в свете того, что у национального правосудия есть больше возможностей для привлечения осужденных к заглаживанию причиненного вреда — от материальных компенсаций и оказания непосредственной помощи потерпевшим до извинений и внесения взносов в благотворительные фонды, помогающие жертвам совершенного преступления.

* * *

На основании вышеизложенного можно сформулировать несколько выводов.

Деятельность Международного уголовного суда демонстрирует пределы справедливости, которые возможны при использовании традиционных, характерных для национальных систем уголовной юстиции подходов к пониманию преступления, его расследованию и назначению наказания.

Во-первых, это касается сложности поиска баланса интересов правосудия и прав человека. Для МУС характерны длительные сроки содержания под стражей, которые наглядно демонстрируют, что даже созданный по стандартам орган уголовного правосудия имеет своей целью именно расследование преступлений. А сопутствующий этому ущерб правам человека рассматривается как незначительный и необходимый вред. В свете этого становится понятным феномен того, почему лица, подозреваемые в совершении преступлений, часто предпочитают предельно прагматичные процедуры признания вины и особого производства, предоставленные национальными судами, вместо того, чтобы отстаивать свои права в длительном состязательном процессе. Это свидетельствует о том, что право на защиту становится эфемерным, если оно сопряжено с лишением обвиняемого других базовых прав.

Во-вторых, сложным вопросом является возможность достижения главных целей наказания — кары и превенции. Деятельность МУС демонстрирует, насколько эти цели сложно достижимы и противоречат друг другу. Наказание есть скорее итоговая и неотъемлемая часть предупреждения и расследования преступлений, иначе и первое, и тем более, второе теряет свой смысл. При этом исполнение наказания — это деятельность, сопряженная с рядом трудностей и рисков. В этом отношении осторожный подход МУС к карательным полномочиям — это хотя и не бесспорный, но достойный изучения опыт. Можно утверждать, что

расследование и последующее порицание во многих случаях достаточны для достижения целей уголовного правосудия.

В-третьих, можно приветствовать внимание МУС к формированию системы помощи жертвам преступлений. В большинстве национальных систем правосудия процедуры компенсаций для потерпевших рассматриваются как вторичные по отношению к праву представления своей позиции. Это представляется необоснованным, т.к. работа с потерпевшими от преступлений в контексте психологической и материальной поддержки — важное, а вероятно, даже ключевое направление развития уголовного правосудия, поскольку оно помогает эффективно решать ключевые задачи наказания — восстановление социальной справедливости и предупреждение преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. М., 1939.
- 2. *Букуру Ж.-Б., Солнцев А.М.* Вопросы легитимности Международного уголовного суда в его отношениях с африканскими государствами в сфере борьбы с международными преступлениями // Всеросс. криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 332—339.
- 3. *Гусарова М.В.* Преступления сексуальной направленности как вид латентной преступности (факторы формирования и пути минимизации) // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 4 (38). С. 445.
- 4. *Елфимова Е.И*. Правовые проблемы борьбы с домашним насилием // Legal Concept. 2013. № 2. С. 156, 157.
- 5. *Кибальник А. Г.* Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всеросс. криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 300—310.
- Кури Х., Ильченко О.Ю. Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2 (26). С. 252, 253.
- 7. *Минязева Т.Ф., Добряков Д.А.* Наказание не панацея от преступности // Вестник Томского гос. ун-та. 2017. № 425. С. 223, 225.
- 8. *Раушенбах М., Скалиа Д.* Потерпевшие и международная уголовная юстиция: больной вопрос? // Международный журнал Красного Креста. 2008. № 870. С. 333—336.
- 9. *Сидоров Б. В.* Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 189.
- 10. *Смирнов А.М.* Уголовно-правовая безнаказанность преступного деяния: к постановке проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 55, 56.

- 11. *Jo H.*, *Simmons B*. Can the International Criminal Court Deter Atrocity? // International Organization. 2016. Vol. 70. No. 3. P. 443–475.
- 12. *Kirk R*. The Meaning of Justice // The Heritage Foundation. URL: https://www.heritage.org/poverty-and-inequality/report/the-meaning-justice (дата обращения: 27.11.2020).
- 13. Larcom S., Sarr M., Willems T. What Shall We Do with the Bad Dictator? (January 19, 2014). University of Oxford Department of Economics Discussion Paper No. 682. URL: https://www.economics.ox.ac.uk/materials/papers/12898/paper671.pdf (дата обращения: 12.03.2020).
- 14. *Mutua M*. The International Criminal Court: Promise and Politics // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). Vol. 109. Adapting to a Rapidly Changing World, 2015. P. 269–272.
- 15. *Roach S*. How Political Is the ICC? Pressing Challenges and the Need for Diplomatic Efficacy // Global Governance. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 507–509.
- 16. *Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2001. P. 1–21.
- 17. Shamsi N. The ICC: A Political Tool? How the Rome Statute Is Susceptible to The Pressures of More Power States // Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 85–104.

REFERENCES

- Beccaria Ch. On crimes and punishments / transl. and intro. art. M.M. Isaev. M., 1939 (in Russ.).
- Bukuru Zh.-B., Solntsev A.M. Questions of legitimacy of the International Criminal Court in its relations with African states in the field of combating international crimes // All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 332–339 (in Russ.).
- 3. Gusarova M.V. Crimes of sexual orientation as a type of latent crime (factors of formation and ways of minimization) // Herald of Kazan Legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (38). P. 445 (in Russ.).
- 4. *Elfimova E.I.* Legal problems of combating domestic violence // Legal Concept. 2013. No. 2. P. 156, 157 (in Russ.).
- Kibalnik A. G. Crime of aggression: deceived expectations of International Criminal Law // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 2. P. 300–310 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОРАБЛЕВА Светлана Юрьевна –

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; 119034 г. Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр. 1

- 6. *Kuri H., Ilchenko O. Yu.* The effectiveness of punishment: results of international studies // Actual problems of economics and law. 2013. No. 2 (26). P. 252, 253 (in Russ.).
- 7. *Minyazeva T.F., Dobryakov D.A.* Punishment is not a panacea for crime // Herald of the Tomsk State University. 2017. No. 425. P. 223, 225 (in Russ.).
- 8. *Rauschenbach M., Scalia D.* Victims and international criminal justice: a sore point? // International Journal of the Red Cross. 2008. No. 870. P. 333–336 (in Russ.).
- 9. Sidorov B. V. The principle of justice: its place in the system of principles and norms of Criminal Law and issues of improving Criminal Law // Herald of Economics, Law and Sociology. 2016. No. 4. P. 189 (in Russ.).
- 10. *Smirnov A. M.* Criminal and legal impunity of a criminal act: towards the formulation of a problem // Legal science and law enforcement practice. 2018. No. 2 (44). P. 55, 56 (in Russ.).
- 11. *Jo H., Simmons B.* Can the International Criminal Court Deter Atrocity? // International Organization. 2016. Vol. 70. No. 3. P. 443–475.
- 12. *Kirk R*. The Meaning of Justice // The Heritage Foundation. URL: https://www.heritage.org/poverty-and-in-equality/report/the-meaning-justice (дата обращения: 27.11.2020).
- 13. Larcom S., Sarr M., Willems T. What Shall We Do with the Bad Dictator? (January 19, 2014). University of Oxford Department of Economics Discussion Paper No. 682. URL: https://www.economics.ox.ac.uk/materials/papers/12898/paper671.pdf (дата обращения: 12.03.2020).
- 14. *Mutua M*. The International Criminal Court: Promise and Politics // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). Vol. 109. Adapting to a Rapidly Changing World, 2015. P. 269–272.
- Roach S. How Political Is the ICC? Pressing Challenges and the Need for Diplomatic Efficacy // Global Governance. 2013. Vol. 19. No. 4. P. 507–509.
- 16. *Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge, 2001. P. 1–21.
- 17. *Shamsi N*. The ICC: A Political Tool? How the Rome Statute Is Susceptible to The Pressures of More Power States // Willamette Journal of International Law and Dispute Resolution. 2016. Vol. 24. No. 1. P. 85–104.

Authors' information

KORABLEVA Svetlana Yu. –

PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Institute of International Law and Justice of Moscow State Linguistic University; 38, 1 bld. Ostozhenka str., 119034 Moscow, Russia

_____ В ГОСУДАРСТВАХ — ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ______ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КАЗАХСТАНА: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ СПОРЫ И НОРМАТИВНО-ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

© 2022 г. Е. А. Инамова^{1, 2, *}, С. А. Семикина^{2, **}, А. Н. Юсупова^{2, ***}

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского ²Саратовская государственная академия права

*E-mail: elena-1600@mail.ru **E-mail: svetlanasemikina@rambler.ru ***E-mail: asiya.yusupova@mail.ru

Поступила в редакцию 28.04.2021 г.

Аннотация. В статье анализируется законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан в области охраны окружающей среды, а также рассмотрение экологических споров судами общей юрисдикции и арбитражными судами Российской Федерации в аспекте судебной политики. Дан анализ понятия «вред окружающей среде», предусмотренного в законодательстве Российской Федерации и Лирективе Европейского Союза.

Авторами обращается внимание на то, что в Российской Федерации в 2020 г. возможно введение экологического налога, сборы от которого будут направлены на поддержание экопрограмм.

На основании Экологического кодекса Республики Казахстан рассматривается изменение законодательства по вопросам хранения, размещения, переработки и захоронения отходов. Отмечается, что в 2011 г. термин «размещение отходов» был заменен на термин «места временного хранения отходов», что внесло ясность в судебную практику. Проведена наглядная параллель между этими терминами путем приведения конкретного примера из материалов судебной практики.

Уделяется внимание Правилам экономической оценки ущерба от загрязнения окружающей среды, в которых отсутствует четкое определение критериев, устанавливающих факт загрязнения природного объекта. Согласно этим Правилам, вред окружающей среде имеет субъективную природу и не связан с деградацией объекта. Затрагивается спорный вопрос о соблюдении принципов равноправия и состязательности сторон при рассмотрении споров о возмещении вреда окружающей среде.

Авторы приходят к выводу о том, что компетентное рассмотрение и защита прав в области охраны окружающей среды во многом зависит от грамотной выработки и системности судебной политики.

Ключевые слова: окружающая среда, экопрограмма, судебная политика, судебные органы, Евразийский экономический союз, экологические правонарушения, восстановительные мероприятия, гражданско-правовая ответственность.

Цитирование: Инамова Е.А., Семикина С.А., Юсупова А.Н. Судебная политика России и Казахстана: экологические споры и нормативно-правоприменительные механизмы их разрешения // Государство и право. 2022. № 4. С. 143—153.

DOI: 10.31857/S102694520019560-7

JUDICIAL POLICY OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN: ENVIRONMENTAL DISPUTES AND REGULATORY AND LAW ENFORCEMENT MECHANISMS FOR THEIR RESOLUTION

© 2022 E. A. Inamova^{1, 2, *}, S. A. Semikina^{2, **}, A. N. Yusupova^{2, ***}

¹Chernyshevsky Saratov National Research State University ²Saratov State Law Academy

*E-mail: elena-1600@mail.ru

**E-mail: svetlanasemikina@rambler.ru

***E-mail: asiva.vusupoya@mail.ru

Received 28.04.2021

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the legislation of the Russian Federation and Republic of Kazakhstan in the sphere of environmental protection. The authors also describe the consideration of ecological disputes by courts of general jurisdiction and arbitrary courts of the Russian Federation in terms of judicial policy. The term of "harm inflicted upon the environment" prescribed by legislation of the Russian Federation and European Unity Directive, is analyzed.

The authors pay attention to the fact that in the Russian Federation in 2020 it is possible that environmental tax will be introduced. Fees from this tax will be used to support eco-programs.

Basing upon the Environmental Code of the Republic of Kazakhstan the authors explain changes in legislation which concern storage, placing, conversion, and burial of waste. It is noted that in 2011 the term of "placing of waste" was substituted by the term of "temporary waste storage facility" which brought particular clarity into judicial practice. The authors make demonstrative parallel between these terms by means of particular example from the materials of judicial practice.

Attention is paid also to the Rules for the economic evaluation of damage from environmental pollution which don't contain clear definition of criteria establishing the fact of natural object pollution. According to these rules harm inflicted upon the environment is subjective by nature and doesn't deal with degradation of the objects. The authors of the article touch the disputable issue of respecting principles of equality and adversarial character of the parties when dealing with disputes about compensation for environmental damage.

The authors conclude that qualified consideration and protection of rights in the sphere of environmental protection mostly depend on competent development and systematic character of judicial policy.

Key words: environment, eco-program, judicial policy, judicial bodies, Eurasian Economic Unity, ecological breaches, remedial measures, civil and legal responsibility.

For citation: Inamova, E.A., S.A. Semikina, S.A., Yusupova, A.N. (2022). Judicial policy of Russia and Kazakhstan: environmental disputes and regulatory and law enforcement mechanisms for their resolution // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 143–153.

Значительная роль в государствах Евразийского экономического союза (Россия, Беларусь, Армения, Кыргызстан, Казахстан) принадлежит судебной политике. Осуществление судебной реформы, совершенствование и реализация механизма судебной защиты, укрепление органов судебной власти, развитие всех аспектов судебной деятельности делают востребованной и необходимой реализацию судебной политики в каждом правовом государстве.

Обратим внимание на основные аспекты реализации судебной политики на примере экологических споров в Российской Федерации и Республике Казахстан.

В настоящее время сложилась довольно разветвленная сеть международных организаций,

которые в той или иной мере занимаются экологической проблемой. Как отмечалось на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в сентябре 2009 г., межправительственных экологических организаций на сегодняшний день около 60¹. Помимо этого, вопросы охраны окружающей среды рассматриваются на саммитах АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) — высшем политическом органе организации. АСЕАН провозгласила в п. 9 ст. 1 Устава 2008 г.: способствовать устойчивому развитию

¹ См.: Speech delivered by H.E. Mr. Nicolas Sarkozy, President of the French Republic, New York, 23rd September 2009. URL: www.un.org/ga/64/generaldebate/index.shtml (дата обращения: 14.04.2021).

с целью защиты окружающей среды региона, эффективному использованию природных ресурсов, сохранению культурного наследия и высокого уровня жизни народов².

Таким образом, можно полагать, что охрана окружающей среды становится важным, неотъемлемым, первостепенным условием любой эколого-хозяйственной деятельности, т.е. экономическое развитие государства должно быть «экологически безопасным».

Российские и зарубежные ученые не подвергают сомнению тот факт, что окружающая среда — это объект общественных интересов, публичное благо³. М.М. Бринчук считает природу общественным достоянием, общим благом⁴, с чем нельзя не согласиться.

Важно отметить, что сочетание экономического роста и обеспечения благоприятной окружающей среды есть исходное начало стратегии устойчивого развития, выработанной международным сообшеством.

Общая характеристика судебной политики Российской Федерации, Республики Казахстан в сфере экологии

Все большее значение приобретает «фактор экономической эффективности любой деятельности, так и или иначе направленной на "оздоровление" окружающей среды и рационализацию использования природных ресурсов, для чего внедряются новые безотходные, малоотходные, ресурсосберегающие технологии, современные очистные сооружения и т.д.»⁵.

Возвращаясь к аспектам судебной политики, следует подчеркнуть, что в России подобную политику в сфере судопроизводства формируют судебные акты вышестоящих судебных органов, в частности постановления Пленума Верховного Суда РФ. Они играют значимую роль при рассмотрении экологических споров и вынесении судебных актов арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Так, в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства

о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» говорится: «Суды вправе принять решение об ограничении или приостановлении деятельности, осуществляемой с нарушением природоохранных требований, в случаях, когда допущенные нарушения имеют устранимый характер (например, сброс сточных вод с превышением нормативов содержания вредных веществ или выбросы вредных (загрязняющих) веществ в атмосферный воздух в отсутствие необходимого разрешения). Принимая решение, суд должен указать обстоятельства, с наступлением которых связывается возможность возобновления такой деятельности в будущем (например, получение положительного заключения экологической экспертизы, ввод в эксплуатацию очистных сооружений, получение разрешения на выбросы загрязняющих веществ), а также срок, в течение которого необходимо устранить допущенные нарушения (часть 2 статьи 206 ГПК РФ, части 1, 2 статьи 174 АПК Р Φ). Неустранение нарушения в установленный срок может являться основанием для обращения в суд с требованием о прекращении соответствующей деятельности» 6.

В п. 26 этого же постановления предусмотрено, что «если допущенные нарушения законодательства в области охраны окружающей среды носят неустранимый характер, суд вправе обязать ответчика прекратить соответствующую деятельность (например, при размещении отходов производства и потребления на объектах, не подлежащих внесению в государственный реестр объектов размещения отходов). При отсутствии в деле доказательств, свидетельствующих о наличии достаточных оснований для прекращения деятельности ответчика, осуществляемой с нарушением природоохранного законодательства, суд, учитывая наличие публичного интереса в обеспечении экологической безопасности и сохранении благоприятной окружающей среды, вправе вынести на обсуждение лиц, участвующих в деле, вопрос об ограничении или приостановлении такой деятельности (статья 56 ГПК РФ, статья 65 АПК РФ)».

В продолжение дискуссии относительно вопросов охраны окружающей среды отметим, что Президентом Республики Казахстан на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2012 г. была выдвинута Глобальная международная программа «Зеленый мост», поддержанная членами Общеевропейской конференции министров по окружающей среде и развитию, экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана, Европейской экономической комиссией ООН и другими международными организациями.

² См.: *Нгуен Куанг Т.* АСЕАН: экология, политика, международное право. М., 2013.

³ См.: *Бринчук М.М.* Природа — публичное благо // Государство и право. 2013. № 8. С. 15—26; *Тихомиров Ю.А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал росс. права. 2001. № 5. С. 3—12.

⁴ См.: *Бринчук М. М.* Природа — достояние общества // Вестник МИТХТ. Сер. «Социально-гуманитарные науки и экология». 2015. № 1. С. 41–45.

⁵ *Рахымгожина У. Н.* Экологические споры: практика и проблемы правового регулирования. URL: https://www.za-kon.kz/4592213-jekologicheskie-spory-praktika-i.html (дата обращения: 14.04.2021).

⁶ См.: Росс. газ. 2017. 11 дек.

Кроме этого в Послании Президента Республики Казахстан «Стратегия «Казахстан-2050» отмечено: «Необходимо внедрить принципиально новую систему управления природными ресурсами... К 2025 году мы должны полностью обеспечить собственный рынок горюче-смазочными материалами в соответствии с новыми стандартами экологичности. Все добывающие предприятия должны внедрять только экологически безвредные производства» 7.

Однако предусмотренные действующим Экологическим кодексом Республики Казахстан от 9 января 2007 г. № 212-III ЗРК меры стимулирования так и остаются невостребованными по причине отсутствия в законодательстве необходимых норм, устанавливающих конкретные способы их реализации⁸.

В законодательстве Российской Федерации установлены тарифы за загрязнение окружающей среды (постановление Правительства РФ от 13.09.2016 г. № 913 «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах»⁹), но тем самым отсутствуют т.н. «зеленые» налоги, существующие в развитых европейских государствах, поддержка предпринимательской, инновационной деятельности, направленной на охрану окружающей среды, и другие механизмы, стимулирующие субъектов предпринимательской деятельности сокращать количество образуемых отходов, выбросов и сбросов в окружающую среду и вовлекать отходы производства в повторное использование, т.е. способы экономического стимулирования охраны окружающей среды предприятиями.

Вместе с тем предпринимаются попытки введения в Российской Федерации с 2020 г. экологического налога (проект федерального закона «О внесении изменений части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» 10). «Он призван заменить действующую плату за негативное воздействие на окружающую среду. Появление нового налога не предполагает увеличения ставок платежей, однако должно сильно ужесточить режим уплаты и, видимо, его фактические сборы. Бизнес, Министерство природы РФ и эксперты считают, что в текущем виде проект может лишить регионы поступлений, которые сейчас расходуются ими на компенсацию ущерба среде. Министерство финансов РФ, в свою очередь, указывает на то, что

федеральный бюджет уже сейчас расходует на экопрограммы средства налогоплательщиков» ¹¹.

Практика использования экологического законодательства в Республике Казахстан

В качестве примера можно привести наглядное дело по иску Департамента экологии к ТОО «М» о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде, за несанкционированное размещение отходов производства и потребление на территории предприятия, не имея на это специального разрешения на эмиссии, что, по их мнению, является нарушением п. 2 ст. 288 Экологического кодекса РК.

Судом было установлено, что отходы приобретались ответчиком у третьих лиц для последующей переработки и использовались им в производственной деятельности как вторичное сырье для производства строительных материалов. Из заключения государственной экологической экспертизы на оценку воздействия на окружающую среду площадки для сортировки и подготовки промышленных отхолов к утилизации следовало, что предприятие занимается заготовкой, хранением, подготовкой к переработке и реализации черных металлов, а также выполнением работ и услуг, связанных с сортировкой и подготовкой промышленных отходов к утилизации. Площадка для сортировки и подготовки промышленных отходов к утилизации свободна от застройки, спланирована, почвенно-плодородный слой отсутствует, т.к. территория освоена ранее.

Согласно п. 1 ст. 297 Экологического кодекса РК осуществляется стимулирование мероприятий по утилизации отходов и уменьшению объемов их образования и снижению уровня опасности субъектов хозяйственной деятельности, которые внедряют технологии, направленные на уменьшение объемов образования отходов, будут утилизировать отходы в процессе производства продукции (выполнение работ, оказание услуг), осуществляют их сбор и заготовку, строительство предприятий и цехов, а также организуют производство оборудования для утилизации отходов, принимают паевое участие в финансировании мероприятий по утилизации отходов и уменьшению объемов их образования.

Суд посчитал, что в данном случае деятельность ТОО направлена именно на утилизацию отходов и уменьшение объемов их образования, для чего им была внедрена технология переработки производственных отходов ряда металлургических предприятий для производства строительных материалов. Следовательно, отходы, приобретенные ТОО у третьих лиц, не утратили полностью свои потребительские качества, соответственно

⁷ URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31305418#pos=225;-52 (дата обращения: 14.04.2021).

⁸ См.: URL: http://ecogosfond.kz/2018/08/01/31463 (дата обращения: 14.04.2021).

⁹ См.: СЗ РФ. 2016. № 38, ст. 5560.

¹⁰ См.: URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=83016 (дата обращения: 14.04.2021).

¹¹ Шаповалов Алексей, Никитина Ольга, Бутрин Дмитрий. Чистой воды налог. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3713186 (дата обращения: 14.04.2021).

после обращения в установленном законодательством порядке в собственность не относятся к отходам и рассматриваются как материалы (вторичное сырье).

Таким образом, ТОО не размещает отходы производства, а использует их в качестве вторичного сырья для производства строительных материалов.

В соответствии с приказом Министра охраны окружающей среды Республики Казахстан от 12 июня 2013 г. № 162-п «Об утверждении Типового перечня мероприятий по охране окружающей среды» 12 предусмотрены различного рода мероприятия: по охране воздушного бассейна; по охране и рациональному использованию водных ресурсов; по охране от воздействия на прибрежные и водные экосистемы; по охране земельных ресурсов; по охране и рациональному использованию недр; по охране флоры и фауны; по обращению с отходами производства и потребления; по радиационной, биологической и химической безопасности; по внедрению систем управления и наилучших безопасных технологий; по научно-исследовательским, изыскательским и другим разработкам; по экологическому просвещению и пропаганде.

Согласно ст. 96 Экологического кодекса РК «мероприятием по охране окружающей среды выступает комплекс технологических, технических, организационных, социальных и экономических мер, направленных на охрану окружающей среды и улучшение ее качества. К мероприятиям по охране окружающей среды относятся следующие:

- 1) направленные на обеспечение экологической безопасности;
- 2) улучшающие состояние компонентов окружающей среды посредством повышения качественных характеристик окружающей среды;
- 3) способствующие стабилизации и улучшению состояния экологических систем, сохранению биологического разнообразия, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов;
- 4) предупреждающие и предотвращающие нанесение ущерба окружающей среде и здоровью населения;
- 4—1) направленные на обеспечение безопасного управления опасными химическими веществами, включая стойкие органические загрязнители;
- 5) совершенствующие методы и технологии, направленные на охрану окружающей среды, рациональное природопользование и внедрение

- международных стандартов управления охраной окружающей среды;
- 6) развивающие производственный экологический контроль;
- 7) формирующие информационные системы в области охраны окружающей среды и способствующие предоставлению экологической информации;
- 8) способствующие пропаганде экологических знаний, экологическому образованию и просвещению для устойчивого развития;
- 9) направленные на сокращение объемов выбросов парниковых газов и (или) увеличение поглощения парниковых газов» ¹³.

Наряду с этим к таким мероприятиям могут быть отнесены инвестиционные экологические проекты.

По смыслу п. 1 ст. 288 Экологического кодекса РК физические и юридические лица, в процессе хозяйственной деятельности которых образуются отходы, обязаны предусмотреть меры безопасного обращения с ними, соблюдать экологические и санитарно-эпидемиологические требования и выполнять мероприятия по их утилизации, обезвреживанию и безопасному удалению.

В соответствии с п. 3 ст. 288 Экологического кодекса РК «места временного хранения отходов предназначены для безопасного хранения отходов в срок не более трех лет до их восстановления или переработки или не более одного года до их захоронения». В данный пункт были внесены изменения в соответствии с Законом РК от 3 декабря 2011 г. № 505-IV. В прежней редакции использовался термин «места размещения отходов».

Безусловно, указанные изменения внесли ясность в судебную практику, поскольку «размещение отходов» и «временное хранение отходов» являются разными понятиями. Так, согласно п. 27 и 29 ст. 1 Экологического кодекса РК «размещение отходов — хранение или захоронение отходов производства и потребления, а хранение отходов — складирование отходов в специально установленных местах для последующей утилизации, переработки и (или) удаления».

Тем не менее понятие «ущерб окружающей среде» как вред, причиненный природной среде и здоровью населения, а также сопряженные с этим вредом убытки однозначно в Кодексе не раскрыто.

В соответствии с п. 42 ст. 1 Экологического кодекса РК ущерб окружающей среде проявляется

¹² См.: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1300008559 (дата обращения: 14.04.2021).

¹³ См.: Экологический кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30085593&doc_id2=30085593#pos=157;-148&pos2=2360;-108 (дата обращения: 14.04.2021).

в загрязнении окружающей среды или изъятии природных ресурсов свыше установленных нормативов, вызвавшем или вызывающем деградацию и истощение природных ресурсов или гибель живых организмов. Таким образом, факт причинения вреда окружающей среде характеризуется квалифицирующим признаком, а именно наступившими последствиями в виде деградации естественных экологических систем и истощения природных ресурсов.

Однако вид и форма деградации конкретных объектов в законе не определены, в связи с чем невозможно установить событие причинения вреда и объективно оценить наступившие в результате этого негативные последствия.

Возникающая неопределенность порождает многочисленные споры о том, по каким критериям следует устанавливать факт причинения вреда окружающей среде при решении вопроса о его возмещении, что подтверждается сложившейся судебной практикой.

Требования о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, должны быть мотивированными, содержать ссылки на нормы материального и процессуального права, доказательства прямого действительного ущерба и причинно-следственной связи между противоправными действиями или бездействием виновного лица и причиненным ущербом.

Правила экономической оценки ущерба от загрязнения окружающей среды (утв. постановлением Правительства РК от 27.06.2007 г. № 535¹⁴) не предусматривают представление доказательств факта причинения вреда природному объекту, не устанавливают критерии загрязнения природного объекта, критерии его деградации, которые должны служить основанием для квалификации действий природопользователя и предъявления к нему требований о возмещении причиненного вреда. Как показывает практика по экологическим спорам, для исчисления размера вреда и предъявления соответствующей претензии не требуется установления самого факта причинения вреда, достаточно лишь зафиксировать факт нарушения природоохранного законодательства (причем любого), и уполномоченный орган со ссылкой на вышеуказанные Правила составляет расчет экономической оценки ущерба.

Следовательно, согласно Правилам, вред имеет субъективную природу и не связан с деградацией природного объекта, а зависит от величин разрешенных уполномоченным органом загрязняющих веществ, представленных в разрешении на эмиссии.

Таким образом, причинно-следственная связь между совершенным деянием и наступившими последствиями, как правило, не устанавливается, а событие причинения вреда природному объекту нередко определяется на основании факта привлечения к административной ответственности по результатам экологической проверки.

Подобный подход фактически исключает возможность соблюдения принципов равноправия и состязательности сторон, предусмотренных процессуальным законодательством, поскольку при рассмотрении споров о возмещении вреда окружающей среде истцы всегда оказываются в заведомо преимущественном положении.

При таком положении Правила практически превращают возмещение вреда, причиненного окружающей среде, в источник пополнения бюджета. Получается, что государство «материально заинтересовано» в сохранении сложившегося загрязнения окружающей среды и даже его нарастании, что не отвечает Глобальной международной программе «Зеленый мост».

Пункты 1 и 3 ст. 108 Экологического кодекса РК раскрывают «экономическую оценку ущерба, нанесенного окружающей среде, — стоимостное выражение затрат, необходимых для восстановления окружающей среды и потребительских свойств природных ресурсов». «Экономическая оценка ущерба от загрязнения атмосферного воздуха и водных, земельных ресурсов сверх установленных нормативов, а также от размещения отходов производства и потребления, в том числе радиоактивных, сверх установленных нормативов определяется прямым или косвенным методами согласно правилам, утверждаемым Правительством Республики Казахстан».

В соответствии со ст. 109 Экологического кодекса РК вред от загрязнения окружающей среды определяется прямым либо косвенным методом. Прямой метод экономической оценки ущерба состоит в определении фактических затрат, необходимых для восстановления окружающей среды, восполнения деградировавших природных ресурсов и оздоровления живых организмов посредством эффективных инженерных, организационно-технических и технологических мероприятий.

В п. 2 и 3 ст. 109 Экологического кодекса РК предусмотрено, что «должностными лицами уполномоченного органа в области охраны окружающей среды в первую очередь рассматривается возможность осуществления мероприятий по восстановлению окружающей среды лицом, нанесшим ущерб окружающей среде. Соответствующие обязательства по проведению мероприятий по восстановлению окружающей среды излагаются в гарантийном письме лица, нанесшего ущерб окружающей среде, с указанием конкретных мероприятий

¹⁴ См.: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P070000535 (дата обращения: 14.04.2021).

и сроков их проведения. Стоимость мер по ликвидации последствий ущерба определяется по их рыночной стоимости».

По нашему мнению, согласно экологическим нормам, прямой метод определения ущерба по сто-имости восстановительных мероприятий должен применяться в приоритетном порядке, поскольку это позволяет добиться от предприятий немедленного принятия мер по устранению последствий загрязнения и соответствует одному из основных принципов экологического законодательства — обязательности превентивных мер по предотвращению загрязнения окружающей среды и нанесения ей ущерба в любых иных формах.

Однако, как свидетельствует практика, уполномоченные органы, а именно, территориальные департаменты по экологии и природоохранные прокуроры, нередко не выясняют, возможно ли проведение восстановительных мероприятий, и сразу предъявляют претензии о возмещении ущерба по косвенному методу, при этом рассматривая плату за негативное воздействие на окружающую среду как источник пополнения бюджета.

Так, к индивидуальному предпринимателю был предъявлен иск о возмещении ущерба окружающей среде, вызванного самовольным снятием плодородного слоя почвы с земельного участка вдоль бывших дач на площади 0.328 га, в объеме 984 куб. м. Согласно экономической оценке, размер причиненного ущерба составил 1 220 160 тенге. В ходе судебного разбирательства было установлено, что ответчик обращался к истцу с гарантийным письмом, где обязался восстановить плодородный слой почвы путем проведения рекультивации с указанием конкретных мероприятий и сроков их проведения. Истцом обращение не было рассмотрено.

В рамках рассмотрения указанного дела истцом был поднят вопрос о рыночной стоимости мер по ликвидации последствий ущерба, предусмотренного п. 3 ст. 109 Экологического кодекса РК, т.е. истец считал, что ответчик обязан рассчитать стоимость мер по ликвидации последствий ущерба и выполнить работу на указанную сумму. Суд посчитал, что ответчик обязан восстановить ущерб в натуре путем проведения мероприятий, указанных в гарантийном письме, поскольку закон не запрещает восстанавливать ущерб в натуре.

Вместе с тем указанная норма создает представление, будто причинитель ущерба обязан его восстановить только после определения рыночной стоимости мер по ликвидации последствий. Данная норма предусмотрена для того, чтобы защитить интересы государства по полному восстановлению виновным лицом ущерба, причиненного окружающей среде, в случае невыполнения обязательств, принятых им в гарантийном письме. Так,

в случае невосстановления причиненного ущерба суд, по заявлению уполномоченного органа, вправе изменить способ или порядок исполнения решения суда путем взыскания с ответчика рыночной стоимости восстановительных работ.

На практике встречаются иски об ограничении, приостановлении и запрещении хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой с нарушением экологического законодательства. По этим делам возникают проблемные вопросы по применению ч. 1 ст. 117 Экологического кодекса РК, где сказано, что должностные лица, осуществляющие государственный экологический контроль, вправе «предъявлять в суд иски об ограничении, приостановлении и запрещении хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой с нарушением законодательства Республики Казахстан» 15.

В судебной деятельности практически отсутствовала практика применения механизма принудительного прекращения и приостановления организации по мотивам нарушения природоохранного законодательства. Поэтому судебная практика не всегда однозначно подходит к рассмотрению вышеназванных споров. Если исходить из буквального смысла ч. 1 ст. 117 Экологического кодекса РК, то ограничение, приостановление или прекращение деятельности организаций может последовать в качестве меры ответственности за нарушение любого требования в области охраны окружающей среды.

Департаменты экологии в рамках своей деятельности так и трактуют положение указанной нормы и предъявляют иски об ограничении, приостановлении и запрещении хозяйственной и иной деятельности предприятий за любое нарушение требований экологического законодательства.

Сама по себе деятельность, осуществляемая юридическим лицом с нарушением экологического законодательства, не может выступать основанием для ее приостановления либо прекращения, поскольку применение указанных санкций в каждом конкретном случае зависит от наличия оснований и условий, предусмотренных ст. 917 ГК РК от 1 июля 1999 г. № 409¹⁶. В соответствии с этой статьей «вред имущественный и (или) неимущественный, причиненный неправомерными действиями (бездействием) имущественным или неимущественным благам и правам граждан и юридических лиц, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме. Законодательными актами обязанность возмещения

¹⁵ См.: Экологический кодекс Республики Казахстан от 09.01.2007 г. № 212-III 3PK. URL: http://ecogosfond. kz/2018/08/01/31463 (дата обращения: 14.04.2021).

¹⁶ См.: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K990000409 (дата обращения: 14.04.2021).

вреда может быть возложена на лицо, не являющееся причинителем, а также установлен более высокий размер возмещения. Причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом».

Отсюда следует, что для наступления обязательств по возмещению вреда по основаниям ст. 917 ГК РК требуется установление классического юридического состава правонарушения, а именно условия ответственности: наличие вреда, поскольку лишь при наличии вреда у потерпевшего могут возникнуть основания для получения возмещения этого вреда, противоправность поведения, вина, т.к. причинитель вреда отвечает за свое противоправное поведение; причинная связь, то есть наличие причинной связи между действием и наступившим вредом.

Основные проблемы и предложения в законодательстве по экологическим отношениям

Таким образом, проблемы на законодательном уровне, касающиеся рассматриваемого вопроса, существуют как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан. В правовых нормах ЕАЭС механизм рассмотрения и разрешения экологических споров также конкретно не обозначен, что создает проблему для судебных органов, граждан и организаций.

В связи с этим предлагаем внести в ст. 40 гл. IV «Компетенция Суда Статута Евразийского экономического союза» Приложения 2 к Договору Евразийского союза положение о том, что государства-члены могут отнести к компетенции Суда и иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено Договором, связанные с рассмотрением экологических споров, международными договорами в рамках Союза, международными договорами Союза с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами. Это будет способствовать эффективному рассмотрению экологических споров Судом ЕАЭС в пределах своих полномочий.

Можно предусмотреть в Договоре ЕАЭС самостоятельный раздел, посвященный вопросам взаимодействия государств в сфере экологии, а в Основных направлениях экономического развития ЕАЭС до 2030 года (утв. 16.10.2015 г. на заседании Высшего Евразийского экономического совета) следует учесть взаимосвязь экономических задач с экологическими. Одной из мер может стать гармонизация законодательств стран — участниц ЕАЭС в сфере регулирования экологических правонарушений и ответственности за них 17.

Предлагаемые меры могут способствовать повышению международно-правовой охраны окружающей среды и защиты Судом Евразийского экономического союза субъектов предпринимательской деятельности при нарушении их прав и законных интересов. В ходе интеграционных процессов в рамках ЕАЭС вопросы экологии наряду с вопросами развития экономики должны быть обеспечены в приоритетном порядке.

Помимо прочего, как полагают европейские исследователи, одной из основных проблем возмещения экологического вреда в рамках классического деликтного права является необходимость принадлежности экологического блага, которое выступает публичным по своей природе.

Другая, не менее значимая проблема, характеризующая ответственность за вред окружающей среде в большей степени как публично-правовую, — это методы оценки причиненного вреда ¹⁸.

Вслед за опытом США, где уже несколько десятилетий применяются публично-правовые механизмы возмещения экологического вреда ¹⁹, в Европе благодаря наднациональному уровню регулирования вопросов охраны окружающей среды произошла эволюция института возмещения экологического вреда от частноправового к публично-правовому.

В целях гармонизации законодательства государств Европейского Союза об экологической ответственности, основанной на принципе «загрязнитель платит», а также для предотвращения экологического ущерба была разработана Директива № 2004/35/СЕ Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий» (далее — Директива). Согласно Директиве понятие вреда или ущерба применяется не ко всем природным компонентам, а только к охраняемым видам, природной среде обитания, водным ресурсам и земельным ресурсам.

Защищенные виды и естественные среды обитания в соответствии с положениями Директивы включают:

виды, перечисленные в ст. 4 Директивы 79/409/ ЕЭС Европейского Союза по охране диких птиц, к которым относятся виды птиц, встречающихся в природе, обитающих на европейской территории стран — членов ЕС и находящихся на грани

 $^{^{17}}$ См.: Назаркулова Л. Т., Шугаипова М. С. Вопросы экологии в интеграционных процессах в сфере энергетики в рамках ЕАЭС (общий обзор) // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юрид. науки. 2016. № 4 (27). С. 63–65.

¹⁸ Cm.: *Hinteregger M.* Environmental Liability and Ecological Damage in European Law. Cambridge, 2008. P. 12.

¹⁹ См.: *Кодолова А.В.* Проблемы правового регулирования ликвидации прошлого экологического ущерба // Современное право. 2014. № 7. С. 27—31; *Hinteregger M.* Op. cit. P. 10.

вымирания, не защищенных от отдельных изменений их среды обитания, считающихся редкими из-за малой численности или из-за ограниченного распространения на той или иной территории либо требующих особого внимания по причинам, связанным с особенностями их среды обитания;

природные местообитания, указанные в приложении 1 Директивы 92/43/ЕЭС Европейского Союза по охране природных местообитаний и диких видов фауны и флоры, сохранение которых требует создания особо охраняемых территорий;

виды растений и животных, перечисленные в приложениях 2 и 4 к Директиве 92/43/ЕЭС Европейского Союза по охране природных местообитаний и диких видов фауны и флоры, охрана которых требует создания особо охраняемых территорий, а также виды растений и животных, нуждающиеся в строгой охране;

среды обитания вышеуказанных видов в соответствии с положениями Директив 92/43/ЕЭС и 79/409/ЕЭС;

любую среду обитания или виды, которые государство — член EC сочтет соответствующими целям Директив 92/43/ЕЭС и 79/409/ЕЭС.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 29.07.2018 г.) «Об охране окружающей среды» в Российской Федерации под вредом понимается «негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов» 20. В соответствии с этой статьей объектами вреда могут выступать естественные экологические системы и природные ресурсы — компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности и имеют потребительскую ценность.

Таким образом, вред окружающей среде в соответствии с положениями Директивы, по сравнению с российским экологическим законодательством, понимается более узко, не охватывает вред всем природным ресурсам, в том числе по большинству видов животных и растений и ареалам их обитания, неразрывно связан с Директивой 79/409/ЕЭС Европейского Союза по охране диких птиц и Директивой 92/43/ЕЭС Европейского Союза по охране природных местообитаний и диких видов фауны и флоры²¹.

Помимо трактовки термина «вред окружающей среде», еще одним отличием Директивы от

положений российского экологического законодательства являются цели и задачи возмещения экологического вреда. Несмотря на то что цели и задачи возмещения вреда окружающей среде прямо в российском законодательстве не закреплены, Закон об охране окружающей среды (ч. 1 ст. 77) позволяет утверждать, что основная цель состоит в возмещении причиненного окружающей среде вреда в полном объеме в соответствии с законодательством. В Директиве же в качестве целей экологической ответственности за вред окружающей среде указаны предотвращение экологического вреда и устранение его последствий (восстановление окружающей среды). Следовательно, здесь в сферу возмещения вреда, помимо текущего вреда, включен потенциальный (будущий) экологический вред²².

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» не внесло ясности в вопрос о том, в какой форме вред возмещается в приоритетном порядке, поскольку данная проблема находится за пределами судебного толкования и требует внесения изменений в законодательство.

Интересно толкование норм Закона об охране окружающей среды, осуществляемое арбитражными судами: в связи со сложившейся судебной практикой в некоторых случаях арбитражные суды не относят расходы на рекультивацию к расходам на возмещение экологического вреда и считают ее основанной на законе обязанностью 23.

Например, в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2016 г. по делу № A42-2043/2015 сторонам разъясняется, что вред земельным ресурсам должен быть возмещен ответчиком как в денежном выражении, так и путем проведения рекультивации. По мнению суда, восстановление нарушенного состояния земель, устранение последствий нарушения природоохранного законодательства и возмещение причиненного вреда в результате этого нарушения являются самостоятельными действиями, которые прямо предусмотрены законодательством, и исполнение установленной обязанности не освобождает от обязанности возмещения вреда окружающей природной среде.

Согласно ст. 1082 ГК РФ гражданско-правовая ответственность предусматривает два способа возмещения вреда: в натуре (реальный) и в денежной форме (возмещение убытков). Исходя из смысла п. 1 ст. 1064 ГК РФ, каждый из выбранных

²⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

²¹ См.: Кодолова А.В. Правовая природа ответственности за вред окружающей среде в России и Европейском Союзе: сравнительно-правовой анализ. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.04.2021).

²² См.: там же.

²³ См.: Судебные акты по арбитражным делам № A42-2043/2015, № A54 503/2014, № A04-6128/2016. URL: http://kad.arbitr.ru (дата обращения: 14.04.2021).

способов выступает достаточным для возмещения вреда как такового²⁴.

Таким образом, разделяя действия по восстановлению нарушенного состояния земель и возмещению вреда в денежном выражении, судебная практика свидетельствует о развитии института ответственности за вред окружающей среде и о вынесении отношений, складывающихся в сфере возмещения экологического вреда путем проведения восстановительных работ, за пределы частноправового регулирования.

При этом можно заметить, что в российском законодательстве отсутствуют положения о целевом характере денежных средств, взысканных в бюджеты различных уровней, по искам о возмещении вреда окружающей среде. Такой пробел делает неэффективными положения об ответственности за причинение экологического вреда, поскольку возмещение вреда в денежном выражении, даже в полном объеме, не дает гарантии восстановления окружающей среды²⁵.

Ключевую роль в решении рассматриваемой проблемы играет судебная политика, которая есть не что иное, как целенаправленная последовательная стратегия для судебных органов по модернизации судебной системы и повышению эффективности и результативности судебной защиты. От проведения грамотно выработанной и системно слаженной судебной политики будет зависеть компетентное рассмотрение и защита экологических прав граждан и организаций.

* * *

Таким образом, наличие реально действующего механизма защиты экологических и иных социально-экономических прав граждан и организаций будет являться необходимым условием повышения уровня правовой культуры общества в целом, повышения интереса и внимания общества к сохранению и восстановлению благоприятной окружающей среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Бринчук М.М.* Природа достояние общества // Вестник МИТХТ. Сер. «Социально-гуманитарные науки и экология». 2015. № 1. С. 41–45.
- Бринчук М.М. Природа публичное благо // Государство и право. 2013. № 8. С. 15–26.

- 3. *Кодолова А.В.* Правовая природа ответственности за вред окружающей среде в России и Европейском Союзе: сравнительно-правовой анализ. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.04.2021).
- 4. *Кодолова А. В.* Проблемы правового регулирования ликвидации прошлого экологического ущерба // Современное право. 2014. № 7. С. 27—31.
- 5. *Назаркулова Л.Т., Шугаипова М.С.* Вопросы экологии в интеграционных процессах в сфере энергетики в рамках ЕАЭС (общий обзор) // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юрид. науки. 2016. № 4 (27). С. 63–65.
- 6. *Нгуен Куанг Т.* АСЕАН: экология, политика, международное право. М., 2013.
- 7. *Рахымгожина У. Н.* Экологические споры: практика и проблемы правового регулирования. URL: https://www.zakon.kz/4592213-jekologicheskie-spory-praktika-i.html (дата обращения: 14.04.2021).
- Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал росс. права. 2001. № 5. С. 3–12.
- 9. Шаповалов Алексей, Никитина Ольга, Бутрин Дмитрий. Чистой воды налог. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3713186 (дата обращения: 14.04.2021).
- 10. *Hinteregger M.* Environmental Liability and Ecological Damage in European Law. Cambridge, 2008. P. 10, 12.

REFERENCES

- 1. *Brinchuk M.M.* Nature is the property of society // Herald of the MITKHT. Ser. "Social and humanitarian sciences and ecology". 2015. No. 1. P. 41–45 (in Russ.).
- 2. *Brinchuk M.M.* Nature public good // State and Law. 2013. No. 8. P. 15–26 (in Russ.).
- 3. *Kodolova A.V.* The legal nature of liability for environmental damage in Russia and the European Union: comparative legal analysis. URL: http://www.consultant.ru (accessed: 14.04.2021) (in Russ.).
- 4. *Kodolova A. V.* Problems of legal regulation of liquidation of past environmental damage // Modern law. 2014. No. 7. P. 27–31 (in Russ.).
- 5. Nazarkulova L.T., Shugaipova M.S. Environmental issues in integration processes in the energy sector within the EAEU (general overview) // Vector of Science TSU. Ser.: Legal Sciences. 2016. No. 4 (27). P. 63–65 (in Russ.).
- 6. *Nguyen Quang T.* ASEAN: Ecology, politics, International Law. M., 2013 (in Russ.).
- 7. Rakhymgozhina U.N. Environmental disputes: practice and problems of legal regulation. URL: https://www.zakon.kz/4592213-jekologicheskie-spory-praktika-i.html (accessed: 14.04.2021) (in Russ.).
- 8. *Tikhomirov Yu. A.* Public law regulation: dynamics of spheres and methods // Journal of Russian law. 2001. No. 5. P. 3–12 (in Russ.).
- 9. Shapovalov Alexey, Nikitina Olga, Butrin Dmitry. Pure water tax. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3713186 (accessed: 14.04.2021) (in Russ.).
- 10. *Hinteregger M*. Environmental Liability and Ecological Damage in European Law. Cambridge, 2008. P. 10, 12.

²⁴ См.: СЗ РФ. 1996. № 24. ст. 410.

²⁵ См.: *Кодолова А.В.* Правовая природа ответственности за вред окружающей среде в России и Европейском Союзе: сравнительно-правовой анализ.

Сведения об авторах Author's information:

ИНАМОВА Елена Александровна —

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; 410012 г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

СЕМИКИНА Светлана Александровна –

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

ЮСУПОВА Асия Наилевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

INAMOVA Elena A. –

PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Chernyshevsky Saratov National Research State University; 83 Astrakhanskaya str., 410012 Saratov, Russia; associate Professor of the Arbitration Process Department of the Saratov State Law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia

SEMIKINA Svetlana A. –

PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Arbitration Process Department of the Saratov State Law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia

YUSUPOVA Asiya N. –

PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Arbitration Process Department of the Saratov State Law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia

= ЗА РУБЕЖОМ ===

ИНСТИТУТ СЕРТИФИКАТА АКЦИИ ПО ПРАВУ НИДЕРЛАНДОВ

© 2022 г. А. С. Автономов

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, г. Москва

E-mail: avtonomov-sovet@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021 г.

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению малоисследованного в российской юридической науке правового института Нидерландов — сертификата акции. Данный институт издавна известен праву Нидерландов, существует он и в других странах (исторически существовал и в России в конце XX в.). В статье последовательно рассматриваются устоявшиеся в Нидерландах понятие сертификата акции, цели выпуска таких сертификатов, права и обязанности владельцев сертификатов акций. Статья опирается на рассмотрение законодательства Нидерландов, решений судов, работы учёныхюристов, а также в сравнительном плане гражданских кодексов Кюрасао, Арубы и БЭС — Бонайре, Синт-Эустасиус, Сабы. Показаны основные тенденции развития института сертификата акции в Нидерландах, возникающие проблемы и пути их решения.

Ключевые слова: сертификат акции, право Нидерландов, сертифицирование акций в Нидерландах, Гражданский кодекс Нидерландов, фонд управляющей конторы (STAK) в Нидерландах, общество с ограниченной ответственностью открытого типа, общество с ограниченной ответственностью закрытого типа.

Цитирование: Автономов А. С. Институт сертификата акции по праву Нидерландов // Государство и право. 2022. № 4. С. 154—165.

DOI: 10.31857/S102694520019562-9

STOCK (SHARE) CERTIFICATE LEGAL INSTITUTION IN THE LAW OF THE NETHERLANDS

© 2022 A. S. Aytonomov

Griboyedov International Law and Economics, Moscow

E-mail: avtonomov-sovet@vandex.ru

Received 02.12.2021

Abstract. This article is devoted to the research of the Dutch legal institution, which is little studied in Russian legal science, to wit: the stock certificate (known also as the share certificate). This institution has long been known to the law of the Netherlands it also exists in other countries (existed historically also in Russia at the end of the 20th century). The article's author sequentially examines the concept of a stock certificate (share certificate), the purpose of issuing such certificates, the rights and obligations of the holders of stock (share) certificates, which are characteristic for the Netherlands. The article is based on consideration of the legislation of the Netherlands, court decisions, the work of legal scholars, as well as in comparative terms of the Civil Codes of Curacao, Aruba and BES — Bonaire, Sint-Eustasius, Saba. Shows the main trends in the development of the institution of the stock (share) certificate in the Netherlands, the problems that arise and the ways to solve them.

Key words: stock (share) certificate, the Law of the Netherlands, certifying of shares in the Netherlands, the Civil Code of the Netherlands, trust office foundation (STAK) in the Netherlands, public limited company, private limited company.

For citation: Avtonomov, A.S. (2022). Stock (share) certificate legal institution in the law of the Netherlands // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 154–165.

Вводные замечания. Изучение институтов права Нидерландов, связанных с регулированием акций и их оборота, представляет интерес, во-первых, ввиду солидной проработанности такого регулирования в результате глубокой укоренённости указанных институтов, развивавшихся на протяжении столетий. Если Нидерланды и не упоминаются в качестве страны, на территории которой впервые в истории появились компании, выпускающие акции, то всё же способ формирования и изменения капитала компаний с помощью акций получил распространение в Нидерландах довольно рано, что, по-видимому, предопределило учреждение в Амстердаме в 1602 г. первой в мире устойчивой постоянно действующей фондовой биржи, функционирующей до настоящего времени (хотя с течением времени происходили слияния с другими биржами). Тогда же, в начале XVII в., на Амстердамской фондовой бирже состоялось первичное публичное размещение акций (Initial Public Offering – IPO). а именно акций Голландской Ост-Индийской компании. Старейший из найденных сертификатов акции также найден в Нидерландах. Сертификат датирован 9 сентября 1606 г., выпущен Палатой Голландской Ост-Индийской компании в городе Энкхёйзен (Enkhuizen), продан Питеру Хермансону Боде (Pieter Hermanszoon Boode), вторая страница сертификата отведена для фиксации выплаты дивидендов. В XVII в. на Амстердамской фондовой бирже стали торговать и иными ценными бумагами, связанными с акциями, в частности облигациями. Длительный период развития права в данной сфере позволяет оттачивать и совершенствовать правовые институты, добиваясь наибольшего эффекта, а исследователю помогает основательнее разобраться в тенденциях эволюции акционерного права, что, в свою очередь, способствует пониманию, как улучшить российское законодательство в этой сфере.

Рассмотрение институтов права Нидерландов представляет интерес вследствие активного ведения дел российскими предпринимателями в данном государстве, в т.ч. путём создания там предприятий и иных организаций, приобретения акций компаний, действующих в Нидерландах, и т.п. При этом компании создаются не только для деятельности непосредственно в Нидерландах. Как справедливо замечает К. Дмитриева, «Нидерланды становятся всё более популярной юрисдикцией для ведения бизнеса с Европой»² (хотя, возможно, после денонсации в 2021 г. российско-нидерландского соглашения об

избежании двойного налогообложения привлекательность Нидерландов для российских предпринимателей несколько снизится). Между тем без знания особенностей нидерландского законодательства, а также правоприменительной практики трудно, если вообще возможно, правильно оценить риски и перспективность предпринимательской деятельности в этой стране. Всё сказанное, естественно, относится и к акционерному праву, в т.ч. и к институту сертификата акций.

Институт сертификата акции известен праву многих государств, относящихся к различным правовым семьям, однако в каждом государстве имеются особенности правового регулирования упомянутого сертификата. Так, в Германии сертификат акции – "Aktienurkunde" (неоднократно упоминается, например, в Законе об акционерных обществах⁴, в частности в § 213, 214, 320a, 327e) – считается ценной бумагой, согласно п. 2 абз. 1 § 2 Закона о торговле ценными бумагами⁵, в котором он именуется "Hinterlegungsscheine, die Aktien vertreten", т.е. в буквальном переводе «сертификаты о сдаче на хранение, заменяющие акции». Статус ценных бумаг в отношении сертификатов акций (под названием "Anteilscheine", т.е. более широкого понятия, относящегося не только к акциям, но и к паям) подтверждается § 95 Кодекса капиталовложений 6. В Швейцарии, напротив, сертификаты акций или паёв — "Urkunde über die Zeichnung der Stammanteile" oder "Anteilscheine" – выпускаются не как ценные бумаги, а только в качестве документов, свидетельствующих о принадлежности держателю соответствующего сертификата некоего количества акций или паёв, по Федеральному закону о поправке к Гражданскому кодексу

¹ Cm.: *Braudel F.* The Wheels of Commerce: Civilization and Capitalism 15th–18th Century / transl. from French. N.Y., 1986. Vol. 2. P. 100–105.

² Дмитриева К. Ограничения полномочий директоров по голландскому законодательству (14.07.2015). URL: https://zakon.ru/blog/2015/07/14/ogranicheniya_polnomochij_direktorov_po_gollandskomu_zakonodatelstvu (дата обращения: 23.11.2021).

³ Федеральный закон № 139-ФЗ «О денонсации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Нидерландов об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество» был принят Государственной Думой 11.05.2021 г., одобрен Советом Федерации 19.05.2021 г., подписан Президентом РФ 26.05.2021 г. (см.: URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46748 (дата обращения: 23.11.2021)). Соглашение перестало действовать с 01.01.2022 г. (см.: URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/tax doc news/11000118/ (дата обращения: 23.11.2021)).

⁴ См.: Aktiengesetz. URL: https://www.gesetze-im-internet. de/aktg/ (дата обращения: 23.11.2021). В русском переводе см.: Торговое уложение Германии. Закон об акционерных обществах. Закон о производственных и хозяйственных кооперативах / пер. с нем.: Е.А. Дубовицкая; сост. В. Бергманн. М., 2005. С. 261–448.

⁵ См.: Gesetz über den Wertpapierhandel. URL: https://www.ge-setze-im-internet.de/wphg/__2.html (дата обращения: 23.11.2021).

⁶ См.: Kapitalanlagegesetzbuch. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/kagb/inhalts_bersicht.html (дата обращения: 23.11.2021).

Швейцарии (Часть пятая: Обязательственное право) 7 — ч. 1 ст. 784 (в отношении сертификатов акций), ч. 3 ст. 853 (в отношении сертификатов паёв в кооперативах). Сертификаты, не считающиеся ценными бумагами, проще и быстрее обращаются на рынке, поскольку отсутствуют ограничения и специальные процедуры, предусмотренные для отчуждения и приобретения ценных бумаг.

В российских правовых актах раньше также официально применялся термин «сертификат акций». Так, в Положении об акционерных обществах, утверждённом постановлением Совета Министров РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 601 (в ред. от 15.04.1992 г., с изм. от 24.11.1993 г.)⁸, имелась ч. X «Сертификаты акции». Пункт 54 указанного постановления содержал такое определение: «Сертификат акции – ценная бумага, которая является свидетельством владения поименованного в нём лица определённым числом акций общества». Пункт 55 предусматривал, что акционеру выделялся один сертификат на все принадлежащие ему акции в случае их полной оплаты. Дополнительные сертификаты акций и дубликат утерянного сертификата акций выдавался акционеру за дополнительную плату. Позже в связи с принятием Гражданского кодекса РФ (первая часть которого вступила в силу 01.01.1995 г.), в 1995 г. Федерального закона «Об акционерных обществах» и в 1996 г. Федерального закона «О рынке ценных бумаг» процитированное выше Положение утратило силу, и понятие сертификата акций вышло из официального употребления, хотя в специальной литературе, в особенности при исследовании зарубежного права, применяется. Вместе с тем в 2007 г. вступили в силу дополнения (собственно, Федеральный закон о соответствующих изменениях и дополнениях был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации ещё в конце 2006 г.) в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» (п. 13 ч. 1 ст. 2), введших понятие российской депозитарной расписки, под которой понимается «эмиссионная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости, удостоверяющая право собственности на определенное количество представляемых ценных бумаг (акций или облигаций иностранного эмитента либо ценных бумаг иного иностранного эмитента, удостоверяющих права в отношении акций или облигаций иностранного эмитента) и закрепляющая право ее владельца требовать от эмитента российских депозитарных расписок получения

взамен российской депозитарной расписки соответствующего количества представляемых ценных бумаг и оказания услуг, связанных с осуществлением владельцем российской депозитарной расписки прав, закрепленных представляемыми ценными бумагами» ⁹. Российские депозитарные расписки стали выполнять некоторые функции сертификата, однако применяются только в международных экономических отношениях, причём депозитарные расписки подтверждают право не только на акции, но и на другие ценные бумаги. Впрочем, отечественные учёные, исследовавшие институт российских депозитарных расписок и отводившие ему важную роль в развитии рынка акций и в привлечении иностранного капитала, как правило, не проводили сравнения с институтом сертификата акций ¹⁰. В принципе, институт российских депозитарных расписок сходен с правовым институтом США – американских депозитарных расписок (American Depository Receipts) 11, но поскольку, как уже отмечалось, депозитарные расписки не выполняют всех функций, присущих сертификату акций, то в США обращаются и сертификаты акций, переходящие в XXI в. всё больше в электронную форму. В США сертификат акции известен как "stock certificate" или "share certificate".

Понятие сертификата акции в Нидерландах. Обобщая нормы различных законодательных актов, положения решений судов, сложившиеся в деловом обороте обычаи и мнения учёных, можно сказать, что в Нидерландах сертификат акции (по-нидерландски certificaat van aandeel) — это ценная бумага, привязанная к акции. Он соответствует той же доли в общей долевой собственности, что и связанная с ним акция, его цена соответствует стоимости (цене) акции, сертификат обеспечивает доходность, равную доходности (дивиденду) связанной с ним акции.

Сертификаты акций (как, впрочем, и иные сертификаты) неоднократно упоминаются в законодательстве, в т.ч. и в Гражданском кодексе Нидерландов 12. Так, в ст. 3:259 Книги 3 ГК говорится о правах владельцев сертификатов (в т.ч. сертификатов акций) при залоге акций или иных первичных

⁷ См.: Bundesgesetz betreffend die Ergänzung des Schweizerischen Zivilgesetzbuches (Fünfter Teil: Obligationenrecht). URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/27/317_321_377/de#part_2/tit_19/lvl_D/lvl_I (дата обращения: 23.11.2021).

 $^{^8}$ См.: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA W_38/047dc7362ee6a8c4d4ded8cc13860625833d8cfd/ (дата обращения: 23.11.2021).

⁹ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_10148/71183ca0d09999dacebf8c9059c79fa349c27e9c/ (дата обращения: 23.11.2021).

¹⁰ См., в частности: *Вавулин Д.А.* Российская депозитарная расписка: сущность, особенности эмиссии и обращения // Финансы и кредит. 2007. № 25 (265). С. 49—54.

¹¹ См., напр.: *Ващенко И.Ю*. Правовое регулирование американских депозитарных расписок // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 1. С. 58–65.

¹² См.: Nederlands Burgerlijk Wetboek. Здесь и далее — цит. по: URL: http://www.wetboek-online.nl/site/home.html (дата обращения: 24.11.2021).

ценных бумаг, к которым привязаны сертификаты. Другие примеры обращения к термину «сертификат акции» в Гражданском кодексе и ином законодательстве Нидерландов приводятся ниже. Между тем отсутствует законодательно закреплённое понятие не только сертификата акции, но и сертификата, относящегося к какой-либо ценной бумаге вообще. Однако это не препятствует разрешению в судах гражданских споров, связанных с сертификатами акций. К примеру, различные аспекты правового регулирования сертификатов акций представлены в Решении Апелляционного суда Гааги от 25 марта 2014 г. по делу *ECLI: NL: GHDHA:2014:980* Gerechtshof Den Haag, 25-03-2014, 200.109.989-01¹³ (вопросы оценки и порядка выкупа сертификатов акций компании у бывших работников этой компании при расторжении трудового договора), Решении Верховного суда Нидерландов от 15 апреля 2016 г. по делу *ECLI: NL: HR:2016:635 Hoge Raad,* 15-04-2016, 14/06257¹⁴ (рассмотрение убытков по сертификатам, понесённым вследствие отмены регистрации, в качестве отрицательного вознаграждения при начислении налога), Решении Апелляционного суда Арнем-Леуварден от 25 мая 2021 г. по делу ECLI: NL: GHARL:2021:4948 Gerechtshof Arnhem-Leeuwarden, 25-05-2021, 20/00048¹⁵ (вопросы приобретения сертификатов акций и начисления по ним налога) и во многих других. Такие судебные решения проясняют существо правового института сертификата акций.

Свой вклад в понимание института сертификата акций вносят и нотариусы. На это важно обратить внимание, учитывая роль нотариусов в учреждении юридических лиц, в т.ч. фондов, и в сделках с ценными бумагами, в т.ч. с сертификатами акший. М.А.М. ван Стеенсель так объясняет потребность нотариусов в единообразном понимании сертификата акций: «В (нотариальной) практике также есть необходимые определения термина "сертификат". Это определение служит нескольким целям. Во-первых, цель дачи определения состоит в том, чтобы дать держателю сертификата некоторые рекомендации относительно характера и объема его притязаний. Кроме того, определение часто также даёт представление о том, как сертификат должен интерпретироваться с юридической

точки зрения, чтобы впоследствии включить соответствующие положения в устав и условия доверительного управления трастовой конторы в отношении таких вопросов, как передача и возможность передачи» 16. М.А.М. ван Стеенсель приводит следующее определение сертификата, устоявшееся в практике нотариата, - «воплощение прав и обязанностей владельца сертификата по отношению к фонду, компании и третьим лицам, вытекающих из доли в компании, в соответствии с уставом фонда управляющей конторы, административным порядком фонда управляющей конторы и законом» ¹⁷. Он даёт это определение в кавычках, но не ссылается на какой-либо источник, однако поскольку он сам работает в нотариате, то, очевидно, приводит сложившуюся в нотариальной практике формулировку, которой единообразно руководствуются нотариусы. Сам М.А.М. ван Стеенсель разделяет мнение, согласно которому «хотя в литературе в течение длительного времени (и до сих пор) сертификат рассматривался как право требования, существует веский аргумент в пользу того, что с юридической точки зрения более ясно характеризовать сертификат как правоотношение, состоящее из различных прав и обязанностей» 18. Таким образом, он полагает, что по своей юридической природе сертификат не может и не должен сводиться исключительно к обязательственным отношениям. Такой более широкий подход к институту сертификата акции в праве Нидерландов представляется плодотворным, но требует и более тщательного изучения данного института.

Цели выпуска сертификатов акций. В Нидерландах операции, в результате которых происходит выпуск сертификатов акций с передачей акций в доверительное управление, именуют сертифицированием (certificering). Как пишет Φ .Х.П. ван ден Инх, «сертифицирование акций охватывает все юридические действия по приобретению акций благодаря передаче или выпуску эмитентом сертификатов таких акций и / или по выпуску сертификатов теми, в чьём ведении как титульного правообладателя будут находиться акции для управления» ¹⁹. Понятие сертифицирования акций устойчиво входит в юридическую науку и практику Нидерландов, при этом Р.А. Вольф приходит к выводу, «что правовая фигура сертифицирования акций является (остаётся) довольно гибкой. Тем не менее действующие

¹³ См.: URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI: NL: GHDHA:2014:980&showbutto n=true&keyword=certificaat+van+aandeel (дата обращения: 25.11.2021).

¹⁴ См.: URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI: NL: HR:2016:635&showbutton=true&keyword=certificaat+van+aandeel (дата обращения: 25.11.2021).

¹⁵ См.: URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI: NL: GHARL:2021:4948&showbutt on=true&keyword=certificaat+van+aandeel (дата обращения: 25.11.2021).

¹⁶ Steensel M.A.M. van Overdracht van certificaten: cessie of contractsoverneming? // Fiscaal tijdschrift vermogen. 2019. No. 10, November / SDU. P. 7.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 10.

¹⁹ *Ingh F.J.P. van den* Certificering en certificaat van aandeel bij de besloten vennootschap (diss. Nijmegen). Serie vanwege het Van der Heijden Instituut deel 35. Deventer, 1991. P. 18.

нормативные акты также содержат неожиданные на первый взгляд аспекты для использования в юридической практике в сфере сертифицирования» ²⁰. Иными словами, актуальность исследования сертификатов акций сохраняется с теоретической и практической точек зрения.

Сертификаты акций выпускаются в определённых случаях. Например, согласно законодательству Нидерландов компания не может приобретать собственные акции²¹, но она может взять собственные акции в залог или стать владельцем сертификата собственных акций, передав акции в доверительное управление фонда, который по-нидерландски именуется stichting administratiekantoor (т.е. фонд управляющей конторы), или сокращённо STAK. Такие фонды являются некоммерческими организациями (в названии обязательно должно содержаться слово "stichting" — «фонд»), создаются ^{22} и действуют в соответствии с титулом 6 кн. 2 ГК Нидерландов (ст. 2:285-2:304). Правда, Р.А. Вольф полагает, ссылаясь на п. «а» ч. 1 ст. 2:192 кн. 2 ГК Нидерландов (предписывающей, чтобы в уставе общества с ограниченной ответственностью закрытого типа были определены «обязательства, которые, будучи присущими статусу акционера, надлежит выполнять по отношению к обществу с ограниченной ответственностью закрытого типа или третьим лицам или между акционерами взаимно), что имеется законодательный запрет для рассматриваемых обществ на выпуск сертификатов, привязанных ко всем акциям²³, хотя не все нидерландские юристы²⁴ согласны с толкованием указанного положения ГК в качестве запрета сертифицирования акций.

В данной статье прежде всего разбираются положения Гражданского кодекса Нидерландов, действующего в европейской части страны. Между тем в Королевство Нидерландов на началах федерализма входят также несколько территорий из архипелага Малые Антильские острова. Там действуют отдельные гражданские кодексы, нормы которых в целом сходны с нормами ГК Нидерландов, однако имеются некоторые особенности, на

которые будет обращаться внимание читателя при рассмотрении тех или иных вопросов. Так, ГК Бонайре, Синт-Эустасиуса и Сабы (сокращённо -БЭС)²⁵, ГК Кюрасао²⁶, ГК Арубы²⁷ закрепляют наряду с общей формой фонда (stichting) особую форму — фонд частных средств (stichting particulier fonds), которая была установлена на Нидерландских Антильских островах в 1998 г. 28, но сохранилась и после реформ 2010 г. и введения в действие указанных гражданских кодексов²⁹. Фонды частных средств (в названии каждого из них в обязательном порядке должно быть указано "stichting particulier fonds") во всех упомянутых гражданских кодексах регулируются титулом 2, которым регламентируются все фонды вообще. По своим общим чертам фонды частных средств не отличаются от фондов в целом, но указывается (ч. 3 ст. 2:50 ГК БЭС, ГК Кюрасао, ГК Арубы), что «цель фонда, который не является фондом частных средств, не может включать предоставление выгод его учредителям или тем, кто является членами его органов, или другим лицам, за исключением случаев, когда в последнем случае выгоды имеют благотворительный [ideële] или социальный характер». Вместе с тем фондам частных средств запрещено вести коммерческую деятельность, однако, например, управление акциями и иная инвестиционная деятельность в интересах бенефициаров, не входящих в эти фонды, или управление холдингами не рассматривается в качестве коммерческой для данных фондов. При этом каждый из кодексов может содержать нюансы правового регулирования фондов. Так, в ГК Кюрасао имеется ст. 2:50а, предписывающая следующее: «Если целью фонда частных средств является предоставление выгод, правление занимается сбором сведений об именах и адресах всех бенефициаров и о том, что им причитается. Соответствующие данные должны быть занесены

Wolf R.A. Het certificaat van aandeel in de BV // Weekblad voor Privaatrecht, Notariaat en Registratie. 2016. No. 147 (7093), 6 Februari. P. 117.

²¹ Для общества с ограниченной ответственностью открытого типа [naamloze vennootschap – NV] см. ст. 2:95 кн. 2 ГК Нидерландов [BW], а для общества с ограниченной ответственностью закрытого типа [besloten vennootschap – BV] – ст. 2:205.

²² Регистрируются в Торговом реестре, который ведёт Торговая палата Нидерландов — Kamer van Koophandel, сокращённо KVK.

²³ Cm.: Wolf R.A. Op. cit. P. 115, 116.

²⁴ См., напр.: *Heijden E.J.J. van der, Grinten W.C.L. van de & Dortmond P.J.* Handboek voor de naamloze en de besloten vennootschap. Deventer, 2013. § 197. P. 337, voetnoot 385.

²⁵ См.: Burgerlijk Wetboek BES. URL: https://wetten.overheid. nl/BWBR0028744/2010-10-10 (дата обращения: 30.11.2021).

²⁶ См.: Burgerlijk Wetboek Curaçao. URL: https://www.ekvandoorne.com/wp-content/uploads/2021/02/EKVD-Compare-Boek-2-BW-Curacao.pdf (дата обращения: 30.11.2021).

²⁷ Cм.: Burgerlijk Wetboek Aruba. URL: https://www.overheid.aw/document.php?m=7&fileid=8739&f=e529ef3f2e1853f62a37a9e4e6f9524d&attachment=0&c=10991 (дата обращения: 30.11.2021).

²⁸ О порядке регистрации коммерческих и некоммерческих организаций на Кюрасао см.: Mi propio negoshi na Kòrsou. Manual pa esun ku ta kuminsá ku su propio negoshi. Informashon tokante belasting, seguro sosial i spektonan relevante. Willemstad, 2009. P. 29, 30.

²⁹ С 01.01.2021 г. все бенефициары таких фондов должны быть зарегистрированы, и их имена раскрываются в случае банкротства, противоправных финансовых действий и других указанных в законе случаях (см.: Wijzigingen Burgerlijk Wetboek voorkomen misbruik // Antilliaans Dagblad, 23 januari 2021).

правлением в реестр. Свои акции компаниям запрещено выкупать»³⁰.

Говоря о доверительном управлении акциями, нельзя не отметить, что правовые нормы, регулирующие такое управление в Нидерландах, не вполне кодифицированы, поскольку специально посвящённый этим вопросам титул 3.6 «Управление имуществом» (по-нидерландски "Bewind") присутствует в кн. 3 ГК Нидерландов, но так и не вступил в силу³¹. Нормы, посвящённые различным аспектам доверительного управления, разбросаны по Гражданскому кодексу и иному законодательству Нидерландов. Да и законодательные положения, посвящённые фондам (stichtingen), изначально разрабатывались, исходя из предположения, что такие организации, какими являются фонды, действуют прежде всего в сферах культуры, науки, гражданских инициатив, социальной помощи нуждающимся с благотворительными и другими социально значимыми целями. Но на деле фонды, будучи некоммерческими организациями, хорошо зарекомендовали себя в деле доверительного управления акциями, что неудивительно, принимая во внимание некоммерческий характер управленческой деятельности как таковой (однако на территории Малых Антильских островов, входящих в Королевство Нидерландов, ввели для этого, как отмечалось, особую форму фондов). Ввиду этого, как было указано ранее, фонды управляющих контор широко используются в Нидерландах при сертифицировании акций, а также для обеспечения управления акциями коммерческих компаний в интересах владельцев сертификатов таких акций.

Не только коммерческие компании при определённых упомянутых выше условиях передают свои акции для управления в фонды управляющих контор и получают взамен сертификаты. Так поступают, например, предприниматели, чтобы дать детям, членам семьи, сотрудникам компании или

родственникам право на прибыль от деятельности акционерного общества, но не предоставлять им права на управление предприятием и акциями, которые относятся к предприятию; облегчить возможность передачи права на получение прибыли от ценных бумаг без сложной процедуры, требующей обращения к нотариусу, как в случае с акциями; скрыть от внешних наблюдателей конечных бенефициаров, получающих доход от деятельности предприятия, чьи акции находятся в управлении фондом ³²; направлять прибыль компании на благотворительность; гарантировать непрерывность деятельности компании после смерти её собственника или собственника контрольного пакета акций в случае споров между наследниками.

Сертификатами, дающими право на дивиденды, но не позволяющими участвовать в управлении предприятиями, пользуются также при создании инвестиционных фондов. Согласно ст. 1:1 Закона о финансовом надзоре³³ инвестиционный фонд (beleggingsfonds) — это не размещенный в инвестиционной компании актив, в который включены и / или включаются финансовые средства или другие продукты, запрошенные или полученные для совместных инвестиций, с целью распределения доходов между вложившимися в такой инвестиционный фонд. При этом акции и иные ценные бумаги остаются в ведении управляющего инвестиционным фондом, а специально созданное юридическое лицо продаёт только сертификаты, предполагающие некую доходность, но не право управления имеющимися в инвестиционном фонде ценными бумагами. Для создания инвестиционного фонда требуется разрешение Управления по финансовым рынкам Нидерландов (Autoriteit Financiële Markten, сокращённо - AFM), которое в соответствии со ст. 1:1 Закона о финансовом мониторинге представляет собой некоммерческий Фонд управления финансовыми рынками (Stichting Autoriteit Financiële Markten). Это Управление курирует каждый инвестиционный фонд и его управляющего. В нынешней структуре надзора за платежеспособностью инвестиционного фонда контролирующими полномочиями наделён Центральный банк Нидерландов. Однако также возможно создать инвестиционный фонд без надзора AFM, если целевая группа такого фонда - «профессиональные» инвесторы. AFM определяет «профессионального» инвестора как лицо, имеющее более 100000 евро

 $^{^{30}}$ Для акционерных обществ открытого типа см. ч. 1 ст. 2:114 ГК БЭС, ГК Кюрасао, ГК Арубы, а для акционерных обществ закрытого типа — ч. 1 ст. 2:214 ГК БЭС, ГК Кюрасао, ГК Арубы.

³¹ А в книге каждого из кодексов (ГК БЭС и ГК Арубы) раздела, который был бы специально нацелен на доверительное управление, вообще нет. И только на Кюрасао в 2011 г. было принято и 01.01.2012 г. вступило в силу дополнение к Гражданскому кодексу — титул 6 (ст. 126—161), который именуется не «Доверительное управление» (Bewind), как в ГК Нидерландов, а «Траст» (Trust). Неудивительно, что используется английский термин без перевода на нидерландский язык, поскольку институт траста в ГК Кюрасао сформирован, в основном, будучи ориентирован на англосаксонскую модель, и в этом плане является альтернативой фонду частных средств, построенному в соответствии с нидерландскими (континентальными) правовыми традициями. Используются и другие англоязычные (trustee) или англо-нидерландские (trustververmogen, т.е. активы траста) термины, встроенные в нидерландский текст.

³² Хотя, конечно, такое сокрытие не является абсолютным и не помогает избежать ответственности в предусмотренных законом случаях, да и в целом в условиях борьбы с отмыванием преступно полученных денег, с финансированием терроризма, с уходом от налогов и т.п. в первой четверти XXI в. конфиденциальность постепенно уходит в прошлое.

³³ См.: Wet op het financieel toezicht. URL: https://wetten.over-heid.nl/BWBR0020368/2020-01-31/ (дата обращения: 27.11.2021).

(плюс затраты) свободно инвестируемых активов. Многие хедж-фонды не имеют дела с AFM. Это не означает, что контролируемые фонды автоматически являются более надёжными, поскольку AFM проверяет только ряд предварительных условий формирования инвестиционного фонда, но не инвестиционную политику и не деятельность управляющего с точки зрения того, действительно ли управляющий инвестиционным фондом преследует интересы инвестора.

Права и обязанности владельцев сертификатов. Владелец сертификата акций не может голосовать на общем собрании акционеров, в отличие от лица, в чьём ведении непосредственно находятся акции и которое имеет количество голосов, соответствующее числу акций. Это правило, в частности, установлено п/п. 7 ст. 2:118 ГК Нидерландов для обществ с ограниченной ответственностью открытого типа (NV) и п/п. 6 ст. 2:228 — для обществ с ограниченной ответственностью закрытого типа (BV).

Однако для обществ с ограниченной ответственностью открытого типа, являющихся владельцами сертификатов (собственных) акций, есть исключение из этого общего правила. Согласно ст. 2:118а ГК Нидерландов, если сертификаты акций были выпущены в сотрудничестве с компанией, которая допущена к торгам на регулируемом рынке или на многосторонней торговой площадке, как указано в ст. 1:1 Закона о финансовом надзоре Нидерландов, или в условиях, сопоставимых с регулируемым рынком, или в системе многосторонней торговли из государства, не являющегося членом Европейского Союза, владелец сертификата (сертификатов) собственных акций уполномочен по его просьбе осуществлять право голоса, закрепленное за соответствующей акцией или акциями, на общем собрании, указанном в доверенности, за исключением случаев, которые в отношении той или иной акции или тех или иных акций указал принципал. Уполномоченный таким образом владелец сертификата (сертификатов) акций может осуществлять право голоса по своему усмотрению в соответствующих пределах, и п. 4 ст. 2:88 ГК (согласно которому «акционер, не имеющий права голоса, и узуфруктуарий, имеющий право голоса, имеют права, предоставленные законом владельцу привязанных к акциям сертификатов, выпущенных в сотрудничестве с компанией»), и п. 4 ст. 2:89 ГК (предусматривающий, что «акционер, не имеющий права голоса, и залогодержатель, имеющий право голоса, имеют права, предоставленные законом владельцам привязанных к акциям сертификатов, выпущенных в сотрудничестве с компанией») не применяются.

Но и в этом случае ч. 2 ст. 2:118а ГК Нидерландов предусматривает существенные ограничения

для участия в голосовании обществ с ограниченной ответственностью открытого типа, являющихся владельцами сертификатов акций. В частности, лицо, имеющее право голоса (в соответствии с акциями), может ограничить, отменить или отозвать доверенность, выданную владельцу сертификатов акций только в том случае, если:

во-первых, публичное предложение было объявлено или сделано в отношении акций в капитале компании или сертификатов акций, или есть обоснованные ожидания, что это будет сделано без согласования оферты с компанией;

во-вторых, владельцем сертификатов акций или несколькими владельцами акций и сертификатов акций в соответствии с взаимной договоренностью о сотрудничестве, совместно с дочерними компаниями, представлено или обеспечивается представительство не менее 25% выпущенного капитала компании;

или, в-третьих, по мнению указанного лица, использование права голоса владельцем сертификата акций существенно противоречит интересам компании и её аффилированного предприятия.

Согласно же ч. 2 ст. 2:118а ГК лицо, имеющее право голоса в соответствии с акциями, информирует владельцев сертификата (сертификатов) акций и других акционеров о решении об ограничении, отзыве или отмене доверенности на участие в голосовании на собрании акционеров с указанием причин такого решения.

Вместе с тем по ч. 3 ст. 2:118а ГК Нидерландов полномочия на ограничение, отмену или отзыв доверенности на право голоса владельца сертификата (сертификатов) акций не должны осуществляться, если лицо, имеющее право голоса, является юридическим лицом, и большинство голосов по управлению таким юридическим лицом может быть подано:

во-первых, директорами или бывшими директорами и директорами по надзору или бывшими директорами по надзору компании или соответствующей группы компаний;

во-вторых, физическими лицами, нанятыми компанией или членами одной и той же группы компаний;

в-третьих, постоянными консультантами компании или членов одной и той же группы компаний.

При этом, как указывается в ч. 4 ст. 2:118а ГК Нидерландов, в отношении решения об ограничении, отмене или отзыве доверенности, уполномочивающей общество с ограниченной ответственностью открытого типа — владельца сертификата (сертификатов) акций на участие в голосовании в собрании акционеров, и в отношении решения

о порядке реализации права голоса лица, указанные в ч. 3 ст. 2:118а (процитированной выше), не могут голосовать.

Владельцы сертификатов, тем не менее, могут сохранить возможность реально оказывать влияние на деятельность компании, акции которой они передали фонду управляющей конторы, если они займут должности директоров в соответствующем фонде управляющей конторы, т.к. закон в Нидерландах не запрещает владельцам сертификатов акций, переданных фонду управляющей конторы, занять в нём должности директоров, которые фактически голосуют на собраниях акционеров и имеют количество голосов, зависящее от числа акций, находящихся в ведении фонда управляющей конторы. Гражданский кодекс Нидерландов устанавливает ограничения для занятия должности директора (ст. 2:297а), но они не связаны с владением сертификатом (сертификатами) акций.

Вместе с тем владение сертификатами акций даёт некоторые возможности, хотя и весьма ограниченные, воздействия на деятельность предприятий. Так, ст. 2:345 ГК Нидерландов предусматривает, что по письменному запросу тех, кто уполномочен делать это в соответствии со ст. 2:346 и 2:347, предпринимательская палата Апелляционного суда Амстердама может назначить одно или несколько лиц для проведения расследования политики и дел юридического лица либо в полном объеме, либо в отношении какой-то части таких дел и направлений политики, или только в определённый период времени. А п. "b" ст. 2:346 указывает, что такими уполномоченными лицами являются: если это касается общества с ограниченной ответственностью открытого типа или общества с ограниченной ответственностью закрытого типа, один или несколько владельцев акций или сертификатов акций, который (которые) сами по себе или совместно представляют не менее одной десятой доли номинального оплаченного капитала компании или который (которые) имеют право на определенное количество акций или сертификаты акций на сумму до 225 000 евро или меньше в зависимости от того, как это определено уставом. Таким образом, в отношении инициирования указанного запроса права владельцев акций и владельцев сертификатов акций уравнены.

Следует отметить, что право владельцев сертификатов акций на запрос о проведении расследования было введено в Гражданский кодекс после жарких дебатов. Так, бывший тогда министром юстиции А.А.М. (Дрис) ван Ахт, выступая в 1974 г. во время интенсивной работы над проектом обновления Гражданского кодекса, сказал: «Владельцем сертификата является лицо, которое, кстати, находится вне компании, если только сертификат

не был введён в обращение при содействии самой этой компании. Во многих компаниях акции свободно продаются, и круг [покупателей и продавцов акций открыт. Если круг [акционеров] намеренно замкнут, то заранее известно и остаётся известным в дальнейшем, кто может подать запрос на расследование. Мы не видим никаких веских оснований для того, чтобы владельцы сертификатов акций, я повторяю ещё раз, — обычные кредиторы акционеров также имели доступ к расследованию, если их сертификаты были выпущены за пределами компании, возможно, даже против её воли, каким-либо акционером. Такой владелец сертификата акций должен обратиться с запросом к акционеру» 34. Тем не менее после всех обсуждений большинство парламентариев выступили за предоставление владельцам сертификатов акций при определённых условиях права на запрос о проведении расследования 35. Р.А. Вольф полагает, что если бы такое право не было бы предоставлено владельцам сертификатов акций, то это вступило бы в противоречие с поддерживаемой Верховным судом Нидерландов доктриной «экономической реальности» ("economische werkelijkheid"). «Является ли несправедливым вывод о том, что владелец сертификата без права на участие в собрании не имеет права на расследование? – задаёт вопрос Р.А. Вольф и сам же отвечает. – Да, потому что этот владелец сертификата может защищать свои финансовые интересы и может потребовать компенсацию за противоправное деяние» ³⁶. Действительно, ч. 1 ст. 2:15 кн. 2 ГК Нидерландов устанавливает, что «без ущерба для положений других статей закона, касающихся возможности аннулирования, решение органа юридического лица может быть аннулировано: а) из-за противоречия с правовыми или иными нормативными положениями, регулирующими принятие решений; b) за нарушение разумности и справедливости, требуемых статьёй 8; с) из-за нарушения правил», причём, согласно п. "а" ч. 3 ст. 2:15, решение органа юридического лица аннулируется судом по месту нахождения этого юридического лица по иску «любого лица, которое имеет разумный интерес в выполнении обязательства, которое не было выполнено». Естественно, владельцы сертификатов акций заинтересованы в эффективности деятельности юридического лица, поскольку от такой эффективности, обеспечиваемой в определённой степени решениями органов соответствующего

³⁴ Zeben C.J. van & Pon J.W. du Parlementaire geschiedenis van het nieuwe burgerlijk wetboek. Invoeringswet Boek 2, Rechtspersonen, Deventer, 1977. P. 1476.

³⁵ Cm.: Amendement van de leden Van Schaik en Geurtsen, nr. 27. Zitting 1973 1974, 11 005, Vaststelling van de hoofdstukken 1 en 6 van de Invoeringswet Boek 2 nieuw Burgerlijk Wetboek.

³⁶ Wolf R.A. Op. cit. P. 114.

юридического лица, зависит прибыль, получаемая владельцами сертификатов.

Ещё одно право владельцев сертификатов акший, которое требует рассмотрения. — это право на получение отчёта от фонда управляющей конторы. Если такая отчётность предусмотрена учредительными документами фонда, то вопросы не возникают. Однако интерес владельцев сертификатов акций в такой отчётности наличествует и в том случае, если учредительные документы не содержат положений об отчётах фонда управляющей конторы перед владельцами сертификатов. На этот счёт имеется некоторая судебная практика. Например, в решении Верховного суда Нидерландов от 9 мая 2014 г. по делу ECLI: NL: HR:2014:1089 Hoge Raad, 09-05-2016, 13/01792, достаточно широко известном под названием «решение по делу Вуласкес/Залинко» (Velázquez/Zalinco arrest), Суд счёл, что обязательство по предоставлению отчёта может быть принято, если между сторонами существуют или существовали правовые отношения, на основании которых одна обязана перед другой (законный истец) учитывать правильность любой политики в области права собственности³⁷. Естественно, владельцы сертификатов акций заинтересованы в надлежащем управлении такими объектами, как акции (к которым привязаны сертификаты), находящиеся в ведении фондов управляющих контор, которые должны управлять акциями в интересах владельнев сертификатов. В правовой теории и практике Нидерландов (по разным отраслям) нередки ссылки на довольно резонансные решения Верховного суда Нидерландов от 2 декабря 1994 г. по делу ECLI: NL: HR:1994: ZC1561, Hoge Raad 02-12-1994³⁸, а также от 8 декабря 1995 г. по делу *ECLI: NL: HR: 1995: ZC1911, Hoge Raad 08-* $12-1995^{39}$ в подтверждение того, что суды принимают во внимание не только писаное право, но и существующие обычаи, и, таким образом, если обычаями предусмотрена отчётность фонда управляющей конторы перед владельцами сертификатов акций, то требование такой отчётности может получить судебную защиту в Нидерландах.

Права владельцев сертификатов акций несколько различаются в зависимости от участия самой компании в выпуске сертификатов. Так, ч. 2 ст. 2:227 кн. 2 ГК Нидерландов устанавливает, что «любой владелец именного сертификата акции, выпущенного при содействии компании, имеет право лично или через своего представителя, направленного по письменному поручению,

присутствовать и выступать на общем собрании [акционеров]». При этом ч. 3 ст. 2:227 указывает, что оповещение владельцев сертификатов, выпушенных при солействии компании, о провелении общего собрания акционеров производится по тем же правилам, что и акционеров. Вместе с тем право на участие в собрании акционеров и даже право на выступление на собрании не даёт владельцам сертификатов акций права на голосование на собрании акционеров. И всё же возможность участвовать в собрании акционеров и тем более выступать на собрании создаёт условия для того, чтобы высказать своё мнение и постараться убедить акционеров, обладающих правом решающего голоса, принять то или иное решение. В то же время законом не предписано наделять владельцев выпущенных без содействия компании сертификатов акций правом участвовать в общем собрании акционеров и выступать на нём, хотя и не запрещено закрепить указанное право за такими владельцами сертификатов акций в уставе соответствующего юридического лица, но, получается, что данный вопрос в этом случае остаётся исключительно на усмотрение учредителей юридического лица.

За имеющими право участия в собраниях акционеров владельцами сертификатов акций закреплены также некоторые другие права. В частности, согласно ч. 2 ст. 3:259 кн. 3 ГК Нидерландов (полностью текстуально совпадающие положения содержатся в ст. 3:259 ГК БЭС, ГК Кюрасао, ГК Арубы), «если первоначальные акции или права требования были зарегистрированы, а сертификаты акций выпущены в сотрудничестве с эмитентом первоначальных акций или прав требований, владельцы сертификатов акций также совместно получают залог по этим акциям или правам требования». Между тем далее в данной части указанной статьи говорится: «Если сертификаты были выданы для зарегистрированных прав требований без сотрудничества с должником, владельцы сертификатов приобретают право на такой залог, уведомив должника о выпуске». И наконец, «если сертификаты были выпущены в отношении прав требования или акций на предъявителя, владельцы сертификатов приобретают право на такой залог, без необходимости передачи документа в распоряжение владельцев сертификатов или третьей стороны».

В соответствии с ч. 3 ст. 3:259 кн. 3 ГК Нидерландов такой залог даёт право владельцам сертификатов только при условии неуплаты причитающейся им суммы по предусмотренной процедуре продать заложенное имущество полностью или частично и произвести расчёт из полученных от этого сумм. Владелец сертификата, который желает такой продажи, обращается к судье в том судебном районе, где находится домицилий лица, выдавшего сертификаты, с просьбой назначить администратора

³⁷ См.: URL: https://www.omgevingsweb.nl/jurisprudentie/eclinlhr20141089/ (дата обращения: 28.11.2021).

³⁸ Cm.: Jurisprudentienieuwsbrief, 1995, nummer 548.

³⁹ См.: Jurisprudentienieuwsbrief, 1996, nummer 274.

подлежащего продаже имущества, который будет нести ответственность за продажу и распределение выручки. Если не все владельцы сертификатов соглашаются на продажу, будет продана только часть заложенного имущества, соответствующая правам требования других владельцев сертификатов, согласившихся на продажу заложенного имущества, причём права требования последних прекращаются разделением доходов, полученных от такой продажи между ними.

Часть же 1 ст. 3:259 кн. 3 ГК Нидерландов предусматривает, что «если при выпуске сертификатов акций эмитент позволяет третьим сторонам участвовать в доходах от акций или долговых требований, приобретённых им от своего имени, владельцы сертификатов акций имеют право требовать у эмитента сертификатов акций выплатить им обещанную сумму».

Выше уже говорилось о том, что смена владельцев сертификатов акций осуществляется проще, чем продажа-купля акций, однако акционеры обществ с ограниченной ответственностью закрытого типа стараются через уставы компаний не только осложнить свободную продажу акций, на что нацелено и законодательство, но затруднить также и бесконтрольное отчуждение сертификатов их владельцами, что является одним из проявлений закрытости таких обществ. В результате уставного блокирования любой желающий продать свои акции или сертификаты акций третьей стороне может сделать это только с согласия других действующих акционеров или владельцев сертификатов акций. Если акционер передаёт свои акции в нарушение договоренности о блокировании, такая передача недействительна по закону (ч. 3 ст. 2:195 кн. 2 ГК Нидерландов). Если владелец сертификата (сертификатов) акций желает передать свой сертификат (свои сертификаты), то указанное положение ГК не применяется. Тем не менее передача сертификатов с нарушением режима блокировки также недействительна. Нормы устава в этом случае имеют важное значение. В отличие от акций сертификаты представляют собой зарегистрированные права требования, в которых фонд управляющей конторы (STAK) является должником, а владелец сертификатов акций — кредитором. Механизм блокирования в условиях такого администрирования отношений может сделать сертификаты непередаваемыми (ст. 3:83 кн. 3 ГК Нидерландов). Однако от толкования уставных норм зависит, приведёт ли это к недействительности передачи сертификатов акций в нарушение договорённости о блокировании.

В принципе, оговорки о непередаваемости сертификатов акций имеют силу только в соответствии с договорным правом, если только из формулировок явно не следует, что стороны

намеревались действовать согласно законодательству о собственности. В первом случае кредитору не разрешается передача сертификатов акций, и, тем не менее, передача сертификатов в нарушение соглашения о блокировании всё же является действительной, но при этом продавец несёт ответственность за убытки; во втором случае кредитор не может осуществить передачу сертификатов акций, и передача недействительна в нарушение механизма блокирования (как и в отношении блокирования свободной продажи акций).

Окружной суд Гааги в 2018 г. (Решение по делу ECLI: NL: RBDHA:2018:10212 Rechtbank Den Haag, 29-08-2018, C/09/530449/HA ZA 17-391⁴⁰) рассматривал вопрос о правомерности отчуждения сертификатов акций общества с ограниченной ответственностью закрытого типа. В вышеупомянутом решении Окружного суда Гааги владелец сертификатов акций передал свои сертификаты в нарушение положений об условиях доверительного управления. Действительно, другие владельцы сертификатов акций согласились на предполагаемую продажу упомянутым владельцем своих сертификатов третьей стороне, но это разрешение действовало в течение трёх месяцев. Однако передача сертификатов была произведена через три с половиной месяца после получения согласия. На этом основании данный Суд постановил, что договоренность о блокировании и о приостановке блокирования не была соблюдена и сертификаты не были переданы новому владельцу на законных основаниях. Однако это не объясняет текстуально применённые правила блокирования, исходя из уставных условий управления акциями и распоряжения сертификатами акций. Как было сказано выше, это объяснение имеет решающее значение для вопроса о том, как работает блокирующий механизм. Комментируя приведённое выше Решение Окружного суда Гааги, Йа. ван ден Бемт отметила, что Суд не стал подробно разбирать механизм блокирования продажи сертификатов акций в свете ст. 3:83⁴¹ ГК Нидерландов, и «возможно, суду следовало прийти к иному выводу посредством толкования статьи» 42.

⁴⁰ См.: URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI: NL: RBDHA:2018:10212&showbutton=true&keyword=ECLI%3aNL%3aRBDHA%3a2018%3a10212 (дата обращения: 29.11.2021).

⁴¹ «1. Право собственности, ограниченные права и права на иск могут передаваться, если только закон или характер права не препятствуют передаче. 2. Передача прав иска также может быть исключена оговоркой между кредитором и должником. 3. Все другие права могут передаваться только в том случае, если это предусмотрено законом».

⁴² Bemt Ja. van den Blokkeringsregeling bij verkoop van aandelen en certificaten. 7 december 2018. URL: https://www.gmw.nl/blokkeringsregeling-bij-verkoop-van-aandelen-en-certificaten/ (дата обращения: 29.11.2021).

В налоговом законодательстве для владельцев акций и владельцев сертификатов предусмотрены одни и те же обязанности. Так, в одинаковой степени ст. 4.12 Закона о подоходном налоге 43 предусматривает налог на доход по дивидендам акций и сертификатов акций (п. "а") и на доход от продажи акций и сертификатов акций (п. "b"), но в данной статье для сертификатов акций используется термин "winstbewijzen", что можно перевести на русский язык как «сертификаты распределения прибыли от участия». Статья 15 Закона о корпоративном налоге 44 также не разделяет бенефициаров, являющихся владельцами акций и владельцами сертификатов акций (в частности, в ч. 3 указанной статьи говорится также о косвенном владении акциями – "middellijk bezit van aandelen").

Возможность или невозможность обменять сертификаты на связанные с ними акции зависит от условий доверительного управления, устанавливаемых при учреждении фонда управляющей конторы. Иногда условия доверительного управления предусматривают, что владелец сертификата акций может обменять свой сертификат на обыкновенную акцию. В этом случае говорят о переводном сертификате (royeerbaar certificaat). При других условиях учреждения доверительного управления запрещается свободный обмен сертификата на акцию, т.е. выпускаются непереводные сертификаты (niet-royeerbar certificat). Как правило, для такого обмена требуется согласие руководящего органа фонда управляющей конторы. Одной из целей выпуска таких сертификатов акций является воспрепятствование поглощению данной компании другим юридическим лицом, поскольку сертификаты не дают права решающего голоса, и поэтому на процесс принятия решений в компании путём скупки сертификатов акций повлиять невозможно или по крайней мере весьма затруднительно. Европейская биржа (Euronext) не допускает торговлю непереводными сертификатами на своих площадках 45, хотя, конечно, ценные бумаги продаются и покупаются не только на бирже. Между тем принцип 4.4 Нидерландского кодекса корпоративного управления 46, который является рекомендательным, хотя и авторитетным,

актом, указывает, что сертификаты акший могут быть средством предотвращения (случайного) принятия большинством акционеров какого-либо решения в результате отсутствия на общем собрании. В то же время указывается, что сертификаты акций не должны использоваться в качестве защитной меры. Правление фонда управляющей конторы должно предоставлять владельцам сертификатов акций по запросу неограниченные права голоса при любых обстоятельствах. Уполномоченные таким образом владельны сертификатов акций могут осуществлять право голоса по своему усмотрению. Правление фонда управляющей конторы, как зафиксировано в принципе 4.4, пользуется доверием владельцев сертификатов акций. Владельцы сертификатов акций имеют возможность рекомендовать кандидатов в совет трастового офиса. Компания, согласно принципу 4.4, не предоставляет правлению фонда управляющей конторы информацию, которая не была обнародована. Однако всё это, как уже отмечалось, содержится в акте рекомендательного характера, а в жизни отнюдь не все следуют рекомендациям и лучшим практикам. В любом случае обязательной силы данный документ не имеет и добиться его принудительного исполнения невозможно.

Некоторые выводы. Институт сертификата акции получил довольно широкое применение в Нидерландах и играет видную роль в организации предпринимательской деятельности и обращении ценных бумаг. Вместе с тем правовая природа данного института вызывает споры в юридическом сообществе Нидерландов среди как теоретиков, так и практиков, и потенциал рассматриваемого института, очевидно, до конца пока ещё не раскрыт. Институт сертификата акции обладает определённой гибкостью, в силу чего может быть заимствован правовыми системами других государств с необходимой адаптацией к особенностям каждой из них. Ввиду сказанного институт сертификата акции достоин дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Вавулин Д.А.* Российская депозитарная расписка: сущность, особенности эмиссии и обращения // Финансы и кредит. 2007. № 25 (265). С. 49—54.
- 2. *Ващенко И.Ю*. Правовое регулирование американских депозитарных расписок // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 1. С. 58–65.
- 3. Дмитриева К. Ограничения полномочий директоров по голландскому законодательству (14.07.2015). URL: https://zakon.ru/blog/2015/07/14/ogranicheniya_polnomochij_direktorov_po_gollandskomu_zakonodatelstvu (дата обращения: 23.11.2021).
- 4. *Bemt Ja. van den* Blokkeringsregeling bij verkoop van aandelen en certificaten. 7 december 2018. URL: https://www.

⁴³ См.: Wet inkomstenbelasting. URL: https://wetten.overheid. nl/BWBR0011353/2021-08-01 (дата обращения: 29.11.2021).

⁴⁴ См.: Wet op de vennootschapsbelasting. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0002672/2021-07-01#HoofdstukIII (дата обращения: 29.11.2021).

⁴⁵ Cm.: Schilfgaarde P. van, Winter J. W. & Wezeman J. B. Van de BV en de NV. Deventer, 2013, § 65.

⁴⁶ См.: Nederlandse corporate governance code. URL: https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stcrt-2017-45259.html (дата обращения: 29.11.2021). В настоящее время действует редакция 2016 г., опубликованная Министерством безопасности и юстиции в Правительственном вестнике 21.08.2017 г.

- gmw.nl/blokkeringsregeling-bij-verkoop-van-aandelen-encertificaten/ (дата обращения: 29.11.2021).
- Braudel F. The Wheels of Commerce: Civilization and Capitalism 15th–18th Century / transl. from French. N.Y., 1986.
   Vol. 2. P. 100–105.
- Heijden E.J.J. van der, Grinten W.C.L. van de & Dortmond P.J. Handboek voor de naamloze en de besloten vennootschap. Deventer. 2013. § 197. P. 337. voetnoot 385.
- 7. *Ingh F.J.P. van den* Certificering en certificaat van aandeel bij de besloten vennootschap (diss. Nijmegen). Serie vanwege het Van der Heijden Instituut deel 35. Deventer, 1991. P. 18.
- Mi propio negoshi na Kòrsou. Manual pa esun ku ta kuminsá ku su propio negoshi. Informashon tokante belasting, seguro sosial i spektonan relevante. Willemstad, 2009. P. 29, 30.
- 9. Schilfgaarde P. van, Winter J. W. & Wezeman J. B. Van de BV en de NV. Deventer, 2013. § 65.
- Steensel M.A.M. van Overdracht van certificaten: cessie of contractsoverneming? // Fiscaal tijdschrift vermogen. 2019. No. 10, November / SDU. P. 7, 10.
- 11. *Wolf R.A.* Het certificaat van aandeel in de BV // Weekblad voor Privaatrecht, Notariaat en Registratie. 2016. No. 147 (7093), 6 Februari. P. 114–117.
- 12. Zeben C.J. van & Pon J.W. du Parlementaire geschiedenis van het nieuwe burgerlijk wetboek. Invoeringswet Boek 2, Rechtspersonen, Deventer, 1977. P. 1476.

REFERENCES

 Vavulin D.A. Russian depositary receipt: essence, features of issue and circulation // Finance and credit. 2007. No. 25 (265). P. 49–54 (in Russ.).

Сведения об авторе

АВТОНОМОВ Алексей Станиславович — доктор юридических наук, профессор, проректор Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова; 111024 г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21

- 2. *Vashchenko I. Yu.* Legal regulation of American depositary receipts // Herald of Tatishchev Volga State University. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 58–65 (in Russ.).
- 3. *Dmitrieva K*. Restrictions on the powers of directors under Dutch law (14.07.2015). URL: https://zakon.ru/blog/2015/07/14/ogranicheniya_polnomochij_direktorov_po_gollandskomu_zakonodatelstvu (accessed: 23.11.2021) (in Russ.).
- Bemt Ja. van den Blokkeringsregeling bij verkoop van aandelen en certificaten. 7 december 2018. URL: https://www.gmw.nl/ blokkeringsregeling-bij-verkoop-van-aandelen-en-certificaten/ (accessed: 29.11.2021).
- Braudel F. The Wheels of Commerce: Civilization and Capitalism 15th

  18th Century / transl. from French. N.Y., 1986. Vol. 2. P. 100

  105.
- Heijden E.J.J. van der, Grinten W.C.L. van de & Dortmond P.J. Handboek voor de naamloze en de besloten vennootschap. Deventer, 2013. § 197. P. 337, voetnoot 385.
- Ingh F.J.P. van den Certificering en certificaat van aandeel bij de besloten vennootschap (diss. Nijmegen). Serie vanwege het Van der Heijden Instituut deel 35. Deventer, 1991. P. 18.
- Mi propio negoshi na Kòrsou. Manual pa esun ku ta kuminsá ku su propio negoshi. Informashon tokante belasting, seguro sosial i spektonan relevante. Willemstad, 2009. P. 29, 30.
- 9. Schilfgaarde P. van, Winter J. W. & Wezeman J. B. Van de BV en de NV. Deventer, 2013. § 65.
- Steensel M.A.M. van Overdracht van certificaten: cessie of contractsoverneming? // Fiscaal tijdschrift vermogen. 2019. No. 10, November / SDU. P. 7, 10.
- Wolf R.A. Het certificaat van aandeel in de BV // Weekblad voor Privaatrecht, Notariaat en Registratie. 2016. No. 147 (7093), 6 Februari. P. 114–117.
- 12. Zeben C.J. van & Pon J. W. du Parlementaire geschiedenis van het nieuwe burgerlijk wetboek. Invoeringswet Boek 2, Rechtspersonen, Deventer, 1977. P. 1476.

Authors' information

AVTONOMOV Alexei S. –

Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of Griboyedov Institute of International Law and Economics; 21 Entuziastov highway, 111024 Moscow, Russia

——— НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ **——**

НОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2022 г. О.А. Галустьян^{1, *}, А. Г. Соломатина^{2, **}

¹Московский областной институт управления и права, г. Ивантеевка ²Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

> *E-mail: o1939@yandex.ru **E-mail: A. Smorodinova@mail.ru

Поступила в редакцию 21.09.2021 г.

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены актуальные проблемы и перспективы совершенствования процесса расследования преступления и отправления правосудия с помощью достижений научного прогресса. Особую актуальность данные средства приобретают в процессе доказывания при производстве по уголовному делу, а также при хранении и архивировании полученной информации, т.к. она может стать востребованной по прошествии времени.

Исследован вопрос об использовании в качестве доказательств информации баз данных социальных сетей, видеоконтента сети Интернет, мобильных приложений, геоданных, методов финансовой разведки и др., которые могут быть получены в целях расследования преступлений не только органами предварительного расследования и суда, но и обычными гражданами — случайными свидетелями преступлений или пользователями сети Интернет.

В связи с этим проанализировано соответствие существующих норм УПК РФ, регламентирующих доказывание, процедуре использования в качестве доказательств информации, полученной посредством применения информационных технологий.

Ключевые слова: уголовный процесс, правосудие, искусственный интеллект, геопространственный искусственный интеллект, краудсорсинг, искусственные нейронные сети, доказательства, процесс доказывания, информационные технологии, финансовая разведка.

Ципирование: Галустьян О.А., Соломатина А.Г. Новые формы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2022. № 4. С. 166—170.

DOI: 10.31857/S102694520019563-0

NEW FORMS OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2022 O. A. Galustyan^{1, *}, A. G. Solomatina^{2, **}

¹Moscow Regional Institute of Management and Law, Ivanteevka ²Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

> *E-mail: o1939@yandex.ru **E-mail: A. Smorodinova@mail.ru

> > Received 21.09.2021

Abstract. In this article considered problems and prospects for improving the process of crime investigation and the administration of justice with the help of the achievements of scientific progress. These tools become particularly relevant in the process of proving during criminal proceedings, as well as when storing and archiving the information received, since it may become in demand over time.

The article examines the issue of using as evidence information from social network databases, Internet video content, mobile applications, geodata, financial intelligence methods, etc., which can be obtained for the purpose of investigating crimes not only by preliminary investigation bodies and courts, but also by ordinary citizens — random witnesses of crimes or Internet users.

In this regard, the compliance of the existing norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning evidence with the procedure for using information obtained through the use of technologies as evidence is analyzed.

Key words: criminal procedure, justice, artificial intelligence, geospatial artificial intelligence, crowdsourcing, artificial neural networks, evidence, proof process, information technologies, financial intelligence.

For citation: Galustyan, O.A., Solomatina, A.G. (2022). New forms of using information technologies in criminal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 166–170.

Последние годы характеризовались важными переменами в сфере уголовного судопроизводства — осуществление транснационального уголовного судопроизводства органами предварительного расследования различных государств, а также появление новых участников, пользующихся новейшими технологиями, — граждан, желающих оказать содействие органам предварительного расследования.

Эта реальность сформировала новый тренд институциональных изменений в сфере уголовного процесса, способствовала созданию «нового поколения» механизмов, направленных на собирание, проверку и оценку информации и, что не менее важно — ее сохранность в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона.

Уже не актуален вопрос о том, способны ли новые технологии помочь в расследовании преступлений, важно другое: какие риски возможны при их использовании? Как уберечь цифровые доказательства от фальсификации и использования их в компрометирующих целях? Будет ли устранена субъективность при собирании, проверке и оценке доказательств с использованием новых технологий? Возможно ли использовать краудсорсинг при осуществлении уголовного судопроизводства?

Изменят ли цифровые доказательства их сущность? Каким образом должны проверяться и оцениваться цифровые доказательства, особенно онлайн-материалы с открытым исходным кодом? Какими компетенциями должен обладать правоприменитель в эпоху информационных технологий? Как лучше обеспечить безопасность и сохранность источников при работе с цифровым контентом и проведении цифровых расследований?

В Российской Федерации и других государствах имеется богатый опыт использования новых технологий при расследовании преступлений. Ценность собранной с помощью них информации заключается в том, что она может быть востребована по прошествии времени. В связи с этим необходимо обеспечить должное хранение и архивирование огромных баз данных, гарантируя их подлинность, конфиденциальность, чтобы не допустить ее искажение, использование в клеветнических целях и иных манипуляциях. Представляется, что заимствование доказательств из информационного пространства может свершить революцию в сфере расследования преступлений.

В настоящее время нет единого понимания термина «новые технологии». Это обширное и прогрессивное понятие, включающее в себя множество методик и средств. Если обратиться к английскому языку, то слово "innovation" трактуется как использование новшеств в виде новых технологий, видов продукции и услуг, новых форм организации обслуживания и управления. Американский ученый К. Уэйк в конце XX в. назвал признаки понятия «новые технологии»: стохастичность (непредсказуемость), непрерывность, независимость, абстрагированность 1. В связи

с этим по мере развития новейших технологий необходимо синхронно задействовать их возможности для сферы уголовного судопроизводства.

В процессе доказывания по уголовному делу применяется видеоконференцсвязь, видеозапись следственных действий и судебного заседания. Современные технологии кардинально изменили условия использования обычной речи, став средством для ее записи, преобразования в текст, распознавания, искажения. Доказательства пребывания человека в определенном месте можно найти по фотографии лица, биометрических данных. Не секрет, что если даже целенаправленно не фиксировать свои действия в интернет-пространстве, все равно остается цифровой след поисковых и иных действий в Сети. Более того, смартфоны, цифровые часы, браслеты благодаря запрограммированным в них «новым технологиям» фиксируют геолокацию, речь, состояние здоровья, активность и др., даже если устройство не используется.

Но научно-технический прогресс не стоит на месте, что порождает постоянное устаревание имеющихся технологий и появление новых, более современных. Так, процессу доказывания могут способствовать методологии расследования с открытым исходным кодом; использование методов машинного обучения, искусственных нейронных сетей, применение программного обеспечения для распознавания невербальных коммуникаций, методы сетевого анализа; использование виртуальной реальности и интерактивных платформ для воссоздания мест преступлений; крупномасштабное цифровое архивирование; дистанционное зондирование и др.

Более того, современные технологии совершенствуют многие возможности методов расследования преступлений. Такие действия, как поиск и фиксация доказательственной информации, наблюдение, являющиеся прерогативой государственных органов, стали доступны для каждого человека, имеющего смартфон, позволяя ему задокументировать и разместить в сети Интернет информацию о произошедшем событии. Фиксацию и документирование события стало возможно осуществлять даже дистанционно, не присутствуя на месте происшествия, например, с помощью современных средств, таких как ZOOM, Whatsapp, Discord и др.

Рассмотрим некоторые прогрессивные направления технологий цифровой индустрии, способные вывести возможности уголовно-процессуальной деятельности на новые рубежи:

географическая информационная система (ГИС) — комплекс программ, осуществляющих сбор, отображение, обработку и анализ изображений, а также использование глобальной системы определения местоположения (GPS), спутниковых изображений данных (в реальном и прошлом времени); указанных в явном виде географических координат.

В уголовном судопроизводстве такие технологии могут применяться для мониторинга помещений, прилегающих территорий, перемещения людей и транспортных средств в режиме реального и прошлого времени; обнаружения большого скопления людей, выявление и картирование объектов и др. Особое значение данные технологии

¹ Cm.: *Weick K.E.* Technology as equivoque: Sensemaking in New Technologies / In Paul S. Goodman, Lee S. Sproull and Associates (eds.), Technology and Organizations. San Francisco, 1990. P. 5–44.

приобретают в целях наблюдения и сбора информации в любых точках земного шара, водного и воздушного пространства.

Подобные задачи можно решить, используя технологии дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) из Космоса, представляющие незаменимое средство изучения и постоянного мониторинга планеты Земля².

Оценить и проанализировать полученную информацию способен геопространственный искусственный интеллект — GeoAI (Geospatial Artificial Intelligence)³. Анализ ситуации на дорогах — наиболее известная иллюстрация нового направления деятельности искусственного интеллекта. Геопространственные технологии, такие как LiDAR, спутниковые снимки, картография дронов, съемка наземных камер, позволяют получать точные данные с трехмерной информацией, найти любой искомый объект, в т.ч. и разыскиваемого человека, позволяют снизить трудозатраты органов предварительного расследования и повысить точность расчетов и прогнозов.

Привлечение обычных пользователей сети Интернет к поиску доказательств преступления становится эффективным способом установления объективной истины произошедшего события. Данный метод получил название «краудсорсинг» 4.

Так, в сентябре 2014 г. в США было совершено избиение двух подростков, из показаний которых следовало, что на них напали хорошо одетые молодые мужчины. Других описаний не было. Камеры видеонаблюдения зафиксировали данный инцидент, но из-за плохого качества изображения невозможно было распознать лиц нападавших. Сотрудники полиции разместили данный видеоматериал на канале YouTube. Очень быстро обычные пользователи данной Сети по размещенному видео нашли в социальных сетях фотографии и аккаунты подозреваемых лиц, которые впоследствии были задержаны⁵. Описанный случай демонстрирует эффективность краудсорсинга, а полученная таким образом информация может послужить доказательствами по уголовному делу, ускорить и улучшить процесс доказывания по уголовному делу.

Интересной представляется такая форма использования новых технологий, как online-расследование преступлений, осуществляемое на основе открытых источников (англ. *Open source intelligence, OSINT*). Это инновационная технология, суть которой состоит в поиске, выборе и сборе

разведывательной информации из общедоступных источников (поисковые системы Интернет, социальные сети, форумы, блоги, веб-сообщества, вики-справочники; публичные отчёты органов государственной власти, материалы пресс-конференций, публичные выступления и заявления; профессиональные и научные отчёты, конференции, доклады, статьи, включая литературу, относящуюся к «желтой прессе»), а также её анализ. Множество открытых источников позволяет в ходе расследования по уголовному делу осуществить поиск, собирание, проверку необходимой для доказывания информации, а их доступность предоставляет такую возможность каждому пользователю Интернет.

Органы предварительного следствия, компетентные в работе с сервисами и базами данных сети Интернет, поиске, анализе и проверке фактических данных, способны осуществлять расследование преступлений на более высоком уровне.

Следующей инновационной формой можно назвать финансовую разведку — сбора информации о банковских и других операциях подозреваемых и обвиняемых в целях установления их неправомерной деятельности, сокрытия доходов, легализации денежных средств и других финансовых махинациях. Проверка и оценка полученных данных состоит из скрупулёзного исследования потока транзакций с использованием алгоритмов интеллектуального анализа, с выявлением лиц, вовлеченных в финансовую деятельность, и сопоставления полученной информации с другими имеющимися в материалах уголовного дела доказательствами.

Интерес для уголовного судопроизводства представляют технологии документирования информации, начиная от простых фотоаппаратов и заканчивая специализированным программным обеспечением, таким как новаторская программа "EyeWitness to Atrocities", позволяющая каждому отправлять записанный с метаданными фото- и видеоконтент в единую базу программы, владельцы которой предоставляют информацию правоохранительным органам в целях содействия отправлению правосудия 6.

Появившиеся возможности для документирования преступления любым пользователем смартфона предполагает анализ норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих использование данной информации в уголовно-процессуальном доказывании.

Согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса РФ подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86). Устранив слово «письменные», законодатель исключит указание на конкретный вид документов, что позволит использовать доказательства, полученные с использованием новых технологий в доказывании по уголовному делу.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем получения «иных сведений», следовательно, получение информации с сервисов

 $^{^2}$ См.: Лупян Е.А. Саворский В.П., Шокин Ю.И. и др Современные подходы и технологии организации работы с данными дистанционного зондирования Земли для решения научных задач // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из Космоса. 2012. Т. 9. № 5. С. 21—44.

³ См.: *Фатеев О., Носов Н.* Искусственный интеллект в географии // ИКС. 2021. № 1. URL: https://www.iksmedia.ru/articles/5695009-Iskusstvennyj-intellekt-v-geografii.html (дата обращения: 10.09.2021).

⁴ *Харитонова О.В., Бугаева Т.Н.* Краудсорсинг в государственном и муниципальном управлении: сущность и перспективы использования // Вестник евразийской науки. 2020. № 2. URL: https://esj.today/91ecvn220.html (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ Cм.: Solving a crime through crowdsourcing, or the need to use the HD standard. URL: http://conf.secuteck.ru/articles2/videon-abl/raskrytie-prestupleniya-cherez-kraudsorsing-ili-neobhodimost-primeneniya-hd-standarta/ (дата обращения: 10.09.2021).

 $^{^6}$ См.: Андреев А. С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 27. С. 5—17.

Интернет сети и других названных в этой статье не противоречит нормам УПК РФ.

Полученная цифровая информация относится к иным документам, что также позволяет использовать ее как доказательства.

Бесспорно, информация, заимствованная из сети Интернет может оказаться необъективной, поддельной, однако в ofline-расследовании также встречаются ложные свидетельства, заключения и документы. Несомненно, всю полученную информацию в соответствии со ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. «Оценка достоверности свидетельских показаний прежде всего определяется на основе здравого смысла, который каждый день используется разумными людьми, чтобы определить говорит ли человек правду. Нет никакой магической формулы для оценки достоверности свидетельских показаний»?

* * *

Подводя итог сказанному, следует отметить, что преимущества цифровых документальных свидетельств очевидны — они могут оказаться более точными, чем показания свидетелей; применимы где угодно, позволяя субъекту доказывания осуществлять мониторинг, документирование и расследование в условиях дистанционного режима работы; способны демократизировать процесс установления фактов о преступлении, т.к. такие методы доступны всем, имеющим смартфон, камеру, учетную страницу в социальных сетях и точку доступа к сети Интернет; позволяют смягчить субъективность, присущую традиционным методам доказывания.

Приведенный в статье перечень является лишь малой частью тех возможностей, которые предоставляют новые технологии для эффективного расследования преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Андреев А.С. Поведение (деятельность) лиц, случайно оказавшихся участниками преступного события, как элемент механизма преступления: от постановки научной проблемы к результатам исследования // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 27. С. 5—17.
- 2. Доказательные аспекты в судебных делах по торговле людьми // Сборник судебных решений. Организация объединенных наций. Вена, 2017. С. 14.
- 3. Лупян Е.А. Саворский В.П., Шокин Ю.И. и др. Современные подходы и технологии организации работы с данными дистанционного зондирования Земли для решения научных задач // Современные проблемы

- дистанционного зондирования Земли из Космоса. 2012. Т. 9. № 5. С. 21-44.
- 4. *Фатев О., Носов Н.* Искусственный интеллект в географии // ИКС. 2021. № 1. URL: https://www.iksmedia.ru/articles/5695009-Iskusstvennyj-intellekt-v-geografii.html (дата обращения: 10.09.2021).
- 5. *Харитонова О.В., Бугаева Т.Н.* Краудсорсинг в государственном и муниципальном управлении: сущность и перспективы использования // Вестник евразийской науки. 2020. № 2. URL: https://esj.today/91ecvn220.html (дата обращения: 10.09.2021).
- Solving a crime through crowdsourcing, or the need to use the HD standard. URL: http://conf.secuteck.ru/articles2/ videonabl/raskrytie-prestupleniya-cherez-kraudsorsing-ilineobhodimost-primeneniya-hd-standarta/ (дата обращения: 10.09.2021).
- 7. *Weick K.E.* Technology as equivoque: Sensemaking in New Technologies / In Paul S. Goodman, Lee S. Sproull and Associates (eds.), Technology and Organizations. San Francisco, 1990. P. 5–44.

REFERENCES

- 1. Andreev A.S. Behavior (activity) of persons who accidentally turned out to be participants in a criminal event as an element of the crime mechanism: from the formulation of a scientific problem to the results of the study // Herald of the Tomsk State University. Law. 2018. No. 27. P. 5–17 (in Russ.).
- Evidentiary aspects in court cases on human trafficking // Collection of court decisions. The United Nations. Vienna, 2017. P. 14 (in Russ.).
- 3. Lupyan E.A. Savorsky V.P., Shokin Yu. I., etc. Modern concepts and technology of remote sensing data of the Earth for scientific solutions // Modern problems of remote sensing of the Earth from Space. 2012. Vol. 9. No. 5. P. 21–44 (in Russ.).
- 4. *Fateev O., Nosov N.* Artificial intelligence in geography // IKS, 2021. No. 1. URL: https://www.iksmedia.ru/articles/5695009-Iskusstvennyj-intellekt-v-geografii.html (accessed: 10.09.2021) (in Russ.).
- Kharitonova O.V., Bugaeva T.N. Crowdsourcing in state and municipal management: the essence and prospects of use // Herald of Eurasian Science. 2020. No. 2. URL: https://esj.today/91ecvn220.html (accessed: 10.09.2021) (in Russ.).
- Solving a crime through crowdsourcing, or the need to use the HD standard. URL: http://conf.secuteck.ru/articles2/videonabl/raskrytie-prestupleniya-cherez-kraudsorsing-ili-neobhodimost-primeneniya-hd-standarta/ (accessed: 10.09.2021).
- Weick K.E. Technology as equivoque: Sensemaking in New Technologies / In Paul S. Goodman, Lee S. Sproull and Associates (eds.), Technology and Organizations. San Francisco, 1990. P. 5–44.

⁷ Доказательные аспекты в судебных делах по торговле людьми // Сборник судебных решений. Организация Объединенных Наций. Вена, 2017. С. 14.

Сведения об авторах Authors' information

ГАЛУСТЬЯН Оскиан Аршакович —

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского областного института управления и права; 141280 Московская область, г. Ивантеевка, ул. Первомайская, д. 14

СОЛОМАТИНА Анна Георгиевна —

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

GALUSTYAN Oskian A. –

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Regional Institute of Management and Law; 14 Pervomayskaya str., 141280 Moscow region, Ivanteevka, Russia

SOLOMATINA Anna G. –

PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 12 Akademika Volgina str., 117997 Moscow, Russia

ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

© 2022 г. М. Ю. Эйюбова

Бакинский государственный университет, Азербайджан

E-mail: mehriban e@yahoo.com

Поступила в редакцию 03.03.2021 г.

Аннопация. В статье исследуются проблемы, связанные с международно-правовой основой привлечения к ответственности за ущерб, причиненный военными преступлениями. Прежде всего следует отметить, что для привлечения к ответственности государств во время вооруженных конфликтов требуется наличие применения силы; наличие акта агрессии; наличие нарушения международного гуманитарного права и нарушения или несоблюдения прав человека. Что касается международной ответственности за ущерб, причиненный физическим лицам в ходе международных вооруженных конфликтов, необходимо определить, какие нормы международного права потенциально нарушаются и что является правовой основой для применения такой ответственности к государствам. В своих решениях Международный Суд ООН неоднократно обращал внимание на обязанность государств, нарушивших свои обязательства по международному праву, компенсировать ущерб, причиненный такими нарушениями. Согласно Проекту статей об ответственности государств любое международное правонарушение государства влечет за собой ответственность тех государств, которым ответственное государство обязано предоставить полную компенсацию за ущерб, причиненный международным правонарушением.

Ключевые слова: военные преступления, привлечение к ответственности, вооруженный конфликт, противоправные действия, агрессия, неприменение силы, ущерб физическим лицам, Международный Суд ООН, Проект статей об ответственности государств, жертвы войны, компенсация, IV Женевская конвенция.

Цитирование: Эйюбова М.Ю. Основы международно-правовой ответственности за ущерб, причиненный военными преступлениями // Государство и право. 2022. № 4. С. 171—175.

DOI: 10.31857/S102694520019565-2

FUNDAMENTALS OF INTERNATIONAL LEGAL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED BY WAR CRIMES

© 2022 M. Yu. Eyyubova

Baku State University

E-mail: mehriban_e@yahoo.com

Received 03.03.2021

Abstract. The article examines the problems associated with the international legal framework for bringing to responsibility for damage caused by war crimes. First of all, it should be noted that the use of force is required to hold states accountable during armed conflicts; the presence of an act of aggression; the existence of a violation of international humanitarian law and a violation or non-observance of human rights. With regard to international liability for damage caused to individuals in the course of international armed conflicts, it is necessary to determine which norms of international law are potentially violated and what is the legal basis for applying such liability to states. In its decisions, the International Court of Justice has repeatedly drawn attention to the obligation of states that have violated their obligations under international law to compensate for the damage caused by such violations. According to the draft articles on the responsibility of states, any international offense by a state entails the responsibility of those states to which the responsible state is obliged to provide full compensation for damage caused by an international offense.

Key words: war crimes, prosecution, armed conflict, unlawful acts, aggression, non-use of force, damage to individuals, International Court of Justice, Draft Articles on State Responsibility, victims of war, compensation, IV Geneva Convention.

For citation: Eyyubova, M. Yu. (2022). Fundamentals of international legal liability for damage caused by war crimes // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 171–175.

В науке международного права принято различать два типа оснований международной ответственности: юридические (нормативные) и фактические. Правовые основы — нормы международного права, нарушение которых влечет международную ответственность. Правовые и фактические основания являются прямым нарушением международного права. В Проекте статей об ответственности государств, одобренном 53-й сессией Комиссии ООН по международному праву 31 мая 2001 г., говорится, что незаконное действие присуще государству в соответствии с международным правом и отражает нарушение международных обязательств этого государства (ст. 2)¹. Соответственно, государство должно нарушать нормы международного права, чтобы появилось международная ответственность.

В целом в вопросе привлечения к международной ответственности за ущерб, причиненный физическим лицам в результате вооруженных конфликтов, необходимо определить, какие потенциальные нарушения международного права являются правовой основой для применения такой ответственности к государствам.

Один из важнейших вопросов в этой связи — нарушение принципа неприменения силы. Некоторое исследование по этому вопросу было проведено Комитетом по компенсациям жертвам войны. Результаты этих исследований отражены в Декларации о международных принципах и комментариях о компенсации жертвам вооруженного конфликта. Согласно ст. 3 этого документа первичными нормами, нарушение которых порождает вторичные права и обязанности, являются нормы международного права, применяемые в вооруженных конфликтах.

Профессор Райнер Хоффманн, один из авторов проекта вышеназванной Декларации, пояснил в своих комментариях, что нормы международного права относятся к нормам, применяемым в международных вооруженных конфликтах. К этому комплексу применяются нормы международного гуманитарного права, а также нормы международно-правовой защиты прав человека².

При этом особое внимание уделяется тому, что нормы международного права о нарушении запрета войны не являются правовой основой для возмещения ущерба физическим лицам. Это связано с тем, что вышеуказанные нормы в первую очередь защищают территориальную целостность государств, и отмечается, что вопрос о том, может ли требование физического лица о возмещении ущерба быть оправданным в нарушение этих норм, является спорным. Этот подход поддерживается другими авторами в юридической литературе. По их мнению, жертвы войны не имеют

индивидуального права на мир, они имеют право на защиту ^{3} . Такой подход не кажется полностью оправданным.

Прямая ответственность воюющего государства за компенсацию ущерба, причиненного отдельным лицам, была впервые закреплена в Версальском договоре 1919 г. В первой половине XX в. война была законным средством разрешения межгосударственных конфликтов и не считалась международным преступлением. Ситуация изменилась с подписанием Пакта Бриана-Келлога 27 августа 1928 г. Применение войны к разрешению споров между государствами считалось нарушением международных обязательств и привело к наложению международной ответственности на государство-нарушителя 4. После Второй мировой войны принцип неприменения силы одним государством против другого был установлен в качестве одного из основных принципов международного права (ст. 2 Устава ООН). В соответствии с определением агрессии, одобренным Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г., действия государств с применением силы против территориальной целостности и независимости другого государства считаются агрессией . Общеизвестно, что агрессия – это форма международного преступления. Устав ООН предусматривает два возможных применения силы против другого государства:

в соответствии со ст. 42 Устава ООН Совет Безопасности может принять решение о применении принудительных мер к любому государству, если это необходимо для поддержания международного мира и безопасности, или поручить исполнение такого решения отдельным государствам или региональным организациям (ст. 53);

в соответствии со ст. 51 Устава ООН государство может применять силу против другого государства в целях самообороны ^{6} .

Применение силы не является международным преступлением. Что касается агрессии, совершенной государством, которая считается международным преступлением, следует отметить, что в конце Второй мировой войны государства-победители подписали мирные договоры с Венгрией, Болгарией, Румынией, Италией, Финляндией, Японией и даже Германией, и эти договоры не определяют ответственности названных государств по возмещению ущерба, причиненного физическим лицам.

Следует отметить, что еще в 1963 г. во время доклада Института международного права специальный докладчик Ж.П. Франсуа предложил сформулировать принцип, согласно которому агрессор должен нести полную

¹ См.: *Лукашук И.И.* Право международной ответственности. М., 2004. С. 395.

² Cm.: *Hofmann R., Kadelbach S.* Law Beyond the State: Pasts and Futures. Campus Verlag, 2016. P. 10–13.

³ Cm.: URL: http://wmv.ila-hq.org/eii/commiUees/index.cfnVcid/1018

⁴ Cm.: *Barriga S., Kreb C.* The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Cambridge, 2012. P. 136.

⁵ Cm.: Christiansen Silke Marie. Climate Conflicts – A Case of International Environmental and Humanitarian Law. Springer, 2016. P. 156.

⁶ Cm.: URL: http://legal.un.org/repertory/art51.shtml

финансовую ответственность за свои действия ⁷. Международные соглашения о военных репарациях не проводят различия между понятиями ущерба, причиненного законными военными операциями, или ущерба, причиненного незаконными военными операциями, и определяют, что оба случая влекут финансовую ответственность.

Мы можем согласиться с вышеизложенным мнением. Действительно, принцип международной ответственности государств относится к международному праву. Нарушение государством норм международного права влечет за собой обязанность возместить ущерб, причиненный совершением незаконного международного деяния.

Международный Суд ООН неоднократно обращал внимание на обязанность государств, нарушивших свои обязательства по международному праву, компенсировать ущерб, причиненный такими нарушениями. В частности, в деле Никарагуа против Соединенных Штатов Америки от 27 июня 1986 г. Международный Суд ООН признал, что США нарушили принцип неприменения силы и были обязаны возместить ущерб⁸. Согласно ст. 1 и 31 Проекта статей об ответственности государств любое международное противоправное действие государства влечет за собой ответственность тех государств, которым ответственное государство обязано предоставить полную компенсацию за ущерб, причиненный международным противоправным деянием.

Учитывая, что агрессия является международным преступлением и в соответствии с общим принципом международной ответственности государство, нарушающее нормы международного права, обязано возместить ущерб, причиненный таким нарушением, считаем, что государство-агрессор причиняет вред физическим лицам в силу ст. 2 Устава ООН. В целом международное право предусматривает, что государство несет международно-правовую ответственность за преступление агрессии и обязано компенсировать ущерб, причиненный физическим лицам, независимо от нарушения Гаагской и Женевской конвенций о защите прав личности в международных вооруженных конфликтах.

Следующий принцип по проблеме, которую мы изучали в связи с международной ответственностью за ущерб, причиненный физическим лицам, это нарушение международного гуманитарного права. Видимо, что нарушение международного гуманитарного права согласно ст. 3 IV Женевской конвенции и ст. 91 Дополнительного протокола I есть основание для ответственности государства за компенсацию физическим лицам ущерба, причиненного международным вооруженным конфликтом.

Что касается возмещения вреда, причиненного физическим лицам в результате применения законной силы, необходимо обратить внимание на следующие вопросы. Например, возможно ли компенсировать гражданским лицам ущерб, нанесенный при операции «Буря в пустыне» в Ираке, в соответствии с Резолюцией 687 Совета Безопасности ООН 1991 г.? Учитывая, что данная операция проводилась согласно Уставу ООН по обеспечению мира и безопасности.

Прежде всего необходимо ответить на вопрос: должны ли государства соблюдать положения IV Женевской

конвенции и Протокола Приложения I о защите прав гражданского населения при проведении законных военных операций против другого государства?

В соответствии с п. 1 ст. 2, общим для Женевских конвенций, эти Конвенции применяются в случае как объявления войны, любого вооруженного конфликта между двумя государствами, так и если одна из сторон в конфликте не признает состояние войны. Таким образом, в сферу применения Женевских конвенций входят как незаконные, так и правовые акты применения силы, т.е. они могут применяться в случае любого вооруженного конфликта между двумя или более государствами. В этом случае не имеет значения, как стороны конфликта оценивают конфликт.

Государство, которое применяет силу против любого другого государства в соответствии с Уставом ООН, должно в любом случае соблюдать положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов. В ст. 91 Дополнительного протокола I говорится, что государства, находящиеся в конфликте, несут международную ответственность за нарушение положений Женевских конвенций и Дополнительных протоколов и возмещают другой Стороне ущерб, если для этого есть основания 9.

Таким образом, государства, нарушившие положения Гаагской и Женевской конвенций в ходе законного применения вооруженными силами, обязаны возместить ущерб, причиненный физическим лицам за такое нарушение. Кроме того, это правило подтверждено Сборником обычаев международного гуманитарного права опубликованным Международным Комитетом Красного Креста. Согласно этому документу государство, ответственное за нарушение международного гуманитарного права, обязано предоставить полную компенсацию за убытки и ущерб 10.

Следующая норма о международной ответственности государств связана с нарушением международных норм в области прав человека. Обязательство государств, не нарушающими положений Гаагской и Женевской конвенций компенсировать гражданским лицам ущерб, причиненный законным применением силы лицами, в последнее время вызвал дискуссии в теории международного права.

Комментируя I Протокол к Женевским конвенциям, авторы считают возможным наложить обязательство по выплате компенсации государству, которое законно применяет силу и не нарушает закон о вооруженном конфликте на основе объективной ответственности. Однако эти авторы не показывают правовых оснований для применения объективной ответственности.

Объективная ответственность заключается в том, что государства, законно эксплуатирующие источники повышенного риска (такие как космические ракеты, атомные корабли, супертанкеры, атомные электростанции и т.д.), обязаны компенсировать ущерб, причиненный такой эксплуатацией.

В настоящее время принят ряд конвенций, регулирующих компенсацию ущерба, причиненного эксплуатацией источников повышенного риска, например: Конвенция о международной ответственности за ущерб космическим объектам (1972 г.), Конвенция об ответственности перед

⁷ Cm.: François J.P.A. L'égalité d'application des règles du droit de la guerre aux parties à un confl it armé (Quatrième Commission) 2. Rapport défi nitif, 50-I Annuaire de l'Institut de Droit International (1963). P. 111–127.

⁸ Cm.: URL: http://www.icj-cij.org/docket/files/70/6502.pdf

⁹ Cm.: *Bottigliero Ilaria*. Redress for Victims of Crimes Under International Law. Springer, 2013. P. 82.

¹⁰ Cm.: *Evans Christine*. The Right to Reparation in International Law for Victims of Armed Conflict. Cambridge, 2012. P. 33.

третьими сторонами в области ядерной энергии (1960 г.); Брюссельская конвенция об ответственности операторов атомных судов (1962 г.). Из анализа межгосударственных отношений и договоренностей, связанных с реализацией объективной ответственности, можно сделать вывод, что объективная ответственность может возникнуть при наличии норм международного права, которыми такая обязанность и соответствующие права предусмотрены.

Следует отметить, что государства еще не заключили международных соглашений, определяющих объективную ответственность в случае правомерного применения силы.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что авторы, комментируя I Дополнительный Протокол, рассматривая обязательство по компенсации гражданским лицам за ущерб, причиненный применением силы, не связанный с нарушением Гаагской и Женевской конвенций, с точки зрения объективной ответственности менее обоснованный в соответствии с международным правом.

По мнению экспертов-международников, нарушение норм и правил международно-правовой защиты прав человека может стать основанием для ответственности государств за компенсацию ущерба, причиненного гражданским лицам в результате законной военной операции, не связанной с нарушением международного гуманитарного права. Привлечение к ответственности ведёт и нарушение положений универсальных и региональных конвенций в данной сфере. К ним относятся: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Международная конвенция 1965 г. о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция против пыток 1984 г., Европейская конвенции о правах человека 1950 г., Американская конвенции о правах человека 1969 г., Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. и другие документы.

Следует отметить, что упомянутые выше международные конвенции в области защиты прав человека также применяются при вооруженных конфликтах. Так, в резолюции 2675 Генеральной Ассамблеи ООН 1970 г. говорится, что основные права человека полностью осуществляются в случае вооруженного конфликта ¹¹. Согласно резолюции 237 Совета Безопасности ООН, принятой во время войны 1967 г. между Израилем и соседними государствами, в военный период должны соблюдаться фундаментальные и неотъемлемые права человека ¹².

Опыт Международного Суда ООН также свидетельствует о таком подходе. В заключении Суда от 8 июля 1996 г. говорится, что права человека должны соблюдаться или по крайней мере приниматься во внимание при вооруженных конфликтах ¹³.

Следует отметить, что большинство международных договоров по правам человека содержат положения, позволяющие государствам принимать меры для отказа от своих обязательств в определенных ситуациях, включая чрезвычайные ситуации и войны. Несомненно, многие нарушения прав человека возможны вне чрезвычайных ситуаций.

Однако некоторые обязательства в области прав человека не могут быть отменены ни при каких обстоятельствах, их выполнение никогда не может быть приостановлено. К ним относятся права, составляющие «непреложный стержень» прав человека, такие как право на жизнь, право на физическую и психическую неприкосновенность, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, запрет рабства и запрет обратной силы уголовного закона.

Таким образом, что касается неотъемлемых прав граждан, они должны пользоваться защитой международного права, установленными как общими конвенциями в области прав человека, так и специальными конвенциями, применяемыми во время вооруженного конфликта. Положения общих международных конвенций в области защиты прав человека и нормы IV Женевской конвенции и I Дополнительного Протокола не должны противоречить друг другу, но должны обеспечивать взаимодополняемость эффективной защиты прав отдельных лиц в международных вооруженных конфликтах.

Считаем, что если государства не нарушили положения IV Женевской конвенции и I Дополнительного Протокола в ходе законного применения силы, но нанесли вред жизни и здоровью мирных жителей, то они нарушили неотъемлемые права человека, предусмотренные в конвенциях по правам человека. Они обязаны возместить причиненный ущерб.

* * *

Таким образом, можно сформулировать вывод о том, что для привлечения государств к ответственности за вооруженные конфликты, в частности, для компенсации ущерба, причиненного мирным жителям в ходе конфликта, прежде всего должны быть следующие основания:

применение силы (необязательно наличие законных или незаконных оснований);

наличие акта агрессии;

нарушение международного гуманитарного права; наличие нарушения или несоблюдения прав человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Лукашук И.И*. Право международной ответственности. М., 2004. С. 395.
- 2. *Barriga S., Kreb C.* The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Cambridge, 2012. P. 136.
- 3. *Bottigliero Ilaria*. Redress for Victims of Crimes Under International Law. Springer, 2013. P. 82.
- Christiansen Silke Marie. Climate Conflicts A Case of International Environmental and Humanitarian Law. Springer, 2016. P. 156.
- 5. *Evans Christine*. The Right to Reparation in International Law for Victims of Armed Conflict. Cambridge, 2012. P. 33.
- François J. P.A. L'égalité d'application des règles du droit de la guerre aux parties à un confl it armé (Quatrième Commission)
   Rapport défi nitif', 50-I Annuaire de l'Institut de Droit International (1963).
   P. 111–127.
- 7. *Hofmann R., Kadelbach S.* Law Beyond the State: Pasts and Futures. Campus Verlag, 2016. P. 10–13.

¹¹ Cm.: URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLU-TION/GEN/NR0/349/40/IMG/NR034940.pdf? OpenElement

¹² Cm.: URL: http://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/IP%20S%20RES%20237.php

¹³ Cm.: URL: http://www.un.org/law/icjsum/9623.htm

REFERENCES

- Lukashuk I.I. The law of international responsibility. M., 2004.
   P. 395 (in Russ.).
- 2. *Barriga S., Kreb C.* The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Cambridge, 2012. P. 136.
- 3. *Bottigliero Ilaria*. Redress for Victims of Crimes Under International Law. Springer, 2013. P. 82.
- 4. *Christiansen Silke Marie*. Climate Conflicts A Case of International Environmental and Humanitarian Law. Springer, 2016. P. 156.

Сведения об авторе

ЭЙЮБОВА Мехрибан Ю. –

доктор философии по праву, Бакинский государственный университет; AZ1141 г. Баку, ул. Академика Захида Халилова, д. 23

- Evans Christine. The Right to Reparation in International Law for Victims of Armed Conflict. Cambridge, 2012.
   P. 33.
- François J. P.A. L'égalité d'application des règles du droit de la guerre aux parties à un conflit armé (Quatrième Commission)
   Rapport défi nitif', 50-I Annuaire de l'Institut de Droit International (1963). P. 111–127.
- 7. *Hofmann R., Kadelbach S.* Law Beyond the State: Pasts and Futures. Campus Verlag, 2016. P. 10–13.

Authors' information

EYYUBOVA Mehriban Yu. –

Doctor of Philosophy in Law, Baku State University; 23 Zakhid Khalilov str., AZ1141 Baku

—— КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ **——**

ПОГРУЖЕНИЕ В ГЛУБИНЫ ПРАВОСУДИЯ

М.И. Клеандров. ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 364 с.

© 2022 г. С. М. Амосов

г. Москва

E-mail: zigafurmulis@gmail.com

Поступила в редакцию 24.03.2022 г.

Аннотация. В рецензии на монографию главного научного сотрудника Института государства и права Российской академии наук, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, заслуженного деятеля РФ М.И. Клеандрова «Правосудие и справедливость» отмечается, что ее автор поставил перед собой сложную задачу раскрыть через масштабный анализ законодательства, судебной практики от Конституции до местных правовых актов все осложнения и препятствия на пути справедливого правосудия. Вносятся предложения, направленные на совершенствование механизма справедливого правосудия.

Ключевые слова: правосудие, справедливость, судопроизводство, судейское усмотрение, законодательство, квалификационная аттестация судей, искусственный интеллект.

Ципирование: Амосов С.М. Погружение в глубины правосудия М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 4. С. 176—178.

DOI: 10.31857/S102694520019593-3

DIVING INTO THE DEPTHS OF JUSTICE

M.I. Kleandrov. JUSTICE AND JUSTICE: monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. — 364 pp.

© 2022 S. M. Amosov

Moscow

E-mail: zigafurmulis@gmail.com

Received 24.03.2022

Abstract. The review of the monograph of the chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of the Russian Federation M.I. Kleandrov "Justice and Justice" notes that its author has set himself a difficult task to reveal through a large-scale analysis of legislation, judicial practice from Constitutions to local legal acts are all complications and obstacles to fair justice. Proposals aimed at improving the mechanism of fair justice are being made.

Key words: justice, justice, judicial proceedings, judicial discretion, legislation, qualification certification of judges, artificial intelligence.

For citation: Amosov, S.M. (2022). Diving into the depths of justice M.I. Kleandrov. Justice and Justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 176–178.

Новые века буржуазных революций в Европе, провозгласивших свободу и равенство граждан, подвигли мир к развитию экономики, науки, техники и культуры, возвысили гражданскую сущность человека. Рожденный свободным, он больше не был в оковах.

Развитие цивилизации с каждым веком и даже десятилетием увеличивало интенсивность своих достижений, привело нас к жизни, которую не могли прогнозировать фантасты. Свобода и равенство открыли сокровищницы человеческих способностей, осветив все необходимые стороны жизни, не оставив без внимания и правосудие.

С времен тех давних доныне поприще охраны порядка, равновесия и равноправия в обществе стало необходимой силой защиты против насилия, обмана, обид и разбоя. Эти достижения очевидны, их нужно ценить современнику.

Все же будем правдивы, развитие правосудия отстает от движения других систем современной жизни: медицины, энергетики и т.п. Даже очень отстает.

Сегодня достижения информационных технологий насыщают судебную систему средствами ведения правосудия на равных с техникой промышленного производства, причем по территории от Москвы до окраин.

Тем не менее достаточно похвал, потому что общая наука и техника оторвались далеко вперед и выше, до уровня полета в космос и искусственного интеллекта.

Правосудие в этом движении осталось, может быть, в самом конце, пользуясь еще орудиями прошлого века: бумагой, ручкой, книгой кодекса и папками бумаг в прошитом картоне. Но даже не это главное, что оставляет правосудие на обочине прогресса.

Для общей науки и техники проникнуть в сознание, мозг — это все же техническая задача. Наверное, она решаема.

Правосудие как познание внутренней истины деяний человека, а потом им соответствия воздаяний за это технически не решаемо, формальная логика не работает, но общее развитие человечества требует искать решение, которое должно соответствовать цивилизованному уровню современности, улавливать дуновения души.

Обращения граждан в суд, формирование судебных дел, их рассмотрение, движение по инстанциям — это деловая бюрократия. Она имеет косвенное отношение к внутреннему содержанию сознания, происходящему в участниках этого процесса. Еще более усложняют который субъективные его предпосылки и причины. Как уловить внутреннее свидетельство духа?

Вместе с тем цели правосудия не могут ограничиваться достижением только формальных результатов. Современное состояние общества, его цивилизация требуют более высокого уровня регулирования взаимоотношений между проживающими в государствах гражданами с осознанием статуса высокого достоинства каждого как отдельной личности, так и по отношению друг к другу.

В связи с этим юридическая наука и практика ощущают нужду в осмыслении состояния гражданского общества и отдельной личности, ожидают внедрения в законотворчество и правоприменение достойных их внутренней сущности установлений.

Монография члена-корр. РАН М.И. Клеандрова «Правосудие и справедливость» представляется значительной ступенью в постижении этой цели, погружения во внутреннюю природу человека, настроенную изначально на обеспечение в течение всей своей жизни повсеместной справедливости.

М.И. Клеандров поставил перед собой сложную задачу раскрыть через масштабный анализ законодательства, судебной практики от Конституции до местных правовых актов все осложнения и препятствия на пути справедливого правосудия. Ценность работы еще и в том, что вся правоприменительная практика теснейшим образом сопрягается с главным действующим ее человеком — судьей и другими участниками процесса.

Фактически во все изложенные параметры автор попытался вложить элемент справедливости.

Мир должен быть предрасположен к справедливому, разумному образу жизни. Выход за его пределы требует восстановления прежнего состояния. Исторически это путь через закон и его применение.

Уже сама постановка перечня проблем в монографии от начал понимания справедливости в историческом прочтении до конкретики сегодняшнего судопроизводства говорит о глубине фундаментальности исследования современного состояния правосудия в России.

Подтверждение тому — изучение темы справедливости древних воззрений античных мыслителей, которые по-своему определялись с этим понятием, им не было нужды связывать с ним судебную деятельность.

Более предметно по отношению к правоприменению относились философы поздних времен, и никто, представляется, не смог найти четкого завершения их связи. Интересна и показательна в исследовании позиция Д. Ролза о возможности подчиняться несправедливости, если она не выходит за определенные границы.

По мнению М.И. Клеандрова, в то же время справедливость не может быть абстрактной, она везде конкретна во всех проявлениях. Однако правоприменительная практика, основанная на действующем законодательстве, не обеспечивает справедливое обеспечение общественных отношений.

Справедливость не имеет юридического статуса, поэтому не может быть основой судебных актов. Понятия справедливости нет в Конституции, следовательно, не является базой правосудия.

Представляется из-за этого невозможным вывести понятие справедливости в правоприменении, тогда как смысл правосудия при разрешении конфликтов именно в ее восстановлении, а не просто в их рассмотрении в границах формального закона.

В структуре организационно-правового механизма правосудия М.И. Клеандров выделяет личность судьи и указывает на исключительную важность отбора претендентов на судебные должности.

Особого внимания заслуживает раздел о значении самоощущения судьи как условие справедливости. Показано несовершенство квалификационной аттестации судей — мероприятий, требующих по стране затрат времени и ресурсов. Квалификационные классы приводят к ранжированию судей, нарушают их конституционное равенство, на самом деле представляют собой внедрение административного подхода, не свойственного правосудию.

Предлагается отменить квалификационную аттестацию.

В монографии рассматривается соотношение действующего законодательства с возможностью справедливого судопроизводства. Отмечается некоторое пренебрежение исполнительной власти точному соблюдению законов.

Важно, что дан глубокий анализ законодательно-нормативной базы, противоречия и несоответствия ряда норм между собой. Весьма тщательно раскрыты недостатки местного правотворчества и отсутствие контрольного механизма за ним. Фантастическая сумятица отрицательно сказывается на обеспечении справедливого правосудия.

Особое место в монографии уделено проблемам практического судопроизводства сущностного сознавательного, а не формального характера.

Большую важность имееют разделы о понимании судейского усмотрения, о доказательствах в механизме справедливого правосудия.

Вопросы поставлены масштабно, например: какова роль и значение судейского усмотрения в границах разрешения конкретных дел? Вечная проблема между буквой и духом права. В этой связи ценны размышления автора о значении судебного акта для законодателя. В этом видится прогрессивная динамика правосудия, ведь жизненно справедливая судебная практика — это живительная сила для правотворчества.

Практическое судопроизводство постоянно сопряжено с оценкой доказательств. Это сердцевина судебных процессов. Именно на основе оценки доказательств, обстоятельств дела через призму судейского усмотрения выкристаллизовывается истинный свет справедливости. Здесь вершина правосудия, и очень важно, чтобы формальные правовые установки не только не мешали этому процессу, а наоборот, всячески способствовали истинной ориентации судебному исследователю находить именно правильное, именно справедливое решение.

Изучение проблем доказывания по всем элементам и составляющим — от объяснений сторон, показаний свидетелей, подсудимых, потерпевших, оценка вещдоков на предмет их истинного и справедливого значения для судебных выводов есть особая большая тема.

М.И. Клеандров исследует одну из важных составляющих судебного доказывания — экспертизу.

Заслуживает внимания обоснованная аргументация внедрения в судебную практику альтернативной экспертизы. Безусловно, наличие такого процессуального института может обеспечить более справедливые выводы суда. Тем более практика подтверждает неустойчивое значение единственного экспертного заключения при невозможности в силу процессуальных препятствий назначения альтернативного. Заключения экспертиз относительны, поэтому принятые на их основе решения нельзя считать подлинно справедливыми.

Далее исследования автора находят важнейший элемент доказывания — восприятие судьей представленных доказательств для вынесения справедливого вердикта.

В этой связи встает серьезнейший вопрос выбора судей — их профессиональные качества, жизненный опыт, воспитанное в них умение понимать и оценивать поведение и поступки других людей, мотивацию действий. Всего того, что позволяет надеяться на справедливое распоряжение судейской властью.

Сведения об авторе

АМОСОВ Сергей Михайлович —

доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ, заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке; г. Москва

Особое место в монографии занимает исследование возможностями искусственного интеллекта осуществлять справедливое правосудие. Высказаны гипотезы и предположения о возможностях существования цифрового субъекта права, как это может отразиться на справедливости правосудия не вообще, а конкретно, в каждом отдельном случае правоприменения.

М.И. Клеандров подробно анализирует качества и сущность судьи-человека. Действительно, судить другого исторически отдавалось ведению ему подобного. Иначе как — только равный биологически по разуму, опыту жизни может оценить поведение себе подобного.

Это так. Но вступают в дело и личные особенные качества судьи вообще и в данное время, и в данном месте — в этот-то момент может легко искажаться понимание судьей справедливости, и руководить его грозными действиями могут личностные заблуждения. Тогда судебный вердикт окажется далеким от справедливости.

В этой связи задается вопрос: а каков в роли судьи искусственный интеллект?

Автор не останавливается на этом вопросе, он не только разбирает предположения о преимуществах искусственного интеллекта перед судьей-человеком, но и рассматривает оценку наоборот: человека перед машиной. Это позволяет получить вывод не только о невозможности чисто механического правосудия перед человеческим, но и о необходимости разумного внедрения цифрового судьи-помощника, позволяющего точнее и полнее обеспечить справедливое правосудие.

В книге есть и другие разделы, например: о справедливом правосудии в условиях пандемии; о направлениях совершенствования правового механизма справедливого правосудия при решении вопроса смертной казни; ряд иных интересных тем, но условия рецензии не позволяют коснуться их.

Главным содержанием работы М.И. Клеандрова, прослеживаемом в каждой главе, является масштабное исследование современного состояния правосудия, каким образом оно обеспечивает справедливость отдельного гражданина и общества. Дан подробнейший анализ факторов, препятствующих справедливому правосудию, — это еще не высокое правотворчество: федеральное и местное, формализм и бюрократия в построении судебной системы и, конечно же, личностные качества служителей праву. Поиск вложения в эти процессы достижений науки.

* * *

Безусловно, в таком сложном исследовании желающий критики найдет для себя какой-либо предмет. Действительно, любое грандиозное дело не обойдется без возражений и замечаний, но идеал значения монографии члена-корр. РАН М.И. Клеандрова от этого не пострадает.

Работа значительна и интересна тем, кто сам в размышлениях о строительстве достойного российского правосудия находится в научном и деловом поиске.

Authors' information

AMOSOV Sergey M. –

Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, retired; Moscow, Russia

ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

М.И. Клеандров. ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 364 с.

© 2022 г. А. П. Фоков

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: fokovam@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.03.2022 г.

Аннотация. Монографический труд члена-корреспондента РАН М.И. Клеандрова — это вполне осмысленный и критический анализ прежнего опыта судейской деятельности в системе арбитражных судов и, наконец, в Конституционном Суде РФ, Совете судей Российской Федерации, научной деятельности в качестве главного научного сотрудника Института государства и права Российской академии наук, необходимого для выработки нового понимания того, какими должны быть новые формы справедливого правосудия. Решение этой проблемы, полагает автор, целесообразно в условиях неопределенности правовых норм, в рамках судейского усмотрения, при судейском право- и нормотворчестве, проблематике доказательств в судопроизводстве и в экстремальных ситуациях (пандемии), разрешении проблем, связанных с вынесением смертных приговоров и стремительным внедрением искусственного интеллекта в судебную деятельность.

Ключевые слова: Конституция, правосудие, справедливость правосудия, судейское усмотрение, судейское нормотворчество, доказательства, правосудие в экстремальных условиях, искусственный интеллект, цифровизация механизма правосудия.

Ципирование: Фоков А. П. Правосудие и справедливость М. И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 4. С. 179—182.

DOI: 10.31857/S102694520019594-4

JUSTICE AND JUSTICE

M.I. Kleandrov. JUSTICE AND JUSTICE: monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. — 364 pp.

© 2022 A. P. Fokov

Russian State University of Justice, Moscow

E-mail: fokovam@yandex.ru

Received 15.03.2022

Abstract. Monographic work of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences M.I. Kleandrov is a fully meaningful and critical analysis of the previous experience of judicial activity in the system of arbitration courts and, finally, in the Constitutional Court of the Russian Federation, the Council of Judges of the Russian Federation, scientific activity as a chief researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, necessary to develop a new understanding of what new forms of fair justice should be. The solution of this problem, the author believes, is advisable in conditions of uncertainty of legal norms, within the framework of judicial discretion, with judicial law-making and rulemaking, the problems of evidence in court proceedings and in extreme situations (pandemics), solving problems related to the imposition of death sentences and the rapid introduction of artificial intelligence into judicial activity.

Key words: Constitution, justice, justice of justice, judicial discretion, judicial rulemaking, evidence, justice in extreme conditions, artificial intelligence, digitalization of the justice mechanism.

For citation: Fokov, A.P. (2022). Justice and justice M.I. Kleandrov. Justice and justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 179–182.

В условиях продолжающейся судебной реформы, укрепления гарантий судебной системы как одной из ветвей государственной власти особую роль приобретает исследование проблем повышения эффективности судебной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

В этой связи достаточно актуальным и интересным представляется очередной научный труд члена-корр. РАН М.И. Клеандрова, посвященный исследованию проблем, так или иначе связанных с осуществлением правосудия в России вообще, и, в частности, состоянием отечественной судебной системы и необходимости ее реформирования на конституционном уровне для достижения целей и задач справедливого правосудия.

Проблема справедливости правосудия как предмет научного познания поднималась М.И. Клеандровым в ранее опубликованных научных трудах 1, посвященных анализу и выявлению законодательных недостатков регулирования правового механизма справедливости правосудия в России и за рубежом.

Предложенная автором проблематика многоаспектна и находится в неразрывной связи с международным правом², государственным правом³, процессуальным правом⁴ и иными институтами права, так или иначе связанными с восприятием «права и справедливости», «правосудия и справедливости» осуществлению и реализации принципа справедливости в правосудной деятельности государства.

Степень разработанности темы исследования достаточно высокая, т.к. за многие годы научной и практической деятельности М.И. Клеандров опубликовал около 60 монографий и книг, более 500 научных статей, посвященных зарождению, становлению судебной власти в России и за рубежом.

В предисловии автор монографии отмечает, что «несправедливый суд ни обществу в целом, ни отдельным его слоям, ни каждому отдельному человеку не нужен. Больше того, он не нужен и государству в целом, он попросту компрометирует и дискредитирует само государство, включая все ветви государственной власти. Вообще правосудие только тогда является правосудием ("правым" судом), когда оно изначально, в самой своей глубинной сути справедливо, а когда оно несправедливо — это не правосудие» (с. 7—11).

В теории права и философии права категория «справедливость» анализировалась во многих научных трудах⁵, не отступает от этого методологического правила и М.И. Клеандров, описывая «социальные» (с. 18—23), философско-правовые (с. 32—38) и общеправовые походы к пониманию справедливости в правосудии (с. 39—57). На основе проведенного философско-методологического анализа категории «справедливость» автором проведено разграничение ее аксиологического и регулятивного содержания, что позволило более четко определить понятийный аппарат дефиниции «правосудие» (с. 58—71), раскрыть его правовой механизм (с. 62—71). Тем самым представлена обширная картина «самоощущения судьи при несовершенстве его статуса» как существенной проблемы для справедливого правосудия (с. 72—89).

Вполне очевидно, что автор рецензируемой монографии, избрав целью проведение комплексного исследования и выявления проблемы организационно-правового механизма осуществления судом «справедливого правосудия», проанализировал действующее законодательство (с. 90—105) и тем самым выявил проблемы ведомственно-отраслевого нормотворчества (с. 106—111) и «регуляторной гильотины» (с. 112—119).

Неопределенность правовых норм и проблемы справедливости правосудия М.И. Клеандров рассмотрел с позиции ее правового регулирования в конституционном и нормативном обеспечении и ее преодолении Конституционным Судом РФ (с. 126–137), а затем раскрыл проблематику вины юридического лица в механизме справедливого правосудия (с. 137–143) в ситуациях невозможности защиты прав при неопределенности правовых норм (с. 144-153). Ученый приходит к выводу о том, что неопределенность правовых норм, а также кадровые ошибки при формировании судейского корпуса подрывают авторитет судебной власти, когда судейское усмотрение не дает гарантий справедливого правосудия (с. 153–175). На примере криптовалюты, анализа правоприменительной практики автор полагает, что судейское право и нормотворчество имеют существенное значение для выработки законного и обоснованного судебного акта, который есть константа справедливого и (или) несправедливого правосудия (с. 190–218).

Новаторством рецензируемого научного труда является включение в исследовательскую часть разделов о доказательствах в механизме справедливого правосудия (с. 219–237), о справедливости правосудия в экстремальных условиях коронавирусной пандемии (с. 250–271), о справедливости правосудия, осуществляемого судьей — искусственным интеллектом (с. 279–303), о вынесении смертных приговоров, и будет ли этот судебный акт справедливым (с. 304–318).

По мнению М.И. Клеандрова, различное правовое регулирование и оценка доказательств судом, в особенности в экстремальных условиях, требуют выработки

¹ См.: *Клеандров М.И*. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования. М., 2017; *Его же*. Конституция Российской Федерации и структура отечественной судебной системы: какой бы хотелось ее видеть? // Росс. юстиция. 2019. № 1. С. 47—52.

² См.: *Фоков А. П.* Международные принципы и стандарты справедливого правосудия // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 3–6.

³ См.: Право и справедливость в исторической традиции миротворчества: от античности до современности / под ред. Т.В. Кудрявцевой. СПб., 2016.

⁴ См.: *Тимошенко А.А.* Обеспечение справедливости уголовного судопроизводства: философские интересы построения частной отраслевой теории // Государство и право. 2020. № 5. С. 94—107.

⁵ См., напр.: *Жуков В.Н.* Справедливость // Философия права. Словарь. 2-е изд.. дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 691–696.

законодательства совершенно на новом уровне, т.н. «экстремального правосудия» (с. 271—278), а внедрением искусственного интеллекта в судебную деятельность нельзя заменить судью субъектом «робот-судья». Справедливое правосудие — исключительно удел судьи-человека (с. 290—303).

Автор осознает, что в большей степени разрешение проблем, возникающих в сфере осуществления справедливого правосудия, возможно лишь при выработке научного понимания направлений совершенствования механизма этого «феномена», который, как он полагает, возможен при выработке принципиальных основ «справедливости» при подготовке судейских кадров.

Очевидно, с точки зрения автора, что судьями должны быть люди, изначально предрасположенные к совершению более справедливых поступков, к отправлению справедливого правосудия. Иными словами, людей, могущих стать в соответствии с конституционными и законодательными требованиями профессиональными судьями, можно разделить на две группы: а) справедливы ли они (в смысле достаточно справедливы) для осуществления справедливого правосудия; или б) несправедливы (либо недостаточно справедливы) для осуществления справедливого правосудия.

В современной научной литературе отмечается: «Для совершенствования правосудия в новое время выполнено немало. Но парадокс — уважение к российским судьям, может быть, даже ниже, чем к советским» 6. Можно поспорить с категоричностью этого утверждения посредством приведения различных аргументов, но одно бесспорно — уважения в обществе к российским судьям должно быть явно больше, чем имеет место сегодня.

Между тем М.И. Клеандров указывает, что Конституция $P\Phi$, в т.ч. в обновленном в 2020 г. виде, как и соответствующее федеральное законодательство (прежде всего Закон РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» 1) с более чем 50-ю изменениями и дополнениями, содержат весьма суровые и подробные требования к кандидатам на должность судьи и требования, предъявляемые к судьям, но среди них нет требований морально-нравственно-этического характера. Нет, соответственно, требования быть справедливым – как вообще по жизни (для кандидатов на должность судьи), так и в непосредственно правосудной деятельности (для действующих судей). За исключением нескольких общих положений, подобных содержавшемуся в п. 2 ст. 3 Закона о статусе судей: «Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнения в его объективности, справедливости и беспристрастности», или весьма лаконичного текста присяги судьи, закрепленного в п. 1 ст. 8 данного Закона: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть» (впрочем, никакой ответственности за нарушение судьей данной присяги названный Закон не предусматривает).

Причина этому более чем очевидна: нет пока гарантированных приемов, способов, методов у медицины (психологии) выявить, например, у кандидата на должность

судьи, что он лжив, подл, маниакально жесток и т.п., тем более что он несправедлив по своему характеру, в своей сущностной натуре. Косвенным образом это можно выявить официально через содержание характеристик с прежних мест работы этого кандидата и иных документов, неофициально — правоохранительными органами. Но это выявленное — ненадежный, а посему неофициализированный фильтр, препятствующий проникновению граждан с такими психологическими характеристиками в судейские ряды. Да и набор психологических характеристик, коим должен обладать государственный судья, пока отсутствует.

Таким образом, полагает автор, необходимо, чтобы при осуществлении процедуры получения статуса судьи учитывались личностные характеристики кандидата в судьи вершить «справедливое правосудие» (с. 322-326) и присутствовал коллективный разум как фактор усиления справедливости (с. 327-340)8.

В завершении монографического исследования М.И. Клеандров приходит к вполне закономерному выводу о том, что необходим стратегический разворот всего механизма правосудия на началах справедливости, а для этого нужен конституционный орган — «Высшее судебное присутствие» (с. 345—350).

Фундаментальные проблемы правосудия и справедливости, пути их решения на научном и законодательном уровне, предложения выработки правовых механизмов их эффективного обеспечения в отечественной судебной системе, а также их координации конституционным органом «Высшее судебное присутствие» — исследовательская часть монографии, заслуживающая высокой оценки.

* * *

Научный труд может быть полезен работникам законодательных, судебных и правоохранительных органов, действующим судьям и кандидатам в судьи, ученым, представителям юридической общественности, преподавателям и студентам юридических вузов и практическим работникам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Амосов С.М.* К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 137.
- Жуков В.Н. Справедливость // Философия права. Словарь. 2-е изд.. дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 691–696.
- 3. *Клеандров М.И.* Конституция Российской Федерации и структура отечественной судебной системы: какой бы хотелось ее видеть? // Росс. юстиция. 2019. № 1. С. 47–52.
- Клеандров М. И. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования. М., 2017.
- 5. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. М., 2022. С. 7–11, 18–23, 32–119, 126–175, 190–237, 250–318, 322–340, 345–350.

 $^{^6}$ Амосов С.М. К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 137.

⁷ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

 $^{^{8}}$ См.: *Клеандров М.И.* Конституция Российской Федерации и структура отечественной судебной системы: какой бы хотелось ее видеть? С. 47—52.

- 6. Право и справедливость в исторической традиции миротворчества: от античности до современности / под ред. Т.В. Кудрявцевой. СПб., 2016.
- Тимошенко А.А. Обеспечение справедливости уголовного судопроизводства: философские интересы построения частной отраслевой теории // Государство и право. 2020. № 5. С. 94–107.
- 8. *Фоков А.П.* Международные принципы и стандарты справедливого правосудия // Международное публичное и частное право. 2018. № 2. С. 3–6.

REFERENCES

- 1. Amosov S. M. On the question of free justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 137 (in Russ.).
- Zhukov V. N. Justice // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and additional / ed. by and comp. V. N. Zhukov. M., 2021. P. 691–696 (in Russ.).

Сведения об авторе

ФОКОВ Анатолий Павлович –

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия правоведения Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, Новочеремушкинская ул., д. 69а

- 3. *Kleandrov M. I.* The Constitution of the Russian Federation and the structure of the domestic judicial system: what would you like to see it? // Russ. justice. 2019. No. 1. P. 47–52 (in Russ.).
- 4. *Kleandrov M.I.* The legal organization of the justice mechanism of the Russian Federation: problems of improvement. M., 2017 (in Russ.).
- 5. *Kleandrov M. I.* Justice and justice. M., 2022. P. 7–11, 18–23, 32–119, 126–175, 190–237, 250–318, 322–340, 345–350 (in Russ.).
- 6. Law and Justice in the historical tradition of peacemaking: from Antiquity to Modernity / ed. by T.V. Kudryavtseva. SPb., 2016 (in Russ.).
- Timoshenko A.A. Ensuring the fairness of criminal proceedings: philosophical interests of building a private branch theory // State and Law. 2020. No. 5. P. 94–107 (in Russ.).
- 8. Fokov A.P. International principles and standards of fair justice // International Public and Private Law. 2018. No. 2. P. 3–6 (in Russ.).

Authors' information

FOKOV Anatoly P. -

Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Center for the Study of Problems of Justice of the Russian State University of Justice; 69a Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: учебник для бакалавриата / отв. ред. В.В. Невинский. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 432 с.

© 2022 г. А. Д. Керимов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 8017498@mail.ru

Поступила в редакцию 06.10.2021 г.

Аннотация. Рецензируется учебник для бакалавриата, подготовленный авторским коллективом кафедры конституционного и муниципального права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Показаны его новизна и научно-практическая значимость. Подчеркивается вклад авторского коллектива в развитие подготовки юристов.

Ключевые слова: конституционное право зарубежных стран, форма правления, политико-территориальное устройство, права и свободы человека, местное самоуправление.

Цитирование: Керимов А.Д. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для бакалавриата / отв. ред. В.В. Невинский // Государство и право. 2022. № 4. С. 183—184.

DOI: 10.31857/S102694520019616-8

CONSTITUTIONAL (STATE) LAW OF FOREIGN COUNTRIES:

textbook for undergraduate studies / res. ed. V.V. Nevinsky. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. — 432 pp.

© 2022 A. D. Kerimov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 8017498@mail.ru

Received 06.10.2021

Abstract. The textbook for bachelor's degree, prepared by the author's team of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin University (MSAL), is reviewed. Its novelty and scientific and practical significance are shown. The contribution of the author's team to the development of the training of lawyers is emphasized.

Key words: Constitutional Law of foreign countries, form of government, political and territorial structure, human rights and freedoms, local self-government.

For citation: Kerimov, A.D. (2022). Constitutional (State) Law of foreign countries: textbook for undergraduate studies / res. ed. V.V. Nevinsky // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 4, pp. 183–184.

Вышел в свет учебник, подготовленный коллективом ученых кафедры конституционного и муниципального права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) под редакцией д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.В. Невинского — известного специалиста по конституционному (государственному) праву зарубежных стран. Вместе со своими единомышленниками (д-рами юрид. наук, профессорами И.Г. Дудко, А.М. Осавелюком и кандидатами юрид. наук, доцентами А.Ш. Будаговой, С.С. Заикиным,

К.А. Кононовым, Д.Л. Кутейниковым) ему удалось написать яркий, концептуально насыщенный учебник, который соответствует $\Phi \Gamma OC$ BO.

Издание предназначено для студентов, обучающихся в высших учебных заведениях по специальности (направлению) «Юриспруденция» и является единым для всех форм обучения.

Оно полностью сообразуется с требованиями к должному минимуму содержания и обеспечиваемому уровню

подготовки выпускников по указанной специальности, отвечает необходимым дидактическим требованиям, предусмотренным программой указанной дисциплины.

Учебник традиционно состоит из двух частей.

В Общей части подробно описываются и раскрываются, разумеется, в обобщенном виде и в сравнительно-правовом аспекте основные понятия конституционного (государственного) права зарубежных стран: конституция и основы конституционного строя; конституционно-правовой статус человека и гражданина; конституционные основы общественного строя; форма правления, государственный режим и принцип разделения властей; форма политико-территориального устройства государств; выборы, референдум и иные виды народного голосования; порядок формирования и полномочия высших органов государственной власти и местного самоуправления.

В Особенной части учебника детально раскрыты основы и отличительные, специфические особенности конституционного (государственного) права отдельных государств — Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Французской Республики, Федеративной Республики Германия и Китайской Народной Республики. Выбор данных государств представляется научно обоснованным, поскольку они являют собой примеры государств с различными формами правления и типами государственно-территориального устройства, а также уникальными особенностями правовых систем.

Содержательное наполнение, структура учебника, включающая в себя необходимые части: основную, пояснительную и методическую, несомненно, отвечают дидактическим и методическим требованиям преподавания учебной дисциплины. Это даёт возможность студентам должным образом усваивать курс, аргументировано отвечать на поставленные вопросы, понимать сущность и социальную значимость своей будущей профессии, что постепенно, шаг за шагом, но в конце концов неизбежно вызовет у них постоянный, неподдельный познавательный интерес к исследуемому и осмысляемому предмету.

Учитывая удачную структурированность изложения учебного курса и насыщенность материала, учебник может быть использован для подготовки специалистов при любой форме обучения: очной, очно-заочной (вечерней), заочной.

Важное достоинство работы – всесторонний охват анализируемых проблем. Кроме того, авторы широко

Сведения об авторе

КЕРИМОВ Александр Джангирович –

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель научного руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; главный редактор научных журналов «Российский журнал правовых исследований», «Вопросы российского и международного права»

использовали отечественные и оригинальные литературные источники, нормативный правовой материал, особенно конституции зарубежных государств, правоприменительную практику.

Обращает на себя внимание использование ретроспективного подхода при изложении конституционного права отдельных стран: соответствующие главы открываются кратким изложением конституционной истории рассматриваемого государства.

Каждая глава учебника завершается вопросами для самоконтроля, списком рекомендованной литературы и нормативного правового материала, что обеспечивает полное восприятие конституционно-правовой действительности конкретного государства.

Многих читателей порадуют интересные авторские наблюдения за правовой жизнью и вывод о необходимости вдумчивого отношения к юридическим формулировкам.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на некоторые недостатки учебника, среди которых выделим излишнюю краткость при рассмотрении конституционного правового статуса человека и гражданина, а также конституционного статуса политических институтов.

Тем не менее нельзя не отметить, что указанные замечания не снижают высокий качественный уровень учебника. В целом работа является актуальной, составлена грамотно, написана доступным литературным языком на высоком профессиональном уровне, ориентирована на реальный учебный процесс.

* * *

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что учебник «Конституционное (государственное) право зарубежных стран» актуален, достоин высокой научной оценки, является серьезным вкладом в изучение конституционно-правовой материи в зарубежных странах. Рецензируемая книга — весомый вклад квалифицированного авторского коллектива в науку в означенной сфере и, безусловно, принесёт пользу обучающимся.

Учебник будет весьма полезен и интересен как для правоведов и государствоведов, так и для практиков, а также всех интересующихся вопросами конституционного права в зарубежных государствах.

Authors' information

KERIMOV Alexander D. –

Doctor of Law, Professor, chief researcher, Deputy Scientific Director of the Center for Integrational and Civilizational Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Editor-in-Chief of the scientific journals "Russian Journal of Legal Investigations", "Matters of Russian and International Law"

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% доктора наук
- более 45% кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

- История
- Философия
- Политология •
- Социология

- Международные отношения
- Зарубежное регионоведение •
- Востоковедение и африканистика
- Психология
- Культурология

- Археология
- Менеджмент •
- Юриспруденция
- Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

E-mail: info@gaugn.ru

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

vk.com/gaugn

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

БАКАЛАВРИАТ 40.03.01

Юриспруденция (гражданско-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА40.04.01

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА 40.06.01

Теория и история права и государства; история правовых учений

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).